

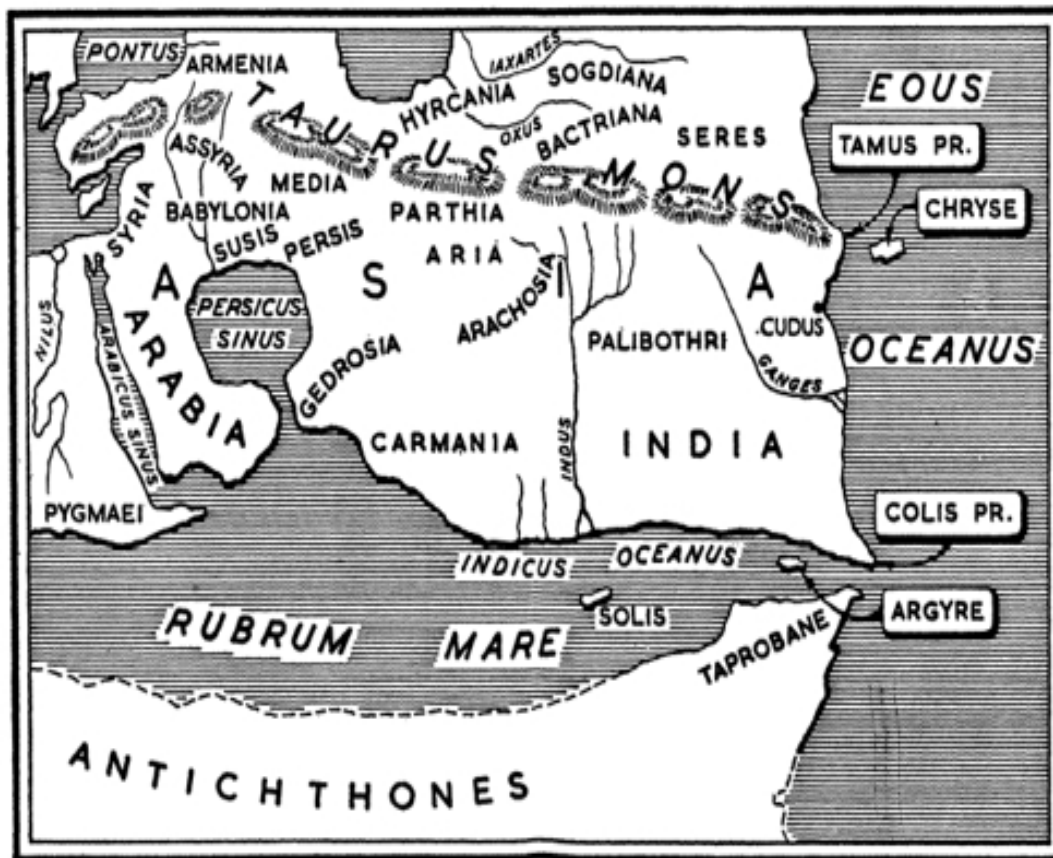

Э.О.Берзин

**ЮГО-ВОСТОЧНАЯ
АЗИЯ**

с древнейших времен до XIII века

Карта 1. Азия согласно Помпонию Меле. Первая половина I в. н.э.

Российская академия наук
Институт востоковедения
Э.О. Берзин

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ с древнейших времен до XIII века

Москва
Издательская фирма «Восточная литература»
РАН 1995

ББК 63.3(0)3
Б48

Ответственный редактор И.В. ПОДБЕРЕЗСКИЙ
Редактор издательства М.Н. БРУСИЛОВСКАЯ

На переднем форзаце: Карта 1.
Азия согласно Помпонию Меле. Первая половина I в. н.э.
[912, с.128, рис.26].

На заднем форзаце: Карта 2.
Азия согласно Птоlemeю.
Около 140 г. н.э. [493, с.24-25];
впервые напечатана в Риме в 1478 г.

0503010000- Без
Б 035 ~~объявления~~
013(02)-95

ББК 63.3(0)3
ISBN 5-02-017713-X

© Э.О. Берзин, 1995
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995

Вместо введения

Эта книга — первая часть в многотомной работе автора, посвященной истории Юго-Восточной Азии в докапиталистическую эпоху. Продолжающие ее книги — «Юго-Восточная Азия в XIII—XVI вв.» и «Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в XVII — начале XVIII в.» — были изданы в 1982 и 1987 гг. Данная книга освещает начальный период истории Юго-Восточной Азии до времени монгольского нашествия в XIII в., которое послужило своеобразным рубежом в истории стран этого региона. Внешняя агрессия в соединении с кризисом, который так или иначе назрел во всех крупных государствах Юго-Востока к этому времени, сделала XIII век временем великих потрясений для Юго-Восточной Азии и рубежом, за которым начался новый этап истории этого региона.

Глава I.
ОТ ПЕРВОБЫТНОГО ОБЩЕСТВА К
ПЕРВЫМ ГОСУДАРСТВАМ

Доклассовое общество

В географическом отношении материковая часть Юго-Восточной Азии представляет собою ряд более или менее обширных долин больших рек (таких, как Иравади, Менам, Меконг и Хонгха), с трех сторон окруженных горами, а с четвертой — примыкающих к морю. Каждая из этих долин с течением времени стала очагом цивилизации и ядром будущих государств — Бирмы, Сиамы, Лаоса, Кампучии и Вьетнама, в то время как жители окружающих эти долины гор вплоть до XIX и отчасти до XX в. находились на стадии первобытнообщинного строя, лишь изредка и по большей части формально втягиваясь в орбиту равнинных феодальных государств.

В южной, островной части региона (куда следует включить и Малаккский п-ов) историко-географические условия были несколько иными. Горные районы с отсталым населением располагались обычно внутри островов, а цивилизации и государственность впервые возникли на сравнительно узкой прибрежной полосе. Если на севере варварская периферия окаймляла центры цивилизации, то здесь, наоборот, приморские цивилизации окаймляли центральные горнолесные районы, вплоть до недавнего времени остававшиеся твердыней первобытнообщинного строя. Такое положение сложилось около рубежа новой эры и существовало до начала XX в., а отчасти сохраняется и сейчас.

Но отставание горных районов Юго-Восточной Азии от равнинных не было изначальным. Напротив, самые ранние следы жизнедеятельности человека в этом регионе обнаружены именно в горных районах. Самая древняя известная в настоящее время стоянка, относящаяся к Нижнему палеолиту, обнаружена в

Северном Вьетнаме на горе До. Интересно, что здесь наряду с характерными для палеолита Восточной Азии грубыми орудиями — чопперами найдено два шелльских рубила, более характерных для западной части первобытной ойкумены [261, с.6—8].

Открытые сравнительно недавно памятники Верхнего палеолита свидетельствуют о том, что люди в это время селились почти исключительно в пещерах горных кражей, окаймлявших заболоченные и покрытые влажным тропическим лесом равнины, совершенно непригодные для обитания при тогдашнем уровне техники.

В эпоху мезолита, к которой обычно относят хоабиньскую культуру (хотя эта культура, существовавшая много тысяч лет, причудливо сочетала в себе признаки Верхнего палеолита — грубые каменные орудия — с чертами зарождающегося неолитического хозяйства), средой обитания человека в Юго-Восточной Азии по-прежнему оставались горные и предгорные районы. Все стоянки людей хоабиньского времени обнаружены либо в пещерах, либо под скальными навесами.

В недрах горной хоабиньской культуры впервые появились не только орудия с подшлифованным лезвием и керамика, но и древнейший в Юго-Восточной Азии, а возможно и на всей планете, очаг земледелия. Речь идет о так называемой пещере Духов, обнаруженной в известняковых скалах Северо-Западного Таиланда и раскопанной в 1966 г. Здесь в культурных слоях, датированных по радиоуглеродному анализу 9455 ± 390 г. до н.э., 8806 ± 200 г. до н.э. и 8142 ± 390 г. до н.э., обнаружены остатки окультуренных растений — тыквенных: лагенария (тыква-горлянка) и огурцы; бобовых: горох, фасоль, соя; перечных; пальмовых: арека, рафия; молочайных — тунг, а также сливы, серый и водяной орех. В этих же слоях была

найдена древнейшая в Юго-Восточной Азии керамика, частью лощеная, частью с веревочным орнаментом. Древнейшее земледелие в хоабиньской культуре еще не вытеснило охоты и рыболовства как основного занятия населения, но революционное значение этого первого шага к производящему хозяйству никак нельзя переоценить [261, с.16—18].

В раннем неолите, который начинается в Юго-Восточной Азии примерно во второй половине VII тысячелетия до н.э., был выработан богатый и разнообразный инвентарь (в особенности полированные топоры — четырехгранные и плечиковые), который позволил приступить к освоению равнины. В первую очередь были освоены не долины рек, а приморская береговая полоса. Бывшие горцы в этом районе стали морскими рыболовами и собирателями моллюсков. Образцом приморских поселений раннего времени является так называемая раковинная куча на Куиньван, расположенная в 249 км южнее Ханоя. Площадь этой раковинной кучи достигает 11 тыс. кв. м, высота — 5 м, что указывает на длительное время оседлого обитания [261, с.23]. Прибрежные жители продолжали поддерживать связи со своими родичами, оставшимися в горах, о чем свидетельствуют находки в горных неолитических стоянках морских раковин каури (следует отметить, что раковины каури вплоть до XX в. имели хождение у горных племен Юго-Восточной Азии в качестве мелкой монеты).

Несколько позже началось освоение речных долин, сначала в верхнем и среднем течении, затем особенно заболоченных дельт. Но и на этом этапе, несмотря на значительный отлив населения в VI—V тысячелетиях до н.э., горные и предгорные районы все еще сохраняют свою ведущую хозяйственную роль. Именно в горах Юго-Восточной Азии, как недавно выяснилось, был впервые одомашнен рис (это, в частности, явилось

блестящим подтверждением гипотезы Н.И. Вавилова о том, что родиной риса является Восточно-Гималайская горная система, в которую входят и горы Юго-Восточной Азии). Как показали раскопки поселения Нонноктха на плато Корат в Северо-Восточном Таиланде, здесь примерно в то же время, когда был одомашнен рис, во второй половине V тысячелетия до н.э. появились первые изделия из меди, а по крайней мере с середины III тысячелетия до н.э. уже существовало развитое бронзовое производство. Таким образом, существовавшее до 60-х годов XX в. представление о том, что рис и бронза были принесены в Юго-Восточную Азию из Китая в сравнительно позднее время, было полностью опровергнуто. Напротив, и рис, и бронзу, а также шелководство китайцы получили от жителей Юго-Восточной Азии.

Но блестящие хозяйственные успехи горцев Юго-Восточной Азии стали, как это ни парадоксально, причиной запустения гор в эпоху бронзы. Выращивание риса в горных и предгорных районах велось на основе подсечно-огневого или в лучшем случае террасного хозяйства; при этом необходимо было сооружать систему бассейнов, переброска воды между которыми требовала большого труда. На равнинах больших рек, после того как они были очищены с помощью каменных и бронзовых топоров от влажного тропического леса, стало возможно создать разветвленную ирригационную систему, что сразу резко повысило урожайность риса, а следовательно, и общий уровень жизни населения. Естественно, что горцы устремились в эти еще слабо заселенные районы, где плодородной аллювиальной земли было пока достаточно на всех, и горы запустели.

Уже в эпоху ранней бронзы племена, населявшие речные долины и морское побережье, достигли высокого культурного и социального уровня. Большая часть керамики производилась уже на гончарном кругу

и отличалась исключительно высоким качеством. В некоторых поселениях число рисунков орнамента керамики достигало нескольких десятков вариантов. Это свидетельствует о начавшемся разделении труда. Кроме гончаров в виде отдельной группы, несомненно, выделились и металлурги-кузнецы. О социальном расслоении, начавшемся уже в раннебронзовом обществе, свидетельствуют размеры и инвентарь погребений. Одни могилы поражают своим богатством, другие практически безынвентарны. Однако эти социальные различия еще не свидетельствуют о возникновении классового общества или государства. Они лишь создавали потенциальную возможность того и другого, но без дополнительного толчка могли существовать очень долго, не взрывая рамок первобытнообщинного строя.

Классовые общества и государства стали постепенно складываться в отдельных равнинных районах Юго-Восточной Азии в эпоху Донгшонской культуры, существовавшей с IX—VIII вв. до н.э. по II в. н.э. Хотя во второй половине времени существования этой культуры в Юго-Восточной Азии появляется железо, здесь оно не сыграло такой революционной роли, как в других регионах. Юго-Восточная Азия всегда отличалась изобилием месторождений меди и олова, и железо на первых порах, видимо, было ненамного дороже и вряд ли тверже бронзы. В целом Донгшонскую культуру правильнее будет характеризовать как позднебронзовую, так как именно исключительно богатый и разнообразный бронзовый инвентарь составляет ее отличительную черту.

Основой хозяйства племен Донгшонской культуры было поливное земледелие, хотя некоторое значение имело и скотоводство (разводили буйволов, коз, свиней, кур, а с III в. до н.э. — лошадей). Донгшонцы были отличными мореходами. Их парусные и гребные суда

поддерживали связь между различными частями региона. В это время, несомненно, начала развиваться и международная торговля, которая усиливала социальное расслоение в Донгшонском обществе.

Однако не это послужило главным фактором возникновения первых государств на территории Юго-Восточной Азии. Так как фундаментом экономики доклассового донгшонского общества было земледелие, то причиной постигшего его в конце концов кризиса стало исчерпание фонда свободных земель, пригодных к обработке при тогдашнем уровне техники. Раньше всего исчерпался фонд свободных земель в долине р. Хонгха (в нынешнем Северном Вьетнаме). Из четырех крупных речных долин в материковой части Юго-Восточной Азии она была самой маленькой, и неудивительно, что земельный фонд исчерпался раньше всего именно здесь. Между племенами в этом районе началась жестокая борьба за орошаемую землю. Изображения на знаменитых донгшонских бронзовых барабанах представляют главным образом военные сцены, сборы в поход, убийство пленных. Донгшонское общество, раздираемое постоянными войнами, стало испытывать потребность в регуляции своих внутренних отношений, и инструментом такой регуляции стало государство.

Возникновение классового общества

Прежде чем перейти к рассмотрению истории отдельных стран Юго-Восточной Азии, необходимо сделать еще несколько замечаний о динамике развития региона в рассматриваемый период.

В истории Юго-Восточной Азии (как, видимо, и других регионов) процесс интеграции закономерно сменяется процессом дезинтеграции, за которым следует процесс новой интеграции и т.д. При этом своего рода парадоксом является то, что интеграции в регионе всегда предшествует катастрофа, означающая конец большого этапа развития общества. А возрождение общества после этой катастрофы на новой социальной и культурной основе неизменно сопровождается процессом интеграции, охватывающим большие территории, а иногда и весь регион.

Первой социальной катастрофой большого масштаба в ЮВА было крушение первобытного общества. До нас дошли лишь незначительные и поздние по времени осколки свидетельств той жестокой борьбы, которая сопровождала переход от доклассового общества к классовому. Но совершенно очевидно, что общая закономерность таких переходов была соблюдена и здесь. Ни одно классовое общество не может долго продержаться исключительно на насилии. Для того чтобы сохранять стабильность, оно должно подчинить не только тела, но и души некогда свободных людей. Иначе говоря, внедрить в сознание всех своих членов новую идеологию, морально оправдывающую существующую систему. А поскольку религия в древних и средневековых обществах, как правило, совпадала с идеологией, являясь одним из важнейших элементов надстройки, речь шла об усвоении новой религии,

религии, приспособленной к нуждам классового общества. Такая религия либо постепенно, шаг за шагом вырабатывается из первобытной религии, присущей данному обществу, либо берется в готовом виде извне. Во втором случае, естественно, все социальные процессы внутри данного общества ускоряются и полное оформление государства происходит значительно быстрее, чем в первом случае.

К рубежу нашей эры классовое общество в той или иной степени сложилось во всех частях Юго-Восточной Азии, хотя между очагами цивилизации оставались местами еще довольно широкие пояса горнолесных районов, где продолжали господствовать первобытнообщинные отношения. Предпосылкой интеграции всех государств региона было большое сходство экономики, продиктованное сходством их природных условий, и сходство социальных структур, выросших на базе этой экономики.

Первая интеграция стран Юго-Восточной Азии произошла благодаря усвоению всеми странами региона (кроме Северного Вьетнама) в первые века нашей эры индийской культурной традиции. Для китайских наблюдателей в эпоху поздней древности и раннего средневековья единство культуры и образа жизни жителей Юго-Восточной Азии было очевидным. Китайцы называли всех жителей региона *кунь-лунь*.

В то же время раннеклассовое общество Юго-Восточной Азии отнюдь не было копией раннеклассового общества Индии. Интеграция Юго-Восточной Азии, превращение ее в некую отличную от соседних регионов общность произошли путем приспособления индийской культурной оболочки к исторически сложившейся в Юго-Восточной Азии социально-экономической структуре. Усвоение индийской культуры в странах этого региона отнюдь не было поверхностным. Практически все дошедшие до

нас в надписях и сообщениях иноземных путешественников древности и раннего средневековья собственные имена, титулы, названия городов и государств Юго-Восточной Азии — индийские. Некоторые из них сохранились до нашего времени. И в то же время эта индийская культурная оболочка стала оформляющим элементом для структуры, во многом отличной от индийской. В частности, народы Юго-Восточной Азии не переняли у индийцев кастовой организации общества, а это значит, что социальная стабильность поддерживалась у них с помощью совершенно иных механизмов.

Процесс первой, наиболее полной интеграции Юго-Восточной Азии охватывает I—VI вв. н.э. В этот период различные элементы индийской культуры, в первую очередь различные формы религии — буддизм, теравады, махаяны, шиваизм, вишнуизм, распространяются по региону довольно равномерно. Между ними здесь еще нет явного антагонизма. Культурный облик всех стран Юго-Восточной Азии (кроме Северного Вьетнама, вошедшего в зону Дальневосточной культуры) можно назвать единообразным. В этот исторический момент интеграция региона максимальна.

На следующем историческом этапе — в VII—XII вв. — процесс интеграции стран Юго-Восточной Азии сменяется процессом все возрастающей дезинтеграции. В регионе возникают империи, каждая из которых стремится унифицировать подконтрольные ей области. Это делалось путем внедрения в них одной, господствующей религии, в ритуалах которой закрепляется право на «мировое господство» монарха данной державы. Таким образом, империя Шривиджайя, контролирующая Западную Индонезию и Малайю, стремится распространять буддизм махаяны и противостоит Восточно-Яванскому государству, где

государственной религией стал индуизм. А Камбоджийская империя, контролирующая большую часть Восточного и Центрального Индокитая, противопоставляет свой индуизм (в основном в виде культа Шивы) буддизму теравады, ставшему господствующей религией Бирмы и находящихся в сфере ее влияния монских государств. Существовала также и конфронтация Камбоджи и Шривиджайи. В конечном счете ни одна из четырех основных держав Юго-Восточной Азии в этот период не смогла стать гегемоном во всем регионе, поэтому культурная дезинтеграция и связанная с ней политическая конфронтация держав стали основным явлением эпохи.

Бесплодная борьба четырех держав за гегемонию закончилась общей катастрофой, хотя причиной этого было отнюдь не только военное истощение соперников. К XIII в. существенно изменились условия в мире и резко повысилась роль Юго-Восточной Азии в мировой торговле. Развитие товарных отношений вызвало у местных феодалов, как это всегда бывает, обострение жажды прибавочного продукта, а значит, и усиление эксплуатации трудящихся масс. В то же время социальная структура подавляющего числа стран ЮВА была приспособлена к натуральной экономике (исключение составляла только Шривиджайя, но она пришла в упадок в результате неудачных внутренних войн). Во всех остальных странах значительная часть прибавочного продукта шла на культовые нужды. Гигантское храмовое строительство поглощало огромные средства. Содержание многочисленного, могущественного духовенства также очень дорого стоило народу. Прибавление к этим тяготам новой нагрузки не могло не вызвать взрыв, который смел государства старого типа. Монгольское нашествие на страны Юго-Восточной Азии только усугубило начавшийся кризис.

Античные и византийские свидетельства о Юго-Восточной Азии

Первые сведения о землях, расположенных к востоку от Индии, проникли на Запад еще до походов Александра Македонского. Греческий историк Ктесий, известный своей любовью ко всякого рода фантастическим рассказам, которыми он украшал свою историю, сообщает:

«Говорят, что серы и индийцы Севера столь высокого роста, что среди них встречаются люди ростом в 13 локтей. В некой части реки Гаитр живут звероподобные люди, кожа которых подобна шкуре гиппопотама и поэтому непроницаема для стрел. В Индии в глубине острова, расположенного в море, есть люди с большими хвостами, подобными тем, что приписывают сатирам»

цит. по [493, с.1—2].

Серами в древности называли китайцев, но иногда и жителей Юго-Восточной Азии. Что же касается людей с хвостами, как у сатиров, то здесь перед нами, по видимому, наиболее раннее упоминание о крупных человекообразных обезьянах Индонезии. Но детальные сведения о Юго-Восточной Азии еще долгое время не становились достоянием античной литературы. Даже знаменитый греческий географ Страбон (около 58 до н.э. — 21 н.э.) считал, что Восточный океан начинается непосредственно за Индией.

Первым географом, который выделил Юго-Восточную Азию как отдельную территорию, был римлянин Помпоний Мела, написавший свою книгу «Хорография» при императоре Клавдии (41—54 н.э.) (см. [карту 1](#) на переднем форзаце). Он же фактически ввел в оборот

заимствованное у индийцев название региона —
Золотая земля:

«Возле Тама¹ есть остров Хриса (Золотой), рядом с Гангом, и остров Аргира (Серебряный). Согласно древней традиции, почва одного из золота, а другого — из серебра»

[493, с.11—12].

Первое подробное описание Юго-Восточной Азии (еще не отчлененное от описания Китая) дает Плиний Старший в своей обширной работе «Естественная история», завершенной в 77 г. н.э. В разделе VI, 54 он пишет:

«Первые² люди (на Крайнем Востоке) — серы... Серы учтивы. Но подражая в этом самым диким дикарям, они избегают общества других людей и ждут, пока к ним придут торговать. Первая из их рек — Пситара, вторая — Камбары, третья — Лан, а за ней — полуостров Хриса, залив Сирнаба, река Атиан, залив и народ аттакоры, защищенные сильно выступающими берегами от любого вредного ветерка и живущие в том же климате, что и гиперборейцы. Амомет³ написал о них целый том, так же как Гекатей написал о гиперборейцах. За аттакорами живут фуны, токары, а также касиры, которые относятся уже к Индии. Они обращены внутрь, в сторону скифов и питаются человеческим мясом. В этих местах кочуют также индийские номады. Говорят, что на севере эти народы граничат с киконами и бризарами»

цит. по [493, с. 13—14].

Большинство приведенных здесь топонимов и этнонимов встречается только у Плиния. Однако некоторые из них известны и более поздним авторам. Так, фуны (они же фруны, фруры) и токары постоянно встречаются в связке — тохары, фруны и серы. Тохары

(они же юэ-чжи), самый восточный из известных историкам индоевропейских народов, жили на северо-западе от тогдашнего Китая — в Синьцзяне, а потом — в Средней Азии. Фуны (фруны) жили в этом же регионе. Атакоры (они же отторокоры) — мифический народ, который, согласно индийским мифам, жил где-то на севере от Индии. Греки отождествляли этот народ с гиперборейцами, которые, согласно греческим мифам, жили на крайнем севере. Поскольку оба этих мифа явно восходят к одному общеиндоевропейскому, такое отождествление можно считать в принципе правильным.

Карта 3.

«Перипл Эритрейского моря».
 Конец I в. н.э. [912, с. 132, рис.27]

Плиний, однако, помещает атакоров у моря в теплом климате, недалеко от п-ова Хриса (т. е. Малаккского п-ова). Нелегendarные сведения постепенно начинают

вытесняться из информации о Юго-Восточной Азии. Об этом свидетельствует такое трезвое замечание Плиния:

«За устьем Инда... острова Хриса и Аргира, где, по моему мнению много рудников. Ибо я малорасположен верить тем, кто говорит, что почва там из серебра и золота»

цит. по [493, с. 15].

Золотой остров Хриса упоминается также в анонимном «Перипле Эритрейского моря» (конец I в. н.э.).

Карта 4.

Юго-Восточная Азия на современной карте; по Птолемию [387, с.435]

К концу I в. н.э. Золотой п-ов стал настолько известен в Римской империи, что Иосиф Флавий ссылается на него, комментируя Библию. По его мнению, Хриси уже в X в. до н.э. была источником золота для Средиземноморья:

«Он (царь Хирам) прислал (царю Соломону) лоцманов, опытных в мореплавании, столько, сколько тот хотел, которых он (Соломон) вместе со своими чиновниками отправил искать золото в стране, некогда называемой Софейра, а теперь — Хриси. Это — земля в Индии. И они привезли царю золота 400 талантов»

цит. по [493, с.17—18].

Около 140 г. н.э. завершил свою фундаментальную работу «География» один из крупнейших ученых древности Птолемей, живший в Александрии. Помимо огромных заслуг перед географией он был, можно сказать, отцом современной астрономии и астрологии. Он первый попытался создать карту всей известной в то время части земли, организовав ее строгой системой координат — параллелей и меридианов. Исходным, нулевым меридианом для него, естественно, был не меридиан Гринвича, а меридиан мифических Счастливых островов, расположенных где-то на западе Атлантического океана (может быть, имелась в виду Куба?) (см. [карту 2](#) на заднем форзаце и [карту 4](#)).

Работа его была разделена на ряд книг, каждая из которых, как правило, была посвящена описанию отдельного региона. Описание Юго-Восточной Азии, которая в то время называлась *Загангская Индия*, содержится в VII книге, но отдельные упоминания о ней есть и в VIII книге, табл.1).

В введении к описанию этого региона Птолемей пишет (VII, 2,1):

«Загангская Индия граничит на западе с Гангом. На севере с уже описанными частями Скифии и Серики. На востоке с Синами⁴ по меридиану, проходящему от Серики к Великому заливу. На юге с Индийским морем⁵ и частью Прасодского моря⁶, которое тянется от острова Менутиа⁷ до Великого залива⁸, параллельно экватору».

Далее Птолемей описывает, двигаясь с запада на восток, побережье Юго-Восточной Азии от устья Ганга до границы Китая, который в то время включал в себя Северный Вьетнам. Потом следует описание внутренних районов материковой части региона, а затем Птолемей описывает островную часть Юго-Восточной Азии.

В разделе, который называется «У айррадов» (или «Киррадов» — так в «Рамаяне» называли жителей гор и побережья к востоку от Ганга и Брахмапутры), — первый пункт на побережье к востоку от Ганга — город Пентаполис (*Пятиград*) (VII, 2,2). Большинство специалистов соглашаются в том, что ему соответствует современный город Читтагонг. Далее к югу Птолемей помещает устье р. Катабеда. На современной карте в этом месте расположено устье р. Майскхал, напротив которого лежит о-в *Кутабдия*. Одна из протоков р. Майскхал также называется *Кутабдия*.

Далее к юго-востоку у Птолемея значится эмпорий (торговый центр, фактория) Баракура. Он соответствует современному араканскому городу Маундо. Затем к юго-востоку Птолемей помещает устье р. Токосанна. На современной карте эта река соответствует р. Каладан, в устье которой расположена столица Аракана — Ситуэ (Акьяб).

Следующий раздел своего обзора Загангской Индии Птолемей называет «В стране Аргира (*Серебряная*)» (VII, 2,3). Этот участок побережья охватывает Южный Аракан и дельту Иравади. Первый пункт, который

Птолемей упоминает в стране Аргира, — это г.Самбра. Он находился в районе порта Чаунпхью на о-ве Янбье (Рамри). Далее следует устье р. Сада и одноименный город на этой реке. Здесь Птолемей, несомненно, имел в виду древний араканский город Сандовай (ныне — Тандуэ). Затем следует эмпорий Берабонна; город Барребам, расположенный к северу от мыса Неграйс, еще встречается на французской карте второй половины XVIII в. [455, с.380].

Далее в маршруте Птолемея значится устье р. Темала. Дельта Иравади в начале нашей эры явно не совпадала с нынешней дельтой, поэтому трудно сказать, какое именно устье имел в виду Птолемей. Может быть, нынешнее главное устье Иравади, может, устье р. Бассейн, которая вытекает из Иравади, или же какую-нибудь иную протоку. Потом следовал город Темала, расположенный, скорее всего, в районе порта Пхьяпун, а за ним — мыс Темала. Трижды упомянутый Птолемеем топоним Темала перекликается с именем легендарного монского царя Тамалы, который, если верить летописям, в 825 г. вместе с братом Вималой основал город Пегу на острове, который недавно возник из моря как часть дельты Иравади [628, с.21]. Мысом после города Темала (мыс Элипхан в устье р. Рангун) страна Аргира заканчивается.

Следующий раздел своего землеописания (VII, 2,4) Птолемей называет «(Земля) людоедов бесунгетов в Сарабакском заливе». Сарабакский залив явно обозначает Мартабанский (ныне Моутамский) залив. Первый город земли бесунгетов, который упоминает Птолемей, скорее всего находился в районе современного города Моутама (Мартабан), в устье второй великой реки Бирмы — Салуина. Далее следовало устье р. Бесунга (совр. р. Тавой) и одноименный эмпорий на этой реке, находившийся где-то в районе г.Тавой. Далее, примерно в 320 км южнее

Эмпория Бесунга, находился г.Берабы, на месте современного порта Каратури. И еще в полусотне километров дальше «мыс после города Берабы», довольно точно совпадающий с самой крайней южной точкой современной Бирмы (на перешейке Кра).

Таблица I. Топонимика Юго-Восточной Азии в древности и раннем средневековье по античным и китайским источникам

Старинное название									со
№	Птолемей, около 140 г.	Кан Тай, около 240 г.	Бодхибхадра, VI в.	«Суй-шу», 589—618 г.	Сюань Цзан, 648 г.	И Цзин, 671-695 гг.	«Цзю Тан шу», VIII в.	Цзя Дань, около 800 г.	
1.	Г.Балонга		Фунань	Фунань	Ишанапура				Ка
2.	Г.Кортата				Махатямпа				Ю:
3.	Устье р. Бесунга — эмпорий Бесунга			Бисун	Ши-ли-ча-до-ло (Шрикшетра)				Би
4.	Г.Сабара Г.Забы	Цзиньлинь	Цзиньлинь		То-ло-бо-ди (Дваравати)	То-ло-бо-ди (Дваравати)	То-ло-бо-ди (Дваравати)		Та
5.	Г.Самарада	Дяньсунь	Суньдянь			Пеньпень	Паньпань	Гогуло	Се Ма — На
6.	Эмпорий Такола* — г.Коли	Цзючжи	Гоучжи	Цзюли	Камаланка (Камаланга)	Лангкасука	Лангкасука	Голо	Па
7.	Эмпорий Сабана**	Цюйдукунь		Дукунь		Даньдань	Лоюэ	Лоюэ	Ма
8.	Устье р. Паланда			Беньду (Баньду, Паньду)					Кр
9.	О-ва Барусы		Гоин			Шилифоши (Шривиджайя)		Фоши	Су
10.						Полюши (Получжэ)		Полу	Су
11.						Молою			Су
12.						Мохосинь	Допотен		За
13.	О-в Ябадиу					Хэлин		Хэлин	Яв
14.				Поли		Поли			Ба
15.				Лоча		Цюэлунь			Ма ва
16.	О-ва Сатиров					Фошипуло			Ка
17.						Ошань			Су
18.	О-ва Маниолы					Моцзямань			Фи

Далее Птолемей переходит к Золотому Херсонесу (*Золотому полуострову*), давая хотя и грубое, но в целом верное описание Малаккского п-ова, глубоко выступающего в море (у Птолемея он даже на 2° заходит за экватор) (VII, 2,5). Первый город на западном побережье — это эмпорий Такола (под именем *Таккола* он упоминается и индийскими источниками этого времени). Большинство исследователей помещают его в районе сходно звучащего порта Такуапа в тайландской части Малаккского п-ова. Следующий ориентир Птолемея — «мыс после города Такола», скорее всего, можно отождествить с крайней южной точкой о-ва Пукет (Саланг) — мысом Лемвоалан.

Далее упоминается устье р. Хрисоана (*Золотая*). Наиболее вероятный претендент на это название — современная река Перак. Один из ее притоков называется *Сунгей Джарум*, а сунгей по-малайски — *золото* [455, с.385].

Далее следует эмпорий Сабана, расположенный, по видимому, в районе Малакки. Еще в начале XVI в. Малаккский пролив в этой части назывался Сабанским [455, с.385]. Восточнее Сабаны Птолемей помещает устье р. Паланда (р.Джохор), а за ним мыс Малеу Колон (мыс Пениабонг), после которого берег Золотого Херсонеса поворачивает обратно на север.

На восточном побережье Золотого Херсонеса с юга на север Птолемей помещает устье р. Аттаба (р.Паханг), г.Коли (возможно, расположенный в районе Куала-Тренгану), г.Перимула (в устье р. Келантан) и как точку, обозначающую конец Золотого Херсонеса, — Перимулийский залив (совр. Сиамский залив). Любопытно, что граница, которую Птолемей проводит здесь между Золотым Херсонесом и следующей за ним страной лейстов (*разбойников*), примерно совпадает с современной границей между Малайзией и Таиландом.

В другом месте своей «Географии» (VII, 2,25) Птолемей перечисляет города, расположенные внутри Золотого Херсонеса. Это (с севера на юг) — Балонга, Кокконагара, Тхарра, Паланда. Города эти, очевидно, были расположены вдоль торговых путей, пересекавших Малаккский п-ов. По предположению А.Бертло, Балонга обеспечивала перевал грузов из Такколы на восточное побережье, Кокконагара была расположена в верховьях Хрисоаны (р.Перак), Тхарра в верховьях р. Паханг, а Паланда стояла на одноименной реке (совр. р. Джохор) в 50 км от устья [455, с.403—404]. Большое число городских центров на Малаккском п-ове в эпоху Птолемея — лишнее свидетельство особого значения, которое Золотой Херсонес играл в международной торговле того времени.

В стране лейстов (VII, 2,6) первый (с юга) город Самарада был расположен на месте нынешнего города Накхонситхаммарат. Созвучие этих названий вряд ли можно считать случайным. Следующий город — Паграса, очевидно, находился в бухте Бандон, где позже возникло княжество Тамбралинга — Лигор. Затем следует устье р. Собана, в котором явственно звучит палийское слово *Суванна (Золотая)*. В Таиланде, как известно, существует древний город Супанбури (*Золотой город*), стоящий на одноименной реке, вытекающей из Менама и впадающей в Сиамский залив. *Золотой рекой* мог быть, однако, и впадающий в Сиамский залив западнее Меклонг, важная торговая артерия, по которой товары из Сиамского залива переправлялись в Бенгальский.

К востоку от устья р. Собана (Сабана) Птолемей помещает эмпорий Пифнобасты. Пифон, легендарный греческий змей, в первой половине этого названия, разумеется, соответствует индийскому легендарному Змею (Нага). Топонимы, начинающиеся со слова Нага, не редкость для древней и средневековой Юго-

Восточной Азии. На один градус восточнее Пифнобастов был расположен населенный пункт Акадра, который трудно идентифицировать, и еще на 1°20' к востоку — Забы, город во многих отношениях замечательный⁹. Он один из немногих городов Загангской Индии, которые Птолемей использует в качестве опорных пунктов своей карты, опираясь при этом на произведенные там астрономические наблюдения. Он пишет (VIII, 27, 4): «В Забах максимальная длина дня — 12 часов 15 минут, [поясная] разница во времени с Александрией — 7 часов 13 минут. Солнце проходит через зенит два раза в год при склонении в летнее солнцестояние в 78°45'».

Страна лейстов, по-видимому, обрывалась у Великого мыса, начиная с которого, по мнению Птолемея, берег круто поворачивал на север. Здесь кончался Перимулийский залив и начинался Великий залив, который, описывая большую дугу, сначала достигал Страны серов на севере, потом снова поворачивал на юг и, миновав земли неких ихтиофагов (*рыбоедов*), достигал Страны синов¹⁰. А эта последняя известная во времена Птолемея обитаемая земля плавно переходила в неисследованный Южный материк, который много позже передал свое название Австралии. Однако, ошибаясь в направлении маршрута, Птолемей в целом довольно точно описал путь из Сиамского залива к южным пределам Китайской империи, которая в то время включала в себя и Северный Вьетнам.

В разделе «Великий залив» (VII, 2,7) Птолемей помещает двенадцать топонимов. Первый из них (*Великий мыс*) и последний (*Начало Великого залива со стороны синов*) фиксировали границы этого водного пространства, которое в общих чертах совпадало с Южно-Китайским морем. Согласно писавшему в начале II в. н.э. Марину Тирскому, работами которого

пользовался Птолемей, от Великого мыса до границы Страны синов было 12 550 стадий (1977 км). Это почти точно соответствует расстоянию между мысом Лианга в Юго-Восточном Таиланде и мысом Туч в Центральном Вьетнаме, где проходила в I—II вв. н.э. южная граница Ханьской империи [455, с.392].

Что касается остальных десяти топонимов из раздела «Великий залив», то они распределяются следующим образом. Первым после *Великого мыса* идет населенный пункт *Тагора* (Птолемей не называет его ни городом, ни эмпорием). По мнению А.Бертло, Тагора была расположена в устье р. Яй, близ границы Таиланда и Камбоджи [455, с.393]. Примерно в 120 км к востоку от Тагоры, согласно Птолемию, находился г.*Балонга* — не простой город, а столица. Отмечая столичный статус тех или иных городов, Птолемей, как правило, не указывал, столицей какого государства они являются. Поэтому можно только гадать, находилась ли в этом районе Кампучии (на берегу небольшого залива Кахконг, прикрываемого с моря о-вом Конг) ранняя столица царства Фунань (Бапном) или же это была столица одного из небольших приморских государств, завоеванных Фунанью к началу III в. (например, царство, название которого в китайской транскрипции произносилось как *Цюйдукунь*).

Далее (примерно в 172 км) находился населенный пункт *Троана*. Наиболее вероятный наследник Троаны — современный кампучийский порт Камлот. В старом названии острова Фукуок, который лежит напротив Камлота, — *Кох Тронг*, возможно, сохранилось название Троаны [455, с.393].

Следующий пункт на карте Птолемея — устье р. Доана, которую подавляющее большинство исследователей отождествляют с Меконгом. В разделе, описывающем расположенное внутри «Загангской Индии», упоминается город *Дасана* или *Доана* (VII, 2,24).

А в другом разделе говорится о народе доанов, живущем у одноименной реки (VII, 2,20). Очевидно, здесь речь идет о молодом государстве Фунань (Бапном) и его столице Вьядхапуре. Не исключено, однако, что в I—II вв. эта страна еще не была известна под названием Фунань (Бапном). Китайские летописцы I в. н.э. на полпути между Северным Вьетнамом и Малаккским п-вом помещают царство Дуюань. Эта транскрипция, возможно, восходит к местному названию Меконга, которое у Птолемея звучит как Доана.

Вслед за устьем р. Доана, на два с половиной градуса (около 325 км) севернее его, Птолемей помещает город *Кортату*, — который носит титул столицы. А.Бертло считает, что Кортата находилась в месте нынешнего города Фантхьет (в современной вьетнамской провинции Биньтхуан [455, с.393]).

Если верить китайским летописцам, тямская государственность возникла только в 192 г. н.э., после успешного восстания тямов против китайской администрации уезда Сяньлинь (в Центральном Вьетнаме). Но упоминание Кортаты указывает на то, что уже в I — начале II в. н.э. независимые княжества могли существовать на крайнем юге исторической родины тямов.

На 3°10' севернее Кортаты Птолемей помещает город *Синда*, который, по-видимому, находился на месте нынешнего Нячанга (центр пров. Кханьхоа). Название этого города можно перевести на русский как *Индийский*. Птолемей пишет: «Под этой [Медной] страной¹¹ тянутся до Великого залива кудуты, барры, доаны...» (VII, 2,20). Оставив пока в стороне кудутов и барров, о которых речь пойдет далее, мы видим, что в качестве соседей доанов (т. е. жителей Фунани) Птолемей называет индийцев. Это в сочетании с

топонимом Синда говорит о высокой индианизации тямов в первые века нашей эры, что подтверждается и археологическими находками.

Можно предположить, что особая концентрация индийских купцов и миссионеров в тямских землях в эпоху Ханьской империи была вызвана тем, что эти носители торговой цивилизации старались обосноваться как можно ближе к богатейшим китайским рынкам, но в то же время за пределами действия жесткой ханьской администрации, которой время от времени овладевали сугубо антирыночные настроения.

Следующий город в списке Птолемея — Паграса, одноименный с уже упоминавшимся городом на берегу Сиамского залива. Согласно координатам Птолемея, он на 30' восточнее и на 2° южнее Синды. Иначе говоря, берег Великого залива в этом месте резко переламывается и поворачивает на юг. На самом деле берег Вьетнама здесь продолжает стремиться на север с небольшим отклонением сначала на запад, потом на восток. В результате того, что Птолемей «согнул» восточный берег Азии в крутую дугу, Китай у него оказался южнее Вьетнама и к тому же отделен от него Великим заливом. Это самая грубая ошибка во всем огромном труде александрийского географа.

Некоторые полагают, что Птолемей сделал эту ошибку намеренно, так сказать, ради научного принципа. В то время существовали две школы географов. Одни считали, что земля — это суша, окруженная Рекой-Океаном. Другие, напротив, полагали, что наша Земля — это океан, со всех сторон окруженный сушей. Вот в угоду этим взглядам Птолемей, дескать, и загнул конец известной ему суши на юг и там на долготе 177° и широте 8°30' сомкнул ее с неисследованным материком, великой Южной Землей (по латыни — Австралия), которая якобы служила

противовесом материкам Северного полушария и на западе смыкалась с Африкой¹². Нам, однако, кажется весьма сомнительным, что искажение Птолемеем маршрута, ведущего в Китай, вызвано всплеском научного фанатизма. Более вероятно другое объяснение. Все сведения о морских путях секретились испокон веков. Выкрадывание морских карт, так же как и, наоборот, распространение ложных сведений о дальних маршрутах и жутких историй об опасностях, ожидающих там моряков, были предметом заботы секретных служб всех уважающих себя морских держав вплоть до эпохи Возрождения. Судя по ссылкам в работе Птолемея, он получал свои сведения о Юго-Восточной Азии и Китае по крайней мере из третьих рук. Поэтому он легко мог стать жертвой намеренной дезинформации.

Исходя из всего вышесказанного, все координаты следующих за Синдой населенных пунктов не следует принимать во внимание. Однако абсолютные расстояния между географическими пунктами, приводимые географом (с соответствующей поправкой на то, что Птолемей не на всех участках маршрута правильно указывал скорость передвижения кораблей в день), по-прежнему должны учитываться.

Следующий пункт за Паграсой у Птолемея — это устье Дориу. Наиболее вероятно, что это р. Хажао, впадающая в обширную бухту Куиньон возле одноименного современного порта (пров. Нгиабинь). Далее следует населенный пункт Аганагара. По своему положению он соответствует современному провинциальному городу Куангнгай (пров. Нгиабинь), расположенному в 300 км от Нячанга — Синды. Далее следует устье р. Сер. Как уже говорилось, серами, как и силами, в Римской империи называли китайцев. Название серы более древнее и принесено купцами,

попадавшими в Китай сушей по Великому шелковому пути. Название синов (от названия империи Цинь, III в. до н.э.) было принесено купцами, которые попадали в Китай морским путем с юга. Среди историков существует мнение, что Страной серов называли Северный Китай, а Страной синов — Южный. Но это верно только как общее правило. Уже во II в. н.э. понятия «юг» и «север» часто смешивались. Павсаний, например, помещал серов даже в дельте Меконга, говоря при этом явно не о китайцах, а о жителях Фунани. У Птолемея р. Серос оказывается в Центральном Вьетнаме. Но здесь оно, видимо, все-таки связано не с жителями Вьетнама, а именно с Китаем. Южная граница Китая в I—II вв. н.э. не была жесткой. Она смещалась в ту или другую сторону в зависимости от большего или меньшего давления пограничных варварских племен или, наоборот, от усиления военного потенциала Китая. Но перемещалась она в пределах Центрального Вьетнама, примерно в том районе, где Птолемей помещает р. Сер, которую его информаторы явно рассматривали как границу Страны серов — Китая.

На 2°10' восточнее устья р. Сер Птолемей помещает другую границу, естественную. Здесь, как сообщает он, находится «начало Великого залива со стороны синов». Другое начало (или конец) Великого залива «со стороны лейстов» находилось, как мы помним, у Великого мыса, на территории современного Таиланда. Страна серов, таким образом, в этом месте практически сливалась со Страной синов, но в других местах он продолжает их отличать друг от друга и от побережья Великого залива¹³. Поэтому о Стране синов он говорит в другом месте (VII, 3), где возобновляет описание побережья от «начала Великого залива» со стороны синов. Это описание интересует нас постольку, поскольку оно

включает в себя те части Вьетнама, которые в эпоху Птолемея входили в состав Китайской империи Хань.

Птолемей дает общее описание страны (VII, 3,1):

«Сины граничат на севере с частью Серики, на востоке и юге — с неизвестными землями. На западе с Индией, по уже описанной линии, доходящей до Великого залива, с самим Великим заливом и другими заливами, а именно Териодским и Синским, где живут эфиопы — ихтиофаги»

После указанной ранее западной границы Страны синов у Великого залива (этот пункт мог находиться на севере пров. Куангбинь у гор Хоаньшон, долгое время служивших естественной южной границей Ханьской империи во Вьетнаме) у Птолемея следует устье р. Аспитра, в долине которой живет народ аспитры. За ней — город Брамма (т. е. Брахма). Далее — устье р. Амбаст, на которой живет народ амбасты. Далее город Рабана, устье р. Сайн, мыс Нотикон, устье р. Коттиара и, наконец, Каттигара — *порт синов* — последний пункт на Востоке, известный Птолемею. Далее — Terra incognita — *Неизвестная земля*.

Исследователи уже много десятилетий не могут прийти к единой точке зрения относительно местоположения Каттигары. Одни считают, что это был Паньюй (совр. Гуанчжоу), крупнейший торговый порт Южного Китая. Другие считают, что это была столица китайской провинции Цзяочжи (Северный Вьетнам), находившаяся неподалеку от Ханоя. В пользу первого отождествления говорит внушительное расстояние между границей Страны синов и Каттигарой.

Мне, однако, более убедительным представляется отождествление Каттигары со столицей Цзяочжи. В пользу этого, во-первых, говорит то обстоятельство, что до VI в. н.э. Паньюй — Гуанчжоу как торговый центр значительно уступал Цзяочжи. Во-вторых, китайские

хроники, говоря о посольствах первых веков нашей эры, прибывавших в Китай морским путем из Рима, Индии, Юго-Восточной Азии, неизменно отмечают как пункт их прибытия вьетнамские порты. Здесь находились и граница, и таможня, и иностранные купцы, продав свои товары, возвращались обратно, не интересуясь дальнейшими маршрутами внутри Китайской империи. Кроме того, не исключено, что китайские власти в это время, как и в XVII—XVIII вв., просто не пускали иностранцев дальше своего крайнего южного порта.

Островная часть Юго-Восточной Азии представлена у Птолемея пятью группами островов и четырьмя отдельными островами. Перечисление, как это обычно у Птолемея, в целом идет с запада на восток.

Птолемей упоминает два острова — Базаката ($149^{\circ}30'$ долготы и $9^{\circ}30'$ северной широты) и Халина (или Салина) (147° долготы и $9^{\circ}20'$ северной широты), причем о Халине сообщается: «Говорят, что на последнем острове много ракушек, а жители всегда ходят голые и называют себя агиннатами». По долготе эти два острова немного западнее самого западного города Загангской Индии — Пентаполиса (150°)¹⁴, а по широте лежат примерно на одной параллели с устьем р. Темала (10°)¹⁵, устьем р. Доана (10°)¹⁶, городом Сабара ($8^{\circ}30'$)¹⁷. Учитывая такое местоположение этих островов, а также указание на примитивный образ жизни жителей одного из них, можно с большой долей вероятности предположить, что речь идет об Андаманских и Никобарских островах, замыкающих с запада внутренний водный бассейн Юго-Восточной Азии.

Далее (VII, 2,27) Птолемей упоминает три острова, которые называются *Синды* (т. е. Индийские) и населены людоедами. Координаты среднего острова в этой группе — 152° долготы, $8^{\circ}40'$ северной широты.

Тут же Птолемей упоминает о-в Доброго Демона, который лежит точно на экваторе, а долгота его $155^{\circ}20'$. По долготе эти острова примерно соответствуют западному побережью Бирмы, как оно рисуется у Птолемея. По широте о-ва Синды примерно соответствуют г.Сабара (Мартабану), а о-в Доброго Демона — г. Коли на Золотом Херсонесе¹⁸.

Эти данные не дают возможности сколько-нибудь точно идентифицировать ни о-ва Синды, ни о-в Доброго Демона. В первом случае название островов (*Индийские*) как-то не вяжется с заведомо примитивным характером ее жителей — людоедов. Однако эта характеристика, а также и географическое положение о-вов Синды более всего подходит к архипелагу Моей (Мергуи) у берегов самого южного края Бирмы. Ведь Птолемей и на этом побережье помещает людоедов-бесунгетов.

Что касается о-ва Доброго Демона, то здесь, возможно, нашли отражение легенды, ходившие среди индийских и китайских моряков, зафиксированные в более поздних источниках. Эта проблема будет рассмотрена в другом разделе.

Птолемей рассказывает о двух группах островов, лежащих, по его мнению, к югу от экватора (VII, 2,28):

«Барусы, пять островов, где живут людоеды. Средний остров расположен на $152^{\circ}20'$ долготы и $5^{\circ}20'$ южной широты. Сабадейбы, три острова, населенные людоедами. Средний расположен на 160° долготы и $8^{\circ}30'$ южной широты».

По соответствию с долготой городов на материке (эмпорий Баракура, $152^{\circ}30'$, эмпорий Такола, 160°) эти острова должны находиться в Западной Индонезии. Это подтверждается и тем, что остров Ябадиу (бесспорно, это Ява) Птолемей помещает к востоку от них. Создается впечатление, что информаторы Птолемея и

его предшественников рассматривали Суматру не как единый большой остров, а как скопление множества малых островов.

Действительно, и со стороны Малаккского пролива, и со стороны Индийского океана вдоль Суматры тянутся цепи малых и средних островов. А поскольку в первые века нашей эры основной торговый маршрут из Индии в Китай явно пролегал не через Малаккский пролив и тем более не вдоль Западной Суматры, а шел через перешеек Кра или прилегающие к нему районы, то такой малоизведанный путь казался морякам особенно опасным. Кстати, о людоедах на Суматре писал еще Марко Поло. Название островов Барусы, кроме того, перекликается с топонимом Барос на Западной Суматре.

Далее (VII, 2,29) следует остров Ябадиу, название которого как совершенно точно сообщает Птолемей, означает Остров ячменя (пер. с санскрита или пали). «Говорят, — добавляет греческий географ, — что этот остров очень плодороден и производит много золота. Его столица — Аргира (Серебряная) расположена на его западном краю». Координаты Аргире, согласно Птолемею, — 167° долготы и $8^{\circ}30'$ южной широты. Координаты восточной оконечности Ябадиу — 169° долготы и $8^{\circ}30'$. По долготе Ява—Ябадиу у Птолемея соответствует расстоянию между устьем р. Доана (167°) и г.Аганагара (169°)¹⁹. Фактически Ява вытянута в длину не на 2° , а более чем на 9° . В остальном же положение Явы дано довольно точно. Устье Меконга действительно находится практически на одном меридиане с западной оконечностью Явы (106° к востоку от Гринвича), и восьмая параллель южной широты действительно проходит через Яву.

В следующем разделе (VII, 2,30), как и в предыдущем, Птолемей приводит только один топоним, что косвенно

говорит о крупных размерах рассматриваемого географического объекта. Птолемей называет этот объект Островами Сатиров. Островов этих три, и координаты среднего — 171° долготы и $2^{\circ}30'$ южной широты. Как бы объясняя это название, географ добавляет, что у здешних жителей есть хвосты, похожие на те, что приписывают сатирам. Из конструкции фразы видно, что в существование сатиров у себя на родине Птолемей явно не верил, а существование хвостатых людей в дальних морях в принципе допускал.

Под Островами Сатиров, скорее всего, скрывается Калимантан. Как и Калимантан, они расположены на северо-востоке от Явы. Параллель $2^{\circ}30'$ южной широты проходит через Калимантан (и даже недалеко от центра). Орангутаны, которых принимали за сатиров греческие моряки, кроме Калимантана водятся только на Суматре. Но Суматра находится на западе от Явы, и о ее отождествлении уже говорилось.

В завершающем разделе описания островов Юго-Восточной Азии Птолемей пишет (VII, 2,31):

«Говорят, есть десять островов, которые называются Маниолы, где прилипают корабли с железными гвоздями, может быть, потому, что эти острова производят камень Геракла (магнит. — Э.Б.). Там же строят корабли на полозьях. Там живут людоеды маниолы. Средний остров находится на 142° долготы и 2° южной широты».

Последним крупным географическим объектом в островной части Юго-Восточной Азии, который лежит непосредственно за Калимантаном, является архипелаг Филиппины. Как бы подчеркивая его обширность, Птолемей указывает, что в нем десять островов (все остальные группы у него включают от трех до пяти островов). Однако реконструкторы карты Птолемея до

сих пор рисуют его как самый западный в цепочке описанных островов, фактически уже не напротив материковой Юго-Восточной Азии, а напротив Индии²⁰. Ведь его долгота в дошедшем до нас тексте «Географии» Птолемея — 142° (на 8° западнее Читтагонга). Но признать достоверность этой цифры — значит признать единственное в своем роде у Птолемея нарушение последовательного изложения материала, необъяснимого возвращения к уже описанному региону, возвращение тем более неоправданное, что оно помещало где-то в центре Индийского океана несуществующий архипелаг.

Гораздо более логично допустить дефект в дошедшем до нас экземпляре рукописи Птолемея. Если мы допустим, что в оригинале долгота центра Маниол была не 142° , а, скажем, 172° , все становится на свои места: Маниолы расположены к северо-востоку от Островов Сатиров, как Филиппины от Калимантана. Филиппины обладают огромными запасами железоникелевых руд. Возможно, когда-то в древности здесь были обнаружены выходы магнитного железняка, притягивающая сила которого, как это бывает, была удешевлена в моряцких байках. И наконец, как мы уже видели на примере «Географии» Птолемея, многие современные топонимы Юго-Восточной Азии имеют древность порядка двух тысячелетий. В свете этого наблюдения созвучие топонимов *Маниолы* и *Манила* уже не может казаться случайным.

Античные авторы, писавшие после Птолемея, немного добавили к картине, нарисованной великим географом. Более поздние авторы ограничиваются повторением того, что они прочитали у «более ранних», либо развивают мысль об исключительно высоком моральном облике и мудрости Крайнего Востока²¹. Так, в начале III в. сириец Бардесан писал:

«У серов закон запрещает убийство, проституцию, кражу и поклонение идолам. Во всей Стране серое не встретишь ни идола, ни проститутки, ни неверной жены, ни вора, которого тащит стражник, ни убийцы, ни жертвы убийцы. Ибо здесь (даже) сверкающая звезда Марс, проходя через меридиан, не может никого побудить взяться за оружие, а Венера, даже в соединении с Марсом, не может заставить никого вступить в преступную связь с чужой женой, хотя у них Марс стоит весь день в центре неба, а серы рождаются каждый день и каждый час»

цит. по [493, с.77].

Анонимный ученик Бардесана, повторяя эту информацию, добавляет, что строй у этих счастливых обитателей Серики отнюдь не первобытный:

«Несмотря на все это, у них есть богатые и бедные, больные и пышущие здоровьем, правители и подданные, ибо все это отдано попечению правительства»

цит. по [493, с.79].

На этой ноте угасает античная информация о Дальнем Востоке и Юго-Восточной Азии.

Сведения византийских авторов о Юго-Восточной Азии очень скудны и, как правило, ограничиваются общими фразами. Некоторый интерес представляет работа жившего в VI в. Прокопия Кесарийского «Война с готами». Он рассказывает, как при императоре Юстиниане вопреки персидской блокаде в Византию были доставлены шелковичные черви (до этого здесь не было своего шелкоткацкого производства). Энергичные византийские монахи, вернувшиеся из страны «Серинда, расположенной позади многочисленных индийских племен» [493, с. 127], объяснили Юстиниану, что там живут шелковичные черви. Доставить их живыми ввиду дальности расстояния невозможно, но

можно привезти их личинки. Что они и сделали, съездив еще раз в Серинду. Точный перевод слова *Серинда* — Индокитай. Таким образом, этот термин бытовал уже в VI в. и охватывал, по-видимому, не только Индокитайский п-ов, но и всю Юго-Восточную Азию. Хотя Прокопий нигде прямо не говорит об этом, монахи явно оба раза плавали туда и обратно по морю. Если бы они двигались сухопутным путем, им было бы гораздо проще добыть червей на их родине — в Китае. Но этот путь был прочно перехвачен Персией.

Индийские свидетельства о древней Юго-Восточной Азии

В великом индийском эпосе «Рамаяна», сложившемся не позже II в. н.э., Сугрива, царь обезьян, посылая разведчиков во все стороны света, объясняет им, что на востоке, за областями, лежащими у Ганга, находится остров Суварнадвипа, окруженный стеной из золота. Он говорит:

«Далее же, приложив все усилия, вы достигнете Явадвипы (т. е. о-ва Явы), украшенного семью царствами, острова золота и серебра, украшенного золотыми рудниками. Далее, за островом Ява, — гора Шишира, вершина которой касается неба. На ней живут боги и демоны»

цит. по [483, с.56].

О морских сообщениях Индии и Юго-Восточной Азии часто упоминается в буддийских трактатах первых веков нашей эры. Так, в трактате «Милинда паньха», воспроизводящем якобы беседу греко-индийского царя Менандра (Милинды) с буддийским монахом Нагасеной, говорится:

«Итак, великий царь, как богатый капитан, полностью уплатив портовые пошлины, выходит в Великий океан и отправляется в Вангу, Такколу, Чину, Совиру, Сурааттху, Аласанду, Колапутану, Суваннабхуми или любой другой порт...»

Из перечисленных здесь восьми топонимов по крайней мере три относятся к Юго-Восточной Азии. Еще более внушительный список морских портов приводится в «Маха Нидессе» (комментарий к буддийским священным писаниям), где говорится о тяжелой участи моряка:

«Или еще под властью желаний, которые господствуют над его душой, в поисках наслаждений, он отправляется в Великий океан, то ледяной, то обжигающий. Он становится жертвой москитов, мух, ветров, солнца, змей. Он страдает от голода и жажды. Он отправляется в Гумбу, Такколу, Таккасилу, Каламукху, Маранепару, Весунгу, Верапатху, Яву, Тамалим, Вангу, Элаваддхану, Суваннакуту, Суваннабхуми, Там-мбапанни, Суппару, Бхаракаччу, Сураттху, Анганеку, Гангану, Парамагангану, Алласанду, Марукантару, Джаннупатху, Аджапатху, Мендхапатху, Санкупатху, Чаттапатху, Вансапатху, Сакунапатху, Дарипатху, Веттадхару и так еще мучается, очень мучается»

[661, с.1—2].

Последние девять топонимов в списке «Маха Нидессы» не имеют точной географической привязки. В переводе они означают: *Дорога золота, Дорога козлов, Дорога баранов, Дорога зонтов, Дорога бамбука, Дорога птиц, Дорога мышей, Дорога пещер, Дорога тростников*. Все эти названия связаны с легендами, подчеркивающими особую опасность дальних путешествий. Что же касается первых 22 топонимов в списке, то большинство из них идентифицируются и выстраиваются в определенный маршрут, который начинается в Индии и далее следует в Юго-Восточную Азию. Первый пункт маршрута — Гумба пока что точно не определен, и неясно, находится ли этот порт еще в Индии или уже в Юго-Восточной Азии. Но второй пункт — Таккола, *Город благовоний* или *Город пряностей*²², упомянутый и Птолемеем в форме Такола, был первым крупным портом на Малаккском п-ове, куда прибывали корабли, плывшие с запада. Он, по-видимому, находился возле современного города Такуапа. Оттуда ведет один из наиболее коротких и удобных путей

через Малаккский п-ов, выходящий к бухте Бандон на восточном берегу полуострова.

Третьим пунктом в списке «Маха Ниддесы» идет Таккасила, которой у Птолемея соответствует р. Токосанна (совр. р. Каладан). В устье этой реки сейчас стоит столица Аракана — Ситуэ (Акьяб).

Шестым пунктом в списке идет Весунга, соответствующая у Птолемея реке и городу Бесунге (современные река и город Тавой в Бирме). Жителей этой области — бесунгетов Птолемей рекомендует как людоедов.

Под восьмым номером в списке идет Ява, топоним, в комментариях не нуждающийся. Девятый номер — Тамалим, т. е. Тамбралинга (совр. Лигор на восточном берегу Малаккского п-ова), десятый — Ванга, что соответствует о-ву Бангка (близ Суматры). Под одиннадцатым номером стоит не идентифицированная до сих пор Элаваддхана. Этот топоним, возможно, пыталась передать китайская летопись I в. н.э. названием *Царство Илumo*. Под двенадцатым и тринадцатым номерами стоят два «золотых» топонима — Суваннакута и Суваннабхуми (в санскритском варианте — Суварнабхуми). Эти топонимы могли обозначать и Юго-Восточную Азию в целом как источник золота, и какие-то конкретные территории внутри этого региона.

Золотая земля обозначает как бы крайнюю восточную точку плаваний индийских купцов. После этого маршрут поворачивает обратно: Таммбапанни (Шри Ланка) — номер четырнадцать, Суппара, Бхаракачча, Сураттха (три порта на западном побережье Индии) — номера пятнадцать, шестнадцать и семнадцать. Далее он ведет в Средиземноморье: Йона (Греция), номер двадцать один, Парамайона (Великая Греция, т. е. Италия) — номер двадцать два. Алласанда (Александрия) — номер

двадцать три. Завершает список порт Марукантара, до сих пор не идентифицированный [483, с.57].

Китайские свидетельства о древней Юго-Восточной Азии

Первые сведения китайских летописей о Юго-Восточной Азии (за пределами Вьетнама) относятся ко II в. до н.э. При императоре У-ди (140—87 до н.э.) началась активная экспансия Ханьской империи на юг. В 111 г. до н.э. был аннексирован Северный Вьетнам. Примерно в это же время развернулось наступление китайских войск на территории будущей провинции Юньнань. Находившиеся здесь царства Дянь и Елан были союзниками вьетнамского государства Наньюэ (Намвьет). После падения Намвьета китайский полководец Го Ши-юн вторгся в пределы этих царств. В 110 г. до н.э. произошла решающая битва. Мэн Ан — молодой и неопытный царь Дянь, командовавший соединенными войсками южных царств, сначала обратил китайские войска в бегство, но, попав в засаду, погиб вместе со всем своим штабом. Согласно преданию, вдова Мэн Ана, еланская принцесса по имени Утренняя звезда, в свою очередь, заманила Го Ши-юна в ловушку и он погиб вместе со своей армией. Однако последующие события не подтверждают этой версии. Уже в 109 г. до н.э. новый царь Дянь и царь Елана капитулировали. Император У-ди сохранил за ними царские титулы и пожаловал им царские печати, но превратил завоеванные земли в префектуру Ичжоу [678, с.208]. С местной государственностью на юго-западе Китая, таким образом, было покончено. После завоевания Дянь и Елана китайские войска вышли к северным рубежам Бирмы. Неизвестно, проникли ли они при этом в глубь нынешней бирманской территории, но первые связи китайцев с тогдашним населением Бирмы, несомненно, относятся к этому времени. Тогда же,

видимо, были и первые попытки установить сухопутную связь с Индией через Бирму.

В I в. до н.э. — I в. н.э. эти связи постепенно укреплялись по мере укрепления китайской власти в Юньнани. Южные горцы враждебно относились к этой власти и пытались скинуть ее при каждом удобном случае. Первое восстание в регионе произошло в 86 г. до н.э., сразу после смерти властного императора У-ди. Второе разразилось в 28 г. до н.э., когда Ханьская империя стала слабеть и утратила возможность эффективно контролировать свои окраины. Юго-западные районы восстановили свою независимость более чем на 50 лет (28 до н.э. — 25 н.э.) [678, с.208].

Третье мощное восстание вспыхнуло на юго-западе одновременно с освободительной войной во Вьетнаме, которую возглавили сестры Чынг. Это восстание продолжалось три года (42—45 н.э.). Только в 45 г. н.э. китайский генерал Лю Шан, завершив новое завоевание Вьетнама, смог повернуть свои войска против восставших районов юго-запада. Энергично преследуя повстанцев, он в 47 г. н.э. загнал их за Меконг (в верховьях эта река называется *Ланьцанцзян*) на территорию племенного объединения Нгайлао. Земли этого возникшего, видимо, недавно протогосударства лежали в верховьях Меконга и Салуина, захватывая часть Северной Бирмы и перегораживая сухопутную дорогу Китай — Индия. Первые попытки покорить Нгайлао были безуспешными, но китайское правительство проявило упорство, и в 59 г. н.э. (по другой версии, в 69 г. н.э.) Нгайлао было наконец завоевано, а на его землях была организована новая пограничная префектура — Юнчан (в нее вошли также шесть уездов старой юго-западной префектуры Ичжоу).

С этого времени устанавливаются прочные связи Китая и Индии через Верхнюю Бирму. По вновь открытой дороге в Юнчан стали прибывать люди и

товары не только из Индии и Бирмы, но даже из Римской империи. Китайская летопись «Хоу Хань шу» сообщает:

«В девятый год периода Юн-юань правления императора Хэ-ди (97 н.э.) варварские племена за границей и царь страны Шань (или Дань) по имени Юньюдяо прислали двойных переводчиков с данью и были одарены государственными драгоценностями. Император Хэ-ди (89—106) пожаловал царю Юньюдяо золотую печать с пурпурной лентой, а малым вождям — печати, ленты и деньги»

[624, с.36].

В 107 г. н.э. в Юнчан прибыло отдельное посольство от племени Лудей в Северной Бирме. Китайский летописец называет его племенем пигмеев.

В 120 г. н.э. в китайскую столицу Лоян прибыло новое посольство из царства Шань (Дань) с весьма любопытным подарком императору Ань-ди (107—126).

«В первый год периода Юннин (120 н.э.)... царь Юньюдяо снова прислал посольство, которое было принято в присутствии Его Величества, и жонглеров. Они могли показывать фокусы, выдыхать огонь, связывать и развязывать свои члены без посторонней помощи, переменять головы коров на головы лошадей и могли танцевать с мячами, используя до тысячи мячей.

Они сказали о себе: „Мы с Западного моря“. Западное море — это то же, что Да-цинъ (Римская империя. — Э.Б.). На юго-западе страны Шань (Дань) (начинается) путь в Да-Цинь. В начале следующего года (121 н.э.) они (музыканты и жонглеры из Да-цинъ) давали представление перед императором (Ань-ди), который пожаловал Юньюдяо титул дадувэй (вассальный князь) Ханьской империи вместе с печатью и шелковой лентой, расшитой золотом и серебром, каждая эмблема на которых имела свое значение»

Таким образом, в I—II вв. н.э. Ханьская империя пришла в соприкосновение с достаточно крупным бирманским государством, которое контролировало не только Верхнюю Бирму, но и выход к морю, если понимать буквально выражение «На юго-западе страны Шань (Дянь) — ... путь в Да-цин»». Причем этот выход к морю (если он был) был не на юге, в низовьях Иравади, где, по мнению моряков I—II вв. н.э., жили негостеприимные племена людоедов, а именно на юго-западе — где-то в Северном Аракане. По этому пути (либо по пути, начинающемуся в низовьях Ганга) через Верхнюю Бирму в Юньнань и шел мощный поток товаров и людей, среди которых попадались и такие экзотические гости, как жонглеры и фокусники из Римской империи. Этим царством, скорее всего, был Тагаун — первое бирманское царство согласно хроникам этой страны. Но этот вопрос подробнее будет рассмотрен в главе VI.

Наиболее раннее свидетельство о морских связях Китая с Юго-Восточной Азией содержится в летописи «Цянь Хань шу» («История династии Ранняя Хань»), составленной в I в. н.э. Южный путь из Китая в Индию был освоен китайцами уже в период правления династии Хань. Как сообщает летописец, после пяти месяцев плавания от южных границ Китая мореходы достигали страны Дуюань, затем, миновав страну Илумо, они в неизвестном нам пункте — стране Шэньли Малаккского п-ова — пересекали ее по суше за 10 дней и попадали в страну Фугандуло (возможно, речь идет о двух странах — Фуган и Дуло, так как последнее название встречается в летописях и отдельно). Оттуда за два месяца морского пути они достигали Индии. Судя по продолжительности, путь все время шел вдоль побережья. Летописец сообщает:

«Эти страны обширны, их население многочисленно, многие их товары необычны. Со времени императора У все они приносят дань. Главные переводчики (китайские чиновники. — Э.Б.) ... вместе с добровольцами отправляются в море, чтобы покупать блестящий жемчуг, стекло, редкие камни и необычные продукты в обмен на золото и шелк. Все страны, которые они посещают, оказывают им гостеприимство и снабжают пищей. Торговые суда варваров доставляют китайцев по назначению. Это выгодное дело для варваров, которые также грабят и убивают»

[560, с.12].

Из этого отрывка ясно, что «варвары» Юго-Восточной Азии в конце I тысячелетия до н.э. далеко обогнали Китайскую империю в морском деле и что торговля здесь на раннем этапе, как и всюду, была тесно связана с пиратством.

Страны Юго-Восточной Азии в первые века нашей эры поддерживали связи с Мадагаскаром, Восточной Африкой и странами Средиземноморья. К 166 г. в Китай по морю прибыло посольство римского императора Марка Аврелия. Летопись «Лян шу» сообщает:

«Это посольство (166 г.) было единственным в эпоху Хань. Купцы этой страны (Да-цин) часто посещают Фунань, Жинань и Цзяочжи, но мало кто из жителей этих пограничных государств утверждает, что побывал в Да-цин. В пятый год периода Хуанью правления императора Сунь Цюаня (266 г.) купец из Да-цин по имени Циньлунь прибыл в Цзяочжи. Губернатор Цзяочжи У Мяо отправил его к императору, который велел ему составить отчет о своей родине и о своем народе. В это время поймали черных карликов и Циньлунь сказал: „В Да-цин их редко видят“. Тогда император Сунь Цюань послал (в Да-цин) десять карликов и десять карлиц с чиновником Лю Сянем и с

Циньлунем. В дороге Лю Сянь умер, а Циньлунь вернулся в свою страну»

[624, с.48].

Есть ряд свидетельств о высоком уровне кораблестроения в Юго-Восточной Азии. Иностранные купцы (в том числе и китайские) часто пользовались услугами местных моряков. При этом не обходилось без недоразумений, о чем свидетельствует жанровая сцена, записанная одним из китайских авторов:

«В Фунани при сделках всегда пользуются золотом. Люди, арендовавшие корабль, чтобы отправиться на Восток или Запад, и не достигшие порта назначения в уговоренное время, стремятся уменьшить количество золота, которое они платят хозяину корабля. Тогда шкипер устраивает им розыгрыш. Он притворяется, будто киль судна в чем-то увяз и судно не может двигаться ни назад, ни вперед. Пассажиры, конечно, пугаются и начинают приносить жертвы богам. Тогда судно становится таким, как прежде»

[771, с.255].

Но наряду с зонами высокой цивилизации в Юго-Восточной Азии первой половины I тысячелетия н.э. существовали также зоны, где первобытное общество не поднялось еще над уровнем каменного века. Китайский источник, восходящий к III в. н.э., сообщает:

«В пещерах у Фунаньского моря (Сиамский залив. — Э.Б.) живут люди, подобные диким животным. Их тела черны, как лак, а зубы совершенно белые. Они меняют свои убежища сообразно временам года и не имеют постоянного места жительства... Они едят только рыбу и мясо и ничего не знают о сельском хозяйстве. В холодную погоду они не носят одежду, но покрывают себя песком. Иногда они собирают свиней, собак и кур...

Хотя они имеют человеческую внешность, они примитивны, как домашние животные»

[928, с.53].

Глава II. ВЬЕТНАМ

Первые государства во Вьетнаме

Во II тысячелетии до н.э. предки вьетнамцев жили в Южном Китае.

Китайцы называли их цзяо-чжи. Цзяо по-китайски — *водяной дракон* — таким образом, наиболее вероятное объяснение этого слова — *люди дракона*, хотя есть и другие толкования. Сами вьетнамцы и родственные им народы считают своим предком именно дракона, существо тесно связанное с водяной стихией. Жизнь древних вьетских племен была тесно связана с водой. Рыболовство долгое время было едва ли не ведущей отраслью их хозяйства. Как сообщали китайские авторы, «люди ху (северные соседи Китая) искусно ездят на лошадях, а народ вьет искусен на лодках»; «в государстве Цинь стоят и ездят на колесницах, а в государстве Вьет сидят и ездят на лодках»; «народ вьет имеет хороший боевой флот и искусно управляет кораблями» (цит. по [261, с. 140]).

По преданию, древнейшим государством вьетов (юэ) был Вьеттхыонг (Юэ), основание которого относят ко времени китайского царя Чэн-вана (1115—1078 до н.э.), однако практически никаких достоверных сведений об истории этого царства до нас не дошло. Неизвестно даже, находилось ли это царство на территории современного Китая или Вьетнама.

Значительно более достоверно существование вьетского государства Ванланг, которое большинство наших специалистов считает просто племенным союзом. Вьетнамская летопись «Вьет шы лыок» («Краткая история Вьета») сообщает о времени правления китайского царя Чжуан-вана (696—681 до н.э.) следующее:

«В племени Зянинь¹ был необыкновенный человек, который с помощью волшебства покорил все племена.

Он назвался Хунг Вьонг, основал столицу в Ванланге. Государство называлось Ванланг. В стране существовали бесхитростные обычаи. Государственные дела велись с помощью узелков². Передавали престол в 18 поколениях, всех звали Хунг Вьонг»

[184, с.109].

Сообщение о волшебнике не следует понимать в том смысле, что власть перешла в руки кого-то из жрецов, хотя и такой вариант основания государства возможен. Скорее перед нами типичная для китайской исторической школы рационализация мифа о чудесном происхождении первого царя вьетов. Этот миф сохранился во вьетнамской легенде «О ста яйцах». В ней рассказывается о том, как Лак Лок Куан (потомок дракона и, судя по всему, сам дракон) вступил в брак с Ау Ко (дочерью небесной феи). Ау Ко родила мешок, в котором была сотня яиц. Из них вышли сто юношей. Когда они выросли, Лак Лок Куан обратился к своей жене с такой речью:

«Я произошел от дракона, я жил раньше в море, а ты от небесной феи и жила на небе. Мы не можем быть вечно вместе. Нам нужно вернуться в те края, откуда мы вышли»

[87, с.251].

После этого Лак Лок Куан взял 50 сыновей и отправился с ними к морю. А Ау Ко с 50 сыновьями отправилась в горы.

«Сыновья (Лак Лок Куана) поселились в разных местах и стали вождями местных племен. Потом самый старший из 50 сыновей, последовавших за матерью, был избран королем всех племен страны Юга и под именем Хунг Вьонг Первый долго правил ими»

[87, с.252].

Династия Хунг Выонгов, общим числом — 18³, правила в Ванланге до середины III в. до н.э. Около 257 г. до н.э.⁴ глава другого вьетского объединения — Тэйау по имени Тхук Фан отстранил от власти Хунг Выонга XVIII и, соединив свои владения с Ванлангом, дал им новое название — *царство Аулак*. Тхук Фан, единственный царь новой династии, под именем Ан Зыонг Выонг правил, если верить летописи, ровно 50 лет⁵. Он построил себе новую столицу Колоа (немного севернее современного Ханоя), которая представляла собой сильно укрепленную крепость. Само название *Колоа* («Улитка»), по преданию, указывало на сложную (спиральную) систему фортификаций. Согласно древним источникам, крепостной вал Колоа имел извилистую форму и состоял из девяти ярусов. До нашего времени в Колоа сохранились три пояса земляных валов, общей протяженностью 16 км. Перед каждой стеной находился широкий и глубокий ров, по которому могли проходить речные суда. Сеть рвов была связана друг с другом и с рекой Хоангзянг. Таким образом, полностью блокировать крепость было практически невозможно. Осажденные всегда могли получить по воде подкрепление и продовольствие.

Такое трудоемкое строительство отнюдь не было пустой прихотью Ан Зыонг Выонга. В соседнем Китае уже несколько десятилетий полыхали междоусобные войны, которые в 221 г. до н.э. завершились образованием первой китайской империи Цинь. Император Цинь Шихуан, объединив китайские земли, тут же стал претендовать на земли соседей Китая. Государства юэ, родственных вьетам Аулака, расположенные на территории нынешнего Южного Китая, одно за другим становились жертвой его агрессии. Аулак, самое южное из этих государств,

оказал китайским войскам наиболее упорное сопротивление.

Знаменитый китайский историк Сыма Цянь писал:

«В те времена империя Цинь потерпела неудачу на севере с племенами гуннов, а на юге — с вьетами. Захватив на юге бесплодные земли, китайские войска не могли ни продвинуться дальше, вперед, ни выбраться оттуда. Десятки лет подряд мужчины не снимали кольчуг, а женщины должны были заниматься подноской грузов для армии, испытывая невыносимые трудности. Многие кончали жизнь самоубийством, вешаясь на деревьях вдоль дорог, на глазах друг у друга. Сразу после смерти императора Цинь Шихуана (209 до н.э.) вся страна восстала против Циней»

цит. по [150, с.40—41].

Вьетнамская летопись дополняет этот рассказ другими подробностями. Так, описывается год Красной Свиньи (214 до н.э.), в который династия Цинь «возжаждала земли Вьет», где имелось много жемчуга, как круглого, так и неправильной формы. Надеясь захватить эту землю и учредить область и уезды, «заставляли бродяг, зятьев-примаков и торговцев из всех военных округов идти в солдаты, назначили Ту Суя командующим, а Ши Лу поручили рыть каналы, овладеть путем подвоза продовольствия, углубиться на территорию Линьнама, захватить землю Люлян, учредить [округа] Гуйлинь, Наньхай и округ Сян, чтобы ссыльные были отправлены туда охранять границы». Тогда все вьеты, отмечает летопись, «уговорились скрыться в лесах. Никто не хотел, чтобы его использовали Цини. Более того, они тайно избрали способных людей военачальниками. И им удалось убить Ту Суя».

После падения Циньской империи Китай долго не мог восстановить контроль над недавно завоеванными

окраинами. Некоторые бывшие китайские губернаторы в этих землях превратились фактически в независимых царьков. Между ними началась борьба за передел владений. В этой борьбе победил Чжао То, губернатор Наньхая (совр. пров. Гуандун), захвативший соседние округа Гуйлинь и Сян. Свое новое царство он назвал Намвьет, а столицей избрал богатый торговый порт Паньюй (в районе совр. Гуанчжоу). После нескольких неудачных попыток Чжао То с помощью хитрости около 179 г. до н.э. удалось захватить и Аулак. Если верить легенде, престарелый Ан Зыонг

Выонг, проиграв сражение, покончил с собой, бросившись в море [150, с.42; 350, с.286—295].

Государство Намвьет находилось в сложных отношениях с ханьским Китаем, то номинально признавая свою зависимость от империи, то конфликтуя с ней. Пока был жив Чжао То (он умер между 140 и 135 до н.э.), китайским императорам не удавалось сломить Намвьет вооруженной силой. Но при его преемниках началась постепенная деградация династии. Кризис наступил при праправнуке Чжао То царе Ай Выонге (113—112 до н.э.). Конфронтация между сторонниками прокитайской и антикитайской политики привела к государственному перевороту, в ходе которого был убит не только царь Ай Выонг и его мать, реально руководившая политикой царства, но и перебито китайское посольство.

Энергичный китайский император У-ди (140—87 до н.э.) в полной мере воспользовался открывшейся возможностью. В 111 до н.э. его войска разгромили непрочно сидевшего на троне последнего царя Намвьета Тхуат Зыонг Выонга и У-ди аннексировал Намвьет. Начался более чем тысячелетний (111 до н.э. — 939 н.э.), хотя и с некоторыми перерывами, период китайского господства во Вьетнаме.

Вьетнам с конца II в. до н.э. до начала X в. н.э.

После ликвидации государства Намвьет территория бывшего царства Аулак была преобразована в область (бо) Зяоти, во главе которой стоял китайский губернатор, имевший высокий ранг цыши (*инспектор-цензор*). Область делилась на девять округов, из которых три находились на территории современного Вьетнама: собственно Зяоти (Северный Вьетнам), Кыютян (северная часть Центрального Вьетнама), Нятнам (центральная часть Центрального Вьетнама). В этих трех округах согласно переписи, устроенной китайским правительством в I в. до н.э., проживало 143 643 семьи и 981 735 податных душ [150, с.44]. Остальные шесть округов области Зяоти находились на территории современных китайских провинций Гуанси, Гуандун и о-ва Хайнань.

Во главе округов также стояли китайские чиновники в звании тайшоу. Но более низшими административными единицами управляли, как правило, вьетнамцы, которых называли (как и в период независимости) *лак тыонг*. Их знаком власти была медная печать на синем шнуре. Они также имели право носить особую одежду. В администрацию более мелких единиц китайские власти не вмешивались. Однако здесь, как и в других местах юга, они постоянно заботились о росте китайскоязычного населения. Вьетнам стал районом массовой ссылки китайских преступников, а также переселения китайской безземельной бедноты.

В то же время шла работа по ассимиляции верхушки вьетнамского населения. Так, губернатор Си Гуан (1—25 н.э.) основывал школы для вьетнамской молодежи, в которых преподавались основы китайской цивилизации,

а иногда внедрял эту цивилизацию просто в приказном порядке. Например, он приказал местному населению следовать китайским брачным обрядам, а также носить китайскую обувь и шапки. Это раздражало вьетнамцев еще больше, чем тяжелые налоги и государственные монополии на соль, железо и другие важные товары.

После реставрации Ханьской династии в 25 г. н.э. новый император Гуан У-ди решил подтянуть разболтавшиеся окраины и послал туда решительных чиновников. В Зяоти он направил Су Дина. Су Дин, этот современник Понтия Пилата, оставил после себя во Вьетнаме столь же тягостные воспоминания, как и упомянутый римский губернатор в Палестине. Его непреклонность в проведении имперской политики сочеталась с весьма низким моральным уровнем. Как сообщают исторические источники, «при виде денег у него глаза выкатывались на лоб» (цит. по [150, с.45]).

К концу 30-х годов политика китаизации, которую проводил Су Дин, и методы, которыми он при этом пользовался, породили организованное сопротивление. Представитель старой вьетнамской знати Тхи Шать сумел вовлечь в антикитайский заговор большое число племенных вождей и командиров местных, укомплектованных вьетнамцами войск. Су Дин, видимо осведомленный о готовящемся восстании, хотя и не знавший подробностей, решил нанести упреждающий удар. Он схватил Тхи Шатя и убил его без суда и следствия. Но это не смогло остановить готовившегося восстания, руководство которым взяла в свои руки Чынг Чак, вдова Тхи Шатя, сама из знатной семьи, происходившей от царей Ванланга Хунг Выонгов.

В марте 40 г., вместе со своей сестрой Чынг Ни, Чынг Чак подняла восстание в районе древней столицы Ванланга — Мелинь. Решительное наступление на резиденцию китайского губернатора крепость Луилау (в совр. пров. Хабак) привело к тому, что Су Дин, сначала

пытавшийся оказать сопротивление, не выдержал и, бросив все атрибуты своей власти вплоть до губернаторской печати, переоделся во вьетнамское платье и бежал в Наньхай (совр. пров. Гуандун). Вся остальная китайская администрация (точнее сказать, то, что от нее осталось) бежала вслед за ним. Все четыре округа, населенные вьетнамцами, — Зяоти, Кыутян, Нятнам, Хэфу поддержали восстание сестер Чынг. За краткий срок они овладели всеми 65 уездными центрами на вьетнамской территории. Чынг Чак была провозглашена царицей. Ее столицей стал Мелинь. Первым актом новой царицы было освобождение всего населения страны от налогов.

Император Гуан У-ди, занятый восстаниями в других частях империи, только в 42 г. н.э. смог направить во Вьетнам знаменитого генерала Ма Юаня. Но даже для Ма Юаня, который был, помимо всего прочего, специалистом по подавлению народных восстаний, эта задача оказалась непростой. Первое вторжение Ма Юаня во Вьетнам, вдоль берега моря, окончилось неудачей. Войска Тхань Тхиен, соратницы Чынг Чак, которой была поручена оборона этого участка, заманили китайцев в засаду и нанесли им серьезное поражение. Ма Юаню пришлось уйти из Вьетнама в округ Цану (совр. пров. Гуанси). Оттуда он нанес новый удар с северо-западного направления, через перевал Тиланг, там, где его не ждали. Таким образом, китайские войска проникли в глубь Вьетнама. Началась ожесточенная борьба за каждый опорный пункт, за каждую крепость. Сестры Чынг, постепенно отступая, перенесли свою резиденцию в Камкхе, а потом в Хатмон. В мае 43 г., после года отчаянного сопротивления, сестры Чынг, оказавшись в безвыходном положении, покончили с собой, бросившись в реку Хатзянг [150, с.48; 656, с.92].

Соппротивление во Вьетнаме, однако, продолжалось и после мая 43 г. Уже упоминавшаяся Тхань Тхиен продолжала борьбу в горных районах севера. Две другие предводительницы, Бат Нан и Ле Тян, действуя партизанскими методами, наносили удары по речным и сухопутным коммуникациям китайских войск. Южная область страны Кыутян, которой управлял назначенный царицей Чынг Чак губернатор До Зыонг, до ноября 43 г. была свободна от китайских войск. Только длительный массовый террор принес в конечном счете победу Ма Юаню. Тысячи вьетнамцев были истреблены карательными войсками, тысячи бежали из страны⁶. Старая вьетнамская аристократия практически погибла в годы этого восстания. Те, кто не был убит и не эмигрировал, были лишены титулов и выселены во внутренние районы Китая. Ма Юань организовал во Вьетнаме регулярную администрацию по китайскому образцу [656, с.94].

Политика ассимиляции, однако, продолжала встречать упорное сопротивление вьетнамцев и их южных соседей — тямов, которые в I в. н.э. также частично были включены в состав Китайской империи. «Вьет шы лыок» сообщает:

«В третьем году эры Юн-хэ (138 н.э.) правления Шунь-ди варвар из Тьонглама по имени Кху Лиен поднял бунт, убил крупных чиновников. (Династия) Хань назначила Чжан Цяо цыши (наместником. — Э.Б.). Цяо прибыл на место и уговорил варваров; все сдались, а затем рассеялись»

[184, с.114].

Не прошло и четверти века, как в южной области Кыутян вспыхнуло новое восстание:

«В третьем году эры Янь-си (160 н.э.) правления Хуаньди в Кыутяне вновь взбунтовались. (Династия

Хань) назначила Ся Фана цыши. Зимой, в одиннадцатом месяце, более 20 тысяч разбойников подчинились»

[184, с.114].

Особый размах народные восстания приняли в конце правления династии Хань, когда одряхлевшая империя уже не могла эффективно контролировать свои окраины. Особенно мощным было восстание под предводительством Лыонг Лонга (178—181), когда повстанцы четыре года полностью контролировали всю страну. «Вьет ши лыок» кратко сообщает:

«В четвертом году эры правления Гуан-хэ (181 н.э.) варвар О Хы поднял мятеж. Лян Лун, воспользовавшись этим, предал. Его войска насчитывали несколько десятков тысяч человек. Император приказал Чжу Цзюню разбить его, назначил Цзюня цыши»

[184, с.115].

Но едва лишь было подавлено это восстание, как вспыхнуло новое.

«В первом году эры Чжун-пин (184 н.э.) правления Лин-ди жители провинции и войска, расположенные там, схватили цыши. Император назначил Цзя Цуна цыши. Цун прибыл на место, чтобы умиротворить их, но в провинции уже все было спокойно. Народ пел:

Папаша Цзя прибыл поздно,

Вынудив нас взбунтоваться не дожидаясь.

Теперь же увидел, что все тихо,

А чиновники боятся притронуться к пище»

[184, с.115].

В бурные годы крестьянских войн и междоусобной борьбы в Китайской империи Вьетнамом около 40 лет управлял губернатор Ши Ниеп (187—226). Ему удалось сохранить мир и порядок на своей территории. Область Зяоти при нем была как бы оазисом нормальной жизни среди сотрясаемой катаклизмами империи. Сюда

бежали многие представители интеллектуальной элиты. Хотя Ши Ниеп формально не принял царского звания, в своей политике он вел себя как независимый государь и усвоил многие атрибуты царского поведения. «Вьет шы лыок» сообщает:

«Когда он переезжал с места на место, били в гонг, устраивали пышные церемонии, громко раздавались звуки труб и барабанов, на дороге царило оживление, в повозке за занавесками сидело несколько десятков жен»

[184, с.115].

Только после смерти Ши Ниепа император Да-ди (222—252) из династии У смог восстановить контроль над вьетнамскими землями. Для этого он разделил слишком обширную область Зяоти на две части, поставил во главе каждой нового губернатора, а они уж общими силами и, как говорит летопись, «при помощи хитрого плана» уничтожили Хуэя, сына Ши Ниепа, который поднял войска для защиты владения, которое он уже считал своей вотчиной.

После этого во Вьетнаме наступило затишье, но ненадолго. В 248 г. в стране разразилось новое мощное антикитайское восстание, охватившее целиком округа Зяоти и Кыутян. Во главе его, как когда-то в 40-е годы, встала женщина — Чьеу Тхи Чинь, сестра одного из влиятельных вождей в округе Кыутян. Одетая в кольчугу с золотыми застежками, на боевом слоне, она сама сражалась в первых рядах своего войска. Армия Чьеу Тхи Чинь разгромила в раде сражений войска китайского губернатора. Сам он был убит. Императору Да-ди пришлось посылать во Вьетнам нового наместника — генерала Лю Иня с новым войском. Лю Иню удалось подкупить некоторых вождей восстания. В конечном счете Чьеу Тхи Чинь была окружена на холме Тунг (совр. пров. Тханьхоа) и погибла там.

После нового восстания в 262 г., в ходе которого были убиты и губернатор Сун Цзы и ревизор Дэн Сюнь, который прибыл, чтобы проверить жалобы на него, а вместо этого сам занялся грабежом, У-ди, первый император династии Цзинь, в 264 г. провел во Вьетнаме очередную реорганизацию. Новое наместничество назвали *Зяотяу*. Оно состояло из четырех округов: Хэфу⁷, Зяоти, Кыутян и Нятнам. Этот последний, самый южный округ, впрочем, вскоре был захвачен государством Тямпа, возникшим в Центральном Вьетнаме в 192 г. Столицей области Зяотяу стал город Лаунгбиен (совр. пров. Тхайбинь).

Новая администрация, однако, также не смогла добиться стабильности в стране. В 271 г. вспыхнуло восстание в Фунгиене (совр. пров. Виньфу), в 299 г. — в Кыутяне и других местах. Малейшее ослабление китайской власти в стране, например отъезд или смерть наместника, могло послужить сигналом к восстанию. А вьетнамский вождь, овладевший властью во Вьетнаме, обычно ставил императора перед свершившимся фактом, вынуждая его признать себя наместником Вьетнама. Таким самовольно взявшим власть наместником был Лыонг Тхан (319—323). Другой вьетнамский вождь, Ли Чыонг Нян, после смерти китайского губернатора поднял восстание, перебил китайских чиновников и объявил себя губернатором, а затем с неизменным успехом отражал все попытки губернаторов, назначаемых из Китая, вступить в эту должность.

В 411 г. на территории Вьетнама появились отряды участников потерпевшего поражение в Китае крестьянского восстания под предводительством Сун Аня и Лу Сюня. Здесь они встретили поддержку местного населения. Более 6 тыс. вьетнамцев вступили в ряды армии Лу Сюня. Это было первое совместное

выступление вьетнамских и китайских повстанцев [150, с. 70; 184, с.117].

В начале VI в. к власти в Китае пришла династия Лян (502—557). Во Вьетнаме снова была произведена административная реорганизация. Штаты чиновников сильно разбухли, а число и размеры налогов сильно возросли. Недовольство населения вскоре проявилось в восстании Ли Тонг Хиеу в 516 г. Это восстание было быстро подавлено, но оно оказалось лишь прологом к гораздо более мощному антикитайскому движению, которое охватило страну в начале 540-х годов.

Во главе нового восстания, которое освободило Вьетнам от китайской зависимости более чем на полвека, встал отставной чиновник Ли Бон. По национальности он был китаец, но во Вьетнаме жили уже семь поколений его предков. Поэтому он вполне отождествлял себя с вьетнамским народом. Восстание, поднятое им в начале 542 г., получило поддержку всех слоев населения. За неполные три месяца китайская власть на вьетнамских землях (область Зяотяу) была полностью ликвидирована. Наместник Сяо Цзы, родственник императора У-ди (502—550), уже в самом начале восстания бежал в Китай, бросив на произвол судьбы свою сильно укрепленную столицу Лаунгбиен, которая скоро перешла в руки восставших. Карательная экспедиция, которую послал император У-ди во Вьетнам в апреле 542 г., быстро потерпела поражение и была вынуждена вернуться в Китай [150, с.72].

После фундаментальной военной и дипломатической подготовки, в ходе которой китайские дипломаты уговорили царя Тямпы Рудравармана I (около 529 — около 565) нанести Ли Бону удар с тыла, когда его войска будут связаны на северной границе, войска У-ди в начале 543 г. снова вторглись во Вьетнам. Однако и на этот раз Ли Бон нанес им решительное поражение. Три четверти этой армии было уничтожено, большая часть

командиров пала на поле боя, а тех, кто уцелел и вернулся в Китай, казнил разгневанный император У-ди. В мае 543 г. в южные районы Вьетнама вторгся замешкавшийся Рудраварман I. Но соратник Ли Бона, талантливый полководец Фам Ту, быстро положил конец его успехам. Разгромленный Рудраварман I отступил на свою территорию и в следующие 15 лет не пытался повторить свой набег на Вьетнам.

В январе 544 г. Ли Бон формально провозгласил независимость Вьетнама. Новое государство получило название *Вансуан* («Десять тысяч весен»). Сам Ли Бон принял титул *Нам-дэ* («Император страны Юга»). В правительство Ли Бона вошли Фам Ты, назначенный военным министром, и конфуцианский ученый Тинь Тхиеу, которому в свое время, как вьетнамцу, не хотели доверить никакой должности выше чем пост привратника. Теперь он заведовал всеми гражданскими делами страны. Новое правительство стало вести дела под лозунгом национального возрождения. По приказу Ли Бона в качестве символа нового государства был построен храм Кхайкуок («Рождение страны»). Объектом религиозного поклонения стали герои освободительной борьбы прежних веков, в частности Ба Чьеу (Чьеу Тхи Чинь), возглавлявшая народное восстание 248 г. [150, с.72].

Император У-ди, который никак не мог примириться с потерей Вьетнама, в начале 545 г. послал туда новую, гораздо более мощную армию, которой командовал генерал Чэнь Басянь. Его сопровождал сановник Ян Бяо, назначенный императором на пост губернатора Зяотяу.

«Вьет шы лыок» с присущим ей лаконизмом рассказывает о ходе этой кампании, в которой на стороне Чэнь Басяня было не только военное мастерство, но и большое численное преимущество:

«(Ли) Бон выставил против них (китайских войск. — Э.Б.) тридцатитысячное войско, потерпел поражение при Тюзиене (совр. пров. Хайхынг. — Э.Б.), вновь потерпел поражение в устье реки Толить⁸. (Ли) Бон бежал в крепость Зянин (совр. пров. Виньфу. — Э.Б.). (Ян) Бяо подтянул войска и осадил ее. (Ли) Бон бежал к племени Лао в Тансыонг⁹. Затем (Ли) Бон снова выставил двадцатитысячное войско, расположив его у озера Диенгиет (совр. пров. Виньфу. — Э.Б.), построил множество боевых кораблей, заполнив ими все озеро¹⁰. В ту ночь уровень воды в реке внезапно поднялся. (Чэнь) Басянь повел войско по течению реки вперед, войска били в барабаны, кричали и шли за ним. (Ли) Бон не подготовился к бою и поэтому был разбит, отступая, расположился в пещере Кхуатлао (совр. пров. Виньфу. — Э.Б.), заболел и умер¹¹. Его оставшиеся в живых сообщники, испугавшись силы войска (Чэнь) Басяня, вышли вместе со всеми и сдались»

[184, с.119—120].

Смерть Ли Бона, однако, не положила конец сопротивлению во Вьетнаме. Наоборот, народная война возобновилась с еще большим размахом. Китайцы контролировали только некоторые крупные города. На юге (в округе Кыутян) старший брат Ли Бона — Ли Тхиен Бао вместе с полководцем Ли Тхиеу Лонгом взяли под контроль всю территорию. Чэнь Басяню потребовалось немало времени, чтобы выбить их из приморской полосы. После этого они ушли в горы округа Ай (совр. пров. Тханьхоа, на границе с Лаосом). Генерал Чьеу Куанг Фук, один из старейших соратников Ли Бона, которому тот накануне своей смерти передал командование войсками, отступил в Зачать (труднодоступный, заболоченный район дельты Красной реки, совр. пров. Хайхынг). Укрепившись на этих двух основных базах, повстанцы продолжали

активную партизанскую войну, делая существование китайской администрации в стране совершенно невыносимым.

В 550 г. в Китае началась гражданская война. Понимая, что династия Лян доживает последние дни, Чэнь Басянь, захватив с собой большую часть войск, поспешил в Китай, чтобы принять участие в борьбе за сильно качающийся трон. Здесь он преуспел. В 557 г. он объединил под своей властью весь Китай, основав новую династию Чэнь (557—589). Но Вьетнам тем временем был полностью потерян для империи. Китайский генерал Ян Шэн, которого Чэнь Басянь оставил в стране с очень незначительным контингентом войск, не смог удержать даже сильно укрепленную столицу Лаунгбиен. Чьеу Куанг Фук, который после смерти Ли Бона принял титул выюнга (царя, но не императора), сравнительно легко овладел Лаунгбиеном. Ян Шэн, помня о судьбе генералов, казненных семь лет назад императором У-ди, не отступил ни на шаг и с честью пал на стенах города. Незначительные остатки его войска бежали в Китай.

После победы над внешним врагом, однако, мир во Вьетнаме не наступил. Старший брат Ли Бона, Ли Тхиен Бао, ссылаясь на свое родство, также провозгласил себя выюнгом. Страна оказалась расколота на два лагеря. Смерть Ли Тхиен Бао в 555 г. не решила проблему. Теперь претензию на трон заявил его родственник Ли Фат Ты. В 557 г. он начал военные действия против Чьеу Куанг Фука. Царь Тямпы Рудраварман I, почувствовав, что теперь появилась возможность отомстить за поражение в 543 г., возобновил набеги на южные пределы Вьетнама. Это, видимо, несколько охладило соперников. Ли Фат Ты и Чьеу Куанг Фук договорились о разделе страны. Граница тогдашних Северного и Южного Вьетнама прошла в районе нынешнего Ханоя.

Мир был скреплен династическим браком. Сын Ли Фат Ты женился на дочери Чьеу Куанг Фука.

В 571 г. этому хрупкому равновесию пришел конец. Ли Фат Ты напал на Чьеу Куанг Фука и разгромил его. По преданию, побежденный Чьеу бросился в море, так же как и легендарный царь Ан Зыонг Выонг. Ли Фат Ты управлял объединенной страной еще более 30 лет, хотя после прихода к власти в Китае династии Сун (589 г.) он был вынужден формально признать себя вассалом империи. В 602 г. император Вэнь-ди потребовал от престарелого Ли Фат Ты лично явиться ко двору. Понимая, что это равносильно низложению его как независимого государя, Ли Фат Ты ответил отказом. В начале 603 г. во Вьетнам вторглись китайские войска. Осажденный в древней крепости Колоа Ли Фат Ты был вынужден сдаться. Независимость Вьетнама была снова утрачена на долгое время.

После прихода к власти династии Тан (618—907) Китайская империя достигает вершины своего могущества, поэтому Вьетнам и другие окраины империи контролируются еще более жестко, чем прежде. Снова совершенствуется административная система, дробятся территориальные единицы, вводится (711 г.) институт военного губернаторства; оттачивается политика «разделяй и властвуй»: представителям местной верхушки предоставляется больше возможностей реализовать свои амбиции внутри китайской административной системы, и не только во Вьетнаме, но и по всей территории империи. Все это, конечно, влияло на спад антиимперской активности в стране. И тем не менее серьезные народные восстания в стране происходили и в VII, и в VIII веках.

В 679 г., после очередной реорганизации вьетнамские земли были объединены в наместничество

под названием Умиротворенный Юг (Аннама)¹². Ближайшие события, однако, показали непростительную поспешность такого переименования. «Вьет шы лыок» сообщает:

«В первом году эры Тяолу (679 н.э.) наместником Аннама назначили Лю Янь-ю. Раньше народ в год вносил половину податей. Янь-ю приказал взыскивать полностью. В народе началось недовольство. Янь-ю казнил главаря. И тогда остальные сообщники Ли Ты Тиена взбунтовались и убили Янь-ю»

[184, с.120—121].

Это убийство было одним из эпизодов мощного восстания во главе с вождем горцев Ли Ты Тиеном, которое разразилось в 687 г. После гибели вождя это восстание возглавил его соратник Диен Киен. Повстанцы взяли штурмом тогдашнюю столицу Вьетнама Тонгбинь и разрушили ее укрепления. Только переброска значительного числа войск из внутренних районов Китая позволила новому наместнику подавить это восстание [150, с.87—88].

Так же плохо, как и Лю Янь-ю, кончил в начале VIII в. другой наместник Аннама, Цюй Лань. Как сообщает летописец, он «потерял расположение людей за алчность и тиранию и был убит писарем Гань Мэном» [229, с.150]¹³.

В 722 г. страну потрясло восстание, поднятое наемным работником Май Тхук Лоаном. Обладая недюжинными способностями организатора, он сумел объединить под своими знаменами вьетнамских крестьян и горных вождей. Он заключил союз с Тямпой и Ченлой Суши¹⁴ и провозгласил себя императором, сделав своей столицей заново построенную крепость Ванан на р. Лам. Повстанческая армия штурмом взяла столицу наместничества Тонгбинь. Наместник Аннама Гуан Чукэ и все остальные чиновники в панике бежали в

Китай. Император Сюань-цзун выделил ему в помощь сотысячную армию под командой генерала Ян Сысюя. Китайский генерал разбил войска повстанцев в чистом поле, но они рассеялись по горам и лесам и еще долго не давали властям спать спокойно.

В 766 г. в стране полыхнуло новое восстание под предводительством Фунг Хынга, который в отличие от Май Тхук Лоана принадлежал к вьетнамской знати. Он опирался на вьетнамских солдат в китайских гарнизонах и благодаря личным выдающимся качествам был популярен в народе. Фунг Хынг нанес поражение китайскому наместнику Гао Чжэнпину, захватил Тонгбинь и в течение семи лет единолично правил в стране. После смерти Фунг Хынга в 773 г. среди его соратников началась борьба за власть. Победила группировка, которая поддерживала Фунг Ана, сына Фунг Хынга, против его брата Фунг Хая. Китайская власть была восстановлена в стране только в 791 г. [150, с.89—90].

В 794 г. Вьетнам впервые почувствовал присутствие опасного соседа на северо-западе. В ноябре этого года в страну вторглись войска государства Наньчжао, которое в это время на равных спорило с Китаем. Но эту угрозу тогда еще не принимали всерьез. Продолжалась обычная жизнь с ее обычными конфликтами. В 803 г. группа вьетнамских командиров местных войск во главе с Выонг Куи Нгуеном, подняв восстание, изгнала китайского наместника Пэй Тая. Император Дэ-цзун, однако, направил во Вьетнам старого генерала Чжао Чана, уже имевшего опыт работы во Вьетнаме, и он восстановил статус-кво. В 819 г. представитель знатного вьетнамского рода Зыонг Тхань, посланный с трехтысячным отрядом подавлять восстание горцев, перешел вместе со всем отрядом на их сторону. Общими силами они атаковали Тонгбинь и взяли его. Император Сянь-цзун (806—821) сначала пытался

подкупить Зыонг Тханя высокими должностями, а когда это не вышло, сумел через своих агентов посеять раздор в лагере повстанцев. Летом 820 г. восстание было разгромлено. Зыонг Тхань погиб.

Это, однако, ненадолго стабилизировало китайскую власть во Вьетнаме. В дальнейшем народные восстания шли по нарастающей — 828, 841, 858, 880 гг. Слабеющая Танская империя уже не могла эффективно контролировать свои окраины, так же как и защищать их от внешней агрессии. В середине IX в. Наньчжао при поддержке недавно переселившихся во Вьетнам племен мань уже всерьез начинает борьбу за включение Вьетнама в состав своих владений. «Вьет шы лыок» сообщает:

«...В двенадцатом году эры Дачжун правления Сюань-цзуна (858 н.э.) Ли Ху стал духу (наместником) вместо Ван Ши. В двенадцатом месяце (варвары) мань пригласили войска Наньчжао, внезапно напали на центральное фу и захватили его. Ху бежал в Учжоу. Во втором году (861 н.э.) Ху собрал местные войска и разбил (варваров) мань. Вновь овладел резиденцией. (Император) И-цзун привлек (Ли Ху) к ответу за то, что его город пал. Понизил (его)...

Ван Куань был духу вместо Ли Ху.

В эру Сянь-тун правления И-цзуна (862 н.э.) Наньчжао, возглавив (варваров) мань, напало. И-цзун, назначив Цай Си... вместо Ван Куаня, снова послал войска округов Дань, Хуа, Сюй, Бянь, Цзин, Сянь, Тань и округа О атаковать их... (Варвары) мань отступили...

В четвертом году (863 н.э.) весной, в первом месяце, Наньчжао, вновь возглавив пятидесятитысячное войско, напало. Снова разрушили резиденцию. Подкрепление не подошло. Си и его свита — все упорно сражались в пешем строю. В теле Цай Си было десять стрел. Он хотел сесть в лодку, но не успел и утонул.

(Генерал) Юань Вэйдэ, обращаясь к своим воинам, сказал: „У нас нет кораблей. Если войдем в воду, наверняка погибнем. Лучше уж вернуться к крепости и сразиться с (варварами) мань. Если на одного (убитого) будет два (уничтоженных варвара) мань, и то будет польза“. Вошли в крепость через ворота Дунло. (Варвары) мань не были готовы. Вэйдэ бросил на них войска, было убито более двух тысяч человек.

На следующий день военачальник (варваров) мань Ян Сы Цзинь начал сражение. Вэйдэ убил его. Убитых и взятых в плен (варваров) мань было от 50 до 100 тысяч человек. Осталось двадцатитысячное войско»

[184, с.122—123].

Это телеграфно сжатое изложение все же позволяет понять напряженность завязавшейся борьбы. При этом нетрудно догадаться, что дела имперских полководцев шли еще хуже, чем описывает летописец. Приведенный выше фрагмент заканчивается полным разгромом варваров. Это никак не вяжется с записью под следующим, 864 годом: «В то время Наньчжао захватило все Зяотяу» [184, с.123]. Положение, видимо, переломилось только осенью 865 г. Летопись сообщает:

«В девятом месяце (24 сентября — 23 октября 865 г.) генерал Гао Пянь приехал на юг Фаунгтяу. 50 тыс. (варваров) мань собирали осенний урожай риса. Пянь атаковал и нанес им крупное поражение, вслед за тем напал на (войска) Наньчжао¹⁵. И также разгромил. Убил военачальника Дуань Цю Цяня и обезглавил более 30 тыс. местных воинов (варваров) мань»

[184, с.123].

И здесь победа была не столь блистательной, как пишет летописец. Гао Пяню летом 866 г. после десятидневной осады удалось снова овладеть столицей наместничества Тонгбинь, перетянуть на свою сторону

часть горских вождей, которые присоединились к нему с 17 тыс. воинов, и общими силами оттеснить войска Наньчао за пределы Вьетнама. Но это была скорее ничья, чем победа. Император И-цзун (860—874) специальным указом запретил Гао Пяню преследовать войска агрессора на его территории, напротив, он должен был всячески стараться установить дружеские отношения с Наньчао. На более активную политику у империи уже не было сил. Уже начиная с 850 г. в Китае то здесь, то там вспыхивали локальные восстания, которые были предвестниками Великой крестьянской войны 874—901 гг. Отголоски этой войны были слышны и во Вьетнаме. Центральная власть окончательно утратила авторитет. Фактически власть во Вьетнаме перешла к местной знати. Сложилась благоприятная обстановка для восстановления независимости Вьетнама, и эта задача стала постепенно решаться уже с начала века.

Вьетнам в X в.

В начале X в. Китайская империя распалась. Танская династия, правившая в Китае три века (618—907), выиграла войну с собственными крестьянами, полыхавшую более четверти века, но не смогла воспользоваться победой. Гражданская война привела к такому усилению феодалов на местах, что они в конечном счете разорвали страну на части. Резкое ослабление метрополии дало шанс дальним окраинам в их борьбе за независимость. Вьетнам, где не прошло и двух десятилетий со времени последней, неудачной попытки освободиться, опять стал волноваться. В 905 г. повстанцы вынудили китайского генерал-губернатора покинуть Вьетнам. Их вождь Кхук Тхыа Зу, вьетнамский феодал из области (тяу) Хоан¹⁶, фактически стал независимым правителем страны, но из осторожности объявил себя не царем (*ВЬОНГОМ*), а только генерал-губернатором (*цзедуши*).

Китайские центральные власти охотно сделали вид, что именно это и входило в их планы, и утвердили Кхук Тхыа Зу в должности генерал-губернатора, а после его смерти в июле 907 г. утвердили в той же должности и его сына Кхук Хао. Кхук Хао (907—917) начал решительную перестройку всей государственной и административной системы Вьетнама. Он ввел новое, четкое деление страны на административные единицы пяти рангов: *ло* (провинции); *фу* (округа); *тяу* (уезды); *зяп* (волости); *са* (общины). Он ввел должность начальника общины — *тянь лень чыонг* и его помощника — *та лень чыонг*. На такой глубокий уровень китайская администрация не проникала. Группа из нескольких соседних общин получила название *зяп*. Во главе каждого *зяпа* были поставлены начальник — *куан зяп* и его помощник, которые ведали сбором налогов.

Кхук Хао произвел коренные перемены в налоговой системе, Вьетнамская летопись сообщает:

«Земельный налог взимался поровну, были упразднены повинности (т. е. Кхук Хао отменил государственную барщину. — Э.Б.), составлялись реестровые списки податных с указанием места рождения, которые передавались управляющему зяпа для контроля. Управление было основано на взаимном уважении, мягком обращении. Народ обрел спокойствие и радость»

цит. по [150, с.96].

Такая дальновидная политика, с одной стороны, приносила популярность новой национальной власти, с другой стороны, закладывала основы для новой, куда более всеохватывающей, чем при китайцах, мобилизации крестьянского труда в случае, если возникнет такая необходимость.

И она возникла очень скоро. Период мирного развития длился всего 25 лет. В 930 г. во Вьетнам вторглись войска государства Южная Хань — микроимперии, образовавшейся в 917 г. в южных районах Китая. Китайский генерал Лян Кэчжэнь нанес поражение сыну Кхук Хао — Кхук Тхыа Ми (917—930), взял его в плен и отправил в Китай. Генерал-губернатором Вьетнама был посажен ставленник южноханьского двора Ли Цзинь. Затем, развивая свой успех, Лян Кэчжэнь пересек Вьетнам с севера на юг и вторгся в соседнюю Тямпу. Там он разбил на голову тямского царя Индравармана III (около 911—972), разграбил столицу и с богатыми трофеями вернулся назад. Несмотря на большие военные успехи, китайцы закрепляться в Тямпе не стали.

Вскоре выяснилось, что и восстановленное господство над Вьетнамом весьма непрочное. Китайцы контролировали только столицу страны Тонгбинь

(Ханой) и ее окрестности. Уже через год во Вьетнаме вспыхнуло новое восстание. На этот раз его возглавил Зыонг Динь Нге, бывший военачальник при Кхуках. Тайно собрав трехтысячный отряд, он в 931 г. внезапно атаковал Тонгбинь. Столица быстро перешла в его руки. Ли Цзинь бежал в Китай. Южноханьский император Лю Янь послал во Вьетнам новое войско под командованием генерала Чэнь Пао, но тому не удалось повторить легкого успеха генерала Лян Кэчжэня. Трехтысячный отряд Зыонг Динь Нге к этому времени развернулся в целую армию. Войско Чэнь Пао потерпело полное поражение. Сам он пал на поле битвы.

Отстояв реальную самостоятельность Вьетнама, Зыонг Динь Нге не стал обострять отношения с северным соседом. Он, как и его предшественники, принял лишь звание *цзедуши* — генерал-губернатора (931—937), а своих соратников Нго Куена и Динь Конг Чи сделал губернаторами двух южных провинций Ай (совр. пров. Тханьхоа) и Хоан (совр. пров. Нгетинь). За 32-летнего Нго Куена, своего лучшего полководца, Зыонг Динь Нге выдал свою дочь. Другой военачальник, Кьеу Конг Тиен, получивший в управление провинцию Фонг (на китайской границе), видимо, счел себя обойденным. Заручившись поддержкой китайского двора, он в апреле 937 г. организовал убийство Зыонг Динь Нге, после чего южноханьский император признал Кьеу генерал-губернатором Вьетнама.

Новый генерал-губернатор, судя по всему, не был в состоянии эффективно контролировать всю территорию Вьетнама. Так, он не смог или не решился сместить Нго Куена, зятя убитого, с поста губернатора провинции Ай. А тот, накопив силы, в ноябре 938 г. начал военные действия против своего номинального начальника. Кьеу Конг Тиен призвал на помощь китайцев. Но пока китайская армия под командованием сына императора — Хун Цао собиралась в поход, Нго Куен стремительным

ударом овладел крепостью Дайла, где укрылся Кьеу Конг Тиен, и казнил его как убийцу и предателя.

Когда принц Хун Цао со своим флотом подошел к устью пограничной реки Батьданг, там его уже ждало единое вьетнамское войско. На стороне китайцев был большой военный перевес, на стороне вьетнамцев — душевный подъем от сознания только что обретенной свободы и редкостный военный талант их вождя. Летопись сохранила речь Нго Куена на военном совете, накануне сражения у реки Батьданг. Он сказал:

«Хун Цао — всего лишь несмышлениш, привел свою армию издалека, войска его устали. Получив к тому же весть, что Кьеу Конг Тиен убит и некому поддержать его изнутри, он уже заранее пал духом. Наша армия сильна, сражение с усталым врагом можем наверняка выиграть. Но у него есть преимущество во флоте, и если не принять мер заранее, то неизвестно, чем может кончиться дело. Если мы вобьем под водой в устье реки большие колья с заостренными верхними концами, окованными железом, а их суда во время прилива зайдут за колья, то мы легко овладеем положением. Лучшего плана быть не может»

цит. по [150, с.96].

План Нго Куена был реализован с исключительным эффектом. Другая летопись сообщает:

«Когда во время прилива вода поднялась, (Нго Куен) приказал выйти на маленьких лодках, вызвать на бой и притвориться, что потерпели поражение. Хун Цао стал преследовать их (флот Нго Куена). Начался отлив. Колья обнажились. Хун Цао стал сопротивляться, — но не успевал — вода убывала очень быстро. Корабли цеплялись за колья. Куен решительно атаковал, нанеся ему (Хун Цао) крупное поражение. Утонуло более половины (войска Южных Хань). Хун Цао был убит. Куен объявил себя выюнгом»

[184, с.126].

Несмотря на решительную победу, Нго Куен перенес свою резиденцию из легкодоступного (по реке) Тонгбиня в Колоа, древнюю столицу государства Аулак, расположенную в горной местности. После недолгого правления (938—944) Нго Куен умер. Его неокрепшая династия не сумела удержать трона, который захватил Зыонг Бинь Выонг (944—950), бывший раб Нго Куена. Старший сын Нго Куена — Сыонг Нгап бежал и скрылся во владениях одного из приверженцев своего отца. Чтобы нейтрализовать его притязания на престол, Зыонг Бинь Выонг усыновил его младшего брата Сыонг Вана. Положение нового царя было непрочным, провинции то и дело восставали. В 950 г. Зыонг Бинь Выонг послал подростка Сыонг Вана подавить восстание в провинции Тхайбинь. Это было серьезной ошибкой. Получив войско, Сыонг Ван перетянул его командный состав на свою сторону, атаковал царя и победил его. Вопреки принятой традиции Сыонг Ван не казнил своего предшественника. Помня о благодеяниях Зыонг Бинь Выонга, он лишь сослал его, выделив достаточное количество деревень для кормления бывшего царя. Сыонг Ван, принявший тронное имя Нам Тан (950—965), оказался не только благодарным приемышем, но и хорошим братом. Он отыскал Сыонг Нгапа и сделал его своим соправителем с тронным именем Тхиен Шать. Таким образом, в течение трех лет (951—954) на троне Вьетнама одновременно сидели два царя. Мятежи на местах продолжались. Братья подавляли их, но не всегда успешно. В 954 г. Тхиен Шать умер. В 965 г. опять началось восстание в Тхайбине. Нам Тан с войском подступил к мятежным деревням Дыонг и Нгуен Выонг (тем самым, против которых 15 лет назад его посылал Зыонг Бинь Выонг). Стоя на корабле, Нам Тан наблюдал за сражением. Но

один из мятежников скрытно подобрался на расстояние выстрела и сразил царя стрелой из арбалета.

После смерти Нам Тана в стране воцарился полный хаос. Как сообщает «Вьет шы лыок»:

«...Двенадцать ши куанов вместе поднялись, и каждый захватил провинции и округа, сами стали управлять...Киеу Там Те, по имени Конг Хан, захватил Фаунгтяу (в совр. пров. Виньфу. — Э.Б.). Нгуен Тхай Бинь, по имени Кхоан, другое имя Ки, захватил Нгуензя (в совр. пров. Виньфу).

Чан Конг Лам, по имени Няг Кхань, захватил Дыонглам (в совр. пров. Хашонбинь). До Кань Конг, по имени Кань Тхан, захватил Додонг (в совр. пров. Хашонбинь). Нгуен Зу Зить, по имени Сыонг Тхык, захватил Выонг-киеу.

Нгуен (Ли) Ланг Конг, по имени Кхуе, захватил Шиеулоай (в совр. пров. Хабак). Нгуен Лень Конг, по имени Тху Тиен, захватил Тиензу (в совр. пров. Хабак).

Ла Та Конг, по имени Кхоанг, захватил Тезянг (в совр. пров. Хабак).

Нгуен Хыу Конг, по имени Шиеу, захватил Фулиет (северо-восточная часть совр. пров. Хашонбинь).

Киеу Лень Конг, по имени Тхуан, захватил Хойхо (северная часть совр. пров. Хашонбинь).

Фам Фаунг Ат, по имени Бать Хо, захватил Дангтяу (в совр. пров. Хайхынг).

Чан Минь Конг, по имени Лам, захватил Зянгбокхау»

[184, с.128].

В этой борьбе всех против всех на первое место постепенно выдвинулся талантливый военачальник Динь Бо Линь. Уроженец района Хоалы он создал здесь собственную военную дружину. Затем он вступил в союз с одним из 12 ши куанов Чан Ламом (он же Чан Минь Конг), который контролировал территорию провинции Тхайбинь. После смерти бездетного Чан Лама в руках

Динь Бо Линя оказались значительные ресурсы приморских областей Северного Вьетнама. С их помощью он по одиночке разбил остальных ши куанов и провозгласил себя императором¹⁷, основав таким образом новую, очень недолговечную династию Динь (968—980). Своему государству он дал новое имя — *Дайковьет*, а столицу перенес на свою родину Хоалы, где построил мощную цитадель.

Политика централизации, которую он проводил, осуществлялась самыми жесткими методами. Летопись «Вьет шы лыок» с присущей ей лапидарностью сообщает:

«(Император)... держал в клетках тигров. Издал приказ, гласивший: „Тот, кто нарушит закон, подвергнется наказанию — будет изжарен в (масле) и съеден (тиграми)“. Люди испугались и покорились, не осмеливаясь ослушаться приказа»

[184, с.130].

В делах гражданской администрации Динь Бо Линь опирался на советника из буддийских монахов. Большим почетом при нем пользовались и даосы. Динь Бо Линь установил четкую иерархию внутри каждой из этих церквей, чтобы они лучше вписывались в создававшуюся им государственную систему. Конфуцианская школа в независимом Вьетнаме, напротив, оказалась в загоне. Чиновники-конфуцианцы были отстранены от политической деятельности потому, что их подозревали в симпатиях к Китаю, где конфуцианство в это время играло ведущую роль, а буддизм, напротив, был не в чести. Так, по указу 955 г. в Китае были закрыты 30 336 буддийских монастырей, храмов и пагод, статуи Будд конфискованы и перелиты в монету, а монахи перечислены в податное сословие с обязанностью обрабатывать землю и платить налоги [656, с.143; 154, с.97].

Динь Бо Линь ввел новое административное деление, перекроив все границы старых районов. Этим он подорвал базу старой феодальной знати. Он провел также решительную военную реформу. Войско было унифицировано и разделено на стандартные боевые единицы. 10 солдат составляли одно *нгу*, 10 нгу — 1 *тот* (100 солдат), 10 тотов — 1 *лы* (1000 солдат), 10 лы — 1 *куан* (10 тыс. солдат), 10 куанов — 1 *дао* (100 тыс. солдат). Существование нескольких армий по 100 тыс. человек в стране с населением, не превышающим 2 млн. человек, разумеется, предполагало не профессиональное войско, а поголовное ополчение.

Но так или иначе, сунский Китай с полной серьезностью отнесся к новой военной мощи Вьетнама. При жизни Динь Бо Линя ни император Тай-цзу (960—976), ни его преемник Тай-цзун (976—998) не решились вторгнуться во Вьетнам. После того как в 970 г. Динь Бо Линь полностью уравнил себя с китайским императором, отказавшись от датировочного девиза правления, спускаемого из Китая, и установил собственный девиз — *Тхай бинь* («Великое спокойствие»), Тай-цзу ограничился тем, что прислал ему внешне грозную, а в сущности очень неуверенную ноту:

«Китай по отношению к варварам то же, что человек по отношению к своим четырем конечностям. Если душа не спокойна, то как же можно управлять четырьмя членами? Маленькое Цзяочжоу (Вьетнам) находится далеко, на краю света. В последние годы у (династии) Тан было много трудностей, еще не имели времени наладить управление. Ныне священная династия покрыла десять тысяч государств, установление великого благоденствия успешно завершилось. Ожидаем твоего прибытия. Найди радость в том, что покоришься нам. Тебе не надо оставаться в стороне,

причиняя нам мелкие неприятности, вынуждать нас разорвать (отношения) и опустошить твое государство. Когда раскаешься, то не будет ли поздно»

[184, с. 130].

Динь Бо Линь в ответ на это письмо направил в 971 г. посольство к Тай-цзу, а в 972 г. даже признал номинальный сюзеренитет Сунов. Это, однако, ни в коей мере не связывало политику Вьетнама.

Положение изменилось в конце 979 г., когда Динь Бо Линь и его старший сын Лиен пали жертвой покушения. Хотя попытка переворота при этом не удалась, убийца был схвачен и казнен, перед Вьетнамом сразу встала серьезная проблема — малолетнего царя. Уцелевшему сыну Динь Бо Линя — Тоану было всего шесть лет. Китайское правительство быстро оценило ситуацию во Вьетнаме и осенью 980 г. направило туда крупную сухопутную армию, подкрепленную мощным флотом. В этой критической обстановке руководство страной взял на себя главнокомандующий Динь Бо Линя — Ле Хоан. «Вьет шы лыок» с обычным лаконизмом сообщает:

«Во втором году (980 н.э.) в седьмом месяце люди Сунов напали на нас. Народ, видя, что Тоан еще мал, сообща выбрал Ле Хоана императором. Тоана понизили, сделав Ве Вьонгом»

[184, с.131].

Династия Ле, основанная Ле Хоаном, просуществовала 30 лет (980—1010). Это было немало для того бурного времени. Ле Хоан начал свою деятельность на посту главы государства с того, что нанес решительное поражение китайским войскам у реки Батьданг. Китайский командующий был взят в плен и казнен. После этого Китай в течение многих десятилетий не решался вторгнуться во Вьетнам.

В 982 г. у Ле Хоана возник конфликт с его южным соседом, царем Тямпы, который, попирая все

международные нормы, арестовал направленное к нему вьетнамское посольство. «Вьет шы лыок» сообщает:

«Вуа (царь) разгневался, объявил себя военачальником, пошел походом на них. Обезглавил их правителя Фе Ми Тхуе (Ларамешвараварман I — 972—982) перед строем. Взял в плен и отрезал столько ушей убитых врагов, что невозможно было пересчитать. Захватил несколько сот придворных актрис. Перевез ценную утварь, отобрал золото и серебро, драгоценности, исчисляемые десятками тысяч. Стер с лица земли стены и рвы (города Индрапуры, столицы Тямпы. — Э.Б.). Разрушил его (правителя) храм предков. В том же году вернулся в (свою) столицу»

[184, с.133—134].

Китайские послы, посетившие Вьетнам в 987 г., дали ему весьма неприязненную характеристику. Они писали в своем отчете:

«Ле Хоан сам с виду неказист, косой. Еще в прошлые годы, со времен боев с нападшими разбойниками мань, он упал с лошади и поранил ногу, поэтому принял императорский указ без поклона... (Ле Хоан) легкомысленный и безграмотный, любит низких людей, его ближайшее окружение — молодые евнухи — 57 человек, кто постарше, кто помоложе, стоят с боку (от него). (Он) любит кутить, хлопает в ладоши, выражая удовольствие.

Способных к ведению дел чиновников повышает и приближает к себе. Приближенных за малейшую провинность убивают, либо подвергают наказанию — от 100 до 200 ударов плетью по спине. Кто из (ближайших) помощников пришелся не по нраву, также бьют от 30 до 50 раз, понижают до стражника у ворот. Когда гнев проходит, призывают и возвращают на прежнее место»

[229, с.302].

Нестабильность характера, однако, не помешала Ле Хоану достигнуть больших успехов в деле государственного строительства. При нем окончательно оформилась административная система и территориальное деление Вьетнама. В подражание китайским императорам Ле Хоан разделил страну на десять провинций (*дао*). Девять из них он раздал в уделы своим сыновьям, десятая образовывала царский домен [229, с.303].

Ле Хоан, как и его предшественники, покровительствовал буддийской церкви, однако уделял внимание и реставрации древних добуддийских обрядов. В 987 г. он восстановил обряд ритуальной пахоты. Право провести первую борозду, по традиции открывая этим сельскохозяйственную кампанию, принадлежало только суверенным монархам (в том числе и китайскому императору). Ле Хоан придавал возобновлению этого обряда такое значение, что организовал при этом «чудесные» находки. «Вьет шы лыок» сообщает:

«Вуа начал проводить ритуальную пахоту в Дойшоне (в совр. пров. Ханамнинь), нашел один кувшин из золота и серебра. Пахал в горах Бахой, (снова) нашел один кувшин. Назвал это место Поле золота и серебра»

[184, с. 134].

Эти находки должны были подчеркнуть исключительную магическую мощь царя, от которой, по представлениям древних, зависело благосостояние всей страны.

Помимо магических средств Ле Хоан прибегал к практическим средствам развития экономики. Он занимался вопросами ирригации, строил дороги, рыл каналы, организовал конную почту, которая связала столицу с провинциями дельты. В 984 г. Ле Хоан выпустил первую вьетнамскую монету (из меди). До

этого в обращении были только китайские монеты [656, с. 142]. Но наряду с этим он сильно заботился и об интересах державы. При нем была организована перепись населения не только ради военного учета, но и для мобилизации населения на общественные работы. В столице (Хоалы) и других местах началось интенсивное престижное строительство. Только за один 984 г., по сведениям «Вьет шы лыок»,

«...построили дворец Бать бао тхиен туге в горах Хоаван (горы Чыонган в совр. пров. Ханамнинь). Его колонны были покрыты золотом и серебром. К востоку построили дворец Фаунг лыу, к западу построили дворец Винь Хоа. Слева построили дворец Бонг лай, справа построили дворец Кык лак. Затем соорудили башню Хоа ван, пристроили дворец Чыонг суан, сбоку построили дворец Лаунг лок, (крышу) покрыли серебряной черепицей»

[184, с.139].

Такое постоянное перенапряжение сил страны рано или поздно должно было сказаться. Если в первой половине правления Ле Хоана произошел только один мятеж (губернатор пограничного округа Зыонг Тиен Лок в 989 г. попытался отделиться от Вьетнама. Ле Хоан лично возглавил карательный поход и захватил мятежника), то во второй половине его правления восстания следуют одно за другим:

«(996 г.) Вуа лично отправился в карательный поход против трех донгов — Махоанг, Дай фат, Тюба, захватил их... (997 г.) вуа отправился в карательный поход против речных разбойников из Додонга, поймал их... (999 г.) вуа лично (напал) на девятнадцать тьяу в Хадонге (в совр. пров. Тхань-хоа. — Э.Б.), умиротворил их... (1000 г.)... вуа напал на разбойника Чань Ханга из Фаунгтяу, поймал его... (1001 г.) вуа отправился в карательный поход против разбойников из Кылаунга.

Разбойники, увидев вуа, натянули тетиву арбалета и направили стрелу, намереваясь попасть в него. Стрела выпала. Снова натянули тетиву, но она порвалась. Разбойники испугались и отступили. Вуа высочайше находился на корабле с надстройкой; вошел в реку Кунг, преследуя их. Разбойники расположились на обоих берегах и начали сражение с вуа. Воины вуа падали в реку. Ве Выонг Тоан¹⁸ был поражен случайно стрелой и умер. Вуа трижды воззвал к Небу. Само собой, разбойники были разбиты».

[184, с.135—136].

«Само собой», летопись фиксировала только успешные действия правительственных войск. В сообщениях этих лет следует отметить два обстоятельства. Во-первых, в числе мятежников не упоминается ни одно сановное лицо. Очевидно, речь шла преимущественно о движении социальных низов. Во-вторых, рядом с цепочкой сообщений о борьбе с мятежниками выстраивается и другая цепочка:

«(995 г.)... Приказано До Ханю отправиться послом к Сунам... (1000 г.) приказано Лыу Тхиеу поехать к Сунам... (1004 г.) послали Хань Куан Выонга к Сунам»

[184, с.135—136].

До 995 г. «Вьет шы лыок» посольства в Китай не фиксирует, хотя, судя по китайским источникам, они были. Летописцу более ранние посольства явно казались формальными, а поэтому несущественными жестами Ле Хоана. Но в последние десятилетия его правления дружественные отношения с Китаем стали для него жизненно необходимыми. Удар с севера в момент, когда страна была охвачена огнем народных восстаний, мог иметь самые тяжкие последствия, вплоть до краха молодой вьетнамской государственности.

В конечном счете военные и дипломатические способности Ле Хоана помогли ему справиться с ситуацией. Запись за 1002 г. во «Вьет шы лыок» содержит только одну фразу:

«Изготовлены несколько тысяч серебряных шлемов, пожалованы воинам»

[184, с. 136].

Это, конечно, знак успешного окончания внутренней войны. И действительно, вплоть до смерти Ле Хоана мятежи и волнения в летописи больше не упоминаются. Правда, этот мирный промежуток был не столь велик. Весной 1005 г. Ле Хоан умер в возрасте 65 лет, и между его сыновьями (по сути дела, удельными князьями) тотчас началась кровавая борьба за престол. Летописец сообщает: «На протяжении девяти месяцев в стране не было императора» [184, с. 136]. Наконец верх одержал третий сын Ле Хоана — Лаунг Вьет. В первом месяце (1 февраля — 2 марта) 1006 г. он взошел на трон, но уже три дня спустя был убит своим младшим братом, Лаунг Динем.

Как отмечает летопись, Лаунг Динь, пятый сын Ле Хоана, был братом Лаунг Вьета не только по отцу, но и по матери. Восточные летописи пестрят случаями братоубийства в царских семьях, но при этом убийца и убитый, как правило, дети разных матерей, можно сказать, представители разных кланов. Принц, который овладел престолом, зарезав родного (во всех отношениях) брата, считался выродком. В таком ключе и трактует летопись «Вьет шы лыок» Лаунг Диня, принявшего тронное имя Нгоа Чиеу Выонг, последнего царя из династии Ранних Ле.

Вступив на трон, Лаунг Динь принял почетный титул *Император, познавший Небо, волею судьбы, обладающий божественными способностями в ратных и гражданских делах, мудрый и могущественный,*

подражающий Небу и уважающий дао, великий триумфатор, излучающий сияние, почтительный сын [184, с.137]. Эта очень уважительная самохарактеристика имела мало общего с действительностью. Отступая от обычной лапидарности, авторы «Вьет шы лыок» дают портрет совершенно патологической личности:

«Вуа любил убивать людей. Того, кто был осужден на казнь, обвязывали тростником и сжигали. Приказывал актеру Лиёу Тху Таму брать тупой меч и расчленять его (осужденного на казнь), чтобы сделать медленной его смерть. Так проходило несколько дней. Этот человек (осужденный) непрерывно кричал и мучился. Тху Там, насмехаясь, говорил: „Ты не привык принимать смерть?“ Вуа громко смеялся, считая это забавным.

Всякий раз пленных, взятых в карательном походе, препровождали под охраной к берегу реки. Вода спадала. Вуа приказывал людям делать в воде загон и загонять в него (пленных). Во время прилива (пленные) кричали, хватали ртом воздух и погибали.

Вуа приказывал подниматься на высокое дерево и снизу подрубал его. Вуа высочайше посетил реку Тининь. В реке было много водяных драконов. И тогда привязывали людей к борту лодки, плавали взад и вперед посередине реки, побуждая водяных драконов губить их (привязанных людей)... (Вуа) скоблил сахарный тростник на голове бонзы Куать Мао, притворялся, что промахивается, стараясь ранить голову (бонзы), текла кровь. Вуа громко смеялся.

Или поздно ночью убивал кошку и давал всем выонгам съесть. По окончании трапезы показывал им голову кошки. Всех выонгов рвало.

Каждый раз на аудиенциях вуа приказывал актерам болтать, чтобы привести в смятение докладывающих чиновников.

Из ящериц делали фарш и давали людям, чтобы они, соревнуясь, съедали это»

[184, с.137].

И без того нестабильное положение в стране, естественно, крайне обострилось при таком руководстве. Уже под 1006 г. (первым годом правления Лаунг Диня) летопись отмечает:

«Все выюнги взбунтовались. Вуа пошел на них войной и умиротворил»

[184, с.138].

Под 1008 г.:

«Вуа лично отправился в карательный поход против двух тху — Доланг и Вилаунг... поход против Айтяу. Захватил в плен тех людей (жителей Айтяу). Сделали амбар и набили его этими людьми. (Вуа) смеялся»

[184, с.138].

Под 1009 г.:

«...осенью, в седьмом месяце (25 июля — 22 августа) вуа отправился в карательный поход против тья Хоан, Дыюнг, Ха и Тхать»

Единственное мирное начинание Лаунг Диня, которое фиксирует летопись, относится к 1007 г.:

«Установлена система гражданских и военных должностей, такая же, как у Сунов»

[184, с.188].

Этой мерой Лаунг Динь, видимо, стремился упрочить свои связи с Китайской империей Чжэнь (998—1023).

В этом же году он послал в Китай посольство с обещанием присылать положенную дань. В ответ на это император Чжэнь-цзун пожаловал Лаунг Диню почетный титул Особо покорный чиновник [229, с.93]. В 1009 г. в Китай прибыло новое посольство Лаунг Диня с обещанной богатой данью, а на следующий год еще

одно с многозначительной просьбой прислать военные доспехи. Но Китай в это время был слишком озабочен защитой своих северных рубежей, чтобы оказать сколько-нибудь эффективную помощь Лаунг Диню. 19 ноября 1009 г. двадцатипятилетний Лаунг Динь умер, по официальной версии — от геморроя. Власть перешла к новой династии Ли.

Вьетнам в XI в.

Основатель династии Ли (1009—1225) Ли Конг Уан родился 13 марта 974 г. в провинции Хабак. Воспитание он получил в буддийском монастыре, настоятель которого Вань Хань высоко оценил способности юноши и взял его с собой, когда переселился в столицу Хоалы. С помощью Вань Ханя он получил пост в дворцовой охране. Если верить летописному рассказу, он один остался у тела царя Чунг Тонга (Лаунг Вьета), когда тот был убит после трехдневного царствования, а все высшие чиновники разбежались. Как сообщает «Вьетшы лыок», «только один вуа (Ли Конг Уан) обнимал тело (Чунг Тонга) и плакал» [184, с. 139]. Такая преданность неожиданно растрогала братоубийцу Лаунг Диня, и он тут же назначил Ли Конг Уана начальником своей дворцовой стражи.

После смерти Лаунг Диня, оставившего после себя малолетнего сына, высший эшелон власти пришел к убеждению, что в сложившихся обстоятельствах нет смысла поддерживать непопулярную династию. Правящему классу был нужен новый популярный лидер. Вань Хань, продолжавший пользоваться большим авторитетом как духовное лицо, и один из высших чиновников, Дао Кам Мок, предложили на эту роль Ли Конг Уана. На собрании высших чиновников во дворце Дао Кам Мок ясно дал понять, что бездарная политика покойного царя поставила страну на грань крестьянской войны. Чтобы избежать всеобщего краха, нужна твердая рука, и эта рука — Ли Конг Уан. Дао Кам Мок сказал:

«Ныне у людей разные стремления. Верхи и низы отошли от нравственности, люди озлоблены жестокостями покойного вьонга, не хотят подчиняться последнему правителю. У всех одно желание —

поддерживать Тхан ве (титул Ли Конг Уана. — Э.Б.). Поэтому, если мы не воспользуемся удобной возможностью возвести Тхан ве на престол и сделать Сыном Неба, то вскоре произойдет переворот, тогда сохраним ли свои головы»

[184, с.141].

После этой речи, как сообщает «Вьет шы лыок», собравшиеся «...сообща помогли вуа (т. е. Ли Конг Уану) вступить во дворец, возвели на престол, сделав Сыном Неба. Все чиновники воскликнули: „Десять тысяч лет!“» Единогласие выборов, видимо, было подкреплено еще и тем, что Ли Конг Уан контролировал лейб-гвардию.

Таким образом, в 11-м месяце (20 ноября—18 декабря) 1009 г. Ли Конг Уан вступил на престол, приняв тронное имя Ли Тхай То. Первым делом он объявил всеобщую амнистию и приказал сжечь все орудия пыток. Такая решительная заявка на новый курс политики, безусловно, снизила напряженность в стране. Следующим действием нового царя был перенос столицы из труднодоступного заболоченного района в глубине страны в самый ее центр, туда, где стояла крепость Дайла (на территории совр. Ханоя).

Согласно «Вьет шы лыок», на корабле, перевозившем Ли Тхай То из Хоалы в Дайлу, внезапно явился желтый дракон — национальный символ вьетнамского народа. Поэтому новая столица Вьетнама получила название *Тханглаунг* («Город Взлетающего Дракона») [184, с.142]. Перенос столицы в центр, в место пересечения сухопутных и водных торговых путей, из глубинки подчеркивал возросшую военную мощь Вьетнама, который уже мог не страшиться угрозы внезапного военного нападения. В указе Ли Тхай То по этому поводу говорилось:

«Мы выбрали центральное место страны, задумали большое дело, рассчитанное на долгое время и для

будущих поколений... (Тханглаунг), расположенный в центре от границ нашей земли, подобен властителю мира, свернувшемуся кольцами сильному дракону, восседающему тигру, равно удален от востока, запада, юга и севера, выгодно окружен горами и реками. Земли там просторные и ровные, плодородные и высокие, население не будет страдать от наводнений. Там всего изобилие. Оглядываю землю вьетов — это место поистине — центр света и будет самым лучшим местом для столицы правителей десяти тысяч последующих поколений»

[150, с.104].

В том же, 1010 г. Ли Тхай То издал указ — всем бродягам вернуться в деревню, где они родились, и заняться обработкой земли [656, с. 149]. Это тоже входило в первоочередные задачи новой власти. Число людей, оторванных от земли в результате бурных событий последних лет, видимо, было весьма велико. Многие из них вступали в отряды местных феодалов, да и просто в бандитские шайки, и Ли Тхай То при всех его военных дарованиях далеко не сразу удалось замирить страну.

Под 1011 г. во «Вьет шы лыок» значитя:

«Вуа лично отправился в карательный поход против разбойников из Кылаунга, что в Айтяу, умиротворил их»

[184, с.142).

Под 1012 г.:

«Вуа отправился в карательный поход против Зиентяу (совр. пров. Нгетинь. — Э.Б.)».

Под 1013 г.:

«Зимой в десятом месяце (6 ноября — 5 декабря) вуа отправился в карательный поход против (варваров) мань из тья Вилаунг (совр. пров. Хатуен) и победил их».

Под 1014 г.:

«Вуа приказал Дык Тхань Выонгу напасть на военачальника (варваров) мань До Чыонг Хюэ у переправы Кимхоа, и Дык Тхань победил его. Отрубили десять тысяч голов, захватили в плен столько воинов, лошадей, что невозможно было сосчитать»

[184, с.143]

После такого бурного начала правления Ли Тхай То наступает десятилетняя мирная пауза, прерываемая только одной внешней и, видимо, незначительной войной. В 1020 г. сын Ли Тхай То принц Ли Дык Тинь (будущий царь Ли Тхай Тонг) по приказу отца совершил набег на Тямпу, которая замешкалась с уплатой дани. Дело ограничилось одним приграничным сражением [184, с.144; 691, с.75]. Это были годы государственного строительства, когда закладывались основы государства, которому суждено было просуществовать несколько столетий, не претерпевая существенных изменений. Базой этого государства была крестьянская община как специфическая форма социальной организации, порожденная экономикой позднего первобытного общества и в свою очередь оказывавшая существенное влияние и на консервацию тех же способов хозяйства в раннеклассовом обществе, и на социальную структуру этого общества.

Во вьетнамской общине господствовал уравнительный принцип периодического передела земли по числу едоков, и это в течение ряда веков практически блокировало всякую эволюцию сельского хозяйства, а вслед за ним и ремесла. Принцип частной собственности был глубоко чужд вьетнамскому крестьянину, воспитанному в уравнительном духе, и этот принцип распространялся во вьетнамском обществе до самых верхов публичной власти. Придворные, министры, генералы при династии Ли

могли жить в самой дикой роскоши (по понятиям того времени), но в сущности у них не было ничего своего. Все свое богатство (и главное из них — землю с сидящими на ней производителями, которые их кормили, обували и одевали) они получали из рук верховной власти — царя вместе с должностью и вместе с должностью его теряли. Земельные владения чиновников не переходили к их наследникам. Они имели некоторые привилегии в наследовании начальнического статуса, но должны были снова получать все материальные атрибуты своей должности из рук высшей власти. Участки земли, пожалованные кому-нибудь царем за исключительные заслуги в полную, неограниченную собственность, в XI—XIII вв. были смехотворно малы, равнялись, как правило, нескольким гектарам.

Такая социально-экономическая структура одновременно породила и большую стабильность всего общества в целом, и большую нестабильность в положении его составных частей — атомов общества. Вчерашний холоп мог стать министром, а вчерашний министр со всей своей родней мог легко перейти в категорию государственных рабов. А если даже не брать таких крайних случаев, консервативная экономическая система, которая давала очень небольшой избыток продукции над жизненно необходимым минимумом, при малейшем сбое (неурожай, внешнее военное давление и т.п.) выбрасывала из своих ячеек людей, которые от полной социальной защищенности внезапно переходили к полному социальному изгойству. Поэтому так легко формировались на дорогах разбойничьи шайки и средневековое восточное общество так легко переходило от состояния полного покоя к состоянию бурных потрясений.

Такой бурный период, в частности, вновь наступает в конце правления первого царя из династии Ли. В 1024 г. Ли Тхай То поручает наследному принцу Ли Дык Тиню напасть на округ Фунглуан, а его брату Кхай Куок Выонгу напасть на округ Доким (в совр. пров. Хатуен). В 1025 г. Ли Тхай То приказывает установить частокол по южной границе Хоантяу (совр. пров. Нгетинь), т. е. по границе с Тямпой. В 1026 и 1027 гг. приказания военного характера идут одно за другим:

*«Приказано наследному принцу покарать Зиентяу...
Приказываю наследному принцу покарать тяу
Тхатнгуен (в совр. пров. Хатуен). Донг Тинь Выонг
покарал тяу Ван (в совр. пров. Каобанг)»*

[184, с.144].

31 марта 1028 г. Ли Тхай То умер и на престол взошел его старший сын Ли Дык Тинь, принявший тронное имя Ли Тхай Тонг (1028—1054). Старшинство возраста и прямое завещание отца, однако, не помешали другим царевичам попытаться вырвать у него трон силой. Войска выонгов (принцев) Зык Тханя и Ву Дыка расположились в засаде у ворот, через которые Ли Тхай Тонг должен был проследовать в царский дворец. Он, однако, проник туда другим путем. Тогда заговорщики решились на прямую атаку дворца. Но верные новому царю войска отразили ее. Один из претендентов был убит в уличном бою, другой скрылся.

Как и его отец, Ли Тхай Тонг первым делом объявил всеобщую амнистию, включавшую в себя и недавних мятежников. Это не примирило с ним всех его родственников. Той же весной 1028 г. царевич Кхай Куок поднял мятеж в округе Фыонган. Ли Тхай Тонг, который еще в 1020 г. девятнадцатилетним юношей проявил себя как способный военачальник, лично возглавил поход против него. Быстро принудив Кхай Куока к сдаче, Ли Тхай Тонг, однако, помиловал его.

Поздние конфуцианские историки осуждали Ли Тхай Тонга и некоторых его преемников за неуместное с точки зрения конфуцианской теории долга милосердие к политическим противникам. Однако XI век был временем расцвета буддийской религии во Вьетнаме, ее принципы терпимости и милосердия еще не воспринимались многими формально, и общий уровень зверства в этот период был, пожалуй, ниже, чем в другие времена.

Ориентируясь на буддийские и даосские моральные ценности, в противовес конфуцианской идеологии Ли Тхай Тонг продолжал политику отца, который еще в 1017 г. решил готовить идеологические кадры для своего аппарата, так сказать, централизованным образом. «Вьет шы лыок» сообщает:

«(В этом году) отобрали более тысячи жителей столицы, сделав их буддийскими и даосскими монахами»

[184, с.143]¹⁹.

А на следующий год Ли Тхай Тонг направил в Китай специальное посольство, чтобы получить полный текст «Трипитаки» (священных книг буддизма) [229, с.176]. Вольно передавая мысль известного вьетнамского историка Ле Тхань Кхоя, можно сказать, что буддийская церковь подсадила династию Ли на трон и та всегда была ей благодарна [656, с. 152].

При Ли Тхай Тонге только в 1031 г. были построены буддийские и даосские монастыри в 150 местах [184, с.147]. Те, кому надлежит этим заниматься, прилагали всяческие усилия, чтобы доказать глубочайшую древность буддизма во Вьетнаме. Так, в 1034 г. настоятель буддийского монастыря Фап Ван в Котяу сообщил правительству следующее:

«В монастыре стал литься свет, который исходил несколькими лучами. Стали копать по направлению излучения света и нашли каменный сундук. Внутри каменного сундука оказался еще один, серебряный, внутри серебряного — золотой, внутри золотого находилась стеклянная ваза, а в вазе оказался Шэ-Ли (затвердевшие мощи Будды. — Э.Б.)»

[229, с.180].

Под 1037 г. «Вьет шы лыок» сообщает:

«В тутовой роще Оло обнаружилась древняя статуя Будды»

[184, с.148].

Под 1038 г.:

«В девятую луну святой обнаружил следы (в буддийском храме) Тянь-шэн-сы (Тхиенг тханг)»

[229, с.121].

В 1043 г. Ли Тхай Тонг посетил буддийский храм Тунгшон в округе Вунинь (западная часть совр. пров. Хабак). Он увидел, что в этом пришедшем в упадок храме полуразрушенная колонна совсем покосилась. Царь выразил желание отреставрировать храм, и в ту же минуту колонна сама по себе выпрямилась. Ли Тхай Тонг приказал ученому стихотворцу, который, кстати, был конфуцианцем, написать по этому случаю оду. Все это, разумеется, работало на пропаганду буддийской религии в массах.

Традиционная терпимость буддизма в то же время оставляла место и для более древней религии, корни которой уходили в эпоху первобытнообщинного строя. Ли Тхай Тонг с полной серьезностью относился к своим обязанностям первого пахаря государства и совершал обряд первой борозды не только в столице, но и, так сказать, «с выездом на места», в различных частях государства. Как сообщает летопись, в 1032 г.

«...вуа высочайше посетил Додонгзянг, совершил ритуальную пахоту. Пospело девять колосков риса²⁰. (Вуа) издал указ переименовать это поле, (его) называли Ынгтхиен»

[184, с.147].

В 1038 г.:

«(Вуа) высочайше посетил гавань Бохай (в совр. провинции Тхайбинь), совершил ритуальный обряд пахоты»

В 1042 г.:

«Весной в третьем месяце (24 марта — 22 апреля) вуа высочайше посетил морскую гавань Зялам, совершил ритуальный обряд пахоты»

[184, с.150].

В 1048 г. Ли Тхай Тонг построил у южных ворот Тханглаунга храм богов почвы и жатвы, в котором он сам приносил жертвы четырем временам года, чтобы вызвать в нужное время дождь и обеспечить хороший урожай [656, с. 149].

Продолжая организовывать гражданское общество, Ли Тхай Тонг в 1042 г. распорядился издать свод законов. Это был первый вьетнамский кодекс, в настоящем утраченный, но дошедший до нас в разных цитатах и ссылках. Как и все подобные кодексы раннеклассовых обществ, этот свод законов не церемонился с нарушителями социального порядка. Ворам отрезали пальцы ног и рук, дезертирам — ноги и руки. Мятежников закапывали в землю до плеч, а волосы привязывали к стволу бамбука. Некоторое время спустя им отрубали голову, и она повисала на стволе бамбука. Других мятежников, рангом повыше, приколачивали гвоздями к доске и возили по рынку. Это называлось «посадить на деревянную лошадь» [656, с. 147].

Десять «великих преступлений», за которые не допускался никакой выкуп и которые карались только смертью, были: 1) мятеж; 2) оскорбление величества; 3) убийство родни по восходящей линии (например, дедов, прадедов); 4) убийство родителей; 5) убийство невинных; 6) убийство чиновника человеком из народа; 7) убийство учителя учеником; 8) убийство офицера солдатом; 9) отсутствие сыновней почтительности; 10) самовольный вход в царский дворец. За все остальные преступления допускался денежный выкуп, однако не для всех. Право откупиться от суда предоставлялось старикам старше 70 лет, детям до 15 лет, родственникам преступника²¹, принцам и чиновникам. Первоначально в кодексе значились льготы только для принцев и чиновников. Всех остальных вписал в закон сам Ли Тхай Тонг специальным указом, изданным в том же, 1042 г. Такой уравновешенный закон, с одной стороны, демонстрировал буддийский гуманизм, с другой стороны, сохранял строго классовый подход законодателя.

Другой указ Ли Тхай Тонга также действовал в сторону смягчения существующего законодательства. Он запрещал продавать «желтых парней» (т. е. свободных простолюдинов) в рабство. Нарушитель этого закона карался 100 ударами палок и унижительной татуировкой на лице [656, с.147]. Права простых людей от произвола чиновников в известной степени ограждал закон, который гарантировал тому, кто донесет о злоупотреблении властью, освобождение на три года от государственной барщины. Но социальный статус «исправных» чиновников был строго огражден. Так, простолюдины не имели права строить дома с черепичными крышами или пользоваться вещами, сходными с теми, которыми пользовались

чиновники. А простолюдинки не имели права носить прически, как у придворных дам [656, с.147].

В одиннадцатом месяце первого года эры правления Минь Дао (15 декабря 1042 г. — 13 января 1043 г.) Ли Тхай Тонг издал указ:

«...на каждой дороге построить почтовые станции, чтобы удобнее было знать о четырех сторонах света»

[184, с.150].

Передвижение по стране, таким образом, поощрялось, хотя имелось в виду в первую очередь паломничество к святым местам буддийской религии.

Политику буддийского гуманизма продолжал и сын Ли Тхай Тонга — Ли Тхань Тонг (1054—1072), хотя у него это получалось иногда несколько нарочито. Так, под 1055 г. «Вьет шы лыок» сообщает:

«Зимой в десятом месяце (23 октября — 21 ноября 1055 г.) был сильный холод. Вуа (Ли Тхань Тонг), обращаясь к приближенным, сказал: „Мы, живя в запретном дворце, пользуемся углем, одеваемся в шубы на лисьем меху, а воздух все еще такой холодный. Что же говорить о тех, кто сидит в тюрьме и страдает от пут, а еще не определено — справедливо или нет. Желудки их не наполнены, а тело не прикрыто. Как только подует холодный ветер, они безвинно погибают. Мы весьма жалеем их“. Приказал чиновникам открыть хранилища дворца, взять стеганные одеяла и циновки и подарить им (заключенным) и в день давать пищу два раза»

[184, с.155].

В том же году Ли Тхань Тонг скостил половину денежного налога в масштабах страны.

Десять лет спустя, как отмечает «Вьет шы лыок»,

«...в шестом месяце (6 июля — 4 августа 1065 г.) вуа (Ли Тхань Тонг) высочайше посетил дворец Тхиен кхань,

разбирал тяжбы. В это время дочь вуа, принцесса Донг Тиен, стояла рядом, сопровождая его. Вуа посмотрел на принцессу и, обращаясь к тюремщику, сказал: „Мы любим наших детей точно так же, как родители в Поднебесной любят своих детей. Простой народ невежественен, пренебрегает законами. Мы весьма сожалеем! Необходимо отныне независимо от того, тяжка вина или незначительна, оказывать снисхождение“»

[184, с.159].

Действительно, по сравнению с тем, что происходило в стране в конце XII — начале XIII в., политика подавления при Ли Тхань Тонге была весьма умеренной.

Внешняя политика Вьетнама в XI— XII вв.

В конце 30-х годов XI в. осложнились отношения Вьетнама с Тямпой. В отличие от Вьетнама для Тямпы это было время политической нестабильности, гражданских войн и переворотов. В 1038 г., после неудачной попытки свергнуть своего отца, во Вьетнам бежал сын царя Викрантавармана IV (около 1028—1041). Он²² обратился с просьбой о военной помощи к Ли Тхай Тонгу, но тот, видимо, ответил уклончиво, потому что в следующем году беглый принц снова обратился к нему с той же просьбой. Но и на этот раз Ли Тхай Тонг не пошел на войну с Тямпой, несмотря на то, что для этого имелся и предлог (царь Викрантаварман IV перестал платить Вьетнаму дань, которую его предшественники платили со времен походов Ле Хоана), и благоприятные обстоятельства (в Тямпе было много недовольных, в конце 1039 г. целый пограничный гарнизон попросил убежища во Вьетнаме) [691, с.75]²³.

В 1041 г. царь Викрантаварман IV то ли умер сам, то ли стал жертвой гражданской войны, и на престол взошел его сын Джайя Синхаварман II (1041—1044), имя которого во вьетнамской транскрипции звучит как Нян Дау. Этот царь в 1043 г., совершенно переоценив свои силы, попытался совершить морской набег на Вьетнам. Ли Тхай Тонг легко отразил этот удар, а в марте 1044 г. сам перешел в наступление. Основная часть вьетнамского войска была переброшена на кораблях до бухты Тыминь. Узнав, что Джайя Синхаварман II стоит со своей армией поблизости, у р. Нгухозянг, Ли Тхай Тонг высадил свои войска на берег и пошел навстречу противнику. Битва при Нгухозянге закончилась полной победой вьетнамцев. На поле битвы осталось 30 тыс. тямов. Среди павших был и Джайя Синхаварман II.

Вьетнамский воин Куать Зя И отрубил ему голову, чтобы преподнести ее Ли Тхай Тонгу. «Вьет шы лыок» сообщает, что вьетнамцы в этой битве захватили 30 боевых слонов, а также

«...захватили живыми более пяти тысяч человек, остальные были убиты солдатами, вышедшими из повиновения. Вуа был опечален. Издал указ: „Тот, кто убьет тьяма, будет казнен“»

[184, с.151].

Впоследствии 5 тыс. тямов, взятых в плен при Нгухозянге, были поселены в особых поселениях от округа Виньханг (совр. пров. Нгетинь) до округа Данг (совр. пров. Виньфу). Там они занимались сельским хозяйством под контролем государства [86, с.112].

Продолжая наступление на юг, войска Ли Тхай Тонга в седьмом месяце (27 июля — 25 августа) заняли столицу Тямпы Виджайю и захватили там всех жен и наложниц убитого царя (однако всех их доставить во Вьетнам не удалось; одна, самая красивая, которую вьетнамский царь хотел взять себе, бросилась в море) [691, с.76]. Победителям достались огромные трофеи. Но тямская столица была только ограблена, но не уничтожена. Время взаимного ожесточения еще не наступило в отношениях двух государств на территории Вьетнама. Ли Тхай Тонг не стал оккупировать крайний юг Тямпы, куда бежал преемник Джайя Синхавармана II — будущий царь Джайя Парамешвараварман I, он повернул свои войска назад. В девятом месяце (24 сентября — 21 октября) 1044 г. Ли Тхай Тонг вернулся в свою столицу [229, с.184].

При царе Ли Тхань Тонге (1054—1072) Тямпа продолжала исправно платить дань. Летописцы фиксируют прибытие из Тямпы посольств с данью в 1055, 1057, 1060, 1063, 1065 гг. Под 1056 г. отмечается также прибытие посольства с данью из Ченлы

(Камбоджи). До этого камбоджийское посольство такого рода упоминалось только один раз — в 1040 г. И после этого посольства из Камбоджи прибывали не часто — в 1069, 1072, 1086 и 1095 гг. Но эти записи свидетельствуют о том, что в отличие от XII—XIII вв. отношения Вьетнама и Камбоджи в XI в. были в основном мирными.

В конце 60-х годов XI в. отношения Вьетнама с Китаем сильно обострились. В 1068 г. в Китае взошел на трон император Чжао Сюй (он же Шэнь-цзун — 1068—1086). Он приблизил к себе министра Ван Аныпи, который предложил провести в стране самые решительные реформы, которые бы вернули Китаю статус великой державы. Реформы требовали крупных материальных средств. В этом плане богатый, но разоренный войнами Вьетнам представлял значительный интерес для китайского реформатора. С середины XI в. под власть Вьетнама перешел богатый золотыми рудниками пограничный район Куангнгуен, на который претендовал и Китай, и это давало удобный предлог для войны. Главное же, Сунской империи был нужен легкий успех, который поднял бы мораль войск, с трудом оборонявших Китай от вторжений с севера, где Китаю угрожали тангутское государство Ся и киданьское государство Ляо. Ван Аныпи был откровенен:

«Когда наша армия разобьет Цзяочжи (т. е. Вьетнам. — Э.Б.), наш авторитет возрастет. Тогда мы сообщим (о победе) в Шаньси, и боевой дух армии в Шаньси намного повысится. Это поможет нам одолеть страну Ся. А если мы захватим ее, то кто еще осмелится беспокоить Китай?»

[150, с.117].

Ван Аныпи хорошо помнил о неудачных походах во Вьетнам в X в. и поэтому готовил вторжение

неторопливо и очень тщательно. В Южном Китае, вблизи границ Вьетнама была создана цепочка мощных военных баз — крепость Юнчжоу в провинции Гуанси, порты Циньчжоу, Лянчжоу в провинции Гуандун стали складами продовольствия и оружия для крупных армий, которые можно было быстро двинуть во Вьетнам, когда для этого сложится благоприятная обстановка. Тем временем интенсивно строились новые корабли для военного флота, китайские агенты проникали в ставки вождей племен горной пограничной полосы, стремясь настроить их против вьетнамского правительства, китайские дипломаты убеждали царя Тямпы нанести Вьетнаму удар с тыла. Когда вьетнамские войска будут скованы на южной границе, в дело вступят армии Ван Аныпи.

Тямский царь Рудраварман IV (около 1061—1069), который еще в 1062 г. просил у китайского императора военной помощи против Вьетнама, но тогда получил вежливый отказ, легко поддавался на уговоры китайцев. Рассчитывая взять реванш за тяжкое поражение в 1044 г., он в конце 1068 г. начал военные действия против Вьетнама [691, с.81]. Имея такого мощного союзника, как Китай, он был уверен в быстрой победе.

Но в громадном аппарате Сунской империи что-то не сработало. Тямпа опять оказалась один на один со своим северным соседом. Ли Тхань Тонг действовал стремительно и жестко. Направив в Китай посольство, которое любой ценой должно было оттянуть начало военного конфликта, он уже 24 февраля 1069 г. объявил, что лично возглавит карательный поход против Тямпы, причем оформил это заявление как приказ, полученный им лично от китайского императора [184, с.161; 229, с.194]. 8 марта 1069 г. он выступил со своими войсками в поход, а 18 марта уже был на территории Тямпы. 23 марта вьетнамский генерал Хоанг Киен захватил тямский порт Нятле, а 3 апреля

произошло генеральное сражение вьетнамцев и тямов на берегу реки Тумао [189, с.163; 229, с.194]. Оно кончилось полным разгромом тямской армии. Ее командующий, имя которого вьетнамские летописцы транскрибируют как Бо-би-да-лу, был взят в плен и казнен.

«Вьет шы лыок» сообщает:

«Погибших воинов Тиентхань (Тямпы. — Э.Б.) невозможно было сосчитать. Их... монарх Де Ку (Рудраварман IV. — Э.Б.) узнал, что его войска потерпели поражение, и ночью вместе с женой и детьми скрылся. В ту же ночь виа привел войска к городу Фаттхе (Виджайя. — Э.Б.). Когда дошли до переправы Донгла, жители Фаттхе сдались»

[184, с.162].

Началась погоня за беглым царем, который петлял по самым глухим местам Тямпы. В четвертом месяце (24 апреля — 22 мая) генерал Ли Тхыонг Киет, самый талантливый вьетнамский полководец XI в., настиг Рудравармана IV на границе Камбоджи. Пленный царь был доставлен в лагерь победителя, который готовился максимально использовать свою победу.

«Вьет шы лыок» сообщает:

«Летом, в пятом месяце (между 24 мая и 18 июня), виа устроил пир высшим чиновникам во дворце правителя Тиентхань (Тямпы). Кроме того, виа сам плясал со щитом и играл в мяч на его (дворца) лестнице. Виа приказал сосчитать все дворы внутри и за городом Фаттхе (Виджайя). В общем было более 2560 дворов. Все сожгли»

[184, с.162].

После этого Ли Тхань Тонг приказал войскам выступить в обратный путь (уводя с собой 50 тыс.

пленных). 17 июля 1069 г., уже вернувшись во Вьетнам, он устроил своего рода парад победы.

«(Выл) издан указ ... построить войска для торжественного парада, согласно церемониалу. Император (Ли Тхань Тонг) восседал в колеснице, изукрашенной драгоценностями. Все высшие чиновники скакали на лошадях, вели тямского правителя Де Ку (Рудравармана IV), на котором была шапка из конопли и костей, одетого в платье из грубой белой ткани, подпоясанного шелком. Приказано пяти людям ву до (отряд специального назначения. — Э.Б.) тащить его, а следом на веревке шли связанные вместе его (Де Ку) сообщники»

[184, с.162].

Подвергнутый этому крайнему унижению Рудраварман IV вынужден был еще в качестве выкупа за свою персону уступить Вьетнаму три северные провинции — Ботинь, Диали и Малинь (в пределах совр. пров. Нгетинь и Биньчитхьен). После этого он смог вернуться на родину. Но там его уже никто не ждал. В стране бушевала гражданская война. За власть боролись несколько претендентов. Победивший в конечном счете Хариварман IV (около 1070 — 1081) основал новую, девятую по счету, династию Тямпы и вновь стал посылать дань во Вьетнам, признавая этим вассальный статус своей страны.

Ли Тхань Тонг направил посольство в Китай, чтобы сообщить императору о происшедших событиях, но китайское правительство, разумеется, уже обо всем знало от своих агентов и сделало соответствующие выводы. На вьетнамско-китайской границе на несколько лет наступило затишье.

Это затишье кончилось после того, как 1 февраля 1072 г. умер еще не старый царь Ли Тхань Тонг. Царем стал его сын Ли Нян Тонг, шестилетний ребенок.

Правительство Ван Аныпи решило, что снова настал благоприятный момент для агрессии против Вьетнама. На военные базы юга снова стали стягиваться крупные вооруженные силы. К осени 1075 г. для вьетнамского правительства, которое в этот момент возглавлял находившийся тогда в расцвете сил маршал Ли Тхыонг Киет (1019—1105), стало ясно, что китайское вторжение неминуемо. Учитывая огромный перевес сил противника, Ли Тхыонг Киет принял дерзкое решение — нанести внезапный упреждающий удар. «Спокойно ожидать врага — хуже, чем идти вперед и отвести острия вражеских копий», — сформулировал он свою политику [150, с.119]. 27 октября 1075 г. неожиданно для китайцев вьетнамские войска перешли границу сразу в нескольких местах.

На северо-западном направлении действовали отряды горцев, которых так и не удалось перетянуть на свою сторону китайскому правительству. Напротив, национальные меньшинства Юго-Западного Китая, во многом родственные горцам Северного Вьетнама, зачастую оказывали им поддержку²⁴. Регулярные вьетнамские войска Ли Тхыонг Киет сосредоточил на северо-востоке (в совр. пров. Куангнинь). Когда внимание китайского командования сосредоточилось на атаке горцев в провинции Гуанси, Ли Тхыонг Киет перебросил эти войска по морю и захватил китайские порты Циньчжоу и Ляньчжоу. Огромные стратегические запасы, сосредоточенные там для похода на Вьетнам попали в руки вьетнамцев. Затем оба войска — горское, под командованием племенного вождя Тонг Дана, и вьетнамское, под командованием самого Ли Тхыонг Киета, соединились в районе крепости Юнчжоу.

Осада Юнчжоу началась 17 января 1076 г. и длилась 42 дня. Китайский генерал Чжан Шоуцзе, направленный со своей армией, чтобы деблокировать крепость, попал

в засаду, устроенную вьетнамцами на перевале Куэньлунь, и был наголову разгромлен. Ли Тхыонг Киет захватил в плен самого Шоуцзе и казнил его. Комендант Юнчжоу генерал Су Цзянь, однако, решил держаться в крепости до подхода новых подкреплений. «Вьет шы лыок», отступая от обычного лаконизма, дает яркую картину этого противоборства:

«Управляющий чжоу Су Цзянь стал упорно оборонять город. Мы сделали штурмовые лестницы, чтобы наступать на крепость. Противник применил факелы, штурмовые лестницы не могли (поднести) близко, тогда мы стали стрелять в них отравленными стрелами. Войска, находившиеся на городских стенах, гибли, ложась грудями. Противник стрелял из луков шэнь би²⁵ по нашей слоновой кавалерии, было много убитых. Крепостная стена была высокой и прочной. Атаковали более 40 дней, но не могли овладеть. Поймали человека Сунов, научившего взбираться на стены с помощью мешков с землей, подложенных к крепостной стене. (Ли) Тхыонг Киет последовал этому совету и вследствие этого крепость пала. Су Цзянь бежал и вернулся в резиденцию. Убил заранее 36 членов своей семьи и затем сжег самого себя. Воины искали Цзяня, но найти не смогли и тогда полностью уничтожили более 50 тысяч чиновников и народа»

[184, с. 166].

Подводя итоги всей кампании, летопись сообщает:

«В этих сражениях было убито или захвачено в плен не менее 100 тысяч человек из трех чжоу — Юн, Цинь и Лянь»

[184, с. Л 60].

Крепость Юнчжоу пала 1 марта 1076 г. Ли Тхыонг Киет не собирался ее удерживать — к городу уже приближались главные силы китайской армии. Поэтому

он снес крепость до основания и приказал войскам отступить к вьетнамской границе. Главная цель превентивного удара была реализована — все базы для наступления на Вьетнам разорены.

Известие о падении Юнчжоу произвело самое тягостное впечатление при китайском дворе. Поднялись голоса противников этой войны, и в октябре 1076 г. Ван Аныпи даже был вынужден на время уйти в отставку. Тем не менее китайское правительство все же решило не менять своих планов. Разорение баз было в какой-то мере компенсировано успехами китайской дипломатии. Была достигнута договоренность с Тямпой и Камбоджей об одновременном начале военных действий против Вьетнама. В конце 1076 г. китайские пехота и конница в нескольких местах пересекли вьетнамскую границу.

Китайские войска довольно быстро заняли северные районы Вьетнама, но когда они двинулись на Тханглаунг, оказалось, что путь к столице Вьетнама преграждает мощный укрепленный район, который нельзя обойти ни слева, ни справа. Тханглаунг (совр. Ханой) был прикрыт с северо-востока р. Хонгха (*Красная*), самой крупной водной артерией Вьетнама. В 30—40 км к северо-востоку от Хонгха, параллельно ей течет река Кау, которую Ли Тхыонг Киет превратил в первый рубеж обороны. На протяжении нескольких десятков километров на правом берегу реки были возведены мощные земляные укрепления высотой в несколько метров, а перед ними вкопаны в землю ряды бамбуковых кольев, образующие многоступенчатые заграждения. На левом фланге эту укрепленную линию прикрывал горный хребет Тамдао, на правом — непроходимые болота дельты Хонгха. Вьетнамскую линию обороны можно было обойти только с моря, если бы китайский флот смог прорваться в устье Хонгха, но вьетнамские моряки прочно блокировали его недалеко от границы, в устье р. Батьданг, и он простоял там до

конца войны, не принимая никакого участия в военных действиях.

Командующий китайской армией генерал Го Куй, достигнув линии укреплений по р. Кау, развернул свои войска на ее левом берегу и стал искать способа форсировать эту преграду. Простояв на Кау несколько месяцев, он нашел наконец слабый участок во вьетнамской обороне и, наведя понтонные мосты, перебросил через реку в этом месте свои отборные части. Этот авангард быстро двинулся в сторону Тханглаунга, но до столицы не дошел. Войска Ли Тхыонг Киета догнали его и взяли в кольцо. Теперь китайцам пришлось пробиваться назад. Лишь немногие из них вернулись на левый берег Кау. Некоторое время спустя Го Куй снова попытался форсировать реку, на этот раз на плотках, каждый из которых вмещал до 500 человек. Но и эта попытка была отбита. Часть десантников была перебита на правом берегу реки, часть взята в плен.

После второй неудачи Го Куй перешел к оборонительной тактике. Между тем положение китайской армии стало ухудшаться из-за перебоев со снабжением. Вьетнамские и горские партизанские отряды постоянно наносили удары по растянутым коммуникациям китайской армии. Боевой дух китайских солдат стал падать. Ли Тхыонг Киет выбрал этот момент для перехода в контрнаступление.

За долгое время стояния на Кау китайские войска также сильно укрепили свой берег реки. Чтобы прорвать эту оборону, Ли Тхыонг Киет создал ударный отряд из нескольких тысяч человек, подкрепленный флотилией в 400 судов, во главе которой поставил двух молодых князей Тиеу Вана и Хоанг Тяна. Этот отряд должен был имитировать наступление. Переправившись на левый берег Кау, Тиеу Ван и Хоанг Тян смело углубились в расположение противника и отвлекли на себя большую часть китайских сил. Затем они начали

пробиваться обратно, но при этом погиб практически весь отряд. Хоанг Тян и Тиеу Ван погибли в водах Кау. Лишь немногие вернулись на правый берег. Тем временем Ли Тхыонг Киет с основными силами армии ночью переправился в том месте, где китайская оборона оголилась. Внезапная атака привела к полному разгрому китайской армии. Как лаконично замечает «Вьет шы льюк»,

«...в войсках Сунов погибших было 5—6 из 10»

[184, с.166].

Но даже потеряв 50—60% своих бойцов, китайская армия все еще оставалась серьезным противником для малочисленного вьетнамского войска. В этой ситуации Ли Тхыонг Киет проявил себя не только как талантливый полководец, но и как опытный дипломат. Он первый предложил Го Кую начать мирные переговоры. В обмен на гарантию беспрепятственного ухода из Вьетнама китайцы очистили четыре из пяти захваченных ими в начале войны северных округов. Только округ Куангнгуен (в совр. пров. Каобанг) китайцы удерживали до 1081 г., но и он был возвращен после того, как все китайские пленные были освобождены.

Победы Вьетнама над великим северным соседом произвели сильное впечатление на царя Тямпы Харивармана IV (около 1070—1081), основателя девятой династии этой страны. Уже в 1075 г., после десятилетнего перерыва, он посылает во Вьетнам посольство с данью, а два года спустя — еще одно. При преемниках Харивармана IV посольства во Вьетнам отправляются регулярно. При Парамабодисатве (1081—1086) — каждый год.

Царь Джайя Индраварман V (1086—1113) в начале своего правления также исправно платил дань (в 1086, 1087, 1088, 1089, 1091 гг.), но в 1094 г. принял решение

больше ее не платить. Отношения Вьетнама и Тямпы сразу резко обострились. По свидетельству китайских источников, во время банкетов при дворе императора послы Вьетнама и Тямпы стали садиться в разных концах зала. В 1094 г. Ли Нян Тонг начал приготовления к войне и предъявил Тямпе ультиматум с требованием возобновить уплату дани. Джайя Индраварман V направил в Китай посольство с просьбой о помощи. Но император Чжэ-цзун (1086—1101), озабоченный охраной своих северных рубежей от тангутов, в просьбе отказал. Джайя Индраварману V пришлось пойти на попятную. В том же, 1094 г. он направил во Вьетнам посольство с данью. За этим последовали посольства 1095, 1097, 1098, 1099, 1102 гг. [691, с.91].

В 1103 г. Джайя Индраварману V показалось, что настал наконец момент вернуть три северных округа, потерянных в 1069 г. В Тямпу бежал один из родственников Ли Нян Тонга, который уговорил Джайя Индравармана V вторгнуться во Вьетнам, уверяя, что там сейчас идет жестокая внутренняя борьба. Джайя Индраварман V в том же, 1103 г. начал военные действия. Сначала они шли успешно, и три северных округа снова перешли в его руки. Но потом началось контрнаступление вьетнамцев. Никакого внутреннего раздора во Вьетнаме, как оказалось, не было, и войска Ли Нян Тонга легко вернули себе спорную территорию. В 1104 г. Джайя Индраварман V был вынужден снова прислать во Вьетнам дань (возможно, увеличенную). То же самое он сделал в 1105, 1106, 1108, 1110 и 1111 гг. Его наследник Хариварман V (1113 — около 1139) продолжал эту политику. Он посылал дань в 1116, 1118, 1120, 1123, 1134 гг. В 1126 г. по приглашению Ли Нян Тонга он посетил Вьетнам [691, с.91—92].

При царе Джайя Индравармане VI (1139—1145), представляющем в единственном лице десятую династию Тямпы, посылка дани во Вьетнам

прекращается. Она возобновляется только при втором царе одиннадцатой династии Джайя Харивармане VI (1147—1162). Он отправлял во Вьетнам посольства с данью дважды — в 1152 и 1160 гг. Еще два посольства прислал четвертый царь одиннадцатой династии Джайя Индраварман VII (1163 — около 1180) — в 1165 и 1170 гг. Последнее посольство в XII в. прислал царь Шри Видьянандана (1192—1263) в 1194 г. Следующее посольство из Тямпы прибыло во Вьетнам только 72 года спустя, в 1266 г.

Отношения Вьетнама с Камбоджей в XII в. в основном носили характер резкого антагонизма. Царь Камбоджи Сурьяварман II (1113—1150) в начале своего правления послал во Вьетнам два посольства (1118 и 1120 гг.), но со второй половины 20-х годов XII в. он решительно наступает на слабеющее вьетнамское государство. Летописи этого времени пестрят однообразными записями:

«(1128 г.) люди Тянлап (Камбоджи) разорили Нгеан»;
«(1132 г.) осенью в восьмом месяце (11 сентября — 10 октября) Тянлап и Тхиетхань (Тямпа) разорили тяу Нгеан»; *«(1136 г.) военачальник страны Тянлап (по имени То Фа Ланг) разорил тяу Нгеан»;* *«(1148 г.) осенью в девятом месяце (15 октября — 12 ноября) Тянлап разорила тяу Нгеан»*

[184, с.181—182, 185].

Эти набеги прекратились только со смертью Сурьявармана II в 1150 г. Во второй половине XII в. о вторжении камбоджийских войск ничего не слышно, но отношения двух стран явно далеки от сердечности. Летопись упоминает только одно посольство из Камбоджи в 1194 г.

Упадок вьетнамского государства во второй половине XII — начале XIII

В.

В конце XI — первой четверти XII в. экономический подъем во Вьетнаме еще продолжается. Летопись фиксирует большие урожаи в 1079, 1092, 1111, 1123 гг. Природные условия вряд ли сильно изменились в последующие десятилетия, однако в течение следующих 100 лет, вплоть до падения династии Ли в 1225 г., летопись ни разу не упоминает о хороших урожаях.

Летопись продолжает аккуратно отмечать землетрясения, которые тоже как будто стали гораздо чаще случаться (в 1136, 1150, 1153, 1154, 1162, 1180, 1187, 1188, 1189, 1190, 1195 (дважды), 1196, 1198, 1200, 1202, 1205, 1210, 1213, 1217, 1218, 1220, 1224 гг.) — 23 раза за 98 лет (1127—1225), а при четырех первых царях династии Ли (1009—1127) за 118 лет «Вьет шы лыок» отмечает землетрясения только три раза (в 1016, 1017, 1020 гг.). И наводнения (два — в период 1009—1127 гг. и четыре — в период 1127—1225 гг.), и другие стихийные бедствия, о которых раньше вроде бы и не слыхивали. Эта статистика в глазах людей того времени никогда не носила случайный характер. Ведь одной из главных обязанностей царя в древнем обществе было именно обеспечение гармонии космоса, и в первую очередь природного космоса, т. е. нормального, благоприятного для людей развития природных процессов, а уже во вторую очередь социального космоса, нормального, мирного общественного порядка. Если царь не справлялся с этой задачей, то сама легитимность его власти могла быть поставлена под вопрос²⁶.

Постепенный упадок магической силы царей из династии Ли по летописным известиям можно было бы выразить даже графически. При первых трех царях эта магическая сила действует, можно сказать, автоматически. Без всякого внешнего вмешательства царей сельскохозяйственный цикл в стране каждый год успешно завершается, урожаи всегда или нормальные, или выше нормальных. Первые сбои начинаются в конце правления четвертого царя, Ли Нян Тонга (1072—1127). Под 1124 г. летопись сообщает:

«...Была сильная засуха. Помолились, и тогда пошел дождь»

[184, с.179].

Это безличное «помолились» всегда относится только к царю. Другими словами, в природе наступил перекося, но царь предпринял необходимые магические действия и устранил его.

При пятом царе из династии Ли — Тхан Тонге (1127—1137) идентичная процедура успешно была повторена в 1130 г. Но под 1134 г. летопись сухо сообщает:

«С весны до лета не было дождя»

[184, с. 182].

Стало быть, либо магия царя оказалась недостаточной, либо он вообще пренебрег выполнением своих обязанностей. Следующий царь, Ли Ань Тонг (1137—1175), которому летописец явно симпатизирует²⁷, в начале своего царствования успешно регулировал природные явления:

«(1140 г.) с весны до лета не было дождя. Вуа вознес молитву и пошел дождь (Ли Ань Тонгу в это время было всего шесть лет. — Э.Б.)»;

«(1143 г.) летом были затяжные дожди. Молитвы возымели действие»;

«(1148 г.) летом была засуха Помолились, и пошел дождь»

[184, с.184, 186].

Но чем старше становится царь, тем труднее ему наводить порядок в природе.

Перелом происходит в середине XII в. В 1153 г. летопись отмечает наводнение, два землетрясения. Зимой следующего года сгорело царское хранилище (где находились продовольственные резервы), и в результате резко выросли цены на рис. О действиях царя в связи с этим комплексом бедствий летопись ничего не сообщает.

Дальше — больше. Магия царя при седьмом правителе династии, Ли Као Тонге (1175—1210), уже не только не помогает, но начинает давать отрицательные результаты. Под 1194 г. летопись сообщает, что Ли Као Тонг «...наблюдал рыбную ловлю» (древний магический обряд, который соблюдался всеми царями Вьетнама). На этот раз царская магия имела совершенно катастрофические последствия:

«В этот день шел град величиной с голову лошади. Погибло много народу»

[184, с.200].

26 марта 1195 г. Ли Као Тонг

«...высочайше посетил дворец Тхиен ап, устроили ритуальное весеннее пиршество»

[184, с.200].

Далее летописец бесстрастно перечисляет жуткие последствия этого обряда, который должен был стимулировать благотворительные силы природы:

«Произошло землетрясение. В пятом месяце (10 июня — 8 июля 1195 г.) снова произошло землетрясение... Был большой мор... В начале осени (следующего года)

... в день мау зан (10 августа 1196 г.) дворец Минь Ли подвергся землетрясению»

[184, с.200].

С точки зрения буддийских монахов, писавших летопись «Вьет шы лыок», карма династии Ли истощалась прямо на глазах. Последний царь династии Ли — Хюэ Тонг (1210—1225) вел свои дела так плохо, что династия рухнула, а в магической науке был совершенно никудышным специалистом. Стихии решительно отказывались ему повиноваться, и он впал в апатию и почти полностью перестал выполнять свои магические обязанности. В его царствование летопись не отмечает ни одного положительного природного явления. Зато дважды отмечается град, дважды — наводнения (причем одно из них, в 1218 г., непосредственно после обряда рыбной ловли), трижды — землетрясения (в 1213, 1218 и 1224 гг.), причем два из них поражали именно царский дворец, средоточие магической силы царства. Под конец правления Ли Хюэ Тонга взбунтовавшаяся природа как бы сама стала сгонять незадачливого царя с трона:

«В день ки Шыу (13 января 1224 г.) произошло землетрясение. Этой зимой тигры заходили в деревни... В конце осени, в девятом месяце (14 октября — 12 ноября 1124 г.) от Тхьонг Нгуен дау до столицы вода реки была красной, как кровь. Зимой в двенадцатом месяце (11 января — 8 февраля 1225 г.) гора Фаттить раскололась. Длина трещины — 30 чьонгов. Летом появилась комета»

[184, с.230].

А в шестом месяце (7 июля — 5 августа 1225 г.) Ли Хюэ Тонг отрекся от престола.

Что же произошло на самом деле? Почему государство, бывшее в начале XII в. самой могущественной державой Юго-Восточной Азии, к

концу этого столетия было поглощено глубочайшим кризисом, который был преодолен только в ходе многолетней гражданской войны?

Причин было несколько — и субъективных и объективных. В то время как первые три царя династии Ли приходили к власти как зрелые, уже обладавшие опытом политического руководства люди (самый молодой из них взошел на трон в 28-летнем возрасте), все остальные цари в момент восхождения на трон были несовершеннолетними. Ли Нян Тонгу в 1072 г. было 6 лет, его внуку Ли Тхан Тонгу в 1127 г. — 11 лет, следующему царю Ли Ань Тонгу в 1137 г. — 3 года, его шестому сыну Ли Као Тонгу — 2 года. Только последний царь из династии Ли — Хюэ Тонг взошел на трон в «довольно зрелом» возрасте 17 лет, но он был, по мнению ряда историков, человеком психически неполноценным [150, с.126]. Такое стечение обстоятельств в сочетании с нетвердым порядком наследования (в принципе царь мог завещать свой трон кому угодно из своего рода, но на практике обделенные родственники могли оспаривать это решение с оружием в руках) рано или поздно должно было породить в стране политическую нестабильность²⁸.

Малолетство Ли Нян Тонга прошло без особенных потрясений благодаря запасу прочности, которое государство накопило в прежние царствования. Но уже тогда обозначилась тенденция борьбы за регентскую власть, которая так много определяла в судьбах Вьетнама последующего времени. Ли Нян Тонг был сыном первой жены Ли Тхань Тонга, Линь Нян. Регентскую власть, однако, захватила не мать, а бабушка нового царя — Тхыонг Зыонг. Формально ее «назначил» на этот пост шестилетний Ли Нян Тонг (позже мы узнаем, что и двухлетние цари в это время подписывали указы не хуже других). Год спустя,

однако, партия вдовы Ли Тхань Тонга сумела совершить государственный переворот. Этот факт изложен во «Вьет шы лыок» с полным уважением к тогдашним понятиям о легитимности:

«Вдовствующая императрица по имени Линь Нян завидовала, так как была законной матерью, но не могла принять участия в управлении (страной). Поэтому, обращаясь к вуа, сказала: „Престарелая мать упорно добивалась, чтобы настал этот день. Достигли богатства и почестей, но другой человек воспользовался этим. Куда же устроите престарелую мать?“ Вуа хоть и был молод, хорошо понимал, что не является сыном вдовствующей императрицы Тхыонг Зыонг. И тогда заключил вдовствующую императрицу и ее 72 служанок во дворец Тхыонг Зыонг, заставил их лечь в могилу Тхань Тонга»

[184, с. 165].

Древняя традиция принесения в жертву жен покойного монарха практиковалась во Вьетнаме и позже, особенно если этого требовала политическая необходимость. После смерти Ли Нян Тонга в 1127 г. на престол был возведен его 11-летний Ли Тхан Тонг. При этом произошла какая-то заминка. Ли Нян Тонг умер в двенадцатом месяце (4 января — 2 февраля 1127 г.), а Ли Тхан Тонг «вступил на престол перед гробом покойного» только во втором месяце следующего года [184, с.180] (возможно, впрочем, что здесь ошибка летописца). Вслед за этим Ли Нян Тонга с неприличной поспешностью похоронили, а траур прекратили. Летопись сообщает:

«В тот же день траур закончился. Вуа (Ли Тхан Тонг) высочайше посетил дворец Нанган, наблюдал как наложницы поднимались на горящий алтарь, умирая вслед за Нян Тонгом»

[184, с.180].

Учитывая, что дворец Нанган находился не в столице, а в провинции Хабак, вся эта неясная история, скорее всего, свидетельствует не о религиозном обряде, а о ликвидации участников тайной борьбы за власть вокруг царя-ребенка.

Год спустя произошла еще одна смена руководства: Ли Тхан Тонг «назначил» командира дворцовой стражи Ле Ба Нгаука верховным командующим. Траур по Ли Нян Тонгу был возобновлен, и притом в неслыханных ранее размерах:

«В день кань жи (13 февраля 1128 г.) издан указ о том, что в связи с национальным трауром запрещается всем в стране ездить верхом»

[184, с.180].

Такого летописи не отмечают ни до, ни после. Затем юный царь назначил вдовствующей императрицей свою приемную мать Тхан Фи.

Но уже в следующем году происходит новая подвижка власти, и Ле Ба Нгаук и Тхан Фи навсегда исчезают со страниц летописи:

«В день зяп нго (5 февраля 1129 г.) вуа, почитая отца Шунг Хиен Хау, сделал его Тхай тхыонг выонгом (т. е. произвел из князей — хау в великие князья — выонг. — Э.Б.) , мать — До Тхи назначил вдовствующей императрицей (Тхай Хау) и поселил во дворце Донг Нян»

[184, с.181].

Родители Ли Тхан Тонга, до этого, видимо, отстраненные от реальной власти, наконец эту власть получают. Но положение вещей снова меняется год спустя. В 1130 г. отец Ли Тхан Тонга, совсем еще нестарый человек, внезапно умирает, и группа, реально управляющая страной, остается без лидера. Таким

лидером становится вдовствующая императрица До Тхи, опирающаяся на нового главнокомандующего Зыонг Ань Ки.

Ранняя смерть Ли Тхан Тонга в 1137 г. в возрасте всего 21 года выводит на сцену новую группу претендентов в борьбе за власть. Первое место здесь заняли мать трехлетнего Ли Ань Тонга — Ле Кам Тхань и способный полководец генерал До Ань Ву, вскоре получивший должность главнокомандующего. Не успели они укрепить свои позиции, как к северу от столицы на территории нынешней провинции Бактхай вспыхнул мятеж, который возглавил самозванец Тхан Лой, выдававший себя за сына царя Ли Нян Тонга, умершего 12 лет назад.

Тхан Лой разбил направленные против него правительственные войска, захватил после этого целый ряд новых округов и начал угрожающее движение на столицу. Только после того как сам До Ань Ву двинулся на него со всеми наличными силами и в битве при Кхоангзить нанес самозванцу первое серьезное поражение, Тхан Лой начал медленное отступление на север. В десятом месяце (25 октября — 23 ноября) 1139 г. До Ань Ву нанес Тхан Лою еще одно поражение на территории округа Ланглень, взяв в плен более 2 тыс. человек. Тхан Лой бежал в Лангтяу на китайской границе, был схвачен там генералом То Хиен Тханем, доставлен в столицу и казнен.

К началу 1140-х годов внутреннее положение в стране было стабилизировано благодаря усилиям До Ань Ву, который как фаворит вдовствующей императрицы стал всесильным временщиком. Но его политика вскоре также стала источником серьезного социального напряжения. «Вьет шы лыок» сообщает:

«Когда вуа (Ли Ань Тонг) был молод, управление и в малом и в большом было передано До Ань Ву. К тому же

Ань Ву вступил во внебрачную связь с вдовствующей императрицей, поэтому стал еще более высокомерным и распущенным, на аудиенциях размахивал руками, громко кричал, а приказы чиновникам сопровождал молчаливым кивком. Народ в смущении отводил глаза и не осмеливался говорить»

[184, с.185].

Общее недовольство привело в 1148 г. к попытке дворцового переворота. Во главе заговора стали начальник дворцовой стражи Ву Дай и зять царя Зыонг Ты Минь.

«Зыонг Ты Минь вместе с ... Ву Даем привели солдат к воротам Вьетхань и громко крикнули: „Ань Ву захаживает во внутренние покои, совершил много позорных и злодейских дел, это стало известно повсюду. Подданные просят удалить его. Не навлеките будущие бедствия!“ Поэтому связали Ань Ву и посадили его в галерею Ку Тхань»

[184, с.185].

Но переворот удался только частично. Вдовствующая императрица Ле Кам Тхань тут же приняла свои меры:

«(Она) приказала людям отнести ему (До Ань Ву) вино и еду и, тайно дав золота, подкупила Ву Дая. В этот момент... Нгуен Зыонг (один из участников заговора), обращаясь ко всем, сказал: „Все вы позарились на эту взятку. И я и вы наверняка не сможем уйти от руки Ань Ву. Лучше уж убить его, чтобы избавить себя от беды“. Нгуен Зыонг схватил клевец, намереваясь пронзить его. И тогда ... Дам²⁹ отнял у него клевец, остановил его, сказав: „Диен тиен (т. е. Ву Дай) сказал мне, что, хотя за преступление Ань Ву полагается смерть, необходимо раньше испросить приказ сверху“. Зыонг разгневался и стал ругать его: „Диен тиен — Ву Кыт, а не Ву Дай³⁰. Почему этот жадный человек берет взятку, а не

считается с общим мнением?“ Сказав это, Зыонг бросился в колодец и погиб. Ань Ву был обвинен»

[184, с.185].

14-летний Ли Ань Тонг, проявив некоторую самостоятельность, лишил До Ань Ву должности главнокомандующего, понизил в звании и отправил в ссылку. Но вскоре ему пришлось уступить перед напором матери:

«Вдовствующая императрица тосковала, думая о том, как можно было бы восстановить Ань Ву в должности. Со временем Ань Ву был помилован, снова был назначен Тхай уи, помогал управлять как прежде, благосклонность к нему окрепла. Поэтому он держал в своих руках бразды правления, постоянно думал о том, как отомстить за старую обиду. И тогда тайно назначил более 100 человек до фунг ве³¹. Его телохранители хватали всех виновных»

[184, с.186].

Затем, естественно, последовала расправа с участниками заговора 1148 г. Летопись сообщает:

«Ань Ву тайно сказал вуа следующее: „В прошлом Ву Дай самовольно с войсками вошел в Запретный дворец, его вина велика. Прошу удалить его“. Вуа согласился с этим. И тогда Ань Ву приказал до фунг ве схватить Дая и передать его на суд чиновникам. Пять человек во главе с Ной тхи До Атом посадили на деревянного коня. Восемь человек Нгаук зяй хоа дау казнили на Западном рынке. Вывесили головы... Ву Дая и двадцати человек в Зянгдау...

Зыонг Ты Минь и тридцать человек были сосланы к застоявшейся воде. Всех остальных отправили на каторжные работы... Действительно (все произошло) так, как говорил Нгуен Зыонг»

[184, с.186].

Заодно были приняты меры, затрудняющие осуществление дальнейших заговоров:

«В этом году запретили прислуге самовольно входить во дворец, воинам при дворце заходить в дома выонгов и хау. Преступники, вошедшие в расположение до фунг ве, получают 80 палок, вошедшие в галерею будут наказаны смертью»

[184, с.186].

До Ань Ву сохранил свое влияние на государственные дела и после того, как Ли Ань Тонг достиг совершеннолетия. Так, еще в 1158 г. он без особого труда сумел устранить подававшего надежды молодого дипломата Нгуен Куок Зи, который предложил царю для ослабления социальной напряженности наладить нечто вроде обратной связи между народом и высшей властью. История эта излагается в летописи следующим образом:

«Летом в пятом месяце (1158 г.) ... Нгуен Куок Зи, ездивший послом к Сунам, вернувшись, сказал: „Когда подданный (Нгуен Куок Зи) попал в страну Сунов, то увидел на дворе медную урну, чтобы принимать отовсюду докладные записки. Подданный просит Ваше Величество сделать подобно этому, чтобы узнавать положение в Поднебесной“.

Вуа одобрил это. Сделали столик перед императорским дворцом (на него водрузили урну). Был издан приказ: „Тот, кто хочет рассказать о (каком-нибудь) деле, может написать письмо и бросить (в урну)“. В течение месяца письма заполнили урну доверху. Было тайно брошенное тем путем анонимное письмо, в котором говорилось: „Тхай уи До Ань Ву хочет ввести войска во дворец и поднять мятеж“. Получивший письмо уведомил Ань Ву. Ань Ву сказал: „Государь, позвольте мне расследовать это дело“. Долгое время не могли найти виновного. Ань Ву выдвинул ложное

обвинение, сказав: „Наверняка это сделал человек, предложивший поставить урну“. Вуа согласился с этим, приказал схватить Куок Зи и его младшего брата Нги и передать на суд чиновникам. Ложно обвинили и сослали в лагерь Куихоа. Прошло немного времени, и вуа захотел вызвать Куок Зи. Ань Ву приказал людям взять яд, передать Куок Зи и сказать: „Если принять это лекарство, можно избежать малярии“. Куок Зи понимал, что не уйдет от Ань Ву. Принял лекарство и умер»

[184, с.188—189].

Только после смерти вдовствующей императрицы в 1161 г. влияние До Ань Ву постепенно сходит на нет и его имя исчезает со страниц летописи.

Малолетство следующего царя, Ли Као Тонга, который вступил на трон в двухлетнем возрасте, тоже было омрачено и междоусобицами и разбоем временщиков. Ли Као Тонг был шестым сыном Ли Ань Тонга, который назначил его своим наследником за несколько месяцев до смерти, лишив титула наследника своего старшего сына Лаунг Сьонга (он же — Бао Куок Выонг) за неэтичное поведение. После смерти Ли Ань Тонга 14 августа 1175 г. сразу же завязалась борьба между вдовствующей императрицей, матерью отвергнутого наследника Бао Куок Выонга, и вдовствующей императрицей До Тхюи Тяу, матерью Ли Као Тонга.

Мать Бао Куок Выонга сперва пыталась подкупить регента, старого полководца То Хиен Тханя. Когда это не удалось, она вызвала сына из провинции, где он находился, рассчитывая, что он проложит себе дорогу в царский дворец силой. Но плохо подготовленный мятеж провалился. Встретив твердый отпор столичного аппарата, Бао Куок не решился на штурм дворца и в смущении удалился назад в свой удел. Несколько лет обстановка в стране была спокойной, но в июле 1179 г.

после продолжительной болезни умер талантливый полководец и опытный администратор То Хиен Тхань, завещав передать его пост не тому соратнику, который день и ночь ходил за ним больным, а тому, кто из-за государственных дел так ни разу и не нашел времени посетить больного шефа. Вдовствующая императрица До Тхюи Тяу, однако, не назначила на пост регента ни того, ни другого. Она отдала его своему младшему брату До Ан Тхуану, известному жестокостью своих административных методов. После смерти До Ан Тхуана регентом стал Дам Зи Монг, имя которого произносилось в народе всегда с добавлением постоянного эпитета «грабитель страны, разоритель народа» [150, с. 125]. Все это четырехкратное раскачивание государственной структуры при царях-младенцах, несомненно, в значительной степени ускорило кризис вьетнамского государства при династии Ли.

Но помимо субъективных причин существовали и объективные причины, которые также работали на расшатывание достаточно прочной системы, которую постепенно выработали цари ранней династии Ле и первые цари династии Ли. Главная из этих причин заключалась в противоречии между конечным количеством природных ресурсов страны (при данном, очень малоподвижном уровне производства) и неуклонно растущим числом потребителей, претендующих на эти ресурсы. Причем этот рост потребителей происходил как в абсолютных, так и в относительных цифрах. В абсолютных благодаря общему приросту населения, в относительных — благодаря опережающему росту руководящей и обслуживающей сферы, т. е. людей, которые не производят никаких потребительских товаров (в этом отношении в сферу обслуживания можно занести и армию, и полицию, и духовенство).

При тогдашнем уровне производства и на тогдашней территории Вьетнама вся пригодная для обработки земля вряд ли могла занять более 2—3 млн. крестьян. Между тем еще в начале нашей эры на территории Северного Вьетнама проживало 981 735 податных лиц, т. е. в первую очередь крестьян. Эта цифра в последующие века то падала из-за войн и эпидемий, то опять поднималась, долго колеблясь, видимо, в пределах 1 млн. (во время китайского господства о проблеме нехватки земли как будто бы ничего не слышно).

Но после обретения независимости в X в. и стабилизации положения в стране демографическая кривая круто пошла вверх. Причина здесь простая: сравнительно небольшой аппарат и относительно легкие налоги новой власти стали оставлять крестьянам больше прибавочного продукта, чем прежде. А излишки в крестьянском слаботоварном хозяйстве могут реализоваться двумя путями — через ритуальное потребление (именно тогда во Вьетнаме появилось совершенно неслыханное количество буддийских монахов) и через расширенное воспроизводство, т. е. увеличение рабочей силы и обрабатываемой территории. И где-то в середине XII в. насыщение и тем и другим дошло до предела. Все доступные для обычной техники того времени земли были освоены и заселены. Во многих регионах Юго-Восточной Азии вплоть до XIX в. экономическая мощь еще оценивалась количеством рабочих рук. Во Вьетнаме XII в. эта мощь впервые стала оцениваться количеством обрабатываемой земли. Земля, которая раньше ничего не стоила, которая была бесплатным приложением к рабочим рукам, теперь впервые обрела цену.

Во Вьетнаме, как и в большинстве стран Востока, институт частной собственности был развит слабо,

однако же существовал всегда. Основная часть земли была поделена между общинами, которые сообща владели лугами и другими угодьями, а пахотную землю периодически переделывали по числу едоков (обычно раз в шесть лет). Однако же приусадебные участки, сады, огороды, а также целина, поднятая лично крестьянином, являлись его частной собственностью и могли быть проданы при выполнении некоторых формальностей. Когда землю стало легче купить, чем распахать свободную пустошь, началось движение земельной собственности, которое довольно скоро стало беспокоить власти как источник социальной напряженности. Появляются первые законы, регулирующие споры о земельной собственности:

«Зимой в двенадцатом месяце (1140 г.) издан указ о том, что все проданные с правом выкупа обрабатываемые поля можно выкупить в течение 20 лет. Обо всех спорных обрабатываемых землях тяжбы более 5—10 лет не продолжать. Проданные обрабатываемые земли, на которые есть купчая крепость, не могут быть выкуплены»

[184, с.184].

Более детально те же положения были изложены в указе, который в 1143 г. подписал девятилетний Ли Ань Тонг:

«Высочайше повелевается, что спор о земле, отданной в залог, можно в течение 5—10 лет переносить в суд. Зброшенные земли землевладелец имеет право требовать обратно, если их обрабатывает другой, только в течение года. По прошествии года такие требования запрещаются. Нарушитель (этого указа) подвергается наказанию — 80 палочных ударов.

При спорах из-за земли, если кто-нибудь металлическим оружием нанесет человеку смертельное

ранение, то он подвергается наказанию — 80 палочных ударов и ссылается на каторжные работы. Его земли и пруды будут отданы раненому»

[86, с.135].

В 1145 г. в дополнение к этому указу был издан еще один:

«Для тех, кто участвует в земельных тяжбах из-за прудов и имущества, запрещается опираться на лиц, облеченных властью»

[86, с.135].

Напряженность в отношениях между собственниками (частными и коллективными) и несобственниками (бывшими крестьянами, так или иначе вытолкнутыми из общины) тем не менее продолжала нарастать. Параллельно с этим продолжала возрастать напряженность между производящими и непроизводящими слоями общества. Численность последних, как уже говорилось, росла более быстрыми темпами, чем численность производителей, за счет раздувания аппарата, увеличения личной прислуги этого аппарата и персонала бесчисленных культовых сооружений, которые из престижных соображений возводило государство. Богатая деревня могла выдержать все это довольно долго, и правители XII в. продолжали черпать оттуда все новые ресурсы, не задумываясь о последствиях, которые возникли, однако, довольно быстро. Одним из первых свидетельств, что терпение крестьянства истощается и оно готово поддержать любого авантюриста, если он посулит им облегчение, стало уже упоминавшееся восстание самозванца Тхан Лоя (1140—1141). Локальные восстания вспыхивали то здесь, то там в 1143, 1152, 1161, 1177 гг. Чем ближе к концу столетия, тем они становились крупнее и упорнее. Так, восстание

Ле Вана в провинции Тханьхоа длилось пять лет (1188—1192).

Власти в ответ на эти восстания и феодальные мятежи принимали свои меры: старались возвести более жесткий барьер между различными сословиями и социальными группами, до минимума свести сношения между ними и даже в отношении социально однородных по возможности внедрить принцип «собираться не более трех человек!» Летопись от правления к правлению кратко фиксирует это законотворчество:

«Весной, в третьем месяце (31 марта — 28 апреля) 1131 г. издан указ о том, что слуги не могут жениться на женщинах из народа»

[184, с.181].

«В девятом месяце (28 сентября — 26 октября) 1136 г. внутри и за пределами столицы три семьи объединяются в бао»

[184, с. 182].

Таким образом, вводилась поголовная круговая порука по образцу китайских пятидворок. В 1148 г., сразу после попытки свержения До Ань Ву, прислуге запретили «самовольно входить во дворец», воинам при дворце — входить в дома выонгов (великих князей) и хау (князей). Преступников, вошедших в расположение до фунг ве, отмечено в летописи, «будут наказывать смертью» [184, с.186]. Далее в летописи:

«Издан указ (1157 г.) установить несколько пунктов новых законов. Все диен тиен шы³² и все чиновники, имеющие должность до хоа дау, не могут служить в доме частных лиц. Тот, кто нарушит это, получит 80 палок. Те из категории „цветных людей“³³, которые наденут темное платье³⁴, получают 80 палок и будут сосланы как кхао зяпы?³⁵. Семьи, наделенные властью,

не могут самовольно принимать „цветных людей“ из простого народа Выонги и хау не могут ночью ходить по городу. Все слуги выонгов и хау не могут татуировать изображение дракона на груди»

[184, с.188].

В конце 1170-х годов указы стали регламентировать не только политику, но и экономику. В 1179 г. было «запрещено обменивать у истоков [рек] рыбу, соль и изделия из железа» [184, с.195]. Кончилось все это скверно: после рядового наводнения в июле—августе 1180 г. разоренная и лишенная всяких запасов деревня оказалась на грани гибели. В 1181 г. «был большой голод. Почти половина народа умерла» [184, с. 196]. В 1195 г. голод повторился в сочетании с эпидемией: «Был большой мор», — сообщает летописец [184, с.200].

Положение усугублялось тем, что царь Ли Као Тонг, достигнув совершеннолетия, стал вести себя с не меньшей безответственностью, чем временщики-регенты. Только в 1197 г. по его распоряжению было построено более 100 загородных дворцов. Старый регент Дам Зи Монг, сохранивший свое влияние и на взрослого царя, предложил для пополнения казны последнее, отчаянное средство. Так сказать, ликвидировать буддийское монашество как класс. В 1198 г.

«... Дам Зи Монг сказал виа: „В настоящее время буддийских монахов и послушников приблизительно столько же, сколько слуг. Сами все вместе устанавливают себе учителя. Собираются все категории, живут вместе, совершают много позорных поступков. Или в священной обители пьют вино и едят мясо, в чистых буддийских монастырях предаются блуду, развратничают, днем спят, а ночью бодрствуют, подобно лисам и крысам, разрушают нравы, вредят религии, и это постепенно становится поветрием. Если

не запретить, то через некоторое время это дойдет до крайности“.

Вуа одобрил его доклад. Зи Монг собрал вместе монахов и послушников страны и поместил их в амбар с зерном. Отобрали из них несколько десятков широко известных людей и оставили монахами. Всем остальным сделали татуировку на руке и расстригли»

[184, с.201].

Расходы государства на религию после этого действительно сократились, но переведенные в податное сословие монахи вряд ли стали исправными работниками. Скорее они пополнили ряды антиправительственной оппозиции. В многолетней гражданской войне, которая разразилась в начале XIII в., в конечном счете победило семейство Чанов, выступавшее под нарочито буддийскими лозунгами.

Церковных денег хватило ненадолго, и тогда Ли Као Тонг посягнул на привилегии чиновничества, обесценивая их доходные места созданием новых, параллельных должностей и присваивая себе их судебные доходы.

«Вуа был корыстолюбив и взял за правило продавать чиновничьи должности и брать плату за ведение судебных дел. Если два человека спорили из-за обрабатываемой земли или имущества и один человек был не прав, то вуа вне зависимости от того, кто был прав, а кто нет, все конфисковывал.

Поэтому в дворцовой казне скапливалось много добра, а простой народ роптал. Грабителей развелось, как пчел»

[184, с.206].

В 1202 г. в стране началось восстание под руководством Фи Ланга, которое продолжалось 13 лет. Все попытки подавить его кончились дальнейшей деморализацией правительственных войск. Страна

фактически распалась на отдельные районы. Каждый губернатор вел дела на свой страх и риск, попеременно воюя то с повстанцами, то с царем, то с соседними феодалами. Ли Као Тонг в этой обстановке проявлял такую же полную некомпетентность, как и в мирное время. Летопись сообщает:

«В этом (1206) году в стране была смута, а вуа очень пристрастился к путешествиям. На дорогах стало опасно, не было мест, куда можно было бы (спокойно) проехать. Тогда на пруду Ынг минь специально построили загородные дворцы Ынг фуанг и Хай тхань. Днем туда приводили приближенных и наложниц, чтобы (вуа) было весело. Кроме того, большой корабль объявили кораблем императора, маленькие корабли разделили на две группы. Вуа приказывал наложницам и актерам грести. Приводил своих приближенных, как будто отправлялся куда-нибудь, согласно церемониалу. Брал воск, запечатывал шелк и продукты моря, бросал в пруд, приказывал людям прыгать в воду и доставать это (словно) приношения из дворца Дракона. Высшие чиновники видели, что он (вуа) чрезмерно предается развлечениям, но все боялись, не осмеливаясь сказать ему.

... Однажды вуа высочайше прогуливался возле пруда. Услыхал за крепостной стеной крики человека, которого грабили. Но вуа по-прежнему продолжал праздно прогуливаться, сделав вид, что не слышит»

[184, с.206—207].

В 1207 г. Ли Као Тонг как бы на время очнулся и попытался исправить свои отношения с народом.

«В этом году вуа, видя, что грабителей развелось, как пчел, вспоминая прошлое, раскаялся в содеянном, поэтому издал указ: „Мы еще молоды³⁶, а вынуждены брать на себя большое дело. Находясь на

императорском престоле, не знаем о тяжелом положении народа. Внимая словам простолюдинов, слышим ропот низов. Если народ озлоблен, то на кого мы будем опираться? Ныне исправим свои ошибки и заживем по-новому, обновимся вместе с народом. Тем, у кого были отобраны земля или имущество, (все) будет целиком возвращено“»

[184, с.206].

Но было уже поздно. Обанкротившегося монарха никто уже не принимал во внимание. В 1208 г. страну снова поразил великий голод. «Умершие от голода лежали грудями», — лаконично замечает летописец [184, с.208]. В том же году губернатор Нгеана Фам Зу, до этого с большим или меньшим успехом боровшийся с повстанцами,

«... набрал беглых, собрал воров и разбойников и назвал хау нян³⁷ ... Они открыто грабили, не боясь ничего. Грабителей поэтому развелось, как пчел»

[184, с.208].

В начале следующего года Фам Зу вступил в конфликт с другим мощным феодалом, Фам Бинь Зи, губернатором Кхоая. Сначала военный перевес был на стороне Фам Зу. Потом стал одолевать Фам Бинь Зи. Потерпевший поражение Фам Зу бежал в провинцию Хонтяу (совр. пров. Хайхынг), где ему предоставил убежище еще один мощный феодал — Доан Тхыонг. Тогда «[Фам] Бинь Зи переписал его семью и сжег» [184, с.209]. Месть не заставила себя долго ждать. Несколько месяцев спустя Фам Зу убил Фам Бинь Зи прямо во дворце Ли Као Тонга.

Это дало толчок к дальнейшему расширению гражданской войны. Союзники убитого в августе 1209 г. подступили к царскому дворцу и чуть не захватили царя со всем двором. Отступив все-таки от столицы, они

увезли с собой тело Фам Бинь Зи, а также немалые трофеи, включая двух сыновей Ли Као Тонга — принца Тхама и принца Шама. Глава коалиции Чан Ли, губернатор приморской провинции Тхайап (совр. Тхайбинь), в качестве альтернативного царя короновал в своей вотчине принца Тхама, а немного позже, решив, что ему больше подходит юный и податливый Шам, сделал царем его, а Тхама разжаловал обратно в великие князья. В том же августе 1209 г. Фам Зу попал в руки союзников и был казнен по приговору царя Шама.

В сентябре 1209 г. Чан Ли и его союзники снова попытались овладеть столицей. Но на этот раз удача была на стороне правительственных войск. К тому же ураган разметал флот Чан Ли. Это породило колебания в стане феодалов, поддерживавших Чан Ли. Шурин Чан Ли — генерал То Чунг Ты решил, что высокие титулы, пожалованные ему альтернативным царем Шамом, не стоят той благодарности, которую он может получить от Ли Као Тонга, если перебежит к нему вовремя. В начале февраля 1210 г. он внезапно напал на Тхайап, захватил Шама и отвез его в столицу к отцу. Следующим перебежчиком оказался старый Дам Зи Монг, много лет помогавший Ли Као Тонгу разорять страну, а потом примкнувший к его врагам.

Когда-то Чунг Ты перетянул чашу весов, захватив принца Шама, Дам Зи Монг скрылся в деревне Анланг, а затем со своими единомышленниками «схватил тех, кто носил титулы, пожалованные сыном вуа Шамом, и осенью в седьмом месяце (23 июля — 20 августа 1210 г.) передал их вуа» [184, с.211]. Ли Као Тонг принял перебежчиков, но Дам Зи Монгу пришлось выслушать несколько неприятных слов от тех приближенных царя, которые не покидали его. До Ань Зоань обвинил его, сказав:

«Ты, крупный сановник государства, не имел в (своем) сердце правителя, принял титул, пожалованный разбойником, а сейчас сидишь вместе с нами! Мы, хотя и лишены таланта, но какими глазами мы можем смотреть на тебя?»

[184, с.211].

Дам Зи Монг тогда испугался и удалился [184, с.211], но не забыл сказанного. Несколько месяцев спустя Дам Зи Монг, вновь поднявшийся на вершину власти и ставший главнокомандующим, первым делом казнил своего обидчика (3 января 1211 г.) [229, с.255].

Триумф Ли Као Тонга, однако, был недолгим. 23 октября 1210 г. он умер после болезни в возрасте 37 лет. Примерно в это же время сошел со сцены его главный противник Чан Ли. По словам летописцев, он был убит «разбойниками» (возможно, это были крестьянские повстанцы). Во главе дома Чан теперь встал старший сын Чан Ли — Чан Ты Кхань, а царем стал сын Ли Као Тонга 17-летний принц Шам, получивший тронное имя Ли Хюэ Тонг (1210—1225).

Агония династии Ли

В годы правления последнего царя из династии Ли многосторонняя гражданская война во Вьетнаме достигла апогея. Реальная возможность захватить трон подталкивала к действиям вождей всех «сильных домов» страны. Серьезными соперниками Чан Ты Кханя в этой борьбе были Доан Тхыонг, контролировавший область Хонгтяу (совр. пров. Хайхынг), Нгуен Ты, укрепившийся в области Куокоай (совр. пров. Хашонбинь), Нгуен Нон, управлявший областью Бакзянг (совр. пров. Хабак), и талантливый полководец То Чунг Ты, приходившийся Чан Ты Кханю дядей по матери. Этот последний, формально выступая за царя, довольно быстро сосредоточил в своих руках все основные рычаги власти, но он не успел реализовать свои далеко идущие планы. Летом 1211 г. То Чунг Ты был убит мужем одной из своих любовниц.

Вслед за этим на первый план выдвинулся бывший помощник То Чунг Ты генерал Нгуен Ты. Сразу же после смерти То Чунг Ты он совершил дерзкий набег на столицу Тханглаунг и разграбил ценности императорского дворца. Ли Хюэ Тонг отдал строжайший приказ поймать Нгуен Ты и примерно покарать его. Но приказ остался пустым звуком. Нгуен Ты укрепился в своих родовых владениях Куокоай неподалеку от столицы, создавая постоянную угрозу царскому двору. Но в марте—апреле 1212 г. в мелкой стычке он был ранен отравленной стрелой и вскоре умер от этой раны.

Устранение одного за другим крупных соперников усилило политический вес Чан Ты Кханя, который уже в феврале 1212 г. подошел на близкое расстояние к столице, что вызвало панику в царском дворце. Несмотря на то что Чан Ты Кхань всячески демонстрировал свою лояльность и даже остриг волосы

и дал торжественную клятву Небу, что у него нет дурных замыслов в отношении Ли Хюэ Тонга, мать царя Дам Тхи приняла свои меры. Чтобы оставить Чан Ты Кханя без альтернативного кандидата на трон, она приказала схватить принца Ли Нян Куока и двух других сыновей Ли Као Тонга и утопить их в колодце царского храма. Летописец сообщает:

«Затем приказала вынести их тела и положить за воротами дворца. Сановники свиты боялись вдовствующей императрицы, не осмеливались смотреть»

[184, с.216].

В это время всеобщего озверения только один человек осмелился публично оплакивать детей покойного царя, и летопись фиксирует его имя.

Неизвестно, собирался ли Чан Ты Кхань менять царей на троне или у него были другие планы, только на этот раз «стояние у столицы» кончилось ничем. Но в апреле 1212 г. Чан Ты Кхань снова стянул свои войска к столице. Ли Хюэ Тонг собрался было бежать на северную границу в Лангтяу, но все пути были уже перехвачены. Генералы Чан Ты Кханя — Лай Линь и Фан Лан взяли лошадь царя под уздцы и всеподданнейше «упросили» его остаться. Ли Хюэ Тонг и его мать были доставлены во дворец, отведенный для этого победителем. Здесь разыгралась чувствительная сцена:

«Вуа и вдовствующая императрица встали перед статуей Будды и произнесли: „Мы скудны добродетелями, мы опозорили доставшиеся от предшественников лучшие замыслы. Мы дошли до того, что переживаем смуту, вот-вот погибнут предыдущие деяния. Много раз переезжали из одного дворца в другой. Теперь хотим отречься от Небесного престола, уступив мудрому и добродетельному“. Сказав, вуа взял нож, чтобы остричь себе волосы (т. е. постричься в

монахи). (Чан) Ты Кхань и высшие чиновники поклонились до земли и лили слезы. И тогда вуа воздержался от отречения»

[184, с.217].

После того как приличия были соблюдены, произошла реальная передача власти. 26 апреля 1212 г. Ли Хюэ Тонг приказал всем гражданским и военным чиновникам выполнять все распоряжения Чан Ты Кханя. Но нового диктатора признали далеко не все. Особенно упорное сопротивление оказывали области, расположенные к северо-востоку от Тханглаунга. Уже в мае 1212 г. Чан Ты Кханю пришлось пойти походом на область Хонгтяу (совр. пров. Хайхынг), которой правил «сильный дом» во главе с Доан Тхыонгом. Не признавала Чан Ты Кханя и область Бакзянг (совр. пров. Хабак), которой управлял талантливый полководец Нгуен Нон. Более чем прохладно относились к Чан Ты Кханю и многие другие крупные феодалы.

В начале 1213 г. вдовствующая царица решила использовать сложившуюся ситуацию, чтобы избавиться от Чан Ты Кханя. В глубокой тайне она договорилась с генералом Фан Тхе из области Фулак и генералом Нго Наем из области Бакзянг о контрперевороте. Так как заговорщики были не очень уверены в своих силах, основное внимание было сосредоточено на внезапности удара и неожиданности цели. Выступление было намечено на 4 февраля 1213 г., когда Чан Ты Кханя не будет в столице. Войска заговорщиков должны были в этот день ворваться в женскую половину дворца и захватить в качестве заложницы его мать То Тхи. Этот план сорвался, потому что верные люди вовремя вывели То Тхи из дворца, тайно провели через город и посадили на корабль, идущий в вотчину Чан Ты Кханя — Тхайап. В остальных отношениях заговор увенчался полным успехом. Войска

Чан Ты Кханя были захвачены врасплох, и генерал Нго Най легко очистил от них столицу. Воспрянувший духом Ли Хюэ Тонг послал приказ старому маршалу Дам Зи Монгу и губернатору Хонгтяу Доан Тхыонгу начать решительную войну против Чан Ты Кханя.

Чан Ты Кхань, однако, не стал дожидаться нападения, а сам энергично атаковал своих противников одновременно в нескольких местах. Его люди захватили (и обвязали пять раз железным канатом) губернатора Бакзянга Нгуен Нона, непосредственного начальника Нго Ная. Немного спустя Чан Ты Кхань пошел на смелый шаг — освободил Нгуен Нона, женил его на своей родственнице и подарил ему два района своей провинции. Этот альянс Чан Ты Кханя с Нгуен Ноном длился недолго, но глава дома Чан получил поддержку самого талантливого полководца того времени в самый критический для себя период.

На другом фронте Чан Ты Кхань атаковал и подчинил себе область Куокхай, вотчину погибшего за год до этого Нгуен Ты. На третьем фронте (в совр. пров. Хашонбинь) он отбил атаку, которую возглавил в качестве военачальника сам Ли Хюэ Тонг. В первом месяце следующего года (12 февраля — 12 марта 1214 г.) положение Чан Ты Кханя укрепилось настолько, что он смог начать непосредственную атаку на столицу одновременно с нескольких направлений. Войска Дам Зи Монга и принца Ан Няня, которым Ли Хюэ Тонг поручил оборону столицы, потерпели полное поражение. Слабовольный царь снова решил бежать в Лангтяу, поближе к китайской границе. Попытка Дам Зи Монга организовать сопротивление на промежуточном рубеже, в Хонгтяу, кончилась ничем, и он, бросив царя, бежал. Соседний Бакзянг был вскоре после этого занят войсками своего прежнего губернатора Нгуен Нона. Ли Хюэ Тонгу, прижатому к северной границе, действительно только и оставалось, что бежать в

Китай. Но тут Чан Ты Кхань предпринял виртуозный дипломатический шаг.

Он в очередной раз остриг волосы в знак готовности уйти в монахи и отправил их Ли Хюэ Тонгу вместе со следующим посланием:

«Подданный видит, что Ваше Величество окружают подлецы, препятствующие преданному человеку, вводят в заблуждение мудрого. Народ заброшен и удручен, а Ваше Величество не имеет возможности узнать об этом. Поэтому люди страны разгневаны, начинают военные действия, чтобы покарать их (тех, кто окружает виа). (Делаю) это только для того, чтобы уничтожить корни бедствия и успокоить душу народа. По отношению к государю подданный не осмелится совершить даже маленькое преступление. Разве замышляем мы преступление, (если) хотим направить императорский экипаж в другую сторону, (преступление), которое наказывают карательным походом? То, что подданный осмеливается говорить об этом, заслуживает десяти тысяч смертей. Хочу, чтобы Ваше Величество хоть чуть-чуть смирило гнев и вернулось в столицу, чтобы осуществить надежду людей»

[184, с.221].

Прочитав это послание, Ли Хюэ Тонг начал склоняться к тому, что следует вернуться. Вдовствующая царица настаивала на продолжении пути. Среди придворных произошел раскол. В конечном счете с Ли Хюэ Тонгом осталось только 30 человек. Маленький поезд скитался по провинциям, то приближаясь к Тханглаунгу, то снова направляясь в сторону границы. В апреле 1214 г. Чан Ты Кхань посадил на вьетнамский трон дядю Ли Хюэ Тонга — принца Ли Хюэ Вана под тронным именем Нгуен Выонг. Этот марионеточный царь пользовался в стране еще

меньшим авторитетом, чем Ли Хюэ Тонг, но Чан Ты Кхань использовал его как средство давления на слабовольного царя. Ли Хюэ Тонг, видимо, уже был готов капитулировать, как вдруг он получил неожиданную отсрочку. Летом 1214 г. от Чан Ты Кханя неожиданно отложилось несколько военачальников, которым не нравилось его чрезмерное усиление. В их числе был и знаменитый Нгуен Нон.

Война снова охватила страну от края до края. Чувствуя, что столицу не удастся удержать, Чан Ты Кхань приказал сжечь царские дворцы, предварительно вывезя оттуда все ценные вещи. Войска генерала Лан Линя, перед тем как покинуть Тханглаунг, успели сжечь там 19 дворцов. Примерно полгода война шла с переменным успехом, затем военная фортуна опять склонилась на сторону дома Чанов. 29 декабря 1214 г. войска Чан Ты Кханя снова ворвались в Тханглаунг. Летописец сообщает:

«В тот же день Ты Кхань позволил солдатам разграбить императорское имущество. Затем сжег его дворец и почти все дома жителей столицы. В день ни муй (30 января 1215 г.) виа и вдовствующая императрица вернулись в столицу. Увидев, что дворец полностью сожжен... приказали построить хижину, крытую камышом, чтобы жить в ней»

[184, с.224].

Гражданская война теперь приобрела совершенно истребительный характер. Указ, который Ли Хюэ Тонг издал в феврале 1215 г., больше похож на вопль:

«Чан Ты Кхань собрал головорезов, разграбил столицу, напал на воде и на суше, принес бедствия государству. Прошлой зимой пламя бедствий разгорелось еще сильнее. Он привел войска, бесчинствовал и мучил людей, грабил наше имущество, сжег наши дворцы, в результате чего улицы столицы

превратились в руины. Мы, учитывая, что наши многочисленные подданные охвачены гневом, опираясь на поддержку душ предков, сами подняли шесть армий, сами отправились в поход. А сейчас мы обращаемся к вам, военачальникам и простым воинам: прислушайтесь к тому, что говорится в указе, приложите все усилия, чтобы осуществить ваши замыслы»

[184, с.224].

Ли Хюэ Тонгу действительно удалось собрать довольно значительные войска с помощью тех местных феодалов, которых снова напугало чрезмерное усиление дома Чанов. Война запылала с новой силой. Города и деревни переходили из рук в руки. Военачальники перебегали из лагеря в лагерь. В июне 1215 г. Ли Хюэ Тонг в очередной раз изъявил желание отречься от престола. Его опять уговорили остаться. Но нервы его были на пределе. Учитывая это, Чан Ты Кхань опять стал проявлять мирные инициативы. В ноябре 1215 г. он вернул Ли Хюэ Тонгу захваченную ранее царскую корону, в январе 1216 г. — золотой трон. Весной 1216 г. в правительственном лагере разразился очередной кризис. Царь приказал схватить каких-то разбойников в области Као, а местная администрация не только не дала это сделать, но и напала на представителей царя, посланных с этой целью. А когда Ли Хюэ Тонг попытался применить санкции к непокорной области, военачальник из Као — До Нюе сам напал на царя.

Это стало последней каплей. 23 мая 1216 г. Ли Хюэ Тонг «высочайше посетил» военный лагерь Чан Ты Кханя и отдал ему приказ покарать До Нюе. По существу это была полная капитуляция старой династии перед новой, хотя формальная смена власти произошла только девять лет спустя. Ли Хюэ Тонг вместе с Чан Ты Кханем стал теперь воевать с

собственной матерью, которая так же, как и генерал До Нюе, бежала к Нгуен Нону. Нгуен Нон теперь из сторонника центральной власти опять превратился в главу оппозиции. Возможно, он как-то рассчитывал использовать принцессу, дочь Ли Хюэ, которая бежала к нему вместе с бабкой, но разыграть эту карту ему так и не пришлось. Война догорала. Ее накал падал, потому что народ устал от многолетней бойни и хотел хоть какой-то стабильности.

Мятежные районы капитулировали один за другим. Летом 1216 г. До Нюе был пойман и отправлен на каторгу. В 1217 г. капитулировал один из старейших участников гражданской войны, правитель области Хонгтяу Доан Тхыонг. Для поощрения желающих капитулировать ему тут же был пожалован титул выонга (великого князя). После этого процесс замирения страны пошел еще быстрее. Коллективно капитулировали все апы (районы) области Фаунгтяу (в совр. пров. Виньфу). Сдались генералы Хоанг Ка Тот и Нгуен Лой, контролировавшие область Намшаты. Повесился вместе с детьми и женой генерал Ха Као, окруженный войсками Чан Ты Кханя в районе Куи Хоа. Только Нгуен Нон в Бакзянге неизменно отражал все попытки покорить его силой оружия. В числе битых им генералов был и сам Чан Ты Кхань. Согласно деликатной формулировке летописцев, он никак «не мог победить» Нгуен Нона. Но в начале января Нгуен Нон, проболев несколько дней, умер. Согласно некоторым источникам, он был отравлен. 15 января 1220 г. генерал Нгуен Нона — Фи Тхам передал Чан Ты Кханю вдовствующую царицу Дам Тхи и ее внучку.

После окончания гражданской войны ее основные персонажи стали быстро сходиться со сцены. Летом 1221 г. скончался дядя Ли Хюэ Тонга марионеточный царь Нгуен Выонг. Хотя при жизни он доставил Ли Хюэ Тонгу немало отрицательных эмоций, теперь тот горько

сожалел о смерти родственника: «Вуа прекратил давать аудиенции на пять дней, постился три дня» [184, с.229]. В феврале—марте 1223 г. повесился, чтобы избежать ареста, Лай Линь, один из лучших генералов Чан Ты Кханя. Тому теперь больше не нужны были слишком одаренные полководцы. А 3 января 1224 г. умер сам Чан Ты Кхань. Как сообщает летопись: «Вуа вместе с вдовствующей императрицей носили траур, плакали и скорбели о нем» [184, с.230].

Во главе дома Чан встал теперь Чан Тхай То, сын покойного. Он энергично и грамотно провел политический эндшпиль. В июле—августе 1225 г. Ли Хюэ Тонг был принужден передать трон своей малолетней дочери Тиеу Тхань. Ее выдали замуж за сына Чан Тхай То — Чан Каня, который тогда также был ребенком. 31 декабря 1225 г. Тиеу Тхань, в свою очередь, отреклась от престола в пользу своего мужа, который стал первым царем новой династии под именем Чан Тхай Тонг (1225—1258).

Так говорится в летописи. Д.В.Деопик и А.Б.Поляков в 1975 г. обратили внимание на то, что тронное имя Тхай Тонг, которое принял семилетний Чан Кань, во Вьетнаме было принято давать не первому, а второму по счету царю каждой династии. Из этого, по их мнению, следует, что первым царем династии Чанов был не ребенок, а фактический лидер того времени — Чан Тхай То. Поздняя же историография изъяла его из царского списка потому, что он пришел к власти слишком кровавым путем. Поэтому славу основателя династии в летописях приписали его сыну, а ответственность за кровавые злодеяния, совершенные при этом, его брату — малозначительному политическому деятелю Чан Тху До.

Так или иначе, насильственный конец династии Ли не вызывает сомнений. «Вьет шы лыок» сообщает, что ушедший в монахи Ли Хюэ Тонг скончался 27 августа

1226 г. в возрасте 33 лет. Согласно одному из источников, бывший царь полот траву во дворе храма, где он жил, когда к нему подошел Чан Тху До и сказал: «Когда рвут траву, следует вырывать главные корни». Ли Хюэ Тонг ответил, что понимает намек, и через несколько дней повесился в своей келье. В 1232 г. все оставшиеся в живых члены рода Ли собрались в родовом храме для принесения традиционной жертвы. Внезапно под ними провалился пол, и все они были заживо погребены. Самое имя Ли было табуировано в эпоху Чанов, а для летописных надобностей их было велено именовать Нгуен. Так кончилась династия Ли, правившая во Вьетнаме более двух столетий.

Глава III. КАМБОДЖА

Возникновение государства Фунань (Бапном)

Ко II в. н.э. приморские города Индокитая, пережив уже довольно сложный, хотя конкретно нам неизвестный период исторического развития, начинают соединяться в более крупные государственные образования. Инициатором выступает государство, которое в китайских источниках именуется Фунань. Оно было расположено в низовьях Меконга. Официальная история Фунани начинается с I в. н.э., когда, согласно летописям, прибывший в эту страну индийский брахман Каундинья женился на местной царице.

Западные историки, считающие, что государство Фунань появилось именно в этот момент, не учитывают ни постепенности процесса образования государств, ни того, что сама эта легенда отражает не возникновение государства, а его, так сказать, официальный переход от «языческого» периода к индуистскому, что отнюдь не одно и то же. Тем не менее анализ легенды о возникновении государства Фунань (или Бапном) позволяет выявить некоторые детали сложного процесса возникновения одного из древнейших государств Юго-Восточной Азии.

В «Описании Эллады» Павсания, составленном во второй половине II в. до н.э., имеется одно любопытное место, относящееся к Юго-Восточной Азии:

«Известно, что остров Серия лежит в отдаленном углу Эритрейского моря. Но я еще слышал, что не Эритрейское море, но река, которую называют Сером, образует этот остров, все равно как Дельта в Египте образуется не морем, а рекой Нилом; таким вторым островом, говорят они, является и остров Серия. Эти серы и те, которые заселяют соседние с ними острова — Аласу и Сакайю, принадлежат к эфиопскому племени.

Другие же говорят, что они не эфиопы, а скифы, смешавшиеся с индийцами»

[Павсаний, VI, 26, 8—9].

Серами, от слова *сер* (шелковичный червь), греки обычно называли китайцев. Но в данном случае речь идет о людях, которых одни современники Павсания считали эфиопами, т. е. людьми с темной кожей, а другие полагали, что они происходят от браков индийцев со скифами. Все это никак не указывает на Китай. Но если учесть, что первопоселенцы Юго-Восточной Азии принадлежали к негроидной расе и в начале нашей эры еще составляли значительную часть ее населения (да и сейчас жители Юго-Восточной Азии, как правило, отличаются более темным цветом кожи по сравнению с китайцами); если учесть, что остров Сериа расположен в дельте великой реки, на роль которой более всего подходит Меконг; если учесть, что в дельте Меконга в первые века нашей эры находился политический центр Фунани, первого крупного государства Юго-Восточной Азии, которое иногда называют империей, и именно это государство было в определенной степени связано и с индийцами, и со скифами, — то есть основания полагать, что перед нами одно из самых ранних упоминаний о Фунани и происходивших в ней процессах.

В мифе о возникновении государства Фунань, сохранившемся в китайских летописях, говорится, что некий Гунь-тянь (это имя соответствует индийскому царю Каундинья) из страны Мо-фу (ее отождествляют с Индией) получил от некоего божества волшебный лук и приказание отправиться в море. Ветер, направляемый божеством, пригнал корабль Каундиньи в Фунань, где правила царица по имени Лю-э. Воинственная Лю-э напала на корабль Каундиньи, но он выстрелом из волшебного лука пронзил ее судно от борта до борта.

Это произвело на Лю-э сильное впечатление, и она согласилась стать женой Каундиньи. Потомство от этого брака образовало первую династию фунаньских царей [465, с.17].

Имя Лю-э по-китайски означает *Ивовый лист*. Но ивы не растут в Камбодже, так что может быть, иероглифы Лю-э транскрибировали какое-то имя на местном языке, возможно, обозначавшее змею. Дело в том, что во всех других вариантах этого мифа замуж за героя выходит царица змей или, на худой конец, дочь царя змей. Так, в надписи VII в., найденной в Мисоне (Южный Вьетнам), рассказывается, что Каундинья, получивший волшебное копье от Ашваттхамана (героя «Махабхараты»), женился на Наги Соме, дочери Сомы, царя нагов (т. е. змей) [691, т.1, с.21—22]. В Камбодже еще в начале XX в. на деревенских свадьбах исполнялась музыкальная мелодия «Божественный Тхонг и госпожа Наг», в память Преах Тхонга, выходца из Индии, который женился на юной царице змей и стал таким образом первым царем Камбоджи. Основатель тайской государственности Пья Рьянг, по преданию, также был сыном Наги (царицы змей). Легенды о происхождении местных царей от змеиной царицы и связанные с этим обряды сохранялись в Юго-Восточной Азии на протяжении тысячелетий. Так, китайский путешественник Чжоу Дагуань, посетивший Камбоджу в конце XIII в., отметил, что царь Камбоджи ежегодно поднимается в башню царского храма в Ангкоре и проводит там первую стражу с принцессой Наги, дочерью Нагараджи (царя змей). Считалось, что от этого священного брака зависит благополучие и даже само существование страны [588, с.50]. А в 1928 г. французский путешественник Поль Мю нашел в одном селении башню, где на верхнем этаже все еще проводилась та же церемония священного брака с царицей змей.

Легенды о браке с царицей змей встречаются и в Индии. В надписях южноиндийского государства Паллава (I тысячелетие н.э.) говорится о том, как уже не протеже Ашваттхамана, а он сам женился на Наги, царице змей, и от этого брака родился основатель династии Паллава. Существуют также тамильские легенды, в которых Паллава, основоположник одноименной династии, происходит от брака царя Чолы с Наги [588, с.506].

Но Южная Индия не была источником этой легенды. Она служила только передаточным пунктом между прародиной этого сюжета и Юго-Восточной Азией. Французский археолог Виктор Голубев еще в 1924 г. обратил внимание на близкое сходство легенды о Каундинье и легенды о Геракле и змееной богине, рассказанной Геродотом (IV, 8—10). Геракл в своих странствиях встречает «смешанной породы существо, полудеву и полуехидну, у которой верхняя часть тела от ягодиц была женской, а нижняя — змеиная» (Геродот, IV, 9). Из контекста видно, что эта змееногая богиня была хозяйкой земли, в которой она обитала, т. е. будущей Скифии. Геракл вступает в связь со змееной богиней, и в результате рождается не один, а трое сыновей. Но власть над землей змееной богини достается только одному из них — самому младшему, по имени Скиф, ибо только он один сумел натянуть лук, оставленный Гераклом [588, с.506—507].

Сравнивая скифский вариант мифа с камбоджийским, мы находим в них три устойчивые общие черты. Первая из них — решающий момент мифа — союз героя с женщиной-змеей. Вторая черта — власть над страной передается от матери к сыну (или от жены к мужу), но далее наследуется строго патриархально. Это говорит о глубокой древности мифа, зафиксировавшего переход от матрилинейного счета наследования к патрилинейному.

Третья черта — в обоих случаях чудесный лук выявляет сверхъестественную силу претендента и обеспечивает ему царскую власть.

Но имела ли Юго-Восточная Азия вообще и Камбоджа в частности контакты со скифо-сакским миром, которые могли бы оправдать заимствование династического мифа? Да имела, хотя и не непосредственно, а через Индию. Как известно, саки (в индийском произношении *шаки*), потерпев поражение от кушан во II в. до н.э., частично выселились в Индию, где вскоре подчинили себе значительные территории. Кушаны, проникшие в Индию вслед за саками и подчинившие себе значительную часть страны, превратили шакских правителей в своих вассалов (кшатрапов). Жители Индии, а затем и Юго-Восточной Азии, видимо, довольно скоро стали отождествлять шаков и кушан, и не без основания, так как и те и другие были представителями среднеазиатской культуры.

Весьма популярная в Древней Индии эра *Шака* (т. е. сакская), начинавшаяся в 78 г. н.э., в то же время, по мнению многих специалистов, была установлена наиболее могущественным кушанским царем Канишкой. Весьма примечательно, что датировка по эре Шака сохранялась в большинстве стран Юго-Восточной Азии вплоть до XIX в. В Индонезии сохранилась по этому поводу любопытная легенда. В древние времена на Яве жил злой великан, который требовал себе в пищу детей. Жителей Явы вызволил из беды мудрец Ади Сака, прибывший сюда из Тямпы (в Южном Вьетнаме). Покончив со злодеем, он дал яванцам цивилизацию, обучил их искусству письма и установил новый календарь — эру Сака [591, с.21—22].

Эта легенда перекликается с данными эпиграфики. Древнейшая надпись в Юго-Восточной Азии найдена как раз в Тямпе (II в. н.э.). Она написана на санскрите и, по

мнению специалистов, именно кушанским шрифтом [692, с.136].

Далее. Около 240 г. фунаньский царь Фань Чань направил посольство в Индию в царство Мурундов на Ганге. Четыре года спустя в Фунань прибыло ответное посольство от царя Мурундов с ценным даром — четырьмя лошадьми *юэ-чжи* (т. е. кушанскими). Мурунды, по мнению ряда специалистов, были ветвью кушанских правителей. Этот обмен посольствами явно не был изолированным эпизодом, потому что китайский посол Кан Тай, посетивший Фунань в середине III в. н.э., пишет о регулярном экспорте лошадей юэ-чжи из Индии в Фунань через посредство порта на Малаккском п-ове [465, с.21].

Этим же временем — серединой III в. датируется бронзовый барабан, найденный на о-ве Сангеанг в Индонезии. Сам барабан является типичным произведением юго-восточноазиатской культуры этого времени. Но группа воинов, изображенная на нем, очень сходна с изображениями на кушанских монетах III в. Сходством с изображениями на кушанских монетах отличается и лицо, гравированное на оловянном кольце, найденном в Ок-эо [610, с.24—26].

В 357 г. в Китай прибыло посольство от царя Фунани, которого китайские легенды называют индийский Чань-тань, что соответствует индийскому *Чандана*. Чандана, как показал французский историк С.Леви, — это титул, бывший в ходу у кушан; он часто обозначал младшего брата царя. Встречался он и в царстве Мурундов. По мнению С. Леви, после того как император Самудрагупта в середине IV в. покончил с независимостью государства Мурундов, часть сторонников павшей династии могла эмигрировать в Фунань и там посадить на трон своего принца. Разумеется, это было бы возможно только, если почва

для этого была подготовлена многолетними тесными культурными и политическими связями [664, с.82—84].

В начале V в. в Фунань прибывает и приобретает здесь власть еще один выходец из-за моря — Каундинья (тезка, а может быть, и потомок первого Каундиньи, действовавшего в I в. н.э.) [465, с.24]. На его связь с кушано-сакской традицией указывает тот факт, что при нем бесспорно устанавливается датировка по эре Шака (собственно, она могла существовать и раньше, но ничтожное число надписей до V в. не позволяет сделать определенные выводы).

В конце V в. один из приближенных царя Фунани носит титул *Куджула*, идентичный с именем одного из кушанских царей. Наконец, в одной из камбоджийских надписей VII в. рассказывается о скифском брахмане (шака-брахмане) Дургасвамине, который прибыл из Южной Индии в Ченлу и женился на дочери царя Ишанавармана I (610—655) [705, т.III, с.368]. Разумеется, случайный пришелец вряд ли мог рассчитывать на такой престижный брак. Очевидно, и в государстве Ченла, сменившем в свое время Фунань, сохранились прочные шако-кушанские традиции.

В свете всего вышеизложенного название о-ва Сакайя у Павсания может оказаться и не случайным совпадением с названием племени саков. Конечно, культурное влияние, шедшее в Юго-Восточную Азию с Запада, в первую очередь носило индийский характер. Но в то же время в индийской по форме культуре, усвоенной местными жителями ЮВА в первые века н.э., существовал и значительный среднеазиатско-иранский субстрат. Кстати, и само название *Камбоджа* иранского происхождения. Дальнейшие исследования (в первую очередь археологические), возможно, принесут нам еще новые доказательства этих дальних культурных связей.

Наличие сильного притока иранских и индийских культурных элементов в первые века нашей эры,

которое выявляют все эти данные, однако, не должно затемнять того факта, что первое (после Вьетнама) государство Юго-Восточной Азии возникло все же в первую очередь на базе местных материальных, социальных и культурных условий. Об этом свидетельствует уже само название этого государства. Китайская транскрипция *Фунань* в действительности читалась *Бапном* («Царство горы»), а культ горы в ее оппозиции к равнине или морю, хотя и известный в других регионах, именно в Юго-Восточной Азии занимал центральное место в верованиях первобытных племен.

Подъем и падение империи Бапном

Примерно через полвека после смерти Каундиньи царем Бапнома стал его внук (или правнук) Хунь Паньхуан, правление которого длилось очень долго (около 150 — около 202 н.э.). Он умер в возрасте 90 лет. Это был подлинный создатель державы Бапном. Как сообщает китайский источник III в. н.э.

«...Хунь Паньхуан, благодаря хитростям, умел разделять города и возбуждать в них подозрительность (друг к другу). Потом он собирал войска, нападал на них и подчинял. Затем он посылал своих сыновей и внуков править каждым народом отдельно. Их называли малыми царями»

[769, с.265].

Хунь Паньхуан оставил трон своему второму сыну Хунь Паньпаню. Старший сын, очевидно, умер при жизни отца. Хунь Паньпань, человек явно немолодой, не имел призвания к политической деятельности и ведение всех государственных дел доверил своему полководцу Фань Ши-маню. Три года спустя этот пассивный царь умер и династия Каундиньи пресеклась. После этого «весь народ царства избрал царем Фань Ши-маня» [769, с.266]. Это произошло лет за сорок до прибытия в Бапном китайских послов Чжу Ина и Кан Тая, в отчете которых и сохранилась эта информация.

Подобные приглашенные рассказы часто маскируют факт государственного переворота. Но в данном случае Хунь Паньпань, видимо, действительно умер своей смертью. Основатель новой династии Фань Ши-мань (около 205 — около 225), несомненно, до конца жизни продолжал сохранять к своему предшественнику самые теплые чувства, ибо уже в самом конце своего

правления дал одной из завоеванных земель имя *Паньпань*.

Достоверным можно считать и факт выбора Фань Ши-маня царем в народном собрании. Так же как и в Шумере, и в Хеттской державе, власть царя в Камбодже на первых этапах отнюдь не была деспотической. Да и много позже она явно была ограничена противовесом знати. Обращаться к царю, сидя на корточках, придворные в Юго-Восточной Азии начали только после XIII в.

Относительно Фань Ши-маня китайские послы сообщают:

«Фань Ши-мань был храбрый и способный. Он снова стал нападать на соседние царства и подчинил их. Все признали себя его вассалами. Он принял титул великого царя Фунани. Затем он построил большие суда. Пересек обширный океан и завоевал более десяти царств, в том числе Цюйдукунь, Цзючжи и Дяньсунь. Он расширил свою территорию на 5—6 тыс. ли. Затем он пожелал подчинить царство Цзиньлинь („Золотой рубеж“), но заболел и послал вместо себя своего сына-наследника, Цзиньшэна»

[769, с.266].

Посмотрим теперь, как накладывается этот рассказ на другие известные нам данные по истории Юго-Восточной Азии и Китая в первой четверти III в. Для Китая это было время большой смуты. В огне крестьянских восстаний и междоусобных войн рухнула династия Хань, правившая империей более четырех столетий. Установилось так называемое *Троецарствие* (220—280). Страна распалась на три государства — Вэй (на севере), Шу (на юго-западе) и У (на юго-востоке). Царство У, отрезанное своими соседями от Великого шелкового пути, который соединял Китай с Западом, стало искать иные пути для выхода на внешние рынки.

Император Да-ди в 226 г. направил губернатором Цзяочжи (Северного Вьетнама) энергичного чиновника Лю Дая, который сразу же взялся за налаживание контактов со странами Южных морей.

По его инициативе в Юго-Восточную Азию был направлен специальный посланник Сун Чжэ, который посетил царства Линьи (Тямпу), Фунань (Бапном) и Танмин. Местонахождение последнего царства в источниках не указывается, но, судя по тому, что оно перечисляется в одном ряду с Тямпой и Фунанью, это было крупное государство к западу от Фунани. Все три государства, по словам летописцев, тотчас прислали ответные посольства с данью [769, с.251].

Фунань при этом прислала в дар стеклянные изделия. Их выделывали тогда только в пределах Римской империи [560, с.127].

Бапном, как и другие торговые центры Юго-Восточной Азии, имел к этому времени уже давние и прочные связи с Западом. Дальние западные связи Юго-Восточной Азии восходят еще к бронзовому веку. Но морские торговые пути к берегам Юго-Восточной Азии с запада были проложены не ранее середины I тысячелетия до н.э. В 1951 г. при раскопках пещеры Букит Тенгку Лемба в Малайе было вскрыто погребение, в инвентарь которого наряду с двумя полированными каменными топорами входила чернолаковая посуда афинского производства V—IV вв. до н.э. [917, с.186—187]. Это до сих пор наиболее древний предмет средиземноморского античного экспорта, обнаруженный в Юго-Восточной Азии.

К IV в. до н.э. восходит бронзовая статуэтка, найденная в Чавине (Вьетнам). Как определил французский искусствовед Шарль Пикар, эта статуэтка является миниатюрной копией знаменитой статуи Посейдона работы Лисиппа, воздвигнутой на Коринфском перешейке. Нельзя, конечно, сказать, что

эта миниатюрная копия современна оригиналу, ее могли отлить гораздо позже. Лисиппов Посейдон был очень популярен в античном мире и часто изображался на монетах. Статуя того же типа стояла в бейрутском храме Посейдона, она стала эмблемой компании бейрутских моряков во II в. до н.э. Моряки Восточного Средиземноморья, видимо, и занесли статуэтки, изображающие Посейдона, покровителя мореходства, далеко на восток. Одна такая статуэтка была найдена в Кольхапуре (близ Бомбея), другая же, как уже говорилось, — во Вьетнаме [776].

К эпохе эллинизма, видимо, относится бронзовая лампа так называемого александрийского типа, найденная в Понг-туке (Таиланд), украшенная изображением двух дельфинов на ручке и Силен на крышке. Массовое производство таких ламп началось в Египте при Птолемах. Возможно, что сюжет декора лампы был выбран не случайно. Силен, согласно греческим мифам, был командующим армии Диониса во время похода этого бога в Индию. А Юго-Восточная Азия в античном мире рассматривалась как часть Индии. С культом Диониса связана и бронзовая статуэтка, найденная в Лам-чыонг (Вьетнам). Она изображает самого Диониса и изготовлена в Азии по греческим образцам [776, с.141].

При раскопках в Донгшоне, эпонимном центре донгшонской культуры, занимавшей в VIII—I вв. до н.э. значительную часть Индокитайского п-ова, была найдена серебряная чаша, отлитая по модели популярных мегарских чаш III в. до н.э. [705, т.III, с.381].

Случайные находки античных монет в Юго-Восточной Азии отнюдь не редкость. Еще в 1862 г. один французский военный служащий в Камбодже сумел собрать целую коллекцию греческих и римских монет. Несколько позже при земляных работах в Пномпене была найдена серебряная драхма Александра

Македонского. В 1864 г. в Митхо (Южный Вьетнам) при раскопках была обнаружена бронзовая монета императора Максимиана Гота (235—237 н.э.). В 1942 г. в Северном Вьетнаме был выкопан деревянный ларец с пятью римскими монетами, в том числе сестерций Антонина Пия с датой, соответствующей 138 г. н.э., и монета Константина I (306—337). Среди случайных находок в Юго-Восточной Азии следует отметить также имитации египетских скарабеев [705, т. III, с.383].

Значительный античный материал дали научно проведенные раскопки Ок-эо, поселения первых веков н.э. в Южном Вьетнаме, бывшего, очевидно, одним из портов приморского государства Бапном, которое контролировало торговлю в Сиамском заливе. Здесь найдено множество римских стеклянных бус и немало гемм, из которых по крайней мере девять были явно изготовлены на территории Римской империи. На одной из них изображен целый басенный сюжет — петух сидит в повозке, которую везут две мыши. В Ок-эо найдено также два римских золотых медальона. На одном изображен Антонин Пий и стоит дата, соответствующая 152 г. н.э., на другом, по-видимому, изображен Марк Аврелий. Из других находок античного происхождения в Ок-эо следует отметить несколько пар бронзовых цимбал. Аналогичные цимбалы вместе с фигурой Пана были найдены в одном из погребений в Лам-чыонг [512, с.199]

В китайских хрониках сохранились свидетельства, хотя и немногочисленные, о контактах Средиземноморья с Юго-Восточной Азией. В силу специфики источников в них получили отражение только такие визиты с Дальнего Запада, которые завершились посещением Китая. Так, под 120 г. н.э. китайские летописцы отмечают прибытие в Бирму жонглеров из страны Да-цинъ (т. е. Рима). Из Бирмы они сухопутным путем проследовали ко двору китайского

императора, где их ждал радушный прием. По китайским понятиям того времени Дальний Запад былместилищем мудрости, таинственных знаний и жили там преимущественно волшебники и фокусники [477, т.1, с.53].

В 166 г. н.э. в округ Жинань в Северном Вьетнаме, который в то время входил в состав Китайской империи, прибыло первое посольство из Да-цинъ от царя Ань-туна, т. е. от одного из Антонинов, Марка Аврелия. В 162—165 гг. Марк Аврелий вел войну с Парфией. Посольство в Китай могло иметь связь с этим фактом. Дары, привезенные посольством, правда, носили чисто восточный характер (слоновые бивни, рога носорога, щиты черепах), так что некоторые историки считают это посольство самозванным. Можно, однако, допустить, что в трудном морском пути часть кораблей или часть груза посольства были утрачены и послы прикупили дары для китайского императора на рынках Юго-Восточной Азии [477, т.1, с.52].

В 226 г. в Северный Вьетнам прибыл и проследовал оттуда в столицу китайского царства У еще один посол страны Да-цинъ, купец, имя которого передается как Цинь Лунь. Последнее римское посольство в Китай прибыло в 284 г. [477, т.1, с.53].

Товары, поступавшие из Средиземноморья, несомненно, высоко ценились и на Дальнем Востоке, и в Юго-Восточной Азии. Так, в музее Пномпеня хранится римская терракотовая лампа, найденная в одном из храмов Ангкора, построенном в XII в. Стало быть, прежде чем попасть в храм, этот хрупкий предмет около тысячи лет бережно хранился в других местах.

Более или менее регулярные связи Средиземноморья с Юго-Восточной Азией установились, по-видимому, в середине I в. н.э., после того как александрийский лоцман Гиппал открыл периодический характер муссонов и античные корабли стали смело пересекать

Индийский океан. Завеса секретности над морскими лоциями постепенно спадает, и в Европу проникают все более подробные сведения о дальнем регионе — Юго-Восточной Азии, главной приметой которого в то время были не пряности, а драгоценные металлы. Связи Средиземноморья с Юго-Восточной Азией затухли только в V в. в связи с падением Римской империи. Византийские находки в Юго-Восточной Азии пока что представлены лишь парой монет.

К моменту прибытия китайских послов цари Бапнома, как уже говорилось, вступили в сношения с индийскими государствами кушанского круга. В 230-х годах во Вьядхапуре, столицу Бапнома, прибыл некий Цзя Сянли из страны Таньян, расположенной к западу от Индии. Торговые дела привели его сначала в Индию, а затем и в Бапном.

Современник этих событий Кан Тай сообщает:

«Из своей страны он прибыл в Индию и потом, этап за этапом, добрался до Фунани (Бапнома. — Э.Б.) и стал там торговать. Он рассказал Фань Чжану об обычаях Индии, о распространении там Закона (учения Будды. — Э.Б.), о накопленных богатствах, о плодородии почвы. Он сказал ему, что там можно найти все, что только пожелаешь, и что великие царства почитают это государство в течение жизни многих поколений. Фань Чжан спросил его: „На каком расстоянии находится эта страна, сколько времени нужно, чтобы туда добраться?“ Цзя Сянли ответил ему: „Индия должна находиться в более чем 30 тыс. ли¹ отсюда. Чтобы попасть туда и вернуться, нужно добрых три года, а можно не вернуться и за четыре года. Это — центр неба и земли“»

[769, с.277—278].

Под влиянием этих рассказов Фань Чжан решил направить в Индию посольство во главе со своим родственником Су У. Су У сел на корабль в гавани

Туцзюли (т. е. в Такколе, знаменитом порту» упоминаемом и Птолемеем, и индийскими сказаниями) и поплыл вдоль Большого (Бенгальского) залива на запад. На этом пути он явно делал долгие остановки (возможно, завязывая отношения с местными правителями на бирманском побережье), потому что устья Ганга он достиг более чем через год. Затем, поднявшись вверх по Гангу на 7 тыс. ли², он прибыл в столицу царства Мурундов.

Царь Мурундов, династии породненной с Кушанами, благожелательно принял посла из Бапнома. В обратный путь он направил с ним своего посла (в китайской транскрипции его имя звучит Чэнь Сун) и подарки для Фань Чжана. В их число входила четверка (т. е. запряжка колесницы) коней юэ-чжи (кушан). Это были знаменитые «небесные кони» из Средней Азии, которые высоко ценились в Китае. В Юго-Восточной Азии, не имевшей собственного коневодства, они ценились еще выше. Хороший конь здесь часто стоил дороже слона, и экспорт лошадей не только в Бапном, но и в другие страны Юго-Восточной Азии из Индии и через Индию продолжался и после падения Кушанской империи.

Весь вояж занял у Су У четыре года (около 237—241). Пока он путешествовал, в Бапнومه произошло много событий. Брат убитого ранее царя Фань Цзиньшэна Фань Чан, которому в момент прихода Фань Чжана к власти было около пяти лет, подрос, и Фань Чжан неосмотрительно доверил ему командование двухтысячным отрядом. Примерно в 240 г. он поднял восстание и убил Фань Чжана. Но удержать власть, захваченную с налету, Фань Чану не удалось. Вскоре он сам был убит генералом Фань Сюнем, который основал новую, третью династию Бапнома. Эта династия правила в стране около 100 лет (около 240—350). Несмотря на двойную перемену власти, внешняя

политика Бапнома не претерпела изменений, и индийский посол встретил у царя Фань Сюня самый радушный прием. Прибывшие примерно в это же время (около 241—242) в Бапном послы Чжу Ин и Кан Тай также всячески культивировали знакомство с Чэнь Суном, который оказался для них подлинным кладезем информации. Вернувшись в Китай, они на основе этих и других собранных в Бапнومه сведений написали книги. К сожалению, ни книга Чжу Ина о Фунани (Бапнومه), ни книга Кан Тая о международной торговле, где была собрана информация о более чем 100 странах Азии и Европы [928, с.43], до нас не дошли. Сохранились лишь отдельные выдержки из них в более поздних произведениях.

Китайские послы рассматривали Юго-Восточную Азию прежде всего в контексте мировой системы торговли, которая в первые века нашей эры охватывала большую часть Старого Света и опиралась на торговые взаимосвязи трех гигантов — Римской империи, Кушанской державы в Средней Азии и Индии и Китая. Кан Тай в своем отчете вполне к месту приводит популярное изречение того времени:

«В чужих странах есть поговорка: „Существуют три вида изобилия: изобилие людей в Китае, изобилие драгоценных вещей в Да-цин³ и изобилие лошадей у Юэчжи⁴“»

[928, с.41].

До конца II в. н.э. товары трех великих держав обращались по торговым путям без особых помех, но затем, когда признаки кризиса обозначились почти одновременно и в Риме, и в Кушанском государстве, и в Китае, рассчитывать на то, что торговля и дальше пойдет самотеком, уже не приходилось. Великие державы начинают искать взаимные контакты на государственном уровне. В 173 и 183 гг. в Китай

прибывают пока что не идентифицированные посольства «из стран за Жинанью» (Центральный Вьетнам) [68, с.138]. В 226 г. к императору Дади из династии У морским путем прибывает римский посол, имя которого в китайской транскрипции звучит как Циньлунь. Император лично беседовал с послом и направил с ним в Рим своего посла [477, т.1, с.47; 677, с.205]. В январе 230 г. ко двору императора Мин-ди из династии Вэй прибыло посольство кушанского царя Васудэвы. В 274 г. к римскому императору Аврелиану прибыли посольства из Индии и Китая [908, с. 138]. В 284 г. к императору У-ди прибыло посольство от римского императора Кара, который, как и его предшественники, стремился прорвать с помощью Китая блокаду, установленную Персией на торговых путях к Востоку [477, т.1, с.53].

Интересы Китая и Бапнома в области международной торговли совпадали до тех пор, пока их отношения развивались на равных. Позже Бапноном стали беспокоить растущие претензии северного соседа. Отношения Фань Сюня с Китаем заметно ухудшились после того, как Китайская империя вновь объединилась под властью династии Цзинь (265—420). В 268 г. Фань Сюнь еще направляет посольство ко двору императора У-ди (265—290), очевидно, чтобы поздравить (хоть и с опозданием) с восшествием на престол. А в 270 г. войска Бапнома в союзе с войсками Тямпы уже вторгаются в Жинань, самую южную провинцию Китайской империи в то время [68, с.142; 560, с.165]. Эта война длилась около 10 лет, заставляя Тао Хуана, губернатора Цзяочжоу (Вьетнам), постоянно просить императора о подкреплениях:

«Линьи (Тямпа) граничит с Фунанью на юге. Их дружественные банды оказывают друг другу взаимную

помощь. Пользуясь тем, что они живут в пересеченной местности, они не подчиняются Китаю»

[769, с.255].

Об экономическом и культурном расцвете Бапнома в это время свидетельствует хроника династии Цзинь (265—419) «Цзинь-шу»:

«Здесь имеются города, обнесенные стенами. Внутри них дворцы и жилые дома. Жители... занимаются сельским хозяйством. Один год сеют, а три последующих года снимают урожай. Они любят вырезать орнаменты и заниматься чеканкой. Посуда, из которой они едят, большею частью из серебра. Налоги платят золотом, серебром, жемчугом, благовонными смолами.

У них есть книги, хранилища письменных документов и других вещей. Их письменность похожа на письменность ху⁵»

[769, с.268].

Имеется ряд сообщений о развитии мореходства и кораблестроения в Бапноме. Эти корабли имели 45—50 м в длину и поднимались над уровнем воды от 4,5 до 7,5 м. Они вмещали 600—700 человек и могли перевозить до 1 тыс. т грузов. Парусная оснастка позволяла им двигаться как по ветру, так и против ветра [771, с.255].

Интенсивная международная торговля, несомненно, была причиной того, что серебряная посуда в Бапноме если и не была, то считалась предметом повседневного обихода. Судопроизводство, по словам китайских очевидцев, было в этой стране весьма несложным. Китайский посол писал:

«Законы страны не предусматривают тюрем. Обвиняемый постится и соблюдает воздержание три дня. Потом раскаляют докрасна топор, и он должен

пронести его семь шагов. Или бросают в кипящую воду золотое кольцо или яйца, и он должен их вынуть. Если он виновен, рука будет обожжена, а если не виновен — останется целой. Также держат во рвах у городских стен крокодилов. А за воротами есть помещение для диких зверей. Обвиняемых бросают к диким зверям или крокодилам. Если дикие звери или крокодилы не тронут их, они считаются невиновными. По истечении трех дней их отпускают на свободу»

[769, с.268].

Таким образом, в Бапноме III в. господствовало обычное право с присущим ему институтом ордалий (божьего суда).

Политическая история Бапнома в конце III — первой половине IV в. в настоящее время представляет собою сплошное белое пятно. С 287 по 357 г. в Китай не прибыло ни одно посольство из Бапнома. Единственное, что можно сказать об этом отрезке в 70 лет, это то, что династия, основанная Фань Сюнем, третья династия Бапнома за это время, тоже успела сойти со сцены и посольство в 357 г. направил ко двору императора Муди новый царь, возможно, основатель четвертой династии Бапнома, носивший имя (или титул) Чандана, которое, как уже говорилось, связывало его с кушано-скифскими правителями Индии⁶.

Как предполагает Жорж Седес, смена правящей династии Бапнома в середине IV в. была одним из результатов крупномасштабных событий, которые происходили в это время на Индийском субконтиненте. Здесь в это время набирала силу новая великая держава — империя Гуптов. В результате завоеваний царей Чандрагупты I (320—340) и Самудрагупты II (340—380) многие цари лишились своих владений. В их числе было и государство Мурунда, в III в. поддерживавшее активные отношения с Бапномом. «В

357 г., — пишет Ж.Седес, — при великом императоре Самудрагупте вся Северная Индия подчинялась династии Гупта. Скифские завоеватели были изгнаны. Возможно, одна из ветвей Кушанского рода, изгнанная с берегов Ганга, отправилась на поиски удачи за Бенгальский залив в страну Золота (Суварнабхуми или Хриса), которая всегда была открыта для авантюристов из Индии» [521, с.46].

Приглашение заморского вождя на трон не было чем-то экстраординарным в раннеклассовых обществах. Хроники средневековых государств Африки и Азии буквально пестрят «варяжскими легендами», некоторые из которых отражают вполне реальные, поддающиеся проверке исторические факты. В некоторых случаях древние государства приглашали царей со стороны, так же как Новгородская республика приглашала на княжение то тех, то иных князей, чтобы они ведали вопросами обороны, не вмешиваясь во внутренние дела страны, за которые отвечали совет старейшин и народное собрание. В некоторых случаях князя с дружиной приглашала одна из фракций правящей верхушки, которая иначе не могла одолеть своих соперников⁷. Во всех случаях приглашение царя со стороны оформлялось особым договором и присягой, но от этих документов мало что сохранилось. Монархически настроенные летописцы тщательно вытравливали из истории все упоминания о договорном начале власти царствующих династий.

В результате каких именно катаклизмов к власти в Бапnome пришел Чандана, мы, скорее всего, никогда не узнаем. Немного известно и о приходе к власти через несколько десятилетий, на рубеже IV—V вв., еще одного иноземца, тезки первооснователя государства Бапном. Согласно сообщению китайской летописи «Лян шу»:

«Цзяо Чжэн-ю (Каундинья II.— Э.Б.) был брахманом из Индии. Однажды божественный голос сказал ему: «Ты должен править Фунанью». Каундинья возрадовался всем сердцем и отправился на юг, в Паньпань. (Затем) народ Фунани узнал его. Все царство преисполнилось радостью, народ явился к нему и избрал его царем. Он изменил все законы и привел их в соответствие с обычаями Индии»

[769, с.269].

Паньпань — северная часть Малаккского п-ова здесь фигурирует как некая отдельная территория и в то же время как часть Фунани (Бапнома). Это, видимо, соответствует действительности. Завоеванное Фань Ши-манем полуостровное государство Дуньсунь, которому тот, видимо, и дал название Паньпань, на рубеже IV—V вв. еще не посылало самостоятельных посольств в Китай. В то же время, контролируя путь через перешеек между двумя океанами, государство Паньпань, конечно, получало от этого огромные доходы, и его экономическая мощь всегда обеспечивала ему особое положение внутри империи.

В китайских сообщениях, относящихся к несколько более позднему времени, упоминается большое число брахманов и монахов, которые живут в стране Паньпань. Логично допустить, что и полувеком раньше Паньпань было не только центром торговли, но и важным идеологическим центром, где была подготовлена реформа Бапномого государства, которую китайские источники приписывают Каундинье II.

Могущественный царь Каундинья II не считал нужным направлять посольства в Китай, ослабевший в борьбе с северными кочевниками. Положение меняется при его преемнике, имя которого в китайской традиции звучит как *Шили Тобамо* (Шри Индраварман или

Шрестхаварман). За небольшой промежуток времени между 434—438 гг. он направил к китайскому двору три посольства. Очевидно, этот царь ответил отказом на предложение Фань Ян Мая II, царя Тямпы, вступить в военный союз против Китая. Ему было не до внешних войн. В начале 430-х годов стала распадаться его собственная империя. Между 424 и 453 гг. ко двору императора Вэнь-ди прибыло первое посольство из государства Паньпань, в 435 г. — первое посольство из Даньдань, занимавшего южную часть Малаккского п-ова. Посольства из страны Паньпань зарегистрированы в китайских летописях еще под 455 г. и в промежутке между 457 и 464 гг.

При преемнике Шили Тобамо Джайявармане Каундинье, к имени которого иногда добавляют эпитет *Великий*, оба эти государства, видимо, были возвращены под власть Бапнома. Прекращаются посольства в Китай не только из этих стран, но и из государств Индонезии (см. [табл. II](#)). Между 466 и 502 гг. ни одна страна Юго-Восточной Азии, кроме Бапнома и Тямпы, не прислала посольств к китайскому двору. Возможно, они этого не делали из боязни мощного флота Бапнома, который мог нанести немалый ущерб любой приморской стране, отказавшейся признать хотя бы номинальное верховенство Джайявармана.

Тон, в котором китайские летописи в это время говорят о Бапнومه, кардинально меняется. Если в III в. Кан Тай писал о жителях Бапнома, что «характера они простого, не отличаются хитростью» [1769, с.268], то летописец конца V в. дает им иную характеристику:

«Народ Фунани зловреден и хитер. Они захватывают силой жителей соседних городов, которые не признают себя их вассалами, и превращают их в рабов»

[465, с 29].

Великодержавной политике Джайявармана соответствовало развитие при нем культа Махешвары — Шивы-царя. В центре этого культа стояло почитание божественной линги, которая служила связующим звеном между Шивой и царем. Храм линги всегда стоял на горе (натуральной или искусственной), так как Шива в числе прочих титулов носил титул *царь Горы*. Как сообщил посетивший Бапном в 80-х годах V в. индийский монах Нагасена:

«Махешвара постоянно заставляет сверхъестественную силу спускаться на гору Мотан. Он (Махешвара) распространяет добро в мире, и его благое влияние действует на все живущее. Все цари пользуются его милостями, и весь народ спокоен. И по причине того, что эти милости даруются, его (Джайявармана) подданные обладают покорным характером»

[665, с.28].

В то же время буддизм, распространившийся в Бапноме в более раннее время, еще прочно удерживал свои позиции. Для сравнительно молодой буддийской церкви Китая Бапном наряду с Индией был землей древнего благочестия, откуда приглашали наиболее квалифицированных вероучителей. Так, в 506 г. ко двору императора У-ди прибыл монах Сангхапала (460—524), уроженец Бапнома, полиглот, в совершенстве знавший много языков. По поручению У-ди он 16 лет работал над переводом священных буддийских книг. Среди мест, где он занимался переводами, привлекает внимание учреждение Нань-чуан (Бюро по делам Фунани) [560, с. 130]. Другой видный теоретик буддизма из Бапнома, монах Мандрасена, прибыл в столицу династии Лян в 503 г. Некоторое "время он сотрудничал с Сангхапалой в области перевода, но позже отошел от этой работы, так как не смог во всех

тонкостях овладеть религиозно-философской терминологией китайского языка [465, с. 131].

Сам Джайяварман, видимо, даже несколько утрировал свою привязанность к буддизму, когда речь шла о сношениях с Китаем. Особенно это наблюдается в начале его царствования, когда Джайяварман рассчитывал получить от Китая помощь против собственного сына. Как сообщают китайские источники, незадолго до 478 г. сын Джайявармана принц Фань Дань поднял восстание против отца, которое не имело успеха, после чего бежал в Тямпу. Там, напротив, фортуна повернулась к нему лицом, и он каким-то образом захватил трон Тямпы. Став царем, Фань Дань продолжал причинять отцу всяческие неприятности. Не брезговавший государственной торговлей Джайяварман в начале 480-х годов послал большую группу купцов со своими товарами в Гуанчжоу. Но шторм выбросил их на берег Тямпы, где их дочиста ограбили люди Фань Даня. Тут терпение Джайявармана истощилось, и он в 484 г. направил к императору У-ди⁸ послом уже упомянутого индийского монаха Нагасену, который, кстати, был очевидцем ограбления. С Нагасеной Джайяварман послал особо ценные подарки. Золотое изображение Нагараджи (царя змей)⁹, фигуру слона, вырезанную из драгоценного сандалового дерева, модели памятников буддийской архитектуры (ступы) из слоновой кости и многое другое [465, с.28]. Просьбу же он высказал только одну — помочь согнать Фань Даня с трона Тямпы.

Император У-ди ответил Джайяварману любезным посланием и прислал пять кусков разноцветного шелка, а дело о Фань Дане велел передать в китайские судебные инстанции, где его благополучно похоронили. Более того, в 491 г. император признал Фань Даня законным царем Тямпы и пожаловал ему титул: *Великий*

умиротворитель Юга, главнокомандующий военными силами на морском берегу, царь Линьи (Тямпы) [715, с.77].

Для Джайявармана, таким образом, стала назревать серьезная фланговая угроза со стороны Тямпы, поддержанной Китаем. Но прежде чем китайский посол с дипломами доехал до столицы Тямпы, там произошел переворот. Фань Дань был свергнут и, видимо, убит. Во всяком случае, с этого времени о нем не было никаких известий. Новым царем Тямпы стал Фань Чжу Нун (491—498), правнук тямского царя Фань Ян Мая II (около 425—446). Принимали ли какое-нибудь участие в этом перевороте агенты Джайявармана, неизвестно. Император У-ди отнесся к делу философски и велел все титулы, пожалованные Фань Даню, переписать на Фань Чжу Нуна. Новый царь Тямпы вел мирную политику, не задираясь ни с Бапномом, ни с Китаем, так что все дело разрешилось к общему удовольствию [465, с.28].

Последние годы жизни Джайявармана, вновь укрепившего империю Бапном, видимо, были посвящены мирному строительству. Сохранилась надпись принца Гунавармана, сына Джайявармана, *Луны семейства Каундиньи*. Отец поставил Гунавармана во главе владения, *завоеванного в грязи*, т. е., очевидно, территории, осушенной в дельте Меконга [506]. В другой надписи упоминается царица Кулапрабхавати, главная жена Джайявармана, как основательница убежища с бассейном для отшельников. Отшельники эти, видимо, были вишнуитами [509]. Вишнуизм практиковался в Бапнومه наряду с шиваизмом и буддизмом. Все исповедания пользовались полной свободой. Пока страна была богата, места хватало всем. Религиозные конфликты начались позже.

По отношению к Китаю Джайяварман в начале VI в. продолжал примирительную политику. В 502 г. по

случаю прихода к власти в Китае династии Лян (502—577), особенно приверженной буддизму, он послал новому императору У-ди (502—550) помимо обычных «продуктов страны» изображение Будды, сделанное из коралла. Эти дары произвели на У-ди благоприятное впечатление. В 503 г. он пожаловал Джайяварману титул *Генерал умиротворенного Юга, царь Фунани*, такой же, какой 12 лет назад его тезка У-ди из династии Ци пожаловал мятежному сыну Джайявармана [465, с.29].

В 504 г. буддизм стал государственной религией Китая, и экспорт буддийских реликвий из Бапнома в Китай, видимо, значительно возрос. В 511 и 514 гг. Джайяварман снова посылал посольства к У-ди с обычным набором даров.

В год последнего посольства Джайяварман умер, и в стране сразу же разразилась кровавая усобица. Рудраварман (сын Джайявармана от наложницы) сверг с трона и убил своего младшего брата — законного наследника, сына Джайявармана от царицы (судя по всему, это был Гунаварман, сын Кулапрабхавати). Смута, произошедшая по этому случаю, ослабила Бапном. Сразу же подняли голову вассалы империи и стали демонстрировать свой суверенитет, направляя посольства к китайскому двору. В 515 г. к императору У-ди прибыло первое посольство из Лангкасуки, в 527 г. — после почти 70-летнего перерыва — в Китай прибыло посольство государства Паньпань, в 530 г., после почти столетнего перерыва, — из страны Даньдань. Затем посольства из стран Малаккского п-ова продолжали регулярно прибывать до 80-х годов VI в.

Любопытно, что и государства Индонезии начинают посылать своих представителей в Китай примерно в это же время. Государство Похуан (Бохуан) на Центрально-Восточной Яве после перерыва в 44 года прислало посольство в 517 г., а затем в 522-м. Царство Тарума (на

Западной Яве) прислало свое первое посольство в 528 г., через 76 лет после прибытия последнего посольства из царства Хэлодань, которое оно сменило. Только государство Ганьтоли на Юго-Восточной Суматре (будущее царство Шривиджайя) как будто бы прорвало морскую блокаду еще в 502 г., при жизни Джайявармана. Но следующие его посольства практически синхронны с посольствами других стран: 518, 519, 520, 560, 563 гг.

Сам Рудраварман в эти годы тоже часто посылал посольства: 517, 519, 520, 530, 535, 539 гг., изощряясь в подарках со значением. Так в 519 г. он направил вместе с обычными ценностями — жемчугом и благовониями буддийские амулеты из сандалового дерева и листья священного дерева Бо. В 539 г. Рудраварман превзошел сам себя, прислав У-ди живого носорога и сообщив, что в его стране имеется, дескать, волос Будды длиной в 12 футов. У-ди, естественно, приказал ему этот волос привезти. Но в этот момент вереница посольств из Бапнома внезапно обрывается. Империя рушится, и на историческую сцену выходит новое действующее лицо — государство Ченла.

Государство Ченла (середина VI — начало VIII в.)

Государство Ченла (точное значение этого слова, которое дошло до нас только в китайской транскрипции, неизвестно) сложилось в V в. у кхмерских племен, населявших нынешнюю территорию Южного Лаоса. Несколько позже оно получило официальное название Камбуджа (или Камбоджа). Согласно кхмерским преданиям, первым царем Камбоджи был Шрутаварман, сын великого отшельника Камбу Сваямбхува (*самосозидающего*) и апсары Меры (небесной нимфы), которую отдал ему в жены сам бог Хара (он же Шива) [465, с.29].

Более вероятно, однако, что Камбоджа—Камбуджа была названа в честь древней полумифической страны Камбоджи, которая была расположена на стыке расселения иранских и индийских племен, где-то на территории нынешнего Афганистана. О разнообразных связях древней Камбоджи с иранским миром уже говорилось. Шрутаварману, который, согласно преданиям, правил примерно в 435—495 гг., наследовал его сын Шрештхаварман (около 495—530); последний построил новую столицу и назвал ее в свою честь Шрештхапура. Эта столица находилась у подножия горы Лингапарвата, в современной лаосской провинции Бассак.

Гора Лингапарвата считалась священной горой кхмеров. Она была центром древнего культа бога Горы, которого, после проникновения в страну индийской культуры, стали отождествлять с Шивой. В китайском источнике более позднего времени, где говорится о событиях рубежа VI—VII вв., есть такое сообщение:

«Возле столицы есть гора Линцзябопо (Лингапарвата). На вершине этой горы стоит храм,

МАЛАЙЯ								
1. Паньпань		424— 453, 455, 457— 464	527, 529, 530, 536, 540, 551, 571, 584	616, 635				
2. Лангкасука			515, 523, 531, 568	668				
3. Даньдань		435, 453	530, 531, 535, 571, 581, 585	616, 666 —667, 668— 669				
4. Кедах				638				
5. Кра				610				
ТАИЛАНД								
1. Читу				608, 609, 610				
2. Дваравати				608, 638, 649				
3. Тоюань				644, 647				
БИРМА								
1. Голофушало				650—				

				655			
2. Кала				650, 656			
3. Голошэфэнь				660			
СУМАТРА							
1. Ганьголи	441		502, 518, 519, 520, 560, 563				
2. Барус				627— 649			
3. Поло				642			
4. Малайю (Джамби)				644, 662			1079, 1080, 1088
5. Шривиджайя				670— 673, 702, 716, 724, 728, 742			
6. Саньфоци						905, 960, 962, 974, 980, 982, 983, 988, 990— 992, 1003, 1006, 1008, 1028, 1067, 1078	1079, 1080, 1082, 1087, 1094— 1095, 1156, 1176, 1178

ЗАПАДНАЯ ЯВА								
1. Хэлодань		430, 433, 434, 436, 437, 449, 452		666— 669				
2. Тарума			528, 535					
3. Шривиджайя				670— 673, 702, 716, 724, 728, 742				
ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЯВА								
1. Ява I	132, 430, 433, 435							
2. Похуан (Бохуан)		442, 449, 451, 455, 456, 459, 464, 466						
3. Поли (Боли)			473, 517, 522, 630, 637					
4. Хэлин I				640, 648, 666				
5. Шривиджайя					670— 673, 702,			

					716, 724, 728, 742			
6. Хэлин II						767, 768, 769, 770, 813, 815, 818		
7. Ява II							820, 831, 839, 873, 992, 1109, 1129, 1132	

Фактически права Бхававармана и на трон Ченлы, и на трон Бапнома, видимо, были довольно сомнительны. Как и персидский царь Дарий, он взошел на трон при живом отце. Отец его Вираварман, видимо, никогда не был царем, а мать его, хотя и была дочерью царя Рудравармана, могла передать ему не так уж много легитимности, потому что сам Рудраварман был узурпатором, отстранившим от власти законного наследника принца Гунавармана.

Не исключено, что после смерти Рудравармана законная линия (наследники Гунавармана) опять завладела властью, но Бхававарман снова потеснил ее, навязав бывшему суверену статус вассала. Большую помощь при этом ему оказал его брат, талантливый полководец Читрасена. Но долгое и, судя по всему, мирное царствование Бхававармана было в первую очередь обеспечено не военными талантами брата, а политической одаренностью самого Бхававармана. На протяжении почти полувека он делал все возможное для безболезненной интеграции империи с новым центром. И его политика примирения принесла плоды. Как сообщает надпись в Ханчей:

«Земля, поясом которой был океан, хотя и завоеванная сначала силой, когда он (Бхававарман) управлял ею, была снова завоевана его кротостью»

[465, с.42].

Достигнув преклонного возраста, Бхававарман ушел в *прибежище Шивы*, т. е. в шиваитский монастырь. Как сообщает одна из надписей, «его сын в ранней юности принял на себя бремя царства» [465, с.42]. Далее сын Бхававармана внезапно исчезает из истории Камбоджи. Может быть, он умер, а престарелый отец опять вернулся на трон. А может быть, наоборот, умер Бхававарман вскоре после ухода в отшельники и Читрасена без особого труда отнял власть у еще не успевшего укрепиться на троне племянника. Во всяком случае, именно к правлению царя Ишанавармана, сына Читрасены, китайские летописцы приурочивают такую информацию:

«(В Ченле) только сыновья царицы, законной жены царя, могут наследовать трон. В день, когда провозглашается новый царь, все его братья подвергаются уродующей их операции, одному отрубают палец, другому — нос и т.д. Затем выделяются средства на их содержание и их рассылают в разные места, никогда не предлагая им никакой должности»

[717, с.479].

Похоже, что этот древний обычай (он существовал, например, в сасанидском Иране, доживавшем в это время свои последние годы) был введен в кхмерскую практику именно Читрасеной, после того как он стал царем Махендраварманом, чтобы оградить своего сына от судьбы сына Бхававармана.

Недолгое царствование Читрасены-Махендравармана (около 600 — около 611), взошедшего на трон уже глубоким стариком, тем не менее было отмечено

значительной военной активностью. Раздвигая границы своей державы на западе, Махендраварман в первые годы VII в. завоевал нижнюю часть долины р. Мун на территории современного Таиланда. Этим он создал угрозу государству Читу (или Тоюань), возникшему после распада империи Бапном в Юго-Восточном Таиланде.

На северо-востоке границы Ченлы еще при Бхававармане подошли к границам Китая. Политика Ченлы по отношению к Китаю во второй половине VI и начале VII в. была определенно недружественной. Китай продолжал признавать царей Бапнома, которые продолжали посылать свои посольства к китайскому двору, а у Ченлы вплоть до 616 г. не было дипломатических отношений с Китаем. С Тямпой же, которая враждовала с Китаем, у Махендравармана, наоборот, были прекрасные отношения. В 605 г. он направил в Тямпу для переговоров своего первого министра Симхадеву. По-видимому, он должен был договориться с царем Тямпы Шамбхуварманом о военном союзе против Китая. Но договориться они не успели. Китайский полководец Лю Фын, которому император Ян-ди поручил «замирение» Тямпы, подступил к столице Тямпы в тот самый момент, когда шли эти переговоры. Министр Симхаварман (он же Симхадева) стал невольным свидетелем разграбления тямской столицы и депортации ее жителей. Вслед за этим Лю Фын оккупировал всю Тямпу и преобразовал ее администрацию на китайский лад. Царь Шамбхуварман бежал из Тямпы. Надо полагать, что он укрылся в дружественной стране. Поддержка Махендравармана, как и поднявшееся освободительное движение в стране, вскоре, однако, позволили Шамбхуварману вернуться в Тямпу.

Тем временем военное преимущество Лю Фына было сведено на нет эпидемией болезни бери-бери в его

войсках. Ему пришлось начать отступление к китайской границе. В дороге он сам стал жертвой эпидемии [691, с.38]. Чтобы дать императору Ян-ди возможность «сохранить лицо», Шамбхуварман, как только китайские войска были выведены из Тямпы, направил в Китай посольство с просьбой о прощении и с обещанием платить дань (это обещание, однако, он вскоре нарушил, убедившись, что мощь династии Суй пошла на убыль [691, с.38]).

Правительство Ян-ди извлекло уроки из неудачной кампании 605—606 гг. Оно не стало повторять лобовой атаки на юг, а решило сперва провести солидную дипломатическую подготовку, чтобы изолировать Тямпу и ее союзницу Ченлу. В 607—610 гг. чрезвычайный посол императора Чан Цзюнь объехал значительную часть Юго-Восточной Азии, везде пытаясь так или иначе создать плацдарм для китайской экспансии в регионе. В первую очередь он направился в Читу. Союз с западным соседом Ченлы позволил бы взять Махендравармана в клещи. Здесь китайское посольство ожидал самый восторженный прием, а реакция правительства Читу на китайские авансы превзошла все ожидания. «Мы все теперь граждане Великой Срединной империи, а не граждане Читу», — заявили от имени царя Гаутамы его доверенные брахманы [912, с.29].

Естественно, что добровольное присоединение к Китайской империи страны, находившейся от нее на огромном расстоянии, могло быть вызвано только серьезной внешней угрозой. Такой угрозой для Читу и было наступление Махендравармана вдоль долины Мун, грозившее аннексией всего сравнительно небольшого царства Читу. Обеспечив себе этот плацдарм, Чан Цзюнь направил своих людей в островную часть региона. В 607 г., согласно летописи «Суй шу», «...страна Лоча была принуждена признать власть Китая» [928, с. 198]. О стране Лоча (или Кунлуны)

летопись сообщает, что она лежит к востоку от Поли (Восточная Ява и Бали), т. е. расположена на Малых Зондских о-вах. летопись сообщает:

«Лоча народ очень грубый. У них — рыжие волосы и черная кожа. У них зубы диких животных и ногти орлов. Когда они торгуют с горожанами, они всегда делают это ночью. Днем они скрывают свои лица»

[928, с.198].

Если добавить к этому, что Лоча — китайская транскрипция санскритского слова *ракшасы* — демоны, перед нами картина крайне примитивного народа, находящегося в лучшем случае на стадии военной демократии. Почему Чан Цзюнь проявил такой интерес к слаборазвитой в торговом отношении стране Лоча, а о посещении мощных торговых центров Суматры и Явы летопись ничего не сообщает, хотя китайские послы, скорее всего, побывали и там? Эта загадка раскрывается благодаря другому сообщению. В 607 г. китайские представители наняли на Филиппинах большое число воинов из народа кунь-лунь¹⁰ для похода против Тайваня [722, с. 186]. Вопреки декларированным целям, главная задача посольства Чан Цзюня носила не торговый, а военный характер. Речь шла о создании армии, которая была бы боеспособна в тропических условиях, ибо наемники кунь-лунь должны были заменить китайские войска, которые император Ян-ди вынужден был вывести из Тямпы. Новый широкомасштабный поход в Юго-Восточную Азию, однако, не состоялся. Дело в том, что Ян-ди, склонный к мегаломании, одновременно осуществлял несколько грандиозных военных проектов. Его войска в Центральной Азии вели успешную борьбу с Тюркской державой. Он посылал посольства в Византию, чтобы объединить с ней свои военные усилия в борьбе против Ирана. В то же время он раз за разом отправлял новые

армады кораблей на завоевание Тайваня. И наконец, он готовил огромную (1130 тыс.) армию для вторжения в Корею. Всего же при Ян-ди было мобилизовано 3,5 млн. человек, т. е. 9% населения Китая. Такое перенапряжение сил империи не могло длиться долго. После того как в 612 г. китайские войска в Корею потерпели сокрушительное поражение, в Китае разразилась крестьянская война, унесшая в своем огне недолговечную династию Суй.

Первый император новой династии Тан (618—907) Ли Юань, принявший имя Гао-цзу (618—627), учел ошибки предшественника и сократил дорогостоящие военные проекты. Отношения с Тямпой и Ченлой перестали быть напряженными. Начался обмен посольствами. Вскоре после 618 г. Ченла приняла китайский календарь. Это было косвенным признанием верховенства Танской империи. Однако за 10—15 лет напряженного противостояния с Китаем в Ченле произошли существенные структурные изменения.

Сообщает И Цзин, посетивший Юго-Восточную Азию в 671—695 гг.:

«Раньше в Фунани Закон (религия) Будды процветал и распространялся, но сейчас злой царь совершенно истребил его, и здесь нет больше буддийских монахов»

[521, с.67].

По мнению Ж.Седеса этим злым царем был Бхававарман или его брат Читрасена-Махендраварман [521, с.68]. Но к Бхававарману, правившему около 550—600 гг., трудно применить выражение И Цзина «сейчас». Как мне представляется, здесь речь идет о процессе, который полностью завершился в середине VII в. незадолго до приезда И Цзина, но начался еще в тревожные дни правления Махендравармана I.

В то время южноиндийское государство Паллава, центр обновленного индуизма, занимало ведущую роль

в торговле Индии и Юго-Восточной Азии. Экономические связи в данном случае тесно переплетались со связями культурными. Английский историк Г.К.Уэльс, выделивший четыре волны индийского влияния на Юго-Восточную Азию, третью волну (около 550—750) называет волной Паллава [895, с.24]. В первой половине VII в. при царях Махендравармане I (около 600—630) и Нарасимхавармане (около 630—655) царство Паллава находилось на вершине своего могущества. И вряд ли можно считать случайностью, что Читрасена, взойдя на трон, принял то же имя, что и царь Паллавы, его современник. Тесные связи с шиваитской Паллавой были тем более нужны царям Ченлы и Тямпы, что их небольшой шиваитский блок был в то время как бы островом в буддийском море, которое представлял тогда регион Юго-Восточной Азии.

И Цзин в своей работе утверждает, что буддизм процветает на девяти островах: на Получжэ (Полюши) (Северная Суматра), Молою (Центральная Суматра), Шилифоши (Шривиджайя) (Южная Суматра), Мохосинь (Западная Ява), Хэлин (Центрально-Восточная Ява), Даньдань (южная часть Малаккского п-ова), Пеньпень (северная часть Малаккского п-ова), Куньлунь (может быть, о-в Гурун?), Фошипуло (Виджайяпура) — Калимантан [560, с.64], т. е. охватывает практически всю Индонезию, кроме, может быть, Сулавеси, и весь Малаккский п-ов, кроме, может быть, Кедаха¹¹. Если даже допустить, что И Цзин занимался приписками^{11a} и не вся Индонезия и вся Малайя в его время были буддийскими, все же из других источников мы знаем, что царь Читру Гаутама (т. е. тезка Будды) в 593 г. ушел в буддийский монастырь, оставив трон своему сыну, тоже Гаутаме [521, с.78]. А о махаянском (т. е. идентичном китайскому) характере буддизма Читру свидетельствует сообщение 607 г. о том, что на воротах

столицы этого царства нарисованы бодхисаттвы [717, с.467].

Таким образом, в конце VI—VII в. шиваитский блок Ченла-Тямпа был зажат между буддийским Китаем и буддийским Таиландом, которые могли рассчитывать на поддержку единоверцев, явно преобладавших в это время во всем регионе Юго-Восточной Азии. Обычно довольно широкая (по сравнению с Европой и Передним Востоком) религиозная терпимость стран индуистско-буддийского круга в данном случае была отброшена, и между шиваитским и буддийским духовенством началась довольно жесткая борьба за влияние на массы. Поскольку вопрос об идеологии, как правило, тесно связан с вопросом о собственности, борьба в первую очередь должна была развернуться вокруг собственности буддийских монастырей. Ввиду нехватки конкретных данных по Ченле для сравнения приведем цифры, относящиеся к Китаю той же эпохи. Если в конце V в. в Китае было 77 тыс. монахов, то к 580 г. их число достигло 3 млн. (при населении около 46 млн.), а число монастырей составляло несколько десятков тысяч [154, с.32]. Даже для огромного Китая это была непомерная нагрузка. В 624 г. император Ли Юань (Гао-цзу) попытался экспроприировать монастырскую собственность и издал указ против буддистов. Но с монахами он не справился и даже вынужден был покинуть трон. В 626 г. он, якобы добровольно, уступил власть своему младшему брату Ли Шиминю, который взошел на трон под именем императора Тай-цзуна (626—650). При нем буддийская церковь восстановила все свои позиции.

В Ченле же борьба царей с буддийским землевладением была более успешной, может быть, потому, что правительство дискредитировало буддийское духовенство как якобы агентов иностранных держав. Экспроприация буддийской

церкви, скорее всего, была завершена при сыне Махендравармана царе Ишанавармане I (около 616 — около 635). В истории династии Суй (581—618) сообщается:

«Многие жители Ченлы следуют закону Будды. Многие другие отправляют культ Дао. Буддисты и даосы помещают благочестивые изображения в домах, где останавливаются путешественники»

[465, с.39].

После 618 г. такие сообщения больше не встречаются. В то же время запрет на буддийскую религию как таковую, если он вообще существовал, мог существовать только при жизни Ишанавармана I. Первая дошедшая до нас буддийская надпись в Камбодже относится к 664—665 гг.

Религиозные и иные реформы Ишанавармана I укрепили государство Ченлу. Этот царь вел активную военную политику на севере и западе, где захватил ряд земель в Юго-Восточном Таиланде. На р. Сен он построил столицу, которую назвал своим именем — *Ишанapura*. Ее население скоро достигло примерно 100 тыс. Китайский летописец сообщает:

«Этот монарх сделал своей резиденцией город И-ше-на, где проживает свыше 20 тыс. семей. В царстве имеются еще 30 городов, каждый с населением в несколько тысяч семей. Во главе каждого города стоит губернатор. Титулы чиновников такие же, как в Линьи (Тямпе).

Раз в три дня царь торжественно появляется в приемном зале и садится на трон, сделанный из пяти сортов ароматного дерева и украшенный семью драгоценностями. Над троном возвышается балдахин, обитый роскошной тканью. Столбы балдахина из драгоценного дерева, стенки его из слоновой кости украшены золотыми цветами. Трон и балдахин вместе

образуют нечто вроде маленького дворца, в задней части которого, как и в Читу, висит диск с золотыми пламеобразными лучами. Перед тронем два человека держат золотую курильницу»

[521, с.74].

В 627 г. Ишанаварман I полностью аннексировал Бапном, и правившие там древние цари Горы, потомки Каундиньи II, вынуждены были эмигрировать. Их потомкам было суждено сыграть видную роль в индонезийской истории VIII—X вв.

Время правления Ишанавармана совпало с пиком могущества Ченлы. Надписи называют его *славный повелитель трех царей, могучий владелец трех знаменитых городов... Победоносный Ишанаварман, прославленный своим героизмом, который поддерживает землю, как нага Шеша* [465, с.51]. Ишанаварман I проявил себя как великий организатор. Ликвидировав вассальные царства, он создал систему губернаторов, которые управляли прежде полузависимыми владениями под строгим контролем центра. Ишанаварман существенно расширил бюрократический аппарат Ченлы. Как сообщает китайский летописец, «...число низших чиновников весьма значительно» [717, с.478].

Бюрократическую пирамиду возглавляли пять министров¹², которые были советниками царя. Тот же летописец сообщает:

«Тот, кто предстает перед царем, трижды касается лбом земли. Если царь ему приказывает приблизиться, он на коленях поднимается по ступенькам, держа руки скрещенными на плечах. Затем они усаживаются вокруг царя, чтобы обсуждать государственные дела. Когда заседание кончается, его участники снова становятся на колени, простираются ниц и удаляются»

[717, с.478—479].

Неизвестно, насколько «злым царем» был Ишанаварман I помимо его отношений с буддийским духовенством, но он, безусловно, заботился о том, чтобы оградить себя от всяких случайностей:

«Более тысячи стражников, одетых в панцири и вооруженных копьями, стоят у ступеней трона, в залах дворца, у дверей и колонн»

[717, с.479].

Ишанаварман I поддерживал тесные связи с царями Тямпы и выдал свою дочь Шарвани замуж за тямского принца Джагаддхарму. Их сын — Пракашадхарма впоследствии стал царем Тямпы под именем Викрантаварман (около 657—690) [691, с.40].

После смерти Ишанавармана I царем Ченлы стал Бхававарман II (около 635 — около 655), о родственных отношениях которого с его предшественниками в надписях ничего не говорится. Судя по тому, что имя Бхававармана II не упоминается в составленных позже генеалогиях, он был узурпатором. Л.П.Бриггс считает, что он был внуком Бхававармана I, потомство которого отстранили от власти Махендраварман и Ишанаварман I [465, с.52]. Но возвращение на трон старшей линии царского рода вряд ли можно рассматривать как узурпацию и стыдливо изымать этот факт из истории. Скорее всего, Бхававарман II в своих надписях приписывал себя к Лунной династии на очень зыбких основаниях.

Следующий царь, Джайяварман I, вступил на трон между 640 и 657 гг., а умер между 681 и 713 гг.¹³. На протяжении его Длинного царствования Ченла прошла путь от максимального расширения своих границ до упадка и распада. В начале своего царствования (между 650 и 656 гг.) Джайяварман I завоевал Паньпань, Санго и другие мелкие княжества Среднего и

Верхнего Лаоса и вышел на границу набравшего в это время силу царства Наньчжао [465, с.54]. Затем последовали два или три сравнительно мирных десятилетия, когда Джайяварман I устранился от борьбы за гегемонию в регионе¹⁴.

Надпись в Ват Пху сообщает:

«Его стрелы, его превосходный лук, который он (Джайяварман I) сгибает, несмотря на двойной вес, после долгих походов отложены им как ненужные. Он первый среди знатоков военного дела, знающий напор слонов, силу конницы, волю человека. Он — несравненный корифей всех искусств, начиная с пения, музыки и танцев. Он — истинная сокровищница всего желанного и тонкого. Он — океан, в котором, как жемчужины, хранятся ученость, терпение, умеренность, ум, рассудительность, щедрость. Это — мастер всех мастеров на земле, Его Величество Джайяварман»

[465, с.54].

Какой именно вклад Джайяварман I внес в науки и искусство, неизвестно, но то, что он, сократив военные расходы, несколько ослабил бремя налогов, подтверждает другое, более конкретное свидетельство:

«Он отказался от сбора даже справедливого налога с садов домохозяев, хотя он и был главным хозяином этих садов и этим особенно обеспечил их полное благосостояние»¹⁵

[465, с.59].

При Джайявармане I в Камбодже велось крупное храмовое и гражданское строительство. Из 19 надписей этого царя, которые дошли до нас, ни одна не найдена в районе Ишанапуры. Судя по всему, он перенес столицу на юг, в низовья Меконга [465, с.65]. Возможно, это было связано с ориентировкой на развитие международной морской торговли.

Конец правления Джайявармана I практически не освещен источниками. Можно только предположить, что в конце VII в. (может быть, уже после его смерти) Ченлу стали раздирать гражданские войны. В этих войнах могли погибнуть его сыновья, а может быть, он их вообще не имел. Во всяком случае, после 681 г., когда Джайяварман I еще упоминается как царствующий монарх, нет ни одной датированной надписи до 713 г., когда на троне Ченлы находилась вдова Джайявармана I царица Джайядеви¹⁶. Но она правила лишь малой частью бывшей державы. Согласно китайским источникам, вскоре после 706 г. Ченла распалась на две части — Верхнюю (Северную) Ченлу, или *Ченлу Суши*, и Нижнюю (Южную) Ченлу, или *Ченлу Воды*. А Ченла Воды, в свою очередь, распалась на несколько княжеств, одним из которых правила Джайядеви, горько жаловавшаяся в своей надписи на наступавшую смуту [465, с.57].

Дальнейшая судьба Ченлы Суши, объединявшей в основном земли современного Лаоса, была тесно связана с историческими судьбами Вьетнама, Китая и Наньчжао. Так, в 722 г. сухопутная Ченла, которую китайские летописцы стали называть Ваньдань (возможно, это название сохранилось в названии построенной позже столицы Лаоса Вьентьян)¹⁷, пришла на помощь вьетнамцам, восставшим против китайского господства под предводительством Май Тхук Лоана. Китайцы, однако, подавили восстание и отразили натиск войск Верхней Ченлы.

В 753 г. Верхняя Ченла, напротив, в союзе с Китаем воевала против Наньчжао, которое, в свою очередь, имело союзником Тибет. Воинственный царь Наньчжао Голуфэнь (748—778), не раз наносивший страшные удары Танской империи, и на этот раз вышел победителем. Китайский император Сюань Цзун (712—

756) запросил мира, а Голуфэнь, по-видимому, глубоко вторгся в Верхнюю Ченлу и, пройдя ее насквозь, достиг и Нижней Ченлы. Об этом, скорее всего, говорят два недатированных эпизода из истории государства Наньчжао (Мань) в изложении китайских авторов.

В «Мань шу» («История Мань», т. е. Наньчжао. — Э.Б.), написанной в 860 г., говорится, что царства Сухопутная Ченла и Водная Ченла граничат с Чжэньнань, южным воеводством Наньчжао. В связи с этими царствами летописец замечает:

«Кавалерия мань однажды дошла до моря, но, увидев ревущие зеленые волны, все разочаровались и вернулись домой»

[706, с.93].

Этот вариант явно восходит к исторической традиции Наньчжао. В исторической традиции Ченлы та же история излагается иначе:

«Наньчжао вело войну с Куньлунь. Люди Куньлунь дали продвинуться вражеской армии, потом открыли плотину, и почти вся армия Наньчжао утонула. Оставшимся в живых, прежде чем отправить назад, в их страну, отрезали правую кисть»

[560, с.14].

Еще один вариант этой же истории звучит так:

«Однажды мятежники У Мань (Наньчжао, — Э.Б.) выступили в поход с кавалерией против Куньлунь. Люди Куньлунь оставили дорогу открытой и пропустили их. Затем они отрезали дорогу за армией, соединили ее с рекой и затопили. Наступая или отступая, мань были беспомощны. Свыше десяти тысяч умерло от голода. Тем, кто не умер, кунь-лунь отрубили правые кисти и отпустили домой»

[706, с.92].

Таким образом, в отличие от похода Голуфэня на Бирму в период между 757 и 763 гг., который закончился покорением царства Пью, его поход на Ченлу кончился катастрофой, поэтому о нем и говорится так глухо в истории Наньчжао.

История Водной Ченлы в VIII в. известна нам не многим лучше, чем история Сухопутной Ченлы. Немногие датированные надписи и очень скудные упоминания китайских летописей дают фрагментированную картину сильно фрагментированного общества будущей Камбоджи. В первой половине VIII в. Водная Ченла представляла собой конгломерат небольших независимых княжеств, из которых наиболее крупными были Индрапура, Самбхупура, Аниндитапура и Вьядхапура.

Индрапура находилась на северо-западе современной Камбоджи. В 598 г. некий Нарасимхагупта получил ее как феодал от Бхававармана I и продолжал управлять ею при Махендравармане I (600—611) и Ишанавармане I (611—635). После распада Ченлы около 706 г. Индрапура оказалась иерархически подчинена Самбхупуре, но позже отделилась от нее. Около 770 г. царем (князем) Индрапуры был Джайяварман, которого историки обозначают Джайяварман I бис. Судя по всему, он был отцом Джайявармана II, которому суждено было основать Ангкорскую Камбоджу [465, с.64].

Самбхупура была расположена на северо-востоке Камбоджи. Ее одноименная столица находилась в районе современного города Самболь на восточном берегу Меконга.

Княжество Аниндитапура находилось в юго-западной части Камбоджи, к западу от Меконга. Столицей ее был город Баладितьяпура, расположенный в районе Ангкор Борей.

В руках потомков Джайявармана I сохранилась лишь небольшая часть территории на юго-востоке Камбоджи,

прилегающая к древней столице Бапнома Вьядхапуре. Однако они продолжали носить титул верховного царя *адхираджа* [465, с.64].

Реально ведущее место среди княжеств Камбоджи в начале VIII в. занимала Аниндитапура, во главе которой стоял царь (князь) Нрипатиндраварман. Его сын Пушкаракша женился на дочери царя Самбхупуры и унаследовал от него это княжество, а после смерти своего отца (после 716 г.) объединил под своей властью Аниндитапуру и Самбхупуру. По мнению некоторых историков, здесь имело место завуалированное завоевание [521, с.85].

Сын Пушкаракши — Самбхуварман сначала был царем Самбхупуры, затем, женившись на наследнице царя Вьядхапуры, присоединил царский домен к своим владениям. А после смерти Пушкаракши стал царем трех четвертей Камбоджи. Столицей своей он, однако, сделал не Вьядхапуру, а Баладितьяпуру — удел своих предков по мужской линии. Сын его Раджендраварман I правил в третьей четверти VIII в. Он перенес свою резиденцию в традиционную столицу страны — Вьядхапуру [465, с.64].

Между 766 и 780 гг., т. е., очевидно, в царствование Раджендравармана I, ко двору императора Дай-цзуна (762—780) прибыло посольство Водной Ченлы. Его возглавлял вице-царь по имени Бо-ми (в китайской транскрипции), которого сопровождала жена (случай редкий, если не уникальный в дипломатии того времени; может быть, это была дочь царя). Бо-ми привез 11 слонов в дар императору. Польщенный даром Дай-цзун пожаловал Бо-ми высокий титул *гость императора* [717, с.484].

Раджендраварман I, видимо, послал такое представительное посольство в Китай, потому что не был в состоянии отражать набеги яванцев из островной империи Забаг, которые в течение 20 лет (767—787)

терроризировали прибрежных жителей Ченлы, Тямпы и Вьетнама. Китай, озабоченный защитой своих южных (вьетнамских) провинций от набегов тех же яванцев, вряд ли мог оказать Раджендраварману I какую-либо существенную помощь. Скорее всего, тот уладил свои отношения с Забагом дипломатическим путем. Положение Водной Ченлы существенно ухудшилось, когда в конце 770-х — начале 780-х годов Раджендраварман I умер и царем стал его сын, молодой и неопытный Махапативарман. Он перенес свою столицу назад в Баладитьяпуру (Ангкор Борей) и, не ограничившись переменой столицы, решил поменять и политический курс выжидательно-оборонительную тактику в отношении Забага сменить на наступательную. Это решение, принятое совершенно без расчета сил, имело для Водной Ченлы самые катастрофические последствия. История этой катастрофы в беллетризованной форме была рассказана в IX в. одним арабским путешественником:

«Согласно летописям страны Забаг, был некогда кхмерский царь. Кхмер — это страна, откуда привозят кхмерское алоэ... Нет царства с более многочисленным населением, чем Кхмер. Все кхмеры ходят пешком. Разврат и все опьяняющие напитки у них запрещены. В их городах, да и во всей державе не найдешь человека, приверженного разврату или опьяняющим напиткам. Кхмер расположен на той же долготе, что и царство Махараджи, т. е. остров Забаг. Между этими двумя странами 10—20 дней пути по морю (10 дней при хорошем и 20 — при среднем ветре).

Итак, рассказывают, что был некогда кхмерский царь юный и порывистый по натуре. Однажды он сидел в своем дворце, который возвышается над рекой, подобной Тигру в Ираке (а от дворца до моря был день пути по реке), и его министр стоял перед ним. Он

беседовал со своим министром, и в этой беседе зашел разговор о царстве Махараджи, о его славе, о многочисленности населения и островов, которые ему подчинены. „Есть у меня одно желание — сказал царь. Министр, который был искренне предан своему повелителю и знал его порывистый характер, спросил: „Какое желание, о царь!“ А тот ответил: „Я хотел бы видеть перед собой голову Махараджи, царя Забага, на блюде“. Министр понял, что эту мысль его монарху подсказала зависть, и он ответил: „Мне не нравится, о царь, что мой повелитель высказал такое желание. Люди Кхмера и люди Забага никогда не проявляли вражды друг к другу ни в словах, ни в делах. Забаг никогда не причинял нам зла. Этот отдаленный остров не находится по соседству с нашей страной. Его правители никогда не выражали желаний завладеть Кхмером. Не следует никому повторять то, что царь сейчас сказал“

Кхмерский царь рассердился на министра, не послушал совета, который дал ему этот умный и верный советник, и повторил свои слова перед генералами и придворными. Эти слова стали передавать из уст в уста, пока они не распространились повсюду и дошли до ушей Махараджи. Этот Махараджа был энергичным и опытным царем. Он уже достиг зрелого возраста. Он призвал своего министра и сообщил ему о том, что узнал. Затем он сказал: „После того как этот безумец публично выразил свое желание (видеть мою голову на блюде), я вынужден заняться им. Если бы я игнорировал это оскорбление, я был бы унижен перед ним. Затем царь приказал министру хранить в тайне этот разговор и повелел снарядить тысячу кораблей средней величины и погрузить на них оружие и отважных воинов столько, сколько туда вместится. Затем он объявил, что желает совершить объезд островов своего государства. И он написал губернаторам подвластных

ему островов, извещая о своем намерении. Слух об этом распространился повсеместно, и губернаторы всех островов стали готовиться принять царя подобающим образом.

Когда же приказы царя были исполнены и военные приготовления закончены, он взошел на корабль и вместе со своим флотом и войском направился в сторону царства Кхмер. Царь и его свита имели зубочистки. Каждый из них пользовался зубочисткой много раз в день. Каждый из них носил зубочистку при себе, не расставался с ней и не давал ее на хранение своим слугам.

Царь Кхмера ничего не подозревал, поэтому, когда Махараджа со своим флотом появился на реке, ведущей к столице, и возглавил атаку своих войск на нее, это было для него полной неожиданностью. Войска Махараджи внезапно ворвались в столицу, окружили дворец и захватили кхмерского царя. Кхмерские воины бежали перед натиском врага. Затем Махараджа приказал объявить через глашатаев, что он гарантирует всем жителям полную безопасность. После этого он сел на трон кхмерского царя, взятого в плен, и приказал привести его вместе с его министром. И он сказал царю Кхмера: „Что же тебя побудило высказать желание, которое ты не в силах исполнить, желание, исполнение которого не принесло бы тебе счастья, желание, которому не было бы оправданий, даже если его было бы легко исполнить?“ Царь Кхмера ничего не ответил на это. Тогда Махараджа сказал: „Ты высказал желание видеть мою голову на блюде. И если бы ты высказал также желание овладеть моей страной и моим царством или хотя бы разорить часть его, я так же поступил бы и с Кхмером. Но ты не высказал таких желаний. Поэтому я поступлю с тобой так, как ты хотел поступить со мной, и вернусь в свою страну, не присвоив ничего в Кхмере, будь то великая или

ничтожная вещь. Пусть моя победа послужит уроком твоим наследникам. Никто не должен браться за задачу, которая ему не под силу, и желать того, что ему не суждено. Каждый должен считать себя счастливым, (потому) что он находится в добром здравии, пока оно у него есть“.

И сказав это, он приказал отрубить голову царю кхмеров. Затем он велел приблизиться кхмерскому министру и сказал ему: „Я желаю вознаградить тебя за то, что ты поступал как настоящий министр. Ибо я знаю, как ты мудро советовал своему государю, но он не послушал тебя. Найди теперь кого-нибудь, кто может стать хорошим царем, вместо этого дурака и посади его на трон“.

И в тот же час Махараджа отправился в свою страну. И ни он сам, и никто из его людей не взяли себе ничего в кхмерской стране. Когда же он вернулся в свое царство, он сел на свой трон, который возвышается над озером, и приказал принести голову царя Кхмера на блюде. Затем он созвал высших чиновников своего царства и рассказал им все, что произошло и что побудило его отправиться в поход против царя Кхмера. И услышав все это, люди Забага стали молиться за своего царя и желать ему всех благ.

Затем Махараджа приказал обмыть и набальзамировать голову царя Кхмера, положить ее в сосуд и отправить к царю, который заменил на троне Кхмера обезглавленного. И вместе с этим Махараджа направил новому царю Кхмера такое послание: „Я был вынужден поступить так с твоим предшественником из-за ненависти, которую он проявлял ко мне, и чтобы дать урок всем, кто захочет ему подражать. Я поступал с ним так, как он хотел поступить со мной. Я решил теперь отослать тебе его голову, так как мне в ней нет больше нужды. Я не хочу гордиться победой, которую я одержал над ним“

Когда весть об этих событиях достигла царей Индии и Китая, Махараджа вырос в их глазах. С этого времени цари Кхмера каждое утро, вставая, обращают лицо в сторону страны Забаг и, склонившись до земли, приветствуют Махараджу как своего сюзерена»

[561, с.56—61].

Эта история, как бы выхваченная из сказок 1001 ночи, отражает реальный исторический факт: в 80-х годах VIII в. верховная власть в Камбодже перешла к царям Явы Шайлендрам (*царям Горы*), которые, по мнению Ж.Седеса, были потомками царей Бапнома. Имя марионеточного царя, которого царь Забага (это, скорее всего, был махараджа Вишну, умерший около 782 г.) посадил на трон Нижней Ченлы, неизвестно. Существует гипотеза, что это был малолетний Джайяварман II, сын царя Индрапуры Джайявармана I бис.

При этом царь Забага забрал его к своему двору, чтобы воспитать в соответствующем духе, а обязанности царя в Камбодже стал исполнять регент Джайендрадхипативарман, дядя по матери Джайявармана II, принц из дома Аниндитапура [465, с.64]. Влияние Явы в Камбодже в этот период проявляется как в некоторых памятниках архитектуры и искусства, так и в распространении религии победителя. В провинции Сиенреап найдена надпись, датированная 791 г., в которой говорится об установлении статуи бодхисаттвы Локешвары. Это самое древнее эпиграфическое свидетельство существования махаяны в Камбодже [521, с.94].

Ангкорская Камбоджа в IX—X вв.

Юный Джайяварман II возвратился с Явы в Камбоджу около 800 г. Страна в это время находилась в состоянии полного хаоса. Молодой царь, назначенный яванцами, видимо, не пользовался никаким авторитетом за пределами собственного княжества Индрапура. Из надписей мы знаем, что в 803 г. в княжестве Самбхупура правила царица Джайештхарья, правнучка царя Индралоки-Пушкаракши [521, с.94]. В 813 г. в Китай прибыло последнее посольство из Водной Ченлы. Кто его направил, неясно. Может быть, это были наследники Махапативармана, не признавшие переход царской власти к Джайяварману II. Поскольку следующее посольство из Камбоджи в Китай прибыло только через 313 лет, при Сурьявармане II, а после смерти этого царя дипломатические отношения с Китаем не возобновлялись еще более 200 лет, можно уверенно сказать, что отношение ангкорских царей к Китаю было стабильно неприязненным, а начало такой политике положил Джайяварман II.

Раздробленность Камбоджи сделала ее легкой добычей воинственных соседей после того, как мощь Шайлендров пошла на убыль и флот Забага уже не мог в случае надобности прикрыть Камбоджу от внешней агрессии. В 817 г. в страну вторглись войска Тямпы под командованием сенапати (генерала), имя которого начиналось на Пар. Тямская надпись сообщает:

«Сенапати Пар... разорил города Камбуджи¹⁸ до середины страны»

[465, с.91].

Эта катастрофа, очевидно, как-то подтолкнула сторонников объединения страны, и они стали действовать энергичнее. Джайяварман II, который все эти годы постепенно собирал земли Западной

Камбоджи¹⁹, стал всерьез претендовать на роль национального лидера. Развитие международных связей этому благоприятствовало. В 818 г. в Китай прибыло последнее посольство из царства Хэлин. В 820 г. туда впервые, после почти четырехвекового перерыва, прибыло посольство царства Шэпо (Явы). В период между этими двумя датами (наиболее вероятно, в 819 г., когда к власти на Яве пришел царь Гарунг из династии Санджайя) гегемония Шайлендров над Индонезией была утрачена, а новая династия, очевидно, была еще слишком занята внутренними делами, чтобы заниматься проблемами далекой Камбоджи.

В этой обстановке Джайяварман II совершает решительный шаг — избирает своей четвертой столицей гору Махендрапарвата²⁰ в горном массиве в 50 км к северу от озера Тонлесап. Махендрапура, столица на горе, представляла много неудобств в бытовом отношении, но много выгод в смысле обороны. Кроме того, Махендрапарвата издавна считалась в этих краях священной горой, а это было тоже важно для того магико-политического акта, который Джайяварман II совершил около 822 г. [465, с.22]. Как сообщает надпись более позднего времени, Джайяварман II и его главный советник шиваитский жрец Шивакайвалья пригласили в Махендрапарвату самого авторитетного специалиста по индуистской магии, какого могли только найти. Этот специалист

«...знаток в области тайных наук, брахман по имени Хираньядама, пришел из своей страны по приглашению царя, чтобы совершить обряд, который освободит Камбоджу от Яванской зависимости и после которого будет только один государь, и он станет Чакравартином (повелителем Вселенной)»

[241, с.67].

Заявка, как мы видим, была серьезной, и автор надписи обстоятельно рассказывает, как она была осуществлена:

«Этот брахман (Хираньядама) совершил обряд, согласно священным шастрам Винашикха, Найоттара, Саммоха и Ширащеда. Он пересказал их от начала и до конца, чтобы записать и обучить им господина Шивакайвалью. И он приказал господину Шивакайвалье совершать обряд бога-царя (в дальнейшем)»

[241, с.67-68].

Как отмечает Ж.Седес, эти четыре текста тантрического происхождения, по представлениям индуистов, изрекались первоначально четырьмя ртами четвероликого Шивы. При этом заключительный, четвертый текст назывался *Ширащеда* («обезглавливание») [521, с. 191]. Это сразу заставляет вспомнить рассказ арабского путешественника, в котором фигурирует отрубленная голова царя на блюде. По-видимому, в ритуал культа девараджи входил обряд символического обезглавливания вышестоящего царя.

Ритуал девараджи («царя-бога») превращал царя из человека в живого бога, посредством установления его непосредственной связи с главным богом — Шивой. Идеологическое обоснование и магическое обеспечение царской божественности, естественно, осуществляли жрецы, которых в Камбодже, как и в Индии, называли брахманами, хотя их организация не была вполне идентична брахманской. Контроль над этим важнейшим государственным культом давал огромные властные возможности, поэтому группа жрецов, первой связавшая свою судьбу с основателем Ангкорской Камбоджи, позаботилась о том, чтобы закрепить свою монополию в этой области. Надпись продолжает:

«Царь и брахман Хираньядама дали клятву, что служителем культа бога-царя будет род господина Шивакайвальи, который не позволит никому больше служить богу-царю. Господин Шивакайвалья, ставший жрецом (пурохитой), назначил всех своих родственников служителями этого культа»

[241, с.68].

И действительно, род Шивакайвальи и еще несколько родов, получивших руководящие посты при Джайявармане II, продолжали входить в правящую верхушку общества несколько столетий. Отдавая своих дочерей в жены царям и вступая в браки с женщинами царского рода, эти несколько родов довольно скоро переплелись в некий «суперклан». Младшие отпрыски царского рода, породнившись с этими «брахманами», сами иногда переходили в «брахманское» сословие и становились профессиональными жрецами. В сильно идеологизированном обществе Ангорской Камбоджи идеологическая (магическая) функция была первичной, а административная и хозяйственная — вторичными²¹.

«Брахманы» заседали в судах, ведали государственной казной, руководили иногда войсками, и это никому не казалось странным. Более того, вся страна была покрыта сетью храмов, которые, как и в древнем Египте, не столько занимались душеспасительной работой, сколько организовывали сельское хозяйство и другие виды экономической деятельности. Все структуры общества находились под перекрестным контролем разных проверяющих, подчиненных непосредственно центру в лице царя, который как бог, хозяин и распорядитель всего живого и неживого стоял надо всем.

Эта система развернулась во всей полноте позже, но ее основы были заложены при Джайявармане II.

Первые годы независимого правления Джайявармана II были слишком бурными, чтобы выходить за пределы самых неотложных политических задач, главной из которых было просто удержаться у власти. Ведь недаром молодой царь, прежде чем присвоить себе титул чакравартина, укрепился на горе Махендрапарвата. Его претензия, несомненно, должна была вызвать сильную реакцию с разных сторон. Шайлендры как-никак были потомками древних царей Горы и могли рассчитывать на поддержку населения юга страны, бывшего царства Бапном. Север страны — Сухопутная Ченла, носившая в это время название *Бхавапура*, также не признавала власть нового «повелителя вселенной». Цари Бхавапуры считали себя законными правопреемниками первоначальной Ченлы, и магические обряды на горе Махендрапарвата не произвели на них никакого впечатления. Бхавапура присоединилась (добровольно) к Ангорской империи только в середине X в.

Несмотря на то что правление Джайявармана II было одним из самых длинных в истории Камбоджи (по одной версии он умер в 850 г., по другой — в 854 г.), от него до нас не дошло ни одной надписи. Этот дефицит письменных свидетельств ощущался, видимо, уже во времена его ближних потомков. В одной из надписей подчеркивается исключительная скромность основателя Ангорской Камбоджи²². Но отсутствие монументальных надписей Джайявармана II говорит скорее о другом. Как свидетельствует частая перемена столиц, его слишком часто гоняли с места на место, и в начале тяжелой борьбы за объединение страны ему, видимо, было не до монументальной пропаганды. Ведь к концу столь длительного царствования ему не удалось объединить до конца даже Нижнюю Ченлу (современную Камбоджу и крайний юг Вьетнама), а

Верхняя Ченла целиком осталась за пределами его государства. Тем не менее в его правление было начато многое, что стало основой новой империи, и ближайшие потомки отдавали ему должное.

Экономической и политической опорой нового государства, которое строил Джайяварман II, оказался новый центр страны у озера Тонлесап. Экономической — потому что эта плодородная равнина, хозяйственно освоенная сравнительно недавно, стала в это время основной житницей Камбоджи (и продолжала играть эту роль еще несколько веков вплоть до падения Ангкорской Камбоджи). Политической — потому что население этой области, образовавшееся в основном из переселенцев, бежавших сюда в VIII в. из старых традиционных царств и княжеств, охваченных огнем гражданских войн, безусловно, было сильно перемешанным, не имело каких-нибудь традиционных склонностей или предпочтений. Джайяварман II в области будущего Ангкора был, таким образом, новым вождем на новом месте, и он эту ситуацию использовал в полной мере и поэтому вполне заслуженно может носить звание основателя Ангкорской Камбоджи.

Джайяварман II умер в глубокой старости. О его наследнике Джайявармане III (854—877) до нас не дошло никаких сведений, кроме того, что он был вишнуит, любил охотиться на слонов и в конце концов погиб на охоте. Похоже на то, что реальная власть при нем перешла к клану Притхивиндравармана, главнокомандующего при Джайявармане II. Этот талантливый плебей (в надписях говорится, что он не принадлежал к кшатрийскому роду) выдвинулся еще в начале правления Джайявармана II (впервые он упоминается в надписи 813 г. под именем Притхивинарендра) и вскоре породнился с царским родом [521, с.102]. Его сестра (или двоюродная сестра) стала женой Джайявармана II, а сам он женился на

принцессе, происходившей, как сообщают надписи, из «семьи, где цари наследовали друг другу» [465, с.105]. Джайяварман II, видимо, всецело доверял Притхивиндраварману, поэтому, став верховным царем Камбоджи, передал ему в управление свой родовой удел — царство Индрапуру [465, с.91].

После смерти Притхивиндравармана царем Индрапуры стал его сын Индраварман. В 877 г. после насильственной смерти Джайявармана III (вряд ли это был просто инцидент на охоте) Индраварман становится царем Камбоджи Индраварманом I (877—889).

Не исключено, что Индраварман I пришел к власти, опираясь на шиваитское духовенство, которое было несколько потеснено в правление Джайявармана III вишнуитами. Все надписи Индравармана I, за исключением одной, носят шиваитский характер. Единственное исключение — надпись в честь покойного Джайявармана III, который получил посмертное имя *Вишнулока* [465, с.97]. Поносить своих предшественников, пусть даже и свергнутых, не было в обычае камбоджийских царей. Наоборот, было принято всячески подчеркивать свое родство с ними, сколь бы отдаленным оно ни было.

В сущности, права Индравармана I на престол заключались в том, что он приходился Джайяварману III кузеном по женской линии. В одном месте уточняется, что он был троюродным племянником жены Джайявармана II [465, с.97]. Примерно такие же права на трон были у Михаила Романова, но Романовы пришли к власти только после того, как полностью вымерла предыдущая династия. Учитывая многоженство кхмерских царей, трудно предположить, что все потомство Джайявармана II вымерло естественным образом к 877 г. Гораздо более вероятно, что они умерли не своей смертью.

Индраварман I вошел в историю как энергичный, способный, но не в меру хвастливый царь. Его надписи пестрят такими пассажами:

«Творец, утомившись созданием столь многих царей, создал этого царя Шри Индравармана, чтобы его одного хватило на все три мира... Когда он взошел на трон... короны царей свалились с их голов и упали к его ногам, как звезды падают с неба при восходе солнца»

[465, с.104].

Индраварман I женился на принцессе Индрадеви²³, которая по женской линии возводила свою генеалогию к царю Пушкаракше, правившему в начале VIII в. в Шамбхупуре. Это должно было закрепить права Индравармана на северо-восточную часть Камбоджи с центром в Шамбхупуре, которая, видимо, только при нем окончательно вошла в состав Ангкорского государства [521, с.110].

Индраварман I вступил на трон пожилым человеком. Правление его длилось только 12 лет. Но за это время он успел обустроить и украсить столицу царства Харихаралайю, существенно улучшить ее водоснабжение. Сооруженный им огромный пруд Индрататака (укрепленный земляными плотинами водоем 3800×800 м) стал прообразом для всех будущих гидротехнических сооружений кхмерских царей.

В период дождей, когда реки переполняются, вода из верховьев р. Роулох по каналам перебрасывалась в Индрататаку, оттуда вода подавалась в ров, окружающий храм Прах Ко, затем в двойной кольцевой ров, окружающий центральный храм — гору Харихаралайю-Баконг, проходила по каналам через дворец царя, затем попадала в ирригационную сеть за городом, орошая рисовые поля, и, наконец, сбрасывалась в озеро Тонлесап. Большое внимание Индраварман I уделял храмовому строительству,

которое должно было увековечить память действительных и мнимых предков. Он первый из кхмерских царей возвел комплекс из шести храмов, посвященных предшественникам Индравармана I, с добавлением к имени каждого божеского детерминатива [465, с.104]. Такое возрождение несколько забытого культа предков явно имело целью пресечь разговоры о безродности нового царя.

Идею преемственности власти Индраварман I проводил и в своей кадровой политике. Он сохранил пост жреца Девараджи за Шукхашминдой (племянником основателя культа Шивакайвальи), который занимал этот пост при Джайявармане III. Уничтожив основную царскую линию, он продолжал сотрудничать с боковыми линиями царского рода. Он приблизил к себе брахмана Шивасому, который был внуком царя Джайендрадхипативармана²⁴. Может быть, он это сделал потому, что Шивасома не претендовал на царскую власть и даже формально перешел в жреческое сословие. Шивасома в молодости какое-то время жил в Индии, где он стал учеником знаменитого индийского философа и религиозного реформатора Шанкары (788—820). Индраварман I назначил его на пост гуру (царского наставника), один из самых важных постов в системе власти кхмерского общества [465, с.98].

Несмотря на преклонный возраст, Шивасома энергично взялся за дела и провел в стране религиозную реформу. О деталях ее в источниках не сообщается, но, надо полагать, это была реформа в духе той, которую проводил в Индии Шанкара. А реформа Шанкары сводилась к очищению индуизма от всех «наносных явлений» — тантризма, непристойных обрядов, а заодно и от человеческих жертвоприношений, которые хотя и не были «поздними

искажениями» индуизма, но тоже, по мнению Шанкары, нарушали чистоту религии. Главное же, Шанкара создал жесткую организационную структуру, объединив всех индуистских монахов в десять религиозных орденов с четко определенными функциями. А это было особенно важно для правительства Индравармана I, которое стремилось обеспечить стабильность общества именно за счет жесткой организации всех его структур.

Наряду с организационными мерами Шивасома, несомненно, приложил усилия к тому, чтобы идеологическое обоснование божественности царя (а царь был краеугольным камнем системы стабильности по понятиям того времени) выглядело максимально понятно и было доступно народу. В 881 г. в центре Харихаралайи была возведена облицованная песчаником искусственная латеритовая гора в форме пирамиды — Баконг [521, с. 167]. Этот храм-гора, впоследствии ставший мавзолеем Индравармана I, подобно мифической горе Меру, маркировал центр Вселенной, олицетворял самого царя и наглядно показывал кхмерам, где находится источник всех благих процессов в мире.

Все последующие кхмерские цари тоже стали строить по этому образцу искусственные горы — центры Вселенной. Что касается человеческих жертвоприношений на вершине горы или в других местах, о которых сообщалось в источниках VII в., то с ними, кажется, действительно было покончено. В источниках более позднего времени они как будто нигде не упоминаются.

Хуже было дело с истреблением всякого рода «непристойных обрядов», связанных с тантризмом, который в VIII в. широко распространился по Южной и Юго-Восточной Азии. Попытки вытеснить его вместе с

буддизмом махаяны, который проник в Камбоджу в конце VIII в., видимо, ничего не дали.

Уже в 886 г. в области к северо-западу от г.Убонратчатхани (совр. Таиланд) появляется буддийская махаянская надпись, упоминающая Индравармана I как правящего в это время царя [521, с.111]. Но особый размах распространение махаяны и других нетрадиционных (для этой страны) религий приняло в правление сына Индравармана I — Яшовармана I (889—около 912).

Яшоварман I, как и его отец, очень заботился о своем имидже. Из его надписей мы можем узнать, что он

«одним ударом меча... разрубил натрое большой железный прут, как если бы хотел наказать его за то, что он соперничает в твердости с его рукой»

[465, с.113].

Разумеется, всем, что положено знать и уметь царю, он обладал в самой наивысшей степени:

«Во всех науках и во всех видах спорта, в искусстве, в знании языков и письменностей, в танцах, пении и во всем остальном он (Яшоварман I) был так искусен, будто он их сам изобрел. Глядя на него, Создатель изумился и, казалось, сказал: „Зачем я создал себе соперника, сотворив этого царя“»

[465, с.113].

Несмотря на то что далеко не все его войны кончались победоносно²⁵, враждебные цари, разумеется, не смели и вздохнуть в его присутствии.

«При одном виде этого монарха, ослепительное сияние которого трудно выдержать, его враги опускали головы, говоря: „Этот олицетворяет солнце!“»

[465, с.113].

Особо подчеркивались социальные достижения Яшовармана I:

«Он так хорошо охранял землю, что ни один человек не мог пожаловаться другому на малейшую занозу, заставляющую его страдать»

[521, с.65].

«Несправедливость, побежденная этим царем, при котором расцвела справедливость, бежала неизвестно куда...»

[465, с.113].

Вместе с тем Яшовармана I очень заботила проблема легитимности. Не удовлетворившись генеалогией, составленной для его отца, он велел соответствующим специалистам нарисовать такое родословное дерево, которое увязывало бы его со всеми сколько-нибудь значительными персонажами кхмерской истории. И специалисты выполнили эту задачу с блеском, приписав в пращуре Яшовармана I даже Агастью, мифического индийского мудреца, принесшего, по преданию, цивилизацию в Южную Индию и Юго-Восточную Азию [465, с.61, 105, 107].

Такое изобилие «доказательств» могло быть вызвано, конечно, особенностями психики данного царя, но, скорее всего, существовали и объективные обстоятельства, какие-то подспудные течения, которые заставляли Яшовармана I быть постоянно настороже и постоянно самоутверждаться всеми возможными способами. Уже в самом начале своего правления молодой царь оказался перед выбором религиозной политики, которая в средневековых обществах практически совпадала с идеологией. С одной стороны, в стране существовала трехвековая традиция индуизма (преимущественно в шиваитской форме), твердо противостоящего буддизму. С другой стороны, в

последней четверти IX в. в Юго-Восточной Азии начались любопытные изменения в религиозной сфере. Стали формироваться синкретические формы религии, в которых индуизм стал сближаться с махаянским буддизмом на общей базе тантризма, персональной взаимосвязи с богом.

В традиционном индуизме и в традиционном буддизме в центре всей системы стоял закон кармы (воздаяния). Согласно закону кармы, все, что бы человек ни сделал плохого или хорошего, ему автоматически засчитывается, а сумма всех поступков с положительным или отрицательным результатом определяет судьбу человека в его следующих воплощениях. Иначе говоря, что бы с человеком ни случилось, он заслужил это сам. Такая теория, естественно, в первую очередь служила для объяснения социальной несправедливости. Но был в ней и другой аспект, можно сказать, гуманистический. Вера в то, что человек, пусть не сразу, а в далеком будущем может добиться всего собственными усилиями. Это, в сущности говоря, идеология переходного времени, когда личность уже освободилась от пут нивелирующего первобытного равенства, но еще не лишилась вновь всех степеней свободы в жестких рамках раннеклассового общества.

В Индии государству удалось довести свою власть до каждого человека лишь к середине I тысячелетия н.э. И как раз в это время, в V—VI вв. н.э., здесь начинает складываться новая религиозная теория, которую можно назвать *теорией бхакти*. Слово *бхакти* дословно означает «причастность», а расширительно «пылкая любовь» [521, с. 196]. Любовь следует испытывать к главному богу (например, к Шиве или Вишну), и эта любовь и преданность (а не добрые дела и безупречное моральное поведение) являются единственной гарантией успеха не только в будущих жизнях, но и в

нынешней, и даже немедленно. С точки зрения теории бхакти совершенно безразлично, как ведет себя человек. Он может попирать все правила и нормы данного общества, но если он достаточно предан богу, тот может лично для него отменить закон кармы и устроить его судьбу. А может и не устроить. Потому что любовь и преданность в отличие от конкретных поступков не поддаются количественному измерению и смертный никогда не может знать, доволен им бог или недоволен.

Такая теория, совершенно ясно моделирующая отношения человека с непредсказуемой деспотической властью, в VI—VII вв. была заимствована и буддизмом, с той лишь разницей, что здесь вместо богов предписывалось столь же преданно любить бодхисаттв. Такая общая платформа способствовала сближению двух религий, и после конфронтации VIII — начала IX в. буддизм махаяны и индуизм в Юго-Восточной Азии начали сближаться вплоть до образования своего рода смешанных религий под названием *шива-буддизм* и *вишну-буддизм*.

Первый эксперимент такого рода был, по-видимому, поставлен в Тямпе, когда там к власти пришел царь Индраварман II (около 870—895), основатель VI династии (около 870—972). При его покровительстве в 875 г. в Тямпе открывается первый большой буддийский монастырь [465, с. 107; 656, с.110]. Буддизм начинает развиваться параллельно с шиваизмом и индуизмом. Молодой Яшоварман, взойдя на трон, видимо, решил использовать тямский опыт в своей стране. При этом он начал дело с размахом, далеко обгоняя тямские начинания. В 889 г. в кхмерской эпиграфике происходит резкая смена шрифта. Вместо традиционного шрифта паллави появляется новый шрифт нагари, происходящий из царства Пала (Бенгал) — центра махаянского буддизма. Этот шрифт вошел в

употребление на Яве уже в конце VIII в. и был тесно связан с буддийскими памятниками [521, с.111]. В том же, 889 г. Яшоварман I приказал построить 100 монастырей — ашрам в разных частях Камбоджи для монахов и отшельников всех религиозных направлений. Это, конечно, был широкий шаг к религиозному примирению и, как теперь бы сказали, консенсусу. Достижение этих благих целей Яшоварман I, однако, не собирался пускать на самотек. Одновременно с учреждением новых монастырей он велел высечь на камне и расставить в соответствующих местах уставы шиваитских, вишнуитских и буддийских обитателей [804, с.25; 465, с.106; 521, с.113]. Все религиозные структуры должны были включиться в ткань жестко централизованного государства, которое взяло на себя роль арбитра по всем существенным вопросам.

Попытка Яшовармана I с ходу подчинить себе все духовенство, играя на противоречиях между различными религиозными номинациями, однако, не удалась. Уже пять лет спустя, в 894 г. шрифт нагари на кхмерских памятниках вновь сменяется шрифтом паллави [465, с.108; 521, с.111]. Ни господствующие шиваиты, ни вишнуитское меньшинство не захотели делиться доходами с буддистами. Впрочем, между собой они как-то договорились. В 893 г. в Камбодже вновь возводят храм почти забытому Харихаре (Вишну-Шиве), а большинство надписей Яшовармана I включает в себя призыв к Тримурти («Троице» — Вишну, Шиве, Брахме) [465, с.107—108].

Главной заслугой Яшовармана I справедливо считают строительство новой столицы, которую он назвал в свою честь Яшодхарапурой. В позднем средневековье этот город стали называть просто *Ангкор* («столица»), отсюда и бытующее в исторической науке название *Ангкорская Камбоджа*, обозначающее Кхмерское государство в IX—XV вв. Яшодхарапура — Ангкор с

самого начала строилась с большим размахом и в течение многих столетий перестраивалась и украшалась многими кхмерскими царями. При Яшовармане I новая столица представляла собой правильный квадрат со стороной 4 км. В геометрическом центре города на естественном холме высотой в 65 м был воздвигнут храм царской линги — Пном Бакхенг. Сам холм был облицован каменными плитами и окружен рвом и дамбой размером 440×650 м. Вся столица была окружена двойным поясом земляных валов, разделенных 200-метровым рвом [271, с.167]. К западу от Яшодхаратуры был построен проточный бассейн Яшодхарататака (или Восточный Барай) площадью 7000×1800 м и глубиной 5 м. Он был частью сложнейшей системы гидротехнических сооружений, при создании которой даже русло р. Сиенреап было отодвинуто к востоку на 2 км. Эта система обеспечивала водой население многолюдной столицы, а также ирригацию полей всего Ангкорского района. По некоторым сведениям, в эту эпоху здесь снимали четыре урожая в год.

Рисовая чаша Ангкорской равнины позволяла мобилизовать на гигантское престижное строительство сотни тысяч людей, не подрывая при этом экономику страны, но результаты перенапряжения сказались при наследниках основателя Ангкора. После смерти Яшовармана I (не позже 912 г.) на престол взошел его старший сын Хариварман I. Примерно в это же время, в 911 г., основание Пагана царем Пьинбья (Ньяун-у Сораханом) положило начало независимому Бирманскому государству, которое вскоре окончательно пресекло дальнейшую экспансию Кхмерской империи на запад. Военные неудачи на западе сочетались с военными неудачами на севере. Если Верхняя Ченла (Бхавапура) и была временно завоевана при Яшовармане I, то теперь она вновь выступает как

самостоятельное государство. Начало сказываться и перенапряжение сил при интенсивном строительстве, которое вел Яшоварман I. Лагерь недовольных возглавил Джайяварман, муж сестры Яшовармана I. При распространенном в Камбодже матрилинейном принципе наследования его притязания на трон были обоснованы не хуже и не лучше, чем у многих других кхмерских царей.

В 921 г. Джайяварман поднял восстание и с ходу захватил столицу. Однако сторонники легитимной власти быстро опомнились, собрались с силами и выбили узурпатора из Яшодхарапуры. Джайяварман отступил от столицы примерно на 80 км и здесь, укрепившись в районе современного города Кох, короновался под именем Джайявармана IV и начал строить себе столицу, которую назвал *Лингапура*. Северные районы Камбоджи поддержали Джайявармана IV, и противостояние длилось семь лет. За это время Харивармана I успел сменить его брат Ишанаварман II (около 925—928), а Джайяварман IV в значительной степени отстроил свою новую столицу. Поэтому, когда в 928 г. Ишанаварман II каким-то образом исчез со сцены (то ли был убит, то ли умер своей смертью), а других претендентов на трон не оказалось, Джайяварман IV не стал возвращаться в Яшодхарапуру, а остался в Лингапуре, поставив себе цель сделать свою столицу шикарнее творения Яшовармана I. Площадь Яшодхарапуры составляла 16 кв. км; новая столица Джайявармана IV заняла 35 кв. км. Это был самый крупный город, построенный в Камбодже до нового времени. Центральный комплекс Лингапуры имел размер 600×150 м. С западной стороны была построена ступенчатая пирамида Пранг с основанием 62×62 м и высотой тоже 62 м. Сооружение венчала огромная линга высотой 4,5 м и весом более 24 т. Вне стен Лингапуры было сооружено около 30

архитектурных ансамблей и отдельных памятников. Внутри самого города было построено более 40 огражденных и неогражденных храмов [271, с.168]. Вся эта гигантская работа была проделана примерно за два десятилетия.

Экстравагантная внутренняя политика сопровождалась не менее экстравагантной внешней. В конце своего правления Джайяварман IV решил напасть на Шривиджайю. Экспедиция кончилась полным провалом. Как сообщает сингальская надпись середины X в., при этом кхмерский царь был убит. Сменивший Джайявармана IV Харшаварман II (941—944) был еще ребенком и на троне долго не усидел. Так за неполные полтора века существования Ангорской Камбоджи прекратилась третья по счету династия.

Основателем четвертой династии стал юный Раджендраварман II (944—968), которого посадил на опустевший трон его отец Махендраварман, царь Бхавапуры. Матерью Раджендравармана II была Махендрадеви, если верить надписям, старшая сестра Яшовармана I, т. е. женщина в немалых годах. Так или иначе, право Раджендравармана II на престол никто не оспаривал. Может быть, потому, что Камбодже, обессиленной после диких строек и диких походов Джайявармана IV, личная уния, которой Раджендраварман II связал бывшую Нижнюю Ченлу с Верхней, представлялась приемлемым выходом из тяжелого положения. И действительно, через год после того как несовершеннолетний Раджендраварман II взошел на престол, началась война с Тямпой. Войсками, скорее всего, командовал отец царя — Махендраварман. Тямпа потерпела в этой войне полное поражение. Царь Тямпы Индраварман III (около 911—972) в своей надписи с горечью констатировал, что кхмеры в 945 г. разрушили главный храм страны По Нагар и унесли оттуда золотую статую богини

Бхагавати, которую он сам в 918 г. подарил храму [691, с.66]²⁶. Камбоджийская надпись этого времени говорит о том, что столицу Тямпы, оборонительным рвом для которой служило море, кхмерские войска превратили в пепел [465, с. 126].

Эта успешная война, по-видимому, была единственной в правление Раджендравармана II. Достигнув совершеннолетия, он стал серьезным и трудолюбивым правителем с высоким чувством ответственности. Надписи сообщают, что он работал даже по ночам, лично участвовал в судебных заседаниях и всегда мог различить оговор, когда обвиняли невинного [691, с.65]. Храмовое строительство при Раджендравармане II, как и при его сыне Джайявармане V (968—1001), велось в весьма ограниченных размерах. Лингапура с гигантскими памятниками, частью так и недостроенными, была заброшена. Столицей вновь стала Яшодхарапура. Бремя налогов и повинностей податного населения уменьшилось. Вторая половина X в. стала временем максимального расцвета Ангкорской Камбоджи.

В религиозной области в это время продолжалось постепенное движение к своего рода консенсусу всех религий. Одна из надписей, посвященных Раджендраварману II, сообщает любопытную деталь программы обучения юного царя:

«Ничто не может сравниться с полнотой его добродетелей. Изучив буддийскую доктрину, он не приобрел фальшивых (ложных) идей, даже под влиянием других законоучителей»

[465, с.131].

Сдержанное неодобрение автора надписи — индуиста, как и надежда на то, что изучение ложной доктрины не пошло во вред мудрому царю, не могло, однако, отменить того факта, что буддизм при

Раджендравармане II получил широкое распространение. В надписях этого времени встречаются обращения к Будде, бодхисаттвам, Ваджрапани, Праджнапарамите. Буддистом был один из министров Раджендравармана II, Кавиндрариматхана. Совместно с царем он построил ряд буддийских святилищ. Кавиндрариматхана первым стал возводить культовые сооружения, посвященные одновременно и Шиве, и Будде. В это же время в Камбодже распространяется вишну-буддизм [465, с.31, 33; 521, с.119].

Синкретизм индуизма и буддизма получил дальнейшее развитие в царствование Джайявармана V (968—1001), который, как и его отец, взошел на трон ребенком. Тогда большим влиянием стал пользоваться министр Киртипандита, буддист с экуменическим направлением мыслей. Надпись сообщает:

«Он привез из чужеземных стран великое множество книг по философии, трактаты и комментарии к учению махаяны»

[465, с.139].

В связи с этим Джайяварман V издал указ, что каждый пурохита (индийский жрец) должен знать основы буддийского учения и по праздничным дням купать изображения Будды и читать буддийские молитвы [465, с. 139]. Синкретизм индуизма и буддизма был, таким образом, закреплен уже на официальном уровне.

Ангкорская Камбоджа в XI—XIII вв.

Спокойное течение жизни в Камбодже резко переменилось на рубеже X и XI вв. В 1001 г. Джайяварман V умер, странным образом, не оставив прямых наследников. Может быть, они и были, но дошедшие до нас надписи ни словом не обмолвились об этом. Более того, вдруг оказалось, что в Камбодже нет ни одного принца, достаточно близкого по родству Джайяварману V, чтобы претендовать на трон царя.

Новый царь Удайдитьяварман I (1001—1002), человек удивительной биографии, приходился племянником жене Джайявармана V (перед нами опять претендент типа Михаила Романова).

Кто был его отец — неясно. Удайдитьяварман правил недолго и не успел обзавестись соответствующей генеалогией. Но, судя по всему, отец Удайдитьявармана принадлежал к окружению Раджендравармана II и погиб во время неизбежной смены кадров при малолетнем Джайявармане V. Около 970 г. мать Удайдитьявармана (сокращенно — Удаяны), старшая сестра жены Джайявармана V, опасаясь за жизнь своих сыновей — ребенка Нарапативиравармана и еще не рожденного Удаяны, бежала из Камбоджи на Восточную Яву. Ее сыновья, таким образом, выросли при дворе царя Восточной Явы (Матарамы) Дхармавамсы или вассального царя Бали, имя которого не сохранилось. В 989 г. Удаяна женился на яванской принцессе Махендрадатте, внучке знаменитого Синдока, имевшей какие-то права на трон Бали, и стал вместе с ней управлять этим островом [461, с.651]. Около 991 г. у них родился Эрлангга, будущий национальный герой индонезийской истории.

В 992 г. царь Дхармавамса, начав осуществлять имперскую политику, напал на Шривиджайю. Первые

годы войны решительный перевес был на стороне Матарама. Шривиджайя даже обратилась к Китаю с просьбой принять ее в свои вассалы, лишь бы император Тай-цзун избавил ее от яванской агрессии [36, с.156; 747, с.73]. В 1003 г. шривиджайский царь Чуламаниварман все еще заискивал перед китайским императором [747, с.74; 928, с.250]. Перелом в войне произошел позже. Поэтому в 1001 г. Удаяна, владетельный князь, близкий к победоносному царю Матарама, был вполне приемлемой кандидатурой для приглашения на царский трон. Кто именно пригласил его прибыть в Камбоджу, неясно, но бесспорно, что его опорой в стране было шиваитское духовенство, несколько потесненное при двух последних царях буддийским духовенством и не желавшее принимать религиозные нововведения Раджендравармана II и Джайявармана V. Религиозная политика Удайдитьявармана I и сменившего его Джайявиравармана (1002—1011) носила отчетливо шиваитский характер. Поскольку главным антагонистом Явы—Матарама была махаянистская Шривиджайя, неудивительно, что принцы, прибывшие оттуда, занимали именно такую религиозную позицию.

Несмотря на поддержку могущественного шиваитского духовенства, воцарение новой, пятой по счету династии не обошлось без вооруженной борьбы. В надписи, датированной 1001 г., говорится о победах генерала Нарапативиравармана (брата Удайдитьявармана I). Поскольку Камбоджа в это время не вела никаких внешних войн, победы эти могли быть только над вооруженной оппозицией [465, с. 148]. Оппозиция братьям, прибывшим с Явы, этим не ограничивалась. Противники новой династии, ядро которых наверняка составила буддийская партия, и сторонники религиозного консенсуса уже в следующем году нашли своего кандидата на престол. Это был

принц Сурьяварман, сын князя Тамбралинги Суджитты и женщины из влиятельного кхмерского рода Саптадевакула, имевшего сильные позиции в Юго-Восточной Камбодже. Род Саптадевакула принадлежал к шиваитскому духовенству, но выдвинулся только при Раджендравармане II, и более древние и могущественные жреческие роды не давали ему должным образом развернуться.

Тамбралинга (Лигор, совр. Накхонситхаммарат) была традиционно буддийским княжеством, которое в VIII в. вошло в состав Шривиджайи. В 90-х годах IX в., после разгрома Шривиджайи Матарамом, Тамбралинга вновь стала независимым государством. Ее князь Суджитта, человек энергичный и одаренный, благодаря хитроумной уловке захватил в 1000 г. власть над таиландским царством Лавапура²⁷. На гребне этого успеха он и получил приглашение оппозиции в Камбодже послать своего сына попытать счастья в борьбе за кхмерский трон.

В 1002 г. Сурьяварман прибыл в Восточную Камбоджу и, закрепившись в районе, контролируемом его сторонниками, начал постепенно расширять его на запад. Одновременно начались военные действия на западной границе Камбоджи. Здесь, в контактной зоне с монскими государствами Таиланда, всегда исповедовавшими буддизм, раньше всего появились буддийские памятники и, по-видимому, существовало значительное буддийское население. Здесь гражданская война с самого начала приняла особо жестокую, религиозную форму. Надписи более позднего времени пестрят упоминаниями о реставрации шиваитских храмов, разрушенных во время этой войны.

Двойной натиск с запада и востока создал столь серьезную угрозу для новорожденной пятой династии, что Удайдитьяварман I счел за благо сложить с себя

обязанности царя и передать корону своему старшему брату Нарапативираварману, опытному полководцу, и тот стал царем под именем Джайявираварман (1002—1011). Трон Камбоджи с самого начала был предложен не ему, а младшему брату, очевидно, лишь потому, что он не был женат на яванской принцессе и не был владетельным князем Бали. Л.П.Бриггс полагает, что Удайдитьяварман I (Удаяна) после этого вернулся на Бали. Однако надписи Удаяны на Бали, прервавшись в 1001 г., возобновляются только в 1011 г. [465, с.148]. Похоже, что экс-царь Удаяна лояльно оставался с братом до конца, а потом они вместе вернулись в Индонезию. Не исключено также, что часть детства и отрочества Эрлангги прошла в охваченной гражданской войной Камбодже и он уже тогда получил необходимую закалку для ждавших его удивительных перипетий.

Война, в которой ни одна из сторон не имела решительного перевеса, затянулась на девять лет. Решающим годом стал 1006-й — год катастрофы царства Матарам. В этом году войска Шривиджайи взяли штурмом столицу Матарама. Царь Дхармавамса был убит. Юный Эрлангга, приехавший, чтобы жениться на дочери Дхармавамсы, еле успел спастись из пылающего города и укрыться в джунглях. Потеря мощного союзника сразу сказалась на делах шиваитской партии в Камбодже. Из надписи начала 1006 г. мы узнаем, что царь Джайявираварман в это время все еще находился в столичном дворце «Четырех священных Дверей». А надпись конца 1006 г. сообщает, что в этом дворце уже расположился Сурьяварман I [465, с. 146].

Окончательное замирение Камбоджи произошло только в 1011 г. Видимо, упорный Джайявираварман и его сторонники продолжали борьбу в разных районах страны. Только в 1010—1012 гг. братья признали борьбу безнадежной и вернулись на Бали. По мнению

Ф.Д.К.Босха, именно старший брат, который в Индонезии вернулся к своему прежнему имени Нарапативираварман (или Нороттама), помог своему младшему брату Удаяне отвоевать Бали, а после смерти Удаяны в 1022 г. связал свою судьбу с племянником Эрланггой и одержал для него ряд важных побед [461, с.543].

Добившись нелегкой победы, Сурьяварман I не стал сводить счеты с побежденной партией традиционным для восточных монархов путем. Главной целью своей политики он поставил национальное примирение. Оставаясь до смерти сторонником махаяны (его посмертное имя было Нирванапада), он помогал Шивачарье, главе рода Шивакайвальи, со времен Джайявармана II осуществлявшего культ Девараджи, реставрировать разрушенные гражданской войной шиваитские храмы. Он не лишил престарелого Шивачарью его высокого поста, но когда тот умер (вскоре после 1008 г.) и главой клана Шивакайвальи стал его младший брат Садашива, Сурьяварман I ловко отстранил его от руководства культом Девараджи. Своей царской властью он перевел его из религиозного сословия в светское, женил на сестре царицы Виралакшми и назначил министром общественных работ. Руководство же религиозными делами перешло в руки родни Сурьявармана I — клана Саптадевакула [465, с. 150].

После смерти Суджитты (не позднее 1022 г.) Сурьяварман I стал также царем Лавапуры и Тамбалинга. В его надписях, найденных на территории Центрального Таиланда, упоминаются брахманы-вишнуиты, сторонники буддизма махаяны и хиньяны. Все они пользовались равным покровительством Сурьявармана I [465, с.159—169; 521, с.137].

Стремясь расширить границы своей империи, Сурьяварман I несколько раз пытался захватить царство

Харипунчайя в Северном Таиланде, но каждый раз эти попытки кончались неудачей. На юге дальнейшей экспансии Камбоджи препятствовала Шривиджайя, резко усилившаяся после разгрома царства Матарам. Из потенциального союзника Сурьявармана I она превратилась в серьезного соперника, и уже в 1012 г. Сурьяварман I посылает посольство в Индию к могущественному царю чолов Раджарадже I (985—1014) с предложением заключить союз против Шривиджайи. Раджараджа I, видимо, отклонил это предложение. Но его сын Раджендра I (1014—1044) в 1025 г. действительно обрушился с огромным флотом на Шривиджайю, взял в плен ее царя и подчинил себе помимо запада Индонезии значительную часть Малайи. При этом наряду с владениями Шривиджайи на Малаккском п-ове он захватил и родовое владение Сурьявармана I Тамбралингу, которая в его надписях носит многозначительное название *Великая Тамбралинга*. Сурьяварман I, однако, несколько лет спустя вернул ее назад. Тамбралинга оставалась под кхмерской властью до 20-х годов XIII в. [465, с.159; 521, с.142—143].

В 1030 г. Сурьяварман I обеспечил свой восточный фланг, заключив союз с Тямпой против Вьетнама [465, с. 160]. И хотя военный успех в этом противостоянии большей частью был на стороне Вьетнама, вьетнамские войска при Сурьявармане I до камбоджийской территории не доходили. В последние годы жизни Сурьяварман I пытался овладеть Южной Бирмой, но растущее государство Паган в лице энергичного царя Анируды (1044—1077) пресекло эти планы [586, с.92—93].

После смерти Сурьявармана I царем стал Удайдитьяварман II (1050—1067), по одной версии его сын, по другой — неизвестно кто [465, с.169]. Он резко изменил курс религиозной политики. Был восстановлен

культ девараджи. Правда, старые жреческие роды к власти не вернулись. Удайдитьяварман II осыпал новыми почестями главу клана Шивакайвалья Садашиву, но, как и Сурьяварман I, предпочитал держать его у себя на глазах. Главой культа девараджи Удайдитьяварман II назначил Шанкарапандиту, главу клана Саптадевакула, который и при Сурьявармане I был главой государственного культа (но тогда — с буддийским уклоном) [465, с.166—168; 521, с. 137].

Гонения на буддизм [465, с. 175] и общая нестабильность положения в стране, какая бывает при перемене власти, стали причиной народных восстаний и сепаратистских мятежей уже в самом начале правления Удайдитьявармана II. Почувя легкую наживу, стал агрессивен бывший союзник Тямпы. В 1051 г. войска царя Джайя Параметишвары вторглись в Восточную Камбоджу и нанесли ряд поражений войскам Удайдитьявармана II. Тямский командующий ювараджа (наследник престола) Махасенапати взял штурмом древний кхмерский центр Шамбхупуру и разрушил в нем все храмы. Захваченные сокровища он передал храмам тямской столицы. Им же он отдал в качестве храмовых рабов всех кхмерских военнопленных [691, т.1, с. 155]. Это был запоздалый реванш за кхмерский набег 945—946 гг.

Вслед за этим основное войско Тямпы ушло, но в том же году некий Аравиндхарада при поддержке Тямпы овладел всем югом Камбоджи. На западе в это время активизировался Анируда, который, согласно некоторым хроникам, временно подчинил себе монские царства Таиланда [465, с. 165]. Критическое положение, создавшееся из-за некомпетентной политики молодого царя, выправил талантливый кхмерский полководец Санграма. Он разгромил Аравиндхараду, и тот бежал в Тямпу [465, с. 168—169]. Ход операций на западе в надписях не отражен, однако Лавапура довольно скоро

вернулась в состав Кхмерской Империи. Из всех монских земель Анируде удалось прочно удержать только царства Пегу и Татон в Южной Бирме.

Некоторая стабилизация, достигнутая в Камбодже к середине 1050-х годов, однако, была недолговечной. В 1066 г. началась новая цепь восстаний, еще более грозных, чем прежде. Первое восстание возглавил генерал Камвау, человек, стоявший высоко на иерархической лестнице и приближенный к царю. Удайдитьяварман II, видимо, крайне болезненно реагировал на эту измену и поэтому приказал придворному летописцу особенно подчеркнуть прежнее величие мятежника, чтобы оттенить этим его жалкий конец.

Надпись сообщает:

«Ослепленный блеском своего величия и замышляя в своем сердце погубить того, чьему могучему покровительству он был обязан своим величием, он (Камвау) однажды выступил из своего города с войсками. Силой своего тела, своими превосходными руками, своей предусмотрительностью, своей мощью, он был способен подчинить себе весь мир. Его войска, отличающиеся великой доблестью, могучими руками и не раз испытанным героизмом, двигались без числа, заняв все точки горизонта, и никто не мог видеть, где кончается это войско. Со своими стремительными, прекрасно вооруженными легионами, стремясь победить всех богов, хотя он (Камвау) был лишь смертный, он мчался по земле, как Равана, к тому месту, где его ждал наш герой (генерал Санграма. — Э.Б.)»

[465, с. 175].

После этого эпического вступления надпись рассказывает, как Удайдитьяварман II посылал против Камвау многих своих великих полководцев. Но тот всех

победил, «...преследуя и окружая их на поле битвы под гром победы» [465, с. 175]. После этого Камвау подступил к стенам столицы. Одним из последствий этих военных действий французский историк А.Барт считает сломанные линги в провинции Ангор к северо-западу от столицы. По его мнению, причиной восстания было недовольство гонениями на буддизм [452, с.174]. Нельзя, однако, забывать, что практически все революционные движения средневековья имели религиозную форму и в религиозном противостоянии всегда проявлялись материальные интересы конкретных социальных групп. А массовыми эти движения становились, когда существовало серьезное недовольство масс условиями своей материальной жизни. Лидеры разных идейных направлений придавали этому неудовлетворенному материальному интересу идеальную форму, но это не меняло того факта, что сытых крестьян крайне трудно было втянуть в теологические споры. Надпись о восстании Камвау заканчивается конечным торжеством Санграмы, который, принеся жертву в храме Шивы, наконец сразил вождя мятежников на поединке с луком и стрелами (точь-в-точь как герои «Махабхараты»), и войско Камвау тотчас разбежалось. Но испытания камбоджийской монархии на этом не закончились. В 1067 г. на окраине страны вспыхнуло новое, еще более грозное восстание, во главе которой встали некий Слуат и его брат Сашантибхувана.

«Оба они, гордые своей силой, своими стремительными войсками, превосходили в битве самого Камвау. Это был поток людей, подобных Кали (богине смерти. — Э.Б.)»

[465, с. 175].

Санграма нанес поражение и этим мятежникам, Слуата убил, а его брата и других командиров обратил в

бегство. Удайдитьяварман II высоко оценил заслуги Санграмы и предложил ему оставить себе все трофеи и пленных (по обычаю все это принадлежало царю). Но богобоязненный Санграма снова вручил эти трофеи царю уже не как главе государства, а как богу, сказав при этом:

«Соблаговолите отдать эти трофеи Вашему невидимому Я, которое есть Ишвара, заключенный в золотой линге, и моя верность принесет свои плоды»

[465, с. 176].

Несмотря на триумфальный характер этой надписи, это последнее упоминание об Удайдитьявармане II. В том же году царем стал его брат Харшаварман III (1067—1080). Надпись, посвященная Харшаварману III, дает ему высокую оценку как умиротворителю страны:

«Народу, который прежде пожирала лихорадка, вызванная яростью Кали, этот монарх, соединивший в себе в невероятной степени суть всех способов достижения успеха, обеспечил мир, строго соблюдая долг четырех варн»

[465, с. 183].

При Харшавармане III в Камбодже действительно наступило затишье, но ненадолго. В 1074 г. он ввязался в войну с Тямпой и потерпел жестокое поражение. В 1076 г. он примирился с Тямпой и вместе с ней и Китаем напал на Вьетнам. И эта акция кончилась поражением [521, с. 152]. Клан Саптадевакула во главе с Шанкарапандитой, как и при двух предыдущих царях шестой династии, контролировал культ девараджи и многое другое в стране. Харшаварман III, как и его брат, оказывал поддержку только шиваитскому духовенству, что в конечном счете опять развязало религиозную смуту. В 1079 г. Харшаварман III возвел несколько новых храмов Шивы, дав им земли и богатое содержание

(разумеется, за счет кого-то; фонд удобных земель к тому времени был уже исчерпан). Это стало последней каплей, которая переполнила чашу терпения оппозиции. Антишиваиты бросили новые статуи Шивы с пьедесталов. Началась новая гражданская война, в итоге которой пала династия Сурьявармана I, шестая по счету [465, с.177—178].

В 1080 г. Камбоджа фактически распалась на две части. Одна часть признавала царем Джайявармана VI (1080—1107), владетеля вассального княжества Махиндрапура (Восточный Таиланд). Другая часть признавала царем Нрипатиндравармана (1080—1113), который приходился какой-то родней Харшаварману III и удерживал Ангкорский район [521, с. 153].

Джайяварман VI, основатель седьмой династии, был первым царем, который не пытался увязать свою генеалогию с прежними правителями страны. Он и его наследники откровенно опирались на право завоевателя. Джайяварман VI контролировал главным образом запад и север Кхмерской империи. Он умер в 1107 г. Не имея детей, Джайяварман VI в свое время завещал престол младшему брату Юварадже, но тот умер около 1092 г. В результате царем стал старший брат Джайявармана VI Дхараниндраварман I, который, если верить его надписи, мало интересовался политикой [465, с. 183]. Эта надпись гласит:

«...Дхараниндраварман, не желавший царской власти, когда царь, его младший брат, вернулся на небеса, из простого сострадания и уступив мольбам людского множества, оставшегося без защитника, стал править землей с благоразумием и осторожностью»

[465, с.183].

Эта надпись весьма напоминает официальную информацию об избрании Бориса Годунова, хотя полностью исключить искренность автора нельзя. Цари

и принцы, добровольно уходившие в монахи или отшельники, не такая уж редкость в средневековой Юго-Восточной Азии.

В 1113 г. процесс раздробления Камбоджи закончился. К власти пришел Сурьяварман II (1113—1150), приходившийся Дхараниндраварману I внучатым племянником по женской линии. Он покончил и с Нрипатиндраварманом, который сидел в Ангкоре, и с «безымянным царем», правившим на юге (имя его до нас не дошло), и с собственным родственником. Он разбил войска Дхараниндравармана I в однодневной битве и лично убил самого царя. Надпись сообщает:

«Он перескочил на голову слона вражеского царя и убил его, как Гаруда, слетевшая с вершины горы, убивает змею»

[52, с. 159].

Упоминание Гаруды в этом тексте вряд ли случайно. Гаруда — это птица, на которой путешествует Вишну. Как раз в это время в Индии распространилось учение религиозного реформатора Рамануджи, обновившего вишнуизм. И Юго-Восточная Азия, всегда чуткая к новым веяниям из Индии, быстро откликнулась на него. Вишнuitами стали яванские цари, вишнуизм получил некоторое распространение в Бирме, вишнuitом стал и Сурьяварман II [521, с.162]. Знаменитый храм Ангкор Ват, одно из самых крупных религиозных сооружений в мире, был построен Сурьяварманом II в честь Вишну, с которым он себя отождествлял. Центральное святилище высотой 65 м было построено на квадратном постаменте площадью 75×75 м и высотой 13 м. Этот постамент стоял на площади размером 100×115 м. Центральное святилище окружала стена из крытых галерей с башнями по углам. Следующая стена окружала двор площадью 850×1000 м. Весь комплекс занимал площадь 2,5 кв. км и был окружен рвом

шириной 200 м. Вершины всех девяти основных башен были облицованы золотом. В центральном святилище находилась золотая статуя Вишну верхом на Гаруде [271, с.41]. Смены религиозных ориентаций повлекли за собой «смену караула». Имена древних жреческих родов, которые веками руководили идеологией Камбоджи, исчезают из надписей.

Укрепив свое положение в стране, Сурьяварман II возобновляет имперскую политику прежних царей. Государство Лавапура, которое во время «троецарствия» в Камбодже вернуло себе независимость и успело послать в Китай по крайней мере одно посольство (1115 г.), вновь было поглощено Кхмерской империей. Продвигаясь дальше на запад, Сурьяварман II вступил в конфликт с царством Паган. Великий царь-полководец Пагана — Чанзитта умер в том же году, когда Сурьяварман II захватил власть, а его внук Алаунситу (1113—1165), видимо, не представлялся Сурьяварману II серьезным противником, тем более что он увеличил свой военный потенциал за счет привлечения тайских воинов. Таи в это время начали постепенно заселять современный Северный Таиланд. Однако войска Сурьявармана II если и имели успехи на этом фронте, то только временные. Дело окончилось сохранением статус-кво.

В 1120-х годах Сурьяварман II начинает широкомасштабные военные действия на восточных границах своего царства. В 1128 г., предварительно заручившись поддержкой Китая, он в союзе с царем Тямпы Хариварманом V, затевает войну с Вьетнамом, которая длилась четыре года, принося союзникам только поражения. В 1136 г. царь Тямпы не выдержал и запросил мира. Он направил к царю Вьетнама Ли Тхан Тонгу послов с данью и разорвал союз с Камбоджей [465, с.190; 521, с.160; 691, с.94, 95].

Упорный Сурьяварман II решил продолжить войну в одиночку. Кхмерские войска долго пробивались по горным дорогам в Провинцию Нгеан, неся большие потери из-за плохого снабжения и болезней. Когда же они наконец достигли цели, солдат осталось так мало, что их пришлось срочно эвакуировать [465, с.190]. После этого Сурьяварман II, оставив в покое Вьетнам, стал собирать силы для борьбы с Тямпой. В 1145 г. он вторгся в эту страну и взял штурмом ее столицу — Виджайю. Правивший тогда в Тямпе царь Джайя Индраварман VI (1139—1145) то ли пал на поле боя, то ли скрылся. Больше о нем никто не слышал. Сурьяварман II посадил в качестве марионеточного царя своего шурина — тямского принца Харидеву [521, с. 160; 691, с.95].

Ставленнику кхмерского царя, однако, подчинилась только северная часть Тямпы. В южной части со столицей в Пандуранге укрепился местный царь — Рудраварман Парамабрахмалока (1145—1147), потомок царя Парамабодисатвы, правившего в XI в. А когда Рудравармана удалось каким-то образом устранить, народ Пандуранги призвал на царство его сына — принца Ратнабхумивиджайя, который принял тронное имя Джайя Хариварман VI (1147—1162). В том же году Сурьяварман II послал в Южную Тямпу своего лучшего генерала Шанкару. Войска кхмеров и тямов встретились у деревни Фанранг. Джайя Хариварман VI одержал решительную победу и приказал высечь рассказ о сражении на расположенной рядом скале Батау Таблах. В этой надписи, в частности, сообщается, что Шанкара и все остальные камбоджийские генералы пали на поле битвы [691, с.96—97].

Едва оправившись от этого поражения, Сурьяварман II послал в 1148 г. в Тямпу новую армию, судя по тямской надписи, «в тысячу раз сильнее первой» [691, с.97]. Но и эту армию Джайя Хариварман VI сумел

разгромить на равнине Вирапура. После этого он перешел в контрнаступление и освободил Виджайю. Харидева бежал в Камбоджу. Тогда Сурьяварман II в третий раз набрал армию и послал ее в Тямпу, чтобы водворить Харидеву на прежнее место. Но Джайя Хариварман VI разбил и эту армию. Харидева пал на поле боя. Победитель в том же, 1149 г. торжественно короновался как царь всей Тямпы. У Сурьявармана II, видимо, больше не осталось войск для проведения имперской политики. Но он и тут не унялся, а разными посулами побудил горцев кирата, живших на западной границе Тямпы, провозгласить царем брата жены Джайя Харивармана VI — Ваншараджа, которого он также склонил к измене [681, с.97—98].

Горцы во главе с Ваншараджей восстали, но и это уже не могло помочь Сурьяварману II. Характерно, что претендент Ваншараджа, потерпев в конце концов поражение, бежал не в Камбоджу, а во Вьетнам. Камбоджа, разоренная «железной волей» Сурьявармана II, который не жалел никаких расходов для поддержания ее величия, уже потеряла для него всякую привлекательность. Сам Сурьяварман II в 1150 г. умер, скорее всего, не своей смертью.

Царем Камбоджи стал Дхараниндраварман II (1150—1160), человек с сильно запутанной генеалогией, но явно не близкий родственник Сурьявармана II. Всего из 28 царей Ангорской Камбоджи только семь наследовали своим отцам. Команда Дхараниндравармана II, пришедшая вместе с ним к власти, опиралась на буддийское духовенство, поэтому в религиозной политике государства снова произошел резкий поворот. Население, которое почти 40 лет несло тяготы грандиозного вишнуйского строительства Сурьявармана II, приглашали теперь на строительство новых монументов во славу буддийской религии.

Терпения народа хватило еще на одно десятилетие, а потом запылала крестьянская война.

Яшоварману II (1160—1165), который, по осторожному предположению Л.П.Бриггса, может быть, был сыном Дхараниндравармана II [465, с.205], в самом начале своего правления пришлось иметь дело с мощнейшим восстанием, для описания которого летописцы прибегли к самым сильным мифологическим сравнениям:

«Когда Бхарата Раху (мифическое чудовище. — Э.Б.), стремясь захватить священный дворец, обнаружил дух измены против царя Шри Яшовармана, все войска столицы бежали»

[465, с.206].

По мнению ряда историков, под псевдонимом Раху скрывается вождь крестьянского восстания, человек безродный, в котором существенно не имя, а его злобная сущность, уподобляющая его чудовищу, которое проглотило Солнце и Луну. Надпись об этом восстании выразительно рассказывает, как все, включая жизнь царя, висело на волоске, но в последнюю секунду Яшоварман II исхитрился и нанес Раху удар в нос, от которого злодей упал [465, с.206]. С этим восстанием власти, стало быть, справились. Но смута в стране продолжала разгораться. В 1165 г. Яшоварман II пал жертвой очередного восстания и трон захватил чиновник Трибхуванадितьяварман (1165—1177), не имевший уже никакого отношения к кшатрийским родам. Два года раньше другой узурпатор — Джайя Индраварман VII (1163—1180), безродный авантюрист, захватил трон Тямпы. Оба узурпатора стремились к самоутверждению, поэтому им рано или поздно суждено было столкнуться. Первое столкновение произошло в 1167 г., следующее в 1170 г. Наконец, в 1177 г. Джайя Индраварман VII со своим

флотом по речно-озерной системе поднялся до Ангкора и взял столицу, которую кхмерские цари в годы прежних побед не позаботились серьезно укрепить. Ангкор—Яшодхарапура была дочиста разграблена. Трибхуванадитья попал в руки тямского царя, который велел его убить, «не слушая никаких предложений» [717, с.557].

Страна погрузилась в хаос анархии. В течение нескольких лет в Камбодже не было царя, хотя претендентов, видимо, хватало.

Последний великий царь Ангкорской Камбоджи — Джайяварман VII (1181 — около 1219) был сыном Дхараниндравармана II и родился около 1125 г. Если верить камбоджийским летописцам, то после смерти отца в 1160 г. он почему-то не реализовал свое законное право на престол, а добровольно уступил его дальнему родственнику Яшоварману II, сам же, опять-таки добровольно, эмигрировал в Тямпу. Когда Трибхуванадитья в 1165 г. восстал против Яшовармана II, Джайяварман лояльно поспешил на помощь родственнику, но к моменту его прибытия тот уже был убит, и Джайяварман опять вернулся в Тямпу. Только после гибели Трибхуванадитьи и разгрома Ангкора он, уже пожилой человек, вдруг решил всерьез заняться политикой и предъявил свои права на трон. Одна из надписей сообщает:

«Видя, что пришло время, он встал, чтобы спасти страну, отягченную преступлениями»

[465, с.207].

Все это сильно напоминает историю Георгия Саакадзе, исправленную благонамеренным летописцем. Надписи не дают ответа на элементарный вопрос — «чем занимался законный наследник камбоджийского престола 17 лет во враждебной стране?»

Так или иначе, в конце 1170-х годов Джайяварман VII оказался в Камбодже с набранными где-то армией и флотом и вступил в противоборство с тямскими войсками. В большом сражении на воде он наголову разбил тямский флот, основную ударную силу Джайя Индравармана VII, а уж потом приступил к завоеванию собственной страны [408, с. 100].

В 1181 г. Джайяварман VII упрочил свое положение настолько, что мог короноваться в Ангкоре, но почти сразу вслед за этим, а может, и в ответ на это вспыхнуло новое восстание в вассальном царстве Мальянг на юго-западе Камбоджи [408, с. 100]. Джайяварман VII послал туда армию под командованием тямского принца Видьянанданы, человека со сходной судьбой. Не поладив со своим царственным родственником, Видьянандана бежал из Тямпы в Камбоджу и, видимо, зарабатывал здесь на жизнь как профессиональный военный. Видьянандана блестяще провел операцию в Мальянге и замирил этот район в самый короткий срок. Благодарный Джайяварман VII пожаловал ему высший из возможных рангов — *ювараджа* (вице-царь) [52, с. 170]. Такая щедрость была не только данью военным талантам Видьянанданы. Джайяварман VII готовил его на пост тямского царя, так же как его самого тямские цари в недавнем прошлом готовили на пост царя Камбоджи.

В 1190 г., предварительно проведя дипломатическую подготовку и заручившись нейтралитетом царя Вьетнама Ли Као Тонга, Джайяварман VII направил в Тямпу армию под командованием Видьянанданы, который взял столицу Тямпы Виджайю, захватил в плен тямского царя Джайя Индравармана VIII и отправил его в Камбоджу [691, с.107]. За этот подвиг предусмотрительный Джайяварман VI, однако, наградил Видьянандану только полцарством, а не целым царством, как тот, вероятно, ожидал. Северную

часть Тямпы со столицей в Виджайе получил шурина Джайявармана VII принца Ин. Южная часть со столицей в Пандуранге досталась Видьянандане, который принял имя Сурьявармадева. Но такое положение продолжалось недолго. В 1191 г. подданные принца Ина восстали, прогнали его обратно в Камбоджу и посадили на трон Виджайи тямского принца Рашупати, который принял имя Джайя Индраварман IX. Тогда Джайяварман VII решил посадить на трон Виджайи прежнего царя Джайя Индравармана VIII, который был у него в плену. В 1192 г. он дал ему войско и отправил в Тямпу. Бывший царь со своей задачей не справился. Это сделал Видьянандана-Сурьявармадева. Сначала он взял Виджайю, убил Индравармана IX и объединил под своей властью обе части Тямпы. А затем убил и Индравармана VIII, который, собрав войска в провинции Амаравати, снова попытался вернуть себе свое царство [691, с.107—108].

Джайявармана VII такой оборот событий совсем не устраивал. В 1193 г. он направил в Тямпу карательную экспедицию. Но Сурьявармадева легко ее разбил. На следующий год Джайяварман VII послал уже большое войско со множеством генералов и всеми родами оружия. Но в битве при Джай Рамьяваджайя Сурьявармадева разгромил и эту армию. В этом же, 1194 г. он завязал дипломатические отношения с Вьетнамом и добился признания от царя Ли Као Тонга, а в 1199 г. получил инвеституру от китайского императора Нин-цзуна [691, с. 108].

К Сурьявармадеве теперь непросто было подступиться. Но Джайяварман VII нашел выход. Он послал против тямского царя его собственного дядю Дханапатиграму, такого же кондотьера, который много лет подвизался на военной службе в Камбодже. В 1203 г. Дханапатиграма сумел изгнать из Тямпы своего племянника и ученика. Сурьявармадева с остатками

своего флота (200 судов) ушел во Вьетнам. Там пытались его разоружить, но он прорвался с боем и ушел в море. Больше о нем никто не слышал. Дханапатиграма стал губернатором Тямпы, которая превратилась в провинцию Камбоджи [521, с. 171; 691, с.109—110].

Все эти имперские предприятия обходились Камбодже очень дорого. Восстания в захваченных провинциях поднимались одно за другим, а с запада уже началось давление тайских племен, которые все ближе придвигались к северным границам Кхмерской империи. Помимо военных расходов экономика Камбоджи была подорвана непомерным культовым строительством. Как и его отец, Джайяварман VII был твердым сторонником махаяны и не жалел никаких средств для пропаганды этого учения. Среди его сооружений были и социально полезные — хорошие дороги, гостиницы для путешественников (имелись в виду, конечно, паломники к святым местам), государственные больницы со значительным персоналом. Но все это тонуло в море религиозных сооружений. Для того чтобы содержать новые храмы, Джайяварман VII приписывал к ним тысячи деревень. Для храмов требовались десятки тысяч священников и другого обслуживающего персонала. Целая армия архитекторов, скульпторов, каменщиков, просто строительных рабочих требовала пропитания. Все это должно было скверно кончиться.

Около 1219 г. Джайяварман VII умер, немного не дожив до 100 лет. Первым шагом его преемника Индравармана II (около 1219—1243) был вывод в 1220 г. кхмерских войск из Тямпы. В обстановке всеобщего недовольства этот сын Джайявармана VII нашел оптимальную стратегию. Он направил ярость масс на материальные знаки деспотии Джайявармана VII. Археологические исследования выявили массовое

разрушение монументов этого царя. Заодно было потеснено и буддийское духовенство, и на первый план вышли шиваитские жрецы, не замешанные в эксцессах предыдущего царствования. Шиваитская реакция продолжалась и при следующем царе, правнуче Джайявармана VII — Джайявармане VIII (1243—1295). Но в конечном счете к концу правления этого царя в Камбодже победила не махаяна и не шиваизм, а третья религия, пришедшая извне, — буддизм хинаяны. Это была в тот момент религия простая, дешевая, почти аскетическая, а главное, ничем не связанная с религией правившего в последние пять столетий класса.

Глава IV. ТАИЛАНД

Первые государства на территории Таиланда

Уже во времена Птолемея на берегу Сиамского залива существовали более или менее крупные торговые центры (Перимула, Самарада, Паграса, *Змеиный город* — Пифнобасты, Акадра и Забы). Во внутренней части страны, в верховьях р. Сабана (на пали — Супанна, совр. — Супан), что значит *Золотая*, т. е. на Меклонге или Менаме, находился город Ласиппа. Поскольку ни один из этих семи городов Птолемей не называет столицей, можно заключить, что в I—II вв. на территории Таиланда еще не было крупных царств, а преобладали государства полисного типа.

В конце II — начале III в. эти полисы вошли в состав империи Фунань (Бапном), а когда в середине VI в. после распада этой империи таиландские государства вновь выходят на историческую арену, мы наблюдаем здесь уже другую, гораздо более сложную картину.

Анализ источников позволяет прийти к выводу, что к этому времени на территории современного Таиланда существовало пять государств, каждое из которых контролировало тот или иной важный торговый путь.

На крайнем юге полуостровного Таиланда, отчасти захватывая северную часть нынешней Малайзии (княжество Кедах), находилось государство Лангкасука, возникновение которого местные предания относили к I в. н.э. По его территории проходил самый длинный, но вместе с тем наиболее удобный путь через полуостров. Скорее всего, именно эту страну греки называли *Коли*, а китайцы — Цзюли (*Цзючжи*).

Лангкасука как самая дальняя была, видимо, одним из первых княжеств, отколовшихся от Фунаньской империи. Уже в 515 г. китайские летописцы регистрируют прибытие в Китай первого посольства из

Лангкасуки, от царя Бхагадатты, который таким способом, видимо, поспешил продемонстрировать свою независимость. В 523, 531, 568 гг. Китай посещали послы из Лангкасуки [521, с.51; 912, с.118].

VI век, вероятно, был веком наивысшего расцвета Лангкасуки. Как сообщает китайская хроника «Лян шу», охватывающая период с 502 по 557 г., Лангкасука в это время простиралась на 20 дней пути с востока на запад и на 30 дней пути с севера на юг. Летописец подчеркивает богатство жителей: двойные двери домов, террасы и веранды, особые одежды царя, золотые пояса и серьги мужчин, украшенные драгоценными камнями, шарфы женщин, мощные оборонительные укрепления столицы, описывает торжественные процессии:

«Монарх выезжает из дворца на слоне, под белым балдахинном, Впереди — барабаны и знамена, вокруг — свирепого вида солдаты»

[521, с.51].

Помимо обширных доходов от посреднической торговли правящая верхушка Лангкасуки получала также большие доходы от продажи местных продуктов. Из страны вывозили слоновую кость, рога носорога, лучшие сорта алоэ, камфору [486, с.68]. Среди населения малайских областей Патани и Кедах до сих пор бытуют предания о могущественном царстве Лангкасука.

В области идеологии здесь, по-видимому, господствовал буддизм. Известный китайский путешественник И Цзин в конце VII в. упоминает Лангкасуку как порт между Вьетнамом и Явой, в котором хорошо принимают китайских буддистов.

Процветание Лангкасуки, однако, было недолгим. Уже в следующем столетии на нее надвигается тень грозного соперника — индонезийской империи

Шривиджайи, захватившей контроль над Малаккским проливом и не желавшей терпеть торговых конкурентов. Во второй половине VIII в. Лангкасука подпадает под власть Шривиджайи и практически исчезает со страниц истории.

Севернее Лангкасуки было расположено княжество Тамбралинга, центр которого, скорее всего, находился в районе современного Накхонситхаммарата, где найдена санскритская надпись VI в. Название княжества в палийской форме — Тамбалингам — появляется уже в «Маха Ниддессе» — буддийском памятнике II в. н.э. [661]. Тамбралинга была явно слабее и беднее как своего южного соседа, так и северного (о государстве Паньпань см. далее). О посольствах Тамбралинга в Китай ничего не известно, поэтому не исключено, что после распада Фунани княжество попало в зависимость от одного из соседей.

По сообщениям китайских авторов, правитель Тамбралинги отличался от своих подданных главным образом покроем и расцветкой одежды. В дни аудиенций он поднимался на открытую платформу, так как дворцов в княжестве якобы не было. Вместо посуды жители пользовались пальмовыми листьями, а вместо ложек и палочек для риса — собственными пальцами. По сообщению того же информатора, на горе Вунунг по случаю явления Будды была воздвигнута большая бронзовая статуя слона [486, с.57].

Во второй половине VII в. Тамбралинга становится вассалом первого крупного государства на территории Таиланда — Дваравати, но столетие спустя меняет хозяина. Надпись царя Шривиджайи с датой 775 г., найденная в Накхонситхаммарате, свидетельствует о том, что границы индонезийской торговой империи, так же как и влияние буддизма махаянистского толка, которому она покровительствовала, продвинулись еще дальше на север [679, с.281].

История третьего полуостровного государства, занимавшего земли у северо-западного угла Сиамского залива, в основном на перешейке Кра, более сложна. Его центром был, по всей видимости, уже упоминавшийся город Таккола. Название же самой страны неоднократно менялось. В момент ее завоевания Фань Ши-манем китайцы называли ее *Дяньсунь*. У более поздних авторов устанавливается транскрипция *Дуньсунь*.

Китайский историк V в. Чжу Чжи так описывает эту страну:

«Дуньсунь — вассал Фунани. Его царя называют Куньлунь¹. В стране имеются 500 семей купцов ху (жителей Индии и более западных стран. — Э.Б.), два буддийских монастыря и свыше тысячи индийских брахманов; люди Дуньсуня исповедуют их учение и дают им своих дочерей в жены. Поэтому многие брахманы не уезжают отсюда. Они ничего не делают, только изучают священный канон, умащивают себя благовониями и проявляют благочестие днем и ночью»

[769, с.279].

В летописи «Лян шу» содержатся некоторые явно более ранние сведения о Дуньсуне, а также факты, выявляющие экономическую основу особой щедрости дуньсуньцев к благочестивым бездельникам:

«Более чем в 3 тыс. ли от южной границы Фунани находится царство Дуньсунь, расположенное на океанском перешейке. Протяженность этой земли — тысяча ли². Город — в 10 ли от моря. Здесь пять царей, и все они признают себя вассалами Фунани. От восточной границы Дуньсунь идет путь к Цзяочжоу, от западной — к Тяньчжоу и Аньси (соответственно Северный Вьетнам, Индия, Парфия. — Э.Б.). Люди из всех иноземных стран приходят сюда для торговли,

потому что Дуньсунь закругляется и выступает в море более чем на тысячу ли (здесь имеется в виду весь Малаккский п-ов. — Э.Б.). Чжанхай (Сиамский залив. — Э.Б.) весьма велик, и морские джонки еще не пересекали его прямо. На этой ярмарке встречаются Восток и Запад. За день здесь бывает более 10 тыс. людей. Драгоценности, редкие товары — нет ничего, чего бы здесь не было»

[679, с.248].

Наряду с посреднической деятельностью дуньсуньцы занимались производством медикаментов, парфюмерных изделий и изысканных вин из цветочного сока. Танская энциклопедия сообщает:

«В стране Дуньсунь более десяти видов цветов, которые не вянут ни зимой, ни летом. Ежедневно собирают десять видов этих цветов. Когда их высушат, их благоухание усиливается и их порошком посыпают тело»

[913, с.18]

В то время как одни китайские летописцы довольно много рассказывают о Дуньсуне, другие авторы (зачастую их современники) как будто не знают о существовании такого государства и помещают на его место в этот период другое государство — Паньпань. Но это кажущееся противоречие легко разрешить, если принять гипотезу, что Фань Ши-мань, завоевав Дуньсунь, переименовал его в честь своего предшественника и благодетеля Пань Паня. Новое, официальное название прижилось у некоторых авторов, тогда как другие продолжали пользоваться старым.

Источники, в которых государство на перешейке называется Паньпань, освещают в основном политическую и идеологическую историю страны, хотя отчасти затрагивают и другие вопросы. Эти материалы выявляют особенно тесные политические связи этой

вассальной страны с Фунанью и, более того, свидетельствуют о том, что, являясь самой развитой в социально-экономическом отношении частью Фунаньской империи, страна-вассал оказала глубокое влияние на дальнейший ход развития идеологии и политической организации государства-сюзерена.

В дошедшем до нас сообщении Ма Дуань-линя, писавшего в XIII в., но опиравшегося на гораздо более ранние источники, дается такое описание страны Паньпань:

«Большинство населения живет на берегу моря. Эти варвары не знают, как строить оборонительные стены. Они ограничиваются палисадами³ ... Царь (на приемах) полулежит на золотом ложе в виде дракона. Важные люди из его окружения становятся перед ним на колени, выпрямив и скрестив руки на плечах»

[717, с.463—464].

При дворе много брахманов, которые «приезжают из Индии и в большом почете у царя...» [717, с.464].

Далее излагается устройство государственного аппарата, состоящего из четырех главных министров и множества мелких чиновников, в титулах которых, несмотря на китайскую транскрипцию угадываются китайские термины.

В правление китайского императора Вэня (425—453) страна Паньпань, обретшая независимость от Фунани, посылает в Китай первое посольство, а в VI в. делает это чаще, чем какая-либо другая страна Юго-Восточной Азии (в 527, 529, 530, 532, 533, 534, 536, 540, 551, 571, 584 гг.) [912, с.118]. Паньпань в это время была не только крупным торговым центром, но и важным центром духовной жизни, где происходил обмен идеями, принесенными с Запада и Востока. Китайские летописцы свидетельствуют:

«В этой стране есть десять монастырей для монахов и монахинь, которые изучают буддийские священные книги и не пьют вина, хотя едят мясо. Есть также даосский монастырь. В нем правила очень строги. Его монахи воздерживаются и от вина и от мяса»

[717, с.464].

В середине VI в. политическая и торговая активность Паньпаня постепенно начинает замирать. Если в первой половине VI в. отсюда было направлено в Китай восемь посольств, то во второй половине — только три. В VII в. Паньпань лишь дважды напоминает о себе внешнему миру — посольствами в Китай в 616 и 635 гг. В работах И Цзина Паньпань исчезает с карты Индокитая. По всей вероятности, вскоре после 635 г. он вошел в состав первого крупного государства, выросшего на территории Таиланда, — Дваравати.

Царства Дваравати и Харипунчайя

История государства Дваравати до последнего времени практически была неизвестна. Даже точность этого названия, удачно реконструированного в начале XX в. по китайской транскрипции *То-ло-бо-ди*, окончательно подтвердилась только в 1964 г., когда при раскопках близ Прапатома были найдены две серебряные медали с надписью: «Шри Двараватишвара, царь Дваравати» [902, с.33].

Под историей Дваравати современные западные авторы понимают историю Центрального Таиланда с середины VI по начало XI в., причем, опираясь почти исключительно на археологический материал и пользуясь искусствоведческим методом, они рассматривают эту историю как смену различных стилей искусства и на основании этого говорят об усилении или ослаблении политических и идеологических влияний на Дваравати со стороны внешнего мира.

Между тем накопившийся к настоящему времени материал уже дает возможность сделать попытку более широкой реконструкции истории Дваравати, и в частности истории его рождения и объединения им ранних монских государств на территории Таиланда. Если в 40-х годах XX в. Дваравати рассматривалось как сравнительно небольшое государство в бассейне р. Меклонг (на юго-западе страны), то современные исследования на основе анализа археологических памятников распространяют первоначальную территорию Дваравати на весь Центральный и Восточный Таиланд, включая долину Менама и плато Корат.

Как нам представляется, оба эти утверждения верны лишь отчасти. Государство Дваравати действительно

сложилось в бассейне Меклонга, но не в VI в., а значительно раньше, скорее всего на рубеже нашей эры, причем оно, по-видимому, и тогда носило то же название. Но помимо него на побережье Таиланда, между дельтой Менама и нынешней границей Камбоджи, существовало еще одно, не менее древнее монское государство. К такому выводу приводит анализ китайских летописей, повествующих о древних и раннесредневековых государствах Индокитая.

Уже в китайских летописях I в. н.э. фигурируют страны Дулу и Дуюань, которые, судя по приводимым маршрутам и расстояниям, могли находиться на территории Таиланда. После завоевания этих земель Фунанью они, естественно, исчезают со страниц истории (лишь в одном позднем комментарии к летописи сохранилось упоминание о том, что люди царства Дулу сильны, активны, хорошо взбираются на горы и легко могут взобраться на шест. Во времена ханьской династии они выступали при китайском дворе как акробаты) [678, с.211].

Но после распада Фунани в летописях VI—VII вв. появляются, с одной стороны, такие названия, как *Духоло, Дохоло, Долободи* (все они идентифицируются с Дваравати), а с другой — название расположенной к востоку от Дваравати страны *Тоюань* или *Нутоюань* (что в переводе означает «Страна Киноварной реки»). Если учесть распространенный в китайских летописях обычай давать как полную, так и усеченную транскрипцию названия страны⁴, а также различные транскрипции разных авторов, то можно заключить, что речь идет о тех же странах, которые упоминались в I в. н.э.⁵

Сведения о Тоюани (Стране Киноварной реки) немногочисленны. При династии Суй (581—618) она была независима, но затем завоевана Дваравати и стала

его вассалом [679, с.281] Зато в летописях VII в. часто встречается страна Читу (Красная земля), названная так, по мнению летописцев, за красный цвет земли в ее столице. То, что одна из стран Юго-Восточной Азии еще в V в. имела самоназвание *Красная земля*, подтверждается археологическим материалом. На западе Малаккского п-ова, на территории древней Лангкасуки, был найден каменный столб с санскритской надписью середины V в. В ней некто Буддагупта, владелец корабля из Рактамриттики — Красноземной страны, возносит благодарственную молитву за успешный конец плавания [521, с.51].

Китайские ученые средневековья и нового времени неизменно помещали Красную землю в бассейне Менама. Современные западные историки либо обходят этот вопрос, либо без всяких оснований перемещают Красную землю в одно из восточных малайских княжеств, не учитывая, что, согласно летописям, она простиралась на тысячи ли [912, с.27, 32].

В пользу отождествления Читу (Красной земли) с Тоюанью (Страной Киноварной реки), местоположение которой бесспорно, говорит, в частности, тот факт, что именно на юго-востоке Таиланда преобладают красноземные почвы (любопытно, что одно из толкований названия Сиам восходит к санскритскому шьяма — коричневый; возможно, и тут речь шла о цвете почвы).

Наконец, весьма важный довод в пользу помещения Читу в Таиланде содержится в указании летописцев на то, что обычаи Дваравати, Голо (Калачапуры, которую Г. Люс помещает в Южной Бирме) и Читу одинаковы. Это более естественно, если согласиться, что все три государства этнически однородны, т. е. сложились на территории монских племен, которые в то время жили на широкой полосе земли от Бенгальского залива до территории нынешней Камбоджи.

Границей между Читу и древним Дваравати, по-видимому, служил Менам, который в первой половине I тысячелетия н.э. представлял более серьезную естественную преграду, чем теперь, так как Бангкокская бухта тогда гораздо глубже вдавалась в сушу, а низовья реки были сильно заболочены.

Читу впервые появляется на исторической арене в 450 г., когда направляет к китайскому двору свое первое посольство [913, с.118]. В то время это государство, видимо, было еще невелико и центр его находился близ моря в долине р. Прачин. Согласно тайским летописям, Лавапура (Лопбури) основана только в 475 г. Этот город на Менаме был, по-видимому, конечным пунктом торговой сухопутно-речной дороги из Фунани в Центральный Таиланд и вместе с тем отправным пунктом для купцов, отправлявшихся торговать в малоосвоенную область Северного Таиланда.

После первого упоминания государство Читу более чем на полтора века исчезает из китайских хроник. Надо полагать, что вскоре после 450 г. оно было поглощено Фунаньской империей и до середины VI в. продолжало развиваться как ее составная часть.

После крушения Фунани (около 550 г.) государство Читу возродилось, но уже на более обширной территории. По сообщению китайских послов, прибывших сюда в 607 г., эта страна раскинулась на несколько тысяч ли, т. е. стала крупным государством.

Основным занятием населения в это время было земледелие. Жители Читу выращивали рис, просо, белые бобы и другие культуры, такие же, как в Северном Вьетнаме. Они делали вино из сахарного тростника, смешивая его с соком пурпурной тыквы. В стране была развита и внешняя торговля. Царь Читу, Цюй Тань (т. е. Гаутама) Люфудосе, смог выслать навстречу послам флотилию из 30 океанских джонок,

которая встретила их на расстоянии более месяца пути от столицы — Львиного города.

Резиденция правителя в Львином городе отличалась большой пышностью. Послы сообщают:

«Строения царского дворца состоят из многочисленных павильонов с дверями на север. Царь сидит на трехслойном сиденье, лицом к северу, в платье розового цвета, с кубком золотых цветов в руках и в ожерелье из драгоценных камней. Справа от него стоят четыре женщины и свыше 100 воинов конной стражи⁶. Позади царского трона — деревянный алтарь, украшенный золотом, серебром и пятью сортами ароматического дерева. За алтарем висит золотой светильник. Рядом с троном стоят два металлических зеркала, перед ними — золотые курильницы. Перед всем этим находится золотое изваяние лежащего быка, служащее опорой для балдахина с драгоценными веерами по бокам. Несколько сот брахманов сидят рядами к востоку и западу от трона, лицом друг к другу»

[521, с.78].

Другой китайский источник свидетельствует также, что над головой царя Читу висит золотой диск с исходящими от него пламеобразными лучами [717, с.468]. Это сообщение представляет особый интерес, так как при раскопках в Центральном Таиланде была найдена серебряная монета именно с такой эмблемой. Наряду с некоторыми другими косвенными данными это позволяет предположить, что в Читу, как и в других монских государствах — Дваравати и Калачапуре, уже в начале VII в. существовало развитое денежное обращение.

Китайские летописцы рассказывают и о весьма сложно устроенном государственном аппарате Читу. При царе находится один *сатоцзяло* (*сардхакара* — на

санскрите) — помощник, нечто вроде первого министра. Рангом ниже стоят два *тонато́ча* (*дханада*) — распределители благословений, функции которых не совсем ясны; еще ниже — три *цзялимицзя* (*карлика*) — управляющие политическими делами. Кроме того, имеется один *цзюломоти* — ведающий уголовными делами. Каждый город назначает себе одного *наяцзя* (*наяка*) — начальника десяти *боди* (*пати*) — старейшин [717, с.468—469]. Таким образом, в это время в городах еще в какой-то мере сохранились пережитки первобытной демократии, впоследствии полностью уничтоженной деспотическим государством.

Интерес представляет и следующее замечание в отчете китайских послов:

«Хотя богатые семьи в значительной степени независимы от государственной власти, все же они могут носить золотые украшения только с разрешения царя»

[717, с.469].

Иными словами, социальные различия, как и во многих других раннеклассовых государствах, не вытекали непосредственно из богатства данного члена общества, а регламентировались государством, создавшим систему рангов с установленным для каждого ранга своего рода мундиром.

Господствующей религией в стране был буддизм (отец правящего монарха, носивший, как и монарх, имя Гаутамы в честь Будды, в 593 г. отрекся от престола, чтобы стать буддийским монахом). Но этот буддизм отличался от буддизма, укоренившегося в стране в более позднее время и существующего в современном Таиланде. Хотя догматы его, по-видимому, совпадали с догматами буддизма хинаяны, священным языком был не пали, а санскрит. Одновременно в иконографии были широко распространены махаянистские изображения.

Это говорит о том, что в VII в. здесь, как и в других районах Юго-Восточной Азии, еще не произошло резкого раскола между двумя основными школами буддизма. Вместе с тем наблюдалась самая широкая терпимость по отношению к индуизму. Брахманы-индийцы, как своего рода иностранные специалисты по вопросам государственного управления, пользовались большим влиянием при дворе правителя Читу.

Государственное устройство и обычаи западнотаиландского общества — древнего царства Дваравати — в VII в. были, как отмечают китайские авторы, весьма сходны с вышеописанными. Однако Дваравати, занимавшее меньшую территорию, чем Читу, было сильнее экономически, так как здесь проходили наиболее выгодные торговые пути и имелось больше высокоразвитых торговых городов.

Древнейший центр Дваравати, по-видимому, находился в районе современного города Утхонг (*Золотая колыбель*). В то время он стоял на берегу р. Супан (*Сабана, Золотая*), упоминавшейся мною ранее. Здесь и в прилежащих районах найдено больше всего предметов еще римского экспорта (помимо монет — римская бронзовая лампа I—II вв. н.э., римские стеклянные бусы) и подражания им. Керамические лампы и бусы типа римских веками изготовлялись здесь и распространялись по всему Центральному Индокитаю.

В Утхонге найдена одна из древнейших санскритских надписей на территории Таиланда. Надпись на медной пластинке гласит:

«Шри Харшаварман, внук царя Шри Ишанавармана, который распространил свою славу до дальних предков, взошел на львиный трон по законному праву наследования. Он пожертвовал счастливому Шри Ишанешваре (символ бога Шивы. — Э.Б.) носилки, украшенные драгоценностями, зонтик и музыкальные

инструменты. И он преподнес Шри Ишанешваре сокровища поэтических сочинений, песен, танцев и т.п.»

[902, с.20].

Эта надпись интересна не только тем, что показывает видную роль индуизма в преимущественно буддийском (судя по массовому археологическому материалу) государстве Дваравати, но и тем, что подтверждает археологически установленное важное значение льва в символике древних монов. Бронзовые, терракотовые и каменные изображения льва найдены в Утхонге, Накхонпатхоне, Ват Пра Мене, в Кубуане — на территории древнего Дваравати, в Лопбури, Мыангбоне, Донгсимахапоте и Мыангфадаеде — на территории древнего Читу. После скульптур Будды это наиболее часто встречающиеся изображения в монском искусстве Таиланда. Вероятно, в анимистических верованиях древних монов лев считался священным животным, предком племени.

Дваравати позже, чем Читу, завязало дипломатические отношения с танским Китаем. Первое посольство из этой страны прибыло в китайскую столицу в 638 г. Оно привезло с собой слоновую кость и другие местные продукты для обмена на китайские товары. Неизвестно, велись ли при этом переговоры политического характера, но можно предположить, что посольство было связано и с начавшейся территориальной экспансией Дваравати на восток и на юг. Южный сосед Дваравати — Паньпань прислал свое последнее посольство в Китай в 635 г., после чего исчез с политической карты Юго-Восточной Азии. Читу, оно же Нутюань (Страна Киноварной реки), направило в 644 и 647 гг. два последних посольства к китайскому императору (надо полагать, с просьбой о помощи),

после чего, как сообщают китайские летописцы, оно было завоевано Дваравати.

Посольство Дваравати, прибывшее в Китай в 649 г. с особенно богатыми дарами, видимо, имело целью получить международное признание этого захвата. Китайский путешественник Сюань Цзан, писавший в середине VII в., уже упоминает только одно государство между Камбоджей и Бирмой — Дваравати (см. [465, с. 102]). В то же время китайская летопись «Синь Тан шу» несколько более подробно объясняет структуру новой державы: «Царство Дохоло (Дваравати. — Э.Б.) имеет двух вассалов — Тоюань и Тамлинг» (цит. по [649, с.281]), т. е. Читу и княжество Тамбралинга (совр. Накхонситхаммарат), лежавшее к югу от Паньпаня, захваченного раньше. Они вошли в Дваравати на условиях известной автономии. Как долго они сохраняли свой автономный статус, неизвестно. Несмотря на близкое родство объединившихся стран, их слияние, по-видимому, проходило не так уж гладко. На эту мысль наводят события 60-х годов VII в.

Согласно тайским летописям, на севере Таиланда в 661 г. был основан город Харипунчайя (совр. Лампун), а в 663 г. сюда прибыла, чтобы взять власть в свои руки, дочь царя Лавапуры принцесса Чам Теви. Основанное ею монское государство Харипунчайя просуществовало до XIII в. Вся история Чам Теви изложена в старотайских хрониках очень невнятно. Об этой принцессе говорится, что она была дочерью царя Лавапуры и главной женой царя Раманнагары, т. е. Страны монов. Современные западные историки отождествляют Лавапуру с Дваравати, а Раманнагару — с Южной Бирмой. Но такое толкование не дает ответа на вопрос, что случилось с мужем Чам Теви и почему она на третьем месяце беременности отправилась в Северный Таиланд вместо того, чтобы подарить законных наследников трону Южной Бирмы.

Ситуация станет гораздо яснее, если мы предположим, что отец Чам Теви был вассальным царем Лавапуры в узком смысле, т. е. бывшего Читу, а царь Раманнагары был его сюзереном, царем Дваравати — главной монской державы того времени.

В этом случае перед нами брак, заключенный по совершенно ясным политическим соображениям, который, по всей видимости, закончился катастрофой. Не исключено, что царь Дваравати был попросту убит при соучастии своей жены, вставшей на сторону сепаратистов. Тогда ей, разумеется, не оставалось ничего другого, как бежать со своими сторонниками в северные джунгли, где еще за два года до того обосновалась группа эмигрантов из Лавапуры. Позднейшие летописцы, естественно, опускали в своих рассказах все детали, которые могли скомпрометировать основательницу государства, в результате чего вся эта история и приобрела такой загадочный вид.

Образование нового государства пресекло дальнейшее распространение власти Дваравати на север. Но на первых порах это не особенно задевало правителей Дваравати, так как их интересы до конца VIII в. были обращены в основном на юг.

Период с последней четверти VII в. до последней четверти VIII в. был эпохой наивысшего расцвета Дваравати. В это время восточный конкурент страны в области внешней торговли — Камбоджа — находился в состоянии глубокого упадка и раздробленности, а новый соперник, на юге, — индонезийская морская держава Шривиджайя — еще только набирал силу.

Одним из показателей расцвета Дваравати является активное градостроительство. Около 675 г. начинается строительство новой столицы Дваравати — Накхонпатхома, ближе к морю и в более доступном для судов месте. В отличие от Утхонга, который рос

постепенно, Накхонпатхом был воздвигнут сразу, по единому проекту. Этот крупнейший из городов Дваравати представлял в плане прямоугольник со сторонами 7 и 3 км, огражденный двойным валом и рвом.

В центре города находился буддийский храм, возведенный на террасе, украшенной изображениями Гаруды и слонов. На террасу вели четыре лестницы с каменными львами по бокам. С каждой стороны храма стояли пять статуй Будды в нишах. При раскопках под полом храма был найден глиняный кувшин, а в нем два серебряных медальона с надписью южноиндийским шрифтом VII в.: «Заложил [этот храм] Шри Двараватишвара [царь Дваравати]» [902, с.31]. На медальонах были изображены корабль с вырастающими из него двумя лианами и корова с теленком — символом торгового мореходства и сельскохозяйственного изобилия.

При раскопках в Накхонпатхоме было найдено множество статуэток Будды в разных видах, в том числе и Будда верхом на Гаруде, буддийские «колеса закона», изображения львов, слонов, человеческих голов с различными выражениями лица [545, с.20]. Довольно часто встречались также кирпичи с оттиснутыми на них буддийскими формулами исповедания на пали, найдены фрагменты надписей на монском языке о дарениях храмам земли, рабов и скота [902, с.33].

Особенно интересной оказалась находка набора царских регалий. В их число входили два терракотовых подноса. На одном из них был изображен корабль, такой же, как на серебряном медальоне. На другом — царские инсигнии вокруг углубления в виде двойного лотоса (в это углубление насыпали какой-то порошок). В том же месте были найдены еще два комплекта царских регалий — опахала, раковинные трубы,

громовые стрелы, веера, слоновые кострецы, зонты. Весь сложный набор этих предметов в целом должен был изображать вселенную во всей ее полноте [902, с.49].

Уже тогда, видимо, сложился в основных чертах тот сложный обряд коронации царей, который сохранился в Таиланде вплоть до XX в. Любопытно, что, несмотря на господствующую роль буддизма в этой стране, начиная с первых веков нашей эры обряд коронации всегда осуществляется индуистскими жрецами. Здесь сохранилась изначальная традиция буддизма не вмешиваться в земные дела, хотя на практике буддийская церковь в Таиланде, как и везде, в политику вмешивалась часто и энергично. Правда, как правило, это происходило за кулисами. Декорум все же соблюдался.

В течение трех дней перед коронацией брахманы приносят жертву огню. На трех алтарях устанавливаются изображения индийских богов. Перед ними ставят медную жаровню и девять сосудов с водой (с серебряной монетой внутри). Затем собирают листья орлиного дерева, омывают их, часть этих листьев передают царю, чтобы он ими натерся, а остальные, обмакнув в мед и масло, бросают в огонь.

При этом верховный жрец Шивы провозглашает: «Я предлагаю Шиве эти тройные листья орлиного дерева, которые обладают тремя качествами, тремя глазами и тремя [видами] оружия, которые уничтожают грехи трех существований» [887, с.72]. После этого огонь заливают водой.

В день коронации царь в первую очередь совершает омовение водой из пяти главных рек страны, затем из четырех прудов Супанбури, затем водой, освященной монахами во всех провинциях страны. В этом обряде ему помогает верховный жрец Шивы. Затем в полной одежде царь следует за брахманами в тронный зал и

восходит на восьмиугольный трон из фигового дерева, над которым укреплен семислойный белый зонт государства⁷. Сперва царь садится на трон лицом к востоку (к востоку от солнца), и верховный жрец обращается к нему с пожеланием, чтобы он защищал всех живущих на востоке. Затем жрец подает царю раковину с водой. Вода здесь, как и в первом обряде, заменяет ароматичное масло, которым в Древней Индии помазывали на царство. Затем царь, следуя движению солнца на небе, садится лицом на юго-восток, потом на юг, юго-запад, северо-запад, север, северо-восток, и каждый раз повторяется та же церемония.

Собственно коронация происходит на другом троне, из позолоченного фигового дерева, под семислойным зонтом, который после коронации заменяют девятислойным. Верховный жрец Шивы подает царю великую корону победы, а тот сам надевает ее на себя. Затем жрец вручает царю прочие регалии — девятислойный белый зонт, меч победы, туфли⁸ и веер. Помимо этих пяти главных существовал еще ряд других, часто еще более древних регалий, например метелка из хвоста яка (в древности заменявшая веер), скипетр и трость, олицетворявшая громовую дубинку Индры, брахманский пояс — традиционный атрибут Шивы, символ слияния с этим богом, золотая табличка с царским именем, восемь видов оружия и др.

Об обязанностях царей Дваравати дают некоторое представление обряды, исполнявшиеся царями Сиам или их ритуальными «заместителями» вплоть до XIX в.

В Сиаме в шестой день шестого лунного месяца (т. е. в апреле) начинается трехдневное правление временного короля, а настоящего короля на это время запирают во дворце. Временный король посылает во все концы своих многочисленных приспешников, чтобы те конфисковали как можно больше товаров в лавках и на

базаре. Даже суда и джонки, прибывающие в местную гавань в течение этих дней, конфискуются в пользу временного короля и должны быть у него выкуплены.

Король направляется на обширную площадь в центре города, куда разукрашенные быки влекут позолоченный плуг. Умастив быков благовониями, псевдокороль распахивает плугом, натертым маслом, восемь борозд, в которые пожилые придворные дамы бросают первые зерна. На распаханые борозды набрасывается толпа зевак, ибо считается, что подобранные из этих борозд зерна принесут богатый урожай, если их подмешать к семенному рису. После этого быков выпрягают и раскладывают перед ними рис, маис, кунжут, саго, сахарный тростник, дыни и т.д. Считается, что то, к чему быки прикоснутся в первую очередь, на следующий год будет в большой цене (некоторые, впрочем, толкуют это знамение в противоположном смысле). Все это время временный король стоит, опершись о дерево и положив правую ногу на левое колено. За такую манеру стоять ему дали в народе прозвище *Одноногий Король*, хотя официально он именуется *Хозяин Небесных Сил*.

Он является чем-то вроде министра сельского хозяйства, он — главный арбитр во всех спорах относительно полей, риса и т.д. Он представляет особу короля и во время другого обряда, который отправляется во втором месяце, т. е. приходится на холодный сезон и длится три дня. В сопровождении процессии его приводят на открытую площадку перед храмом брахманов. На ней вбито несколько столбов, украшенных наподобие майских деревьев. На этих столбах подвешиваются качели, на которых раскачиваются брахманы. Во время раскачивания и танца брахманов Хозяин Небесных Сил должен стоять на одной ноге на возвышении из оштукатуренных кирпичей, покрытых белой материей и ковром.

Опирается король о деревянное сооружение, увенчанное позолоченным балдахином, а по обеим сторонам от него стоят два брахмана. Танцующие брахманы держат в руках рога буйвола, которыми они черпают воду из большого медного котла, и окропляют ею присутствующих. Предполагается, что это приносит людям счастье, мир, здоровье и благополучие.

Хозяин Небесных Сил должен простоять на одной ноге около трех часов. Если его правая нога опустится на землю, он рискует лишиться своей собственности, а его семья — оказаться в рабстве у короля, потому что это считается дурным знаком, предвещающим непрочность трона и распад государства. Но если он выстаивает свои часы неподвижно, то, по общему убеждению, одерживает победу над злыми духами и в награду за это (по крайней мере номинально) получает право захватить любое судно, которое войдет в гавань в эти три дня, и овладеть его грузом; он также имеет право войти в любую открытую лавку в городе и вынести из нее все, что ему угодно [403, с.319—321].

В VIII в. в устье Меклонга был возведен новый портовый город — Кубуа, который в этом столетии стал главным портом государства. Археологическая ценность городища Кубуа заключается в том, что это однослойный памятник. Город существовал более 100 лет. Возможно, он был оставлен в конце VIII в. из-за давления морской империи Шривиджайя. Поэтому раскопки Кубуа дают нам картину материальной и в известной степени духовной жизни Дваравати в период его максимального расцвета.

Кубуа представляет собой в плане прямоугольник с закругленными краями, 2 км в длину, 800 м в ширину. Он обладал мощными оборонительными сооружениями. Его окружали два вала и ров глубиной 56 м. Раскопки открыли также остатки храма, под которым был зарыт закладной сосуд шриланкийского типа (в виде ящика с

пятью отделениями). Содержимое таких сосудов должно было магически придать храму свойства микрокосма [902, с.51—56].

Сохранилось много элементов храмового декора — рельефные изображения оленей, слонов, змей-нагов, птиц, в том числе мифической птицы Гаруды. Есть изображения небесных музыкантов *гандхарвов* и демонов — *якшей*. Особенно часто встречаются львы, которые здесь выглядят более активно и наступательно, чем в построенной несколькими десятилетиями раньше столице государства Накхонпатхоме. На одной из ступ сохранились изображения человеческих фигур — грубоватые, но живые, не стесненные канонами царь, принцесса со служанкой, слуги, несущие вещи, музыканты, танцоры, воины, иностранные гости (или купцы), пленные [902, с.58—59].

подавляющее большинство религиозных памятников относится к буддизму хинаяны. Однако в ступе № 40 было обнаружено много теракотовых бодхисаттв и богов махаянского пантеона, в том числе статуэтки Авалокитешвары и Ваджрапани⁹. На всех изображениях заметно влияние стиля Аджанты. Это махаяна, еще не соединившаяся с тантризмом, как это произошло в соседней Шривиджайе. По мнению Кворича Уэльса, в начале VIII в. в Кубуа прибыла группа махаянистских монахов из Западной Индии, которая и оставила данный памятник, но скоро исчезла, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на религиозную жизнь страны. Ведущая роль буддизма в форме хинаяны оставалась отличительной чертой Таиланда на протяжении почти двух тысячелетий [902, с.60—62]. Эпиграфические памятники того времени немногочисленны, но они свидетельствуют о существовании буддийских монастырей, которым цари и вельможи приносили в дар

рабов, скот, колесницы, серебряные вазы. Возможно, не случайно в надписях до XI—XII вв. отсутствуют упоминания о дарении земель. Земельный фонд, видимо, был еще далеко не исчерпан. Однако приносились в дар культивируемые участки, и при этом даритель указывал не земельную площадь, а только число подаренных кокосовых пальм.

В последней четверти VIII в. международная обстановка изменилась в неблагоприятную для Дваравати сторону. Найденная в Накхонситхаммарате Шривиджайская стела с датой 775 г. свидетельствует о том, что к этому времени индонезийская морская держава, наступая на север, захватила весь Малаккский п-ов, вплоть до бухты Бандон. Шривиджайский флот теперь не только контролировал Малаккский и Зондский проливы, но и стал блокировать побережье Сиамского залива. Вскоре после этого Камбоджа, объединившаяся в 802 г. под единой властью, начала оказывать давление на восточные границы Дваравати.

Правительству Дваравати под влиянием этих обстоятельств пришлось переориентировать свою политику и обратиться от моря в сторону суши. Центр государства был перенесен в глубь его территории, в город Лавапуру, названный так в честь Лавы, сына эпического героя Рамы. Поэтому в IX—X вв. и само название страны изменилось. Ее стали называть *Лаватура* или сокращенно *Лаво*. В последующие два столетия эта страна была в основном занята изнурительными, но бесплодными войнами с Харипунчайей на севере, оборонительной борьбой против Камбоджи на востоке и эпизодическими набегами на государство Пью в Бирме — на западе.

Хозяйство в IX—X вв., по-видимому, стало принимать все более натуральный характер, но денежное обращение сохранилось, о чем свидетельствует находка в Утхонге монеты с надписью «Лаватура».

В 1000 г. бесконечные войны Лаво с Харипунчайей получили неожиданную развязку. Как сообщают северотайландские летописи, в этом году царь Харипунчайи Трабака двинулся вниз по реке на Лавапуру. Царь Лаво Учиттачаккавати, в свою очередь, выступил из Лавапуры навстречу противнику. Оба войска встретились на полпути и стали готовиться к битве. И в этот момент к стенам Лавапуры с юга подошел со своей армией и речным флотом Суджитта, князь Лигора (прежде — Тамбралинга; это княжество в конце X в., очевидно не без помощи Камбоджи, вновь добилось независимости). Суджитта легко овладел лишенной гарнизона столицей Лаво. После возникшего замешательства первым трезво оценил обстановку Учиттачаккавати. Вместо того чтобы возвращаться к занятому врагом городу, он обошел войско Трабаки и стремительно двинулся на Харипунчайю. Трабака поспешил за ним, но опоздал. Царь Лаво первым достиг города и занял его. Отчаявшийся Трабака бросился обратно к Лавапуре в надежде выбить оттуда Суджитту, но и здесь потерпел неудачу. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Последствия этой войны трех не ограничились сменой династий на престолах Харипунчайи и Лаво. Не прошло и двух лет, как сын Суджитты Сурьяварман, вмешавшийся в борьбу за престол в Камбодже, был провозглашен камбоджийским царем. Царство Лаво и княжество Лигор как наследство Сурьявармана вошли в состав Кхмерской империи. В течение своего долгого правления (1002—1050) Сурьяварман I неоднократно пытался присоединить и Харипунчайю, но северным монам удалось отстоять свою независимость.

В Южном и Центральном Таиланде более чем на два века (если не считать небольших перерывов) установилось кхмерское владычество. Феодалная система эксплуатации в кхмерской державе была

развита гораздо сильнее, чем в Дваравати—Лаво. Южные моны при каждом удобном случае стремились сбросить с себя кхмерское иго. Так, воспользовавшись гражданской войной в Камбодже в начале XII в., они восстановили государство Лаво и в 1115 г. направили посольство в Китай. Но их выступление было быстро подавлено после стабилизации положения в Камбодже царем Сурьяварманом II.

В 60-х годах XII в., когда наряду с неудачными войнами Камбоджу потрясло крестьянское восстание, моны вновь провозгласили свою независимость, о чем свидетельствует надпись 1167 г. в Накхонсаване, принадлежащая царю Дхармашоке. Но и на этот раз Лаво было возвращено в состав Кхмерской империи.

Хотя сама эта империя начиная со второй половины XI в. переживала один кризис за другим, ее военная организация, вся ее сложная и тщательно продуманная машина подавления масс оставались еще достаточно прочными и наиболее могущественные ее вожди, такие, как Сурьяварман II (1113—1150) или Джайяварман VII (1181—1218), могли пока вновь и вновь пускать эту машину в ход.

Глава V. НУСАНТАРА

Ранние государства

Судьбы Индонезии, Малайи и Филиппин в древности были тесно связаны как в силу этнической общности населявших их народов, так и в силу общности их культур. Внутреннее деление этой части региона, которую в науке принято называть Нусантара, вплоть до середины II тысячелетия н.э. проходило не по нынешним границам, а по линии, отделяющей Восточную Индонезию (Сулавеси, Малые Зондские о-ва) и Филиппины от Западной Индонезии и Малайи. К западу от этой линии располагались практически все очаги государственности и цивилизации индийского типа, а к востоку царил первобытное общество.

Древнейшее упоминание о государственности в Индонезии относится к 132 г. н.э. В этот год, согласно китайской летописи «Хоу Хань шу», в 12-м месяце (январь) царь Едяо (Явадвипа) по имени Дяобэнь (Деваварман) прислал через Жинань (Центральный Вьетнам, самая южная провинция Китая. — Э.Б.) посольство с данью. Император Шунь-ди пожаловал ему золотую печать и фиолетовую ленту (знак отличия) [560, с. 125—126]. Примерно в этом же году греческий географ Птолемей (VIII, с.2, 28) сообщает об острове Ябадиу (Явадвипа) как исключительно плодородном и богатом золотом. «Его столица Аргира (*Серебряная*), — пишет Птолемей, — расположена на его западном краю» (цит. по [493]).

Эта столица, возможно, находилась в районе крупного средневекового порта Бантам. Первое государство яванцев было явно ориентировано на международную торговлю, и столица должна была быть удобным морским портом.

Среди почти 30 названий государств Юго-Восточной Азии, посылавших свои посольства в Китай до XIII в., два

безусловно относятся к Западной Яве (это — Хэлоданы и Тарума), а четыре обозначают Центрально-Восточную Яву (это Ява, Бохуан, Поли или Боли, Хэлин). При этом, учитывая, что словом *Ява* китайцы обозначали самое раннее и самое позднее (до XIII в.) известное им государство, мы получаем пять государств, которые преемственно поддерживают отношения с Китаем на протяжении тысячи лет. Это — Ява I (132—435); Бохуан (442—466); Поли (473—630); Хэлин (648—818) и Ява II (820—1132) ([табл. II](#)).

При этом любопытно, что даты посольств одного государства никогда не заходят за даты другого, хотя по крайней мере в одном случае зафиксировано одновременное существование двух государств¹. Очевидно, право сношений с Китайской империей принадлежало только государству-гегемону в более или менее тесной федерации яванских государств.

Западная Ява, как и в более поздние времена, однако, часто была совершенно независимым государством, самостоятельно поддерживавшим дипломатические отношения с Китаем. Первой в этом списке стоит Хэлоданы, направлявшая в Китай посольства в 430—452 гг. Первое же послание царя Хэлодани (имя которого в китайской транскрипции звучит как Цзяньгань), доставленное в 430 г. императору Вэнь-ди послом по имени Пинаен², носит весьма драматический характер:

«Моя страна некогда имела большое население и процветала. Моей стране никогда не угрожали другие страны. Но теперь положение изменилось и мы ослабли. Мои соседи наперебой атакуют меня. Я прошу Ваше Величество оказать мне свое покровительство. Я надеюсь также, что не будет ограничений и препятствий нашим купцам, прибывающим и убывающим (из Китая). Если Вы сжалитесь надо мною, я

надеюсь, что Вы пошлете посольства с приказом этим странам не вредить нам, так что репутация-Вашего Величества, как защитника слабых, станет известной повсюду. Я посылаю к Вам двух доверенных чиновников. Я надеюсь, что Вы прикажете чиновникам Гуаньчжоу отправить обратно мой корабль и не позволите им грабить и повреждать его. В дальнейшем я желаю присылать посольства каждый год»

[928, с. 150].

Император Вэнь-ди не мог оказать дальнему просителю сколько-нибудь существенной помощи. Половина его страны была занята кочевниками, и он в это время как раз предпринимал последнюю бесплодную попытку отвоевать север Китая. Царь Цзяньгань остался наедине со своими проблемами. В 436 г. ко двору Вэнь-ди снова приезжает тот же посол Пинаен, и выясняется, что за прошедшие шесть лет в Хэлодани сменилось по крайней мере два царя. Новый царь Пишабамо³ (неизвестно, кем он приходился Цзяньганю) просит помощи, только жалуется он уже не на анонимных врагов, а на собственного сына, который согнал его с трона, и просит прислать оружие. Еще одно посольство из Хэлодани прибывает уже в следующем, 437 г., но, по-видимому, также без всякого результата. Последнее посольство из Хэлодани прибыло ко двору Вэнь-ди в 449 г. Затем название этой страны навсегда исчезает из китайских анналов.

С этим исчезновением, возможно, связана надпись, найденная на Западной Яве, которую по палеографическим признакам датируют примерно 450 г.

Надпись, сделанная рядом с отпечатками ног в камне, символом власти над земной поверхностью, гласила:

«Знаменитым, щедрым, праведным был несравненный царь, который правил Тарумой. Имя ему было Пурнаварман. Его славная броня была непроницаема для стрел его многочисленных врагов. А это — отпечатки его ног, всегда искусных в уничтожении вражеских городов, ног, которые были благодетельны к князьям, преданным (ему), но обращались как дротики против его врагов»

[928, с.221].

Это была, видимо, фиксация нового гегемона Западной Явы. Власть Тарумы над этой областью длилась более двух столетий. Последнее ее посольство в Китай отмечено в анналах под периодом 666—669 гг. После этого Западная Ява, видимо, была захвачена империей Шривиджайя, центр которой находился на Суматре, и вновь обрела самостоятельность уже за пределами хронологических рамок данной книги.

Что касается Центрально-Восточной Явы, которую заселял этнически однородный массив собственно яванцев, то здесь в первой трети V в. продолжало существовать государство Ява I (Явадвипа)⁴. В конце 413 г. Явадвипу посетил китайский монах Фа Сянь, возвращавшийся морем после пятнадцатилетнего паломничества к буддийским святыням Индии. Он провел здесь пять месяцев, дожидаясь благоприятного ветра, чтобы плыть на родину. Страна эта произвела на ревностного буддиста Фа Сяня самое неблагоприятное впечатление. «Здесь процветают различные формы заблуждений и брахманизма, — пишет он, — а буддизма так мало, что практически не о чем говорить» [652, с.113].

Очевидно, как буддист, Фа Сянь не мог рассчитывать на радушный прием в Явадвипе. В мае 414 г. Фа Сянь наконец смог сесть на крупный корабль (он вмещал более 200 пассажиров), направлявшийся в Китай, но

неприятные отношения буддистов и индуистов в Явадвипе наглядно проявились и на борту судна. Когда корабль уже почти достиг Китая, разразился страшный шторм, который унес его далеко в сторону от обычного курса. Брахманы, находившиеся на корабле, пришли к убеждению, что шторм накликал буддийский колдун, и потребовал высадить Фа Сяня на первый попавшийся необитаемый остров. Китайского монаха спас шкипер, который решительно заявил» что китайский император тоже буддист и строго спросит с брахманов за такое самоуправство [652, с.113—114].

Несколько лет спустя, однако, религиозная ситуация в Явадвипе решительно переменилась. В начале 20-х годов буддизм стал государственной религией этой страны. В беллетризованной китайскими летописцами и дошедшей до нас форме это произошло так.

Принц Гунаварман (367—431) в 397 г. должен был наследовать трон Кашмира. Но он отказался от царской власти, принял монашество и отправился на Цейлон, один из главных центров буддизма в то время, и прожил там много лет в деревне Цзи-боли (в китайской транскрипции) [561, с. 155].

Между тем мать царя Шэпо (Явы) однажды ночью увидела сон. В царство на летающем корабле прибыл некий монах. А наутро она увидела его наяву. Это был Гунаварман, решивший начать проповедовать буддизм на Яве. Пораженная тем, что ее сон сбылся, царица-мать тут же перешла в буддизм. Вскоре под ее влиянием буддизм принял и царь Явы (китайская транскрипция его имени — Подоцзя). Царь, надо полагать еще молодой человек, с ревностью неопита принимал все заповеди буддизма буквально. Когда некие враги вторглись в его царство, он оказался в большом затруднении. Ведь согласно Будде, нельзя отнимать жизни ни у кого из живых существ. Он обратился с вопросом к Гунаварману: «Не будет ли

противно религии бороться с этими врагами?» Бывший принц авторитетно разъяснил ему, что заповеди, конечно, надо соблюдать, но наказывать разбойников тоже надо. После этого царь отправился на войну и отразил натиск агрессоров. Вслед за этим он постепенно распространил буддизм на все свое царство. Не исключено, что и эта акция не обошлась без применения силы. Червь сомнения, однако, продолжал грызть царя, и, выполнив эту задачу, он сложил свои полномочия и объявил, что уходит в монахи. Министры никак не хотели отпускать в монахи такого способного царя и долго уговаривали его остаться на троне. Подоцзя в конце концов согласился, но с непременным условием, чтобы во всем царстве перестали убивать живых существ [561, с.155—156]. Поступаться свежееусвоенными принципами он никак не желал.

Все это принесло большую славу Гунаварману, инициатору религиозных перемен в царстве Ява. В 424 г. император Вэнь-ди по просьбе китайских монахов направил к царю Подоцзя посольство с приглашением Гунаварману посетить Китай. Гунаварман не сразу откликнулся на это предложение, но в 431 г. прибыл наконец в китайскую столицу Нанкин, где несколько месяцев спустя умер. Примерно в это же время зашла звезда Царства Ява I. В 435 г. прибыло последнее посольство из этой страны, а в 442 г. гегемоном на Центрально-Восточной Яве становится царство Похуан (или Бохуан), которое почти за четверть века (442—466) направило в Китай восемь посольств.

Параллельно с развитием государственности на Яве развивался другой очаг цивилизации, включавший в себя Суматру и Малайю. Поскольку для правителей этой зоны главной задачей был контроль над Малаккским проливом, то гегемон в этой области обычно был верховным правителем и суматранского и малайского берегов этой важной торговой артерии.

Рассмотрим политическую географию Малаккского пролива и прилегающих районов во II—VII вв. н.э., как она дается в разных источниках (см. [табл. I](#)).

Кан Тай в своей работе перечисляет царства, которые захватил или хотел захватить Фань Ши-мань, в следующем порядке: 1. Цюйдукунь; 2. Цзючжи; 3. Дяньсунь; 4. Цзиньлинь. Есть ли это описание определенного маршрута флота и войска Фань Ши-маня или же географические названия здесь перечисляются в произвольном порядке?

Свидетельствует буддийский монах Бодхибхадра, совершивший путешествие в Фунань:

«Двигаясь на север из Гоин (Суматра), через месяц я достиг царства Гоу-чжи (одно из названий царства Цзючжи). Затем, пройдя на север еще 11 дней, я достиг царства Суньдянь (вариант названия Дяньсунь). А из Суньдяня, двигаясь в северном направлении, я за 30 дней достиг царства Фунань»

[912, с.19].

В «Суй шу», истории династии Суй (589—618), дается сходный перечень стран, лежащих на западном берегу Сиамского залива. Там говорится:

«...Царство Беньду (также называемое Баньду), царство Дукунь (также называемое Ду-я), царство Цзюли (также называемое Цзюя) и царство Бисун расположены напротив Фунани на другой стороне великого залива Цзиньлинь и на 3 тысячи ли южнее. Сельское хозяйство у них такое же, как и в стране Цзиньлинь»

[912, с.22].

В списке островов Юго-Восточной Азии И Цзина (671—695) перечисление идет в таком порядке: Получже (Барос, Северо-Западная Суматра), Молою (Малайю, Центральная Суматра), Шилифоши (Шривиджайя, Юго-

Восточная Суматра), Мохосинь (Западная Ява), Хэлин (Центральная Ява), Даньдань, Пеньпень, Поли (Восточная Ява и Бали), Цюэлунь (или Куньлунь — Малые Зондские о-ва), Фошипуро (Виджайпура, Западный Калимантан), Ошань (Сулавеси), Моцзямань (Филиппины) [928, с.185]. В этой цепочке стран, тянущейся с запада на восток, Даньдань и Пеньпень (вариант — Паньпань) помещены между Центральной и Восточной Явой. Маршрут здесь как бы делает дугу на север, захватывая Малаккский п-ов, при этом движется сначала с юга на север, и поэтому Даньдань соответствует южной части Малаккского п-ова, а Паньпань — северной.

Если мы учтем и «Перипл» Птолемея, описывающий побережье Юго-Восточной Азии, начиная с границы с Индией на северо-западе, то получим такую картину. Устью р. Бесунги и эмпорию Бесунга у Птолемея будут соответствовать Бисун в «Суй шу» (589—618) и Шрикшетра (Бирма) у Сюань Цзана (648) и И Цзина (671—695); г.Берабы — Цзиньлинь у Кан Тая и Дваравати (Южный Таиланд) в источниках VII в.; г.Самарада на восточном берегу Малаккского п-ова — Дяньсунь Кан Тая, Сундянь Бодхибхадры, Пеньпень И Цзина, Паньпань Ма Дуань-линя. По местоположению птолемеевский город вполне соответствует современному таиландскому городу с названием Накхонситхаммарат (по-малайски — Лигор). Паньпань, стало быть, занимал северную, таиландскую часть Малаккского п-ова.

Городу Коли (на восточном берегу Малаккского п-ова) у Птолемея соответствует Цзючжи у Кан Тая, Гоучжи у Бодхибхадры, Цзюли в «Суй шу», Камаланга (Камаланка) у Сюань Цзана, Лангкасука у И Цзина и Ма Дуань-линя. Столица княжества Лангкасука, лежавшего на границе современного Таиланда и Малайзии, находилась в районе современного таиландского

города Сонгкхла (по-малайски — Сингора). Эмпорию Сабана (*Золотая*) у Птолемея (на юге Малаккского п-ова) соответствуют — Цюйдукунь у Кан Тая, Дукунь в «Суй шу», Даньдань у И Цзина, Лоюэ у Ма Дуань-линя и Цзя Даня (около 800 г.). И наконец, реке Паланда, устье которой, как и эмпорий Сабана, находится у Птолемея на крайнем юге Малаккского п-ова, соответствует Баньду (или Паньду) в «Суй шу».

Итак, мы видим, что перечисляемые страны у всех авторов II—VIII вв. н.э. были выстроены в строгую цепочку, которая шла с севера на юг или с юга на север. Перечисление Кан Тая, как мы видим из [таблицы I](#), шло с юга на север. Хотя, казалось бы, для Фань Ши-маня было более естественно наступать на Малаккский п-ов по суше через территорию нынешнего Таиланда и спускаться по полуострову с севера на юг, он поступил наоборот. Как сообщают китайские источники, «Фань Ши-мань построил большие суда, пересек обширный океан (Южно-Китайское море. — Э.Б.) и завоевал более десяти Царств, в том числе Цюйдукунь, Цзючжи и Дяньсунь» [769, с.265]. Ему пришлось строить крупный флот и входить в другие расходы потому, что на сухопутном пути на Золотой полуостров бежала страна Цзиньлинь (*Золотой рубеж*), предшественница Дваравати. Она, очевидно, потому и называлась *Золотой рубеж*, что запирала вход в золотоносные районы Южного Таиланда и Малаккского п-ова.

Завоевать *Золотой рубеж* Фань Ши-маню так и не удалось. Эту задачу, находясь уже на смертном одре, он поручил своему наследнику Фань Цзинь Шэну.

После распада Фунани на Малаккском п-ове образовалось два независимых государства — Паньпань и Даньдань.

О Паньпань говорилось в IV главе («Таиланд»). Что же касается Даньдань, китайская энциклопедия VIII в. «Тун дянь» сообщает, что это царство расположено на

северо-западе от Дваравати и на юго-востоке от о-ва Хайнань. Поскольку ни одна точка на земле не может одновременно находиться на северо-западе от Дваравати (Южный Таиланд) и юго-востоке от Хайнани, ясно, что здесь описка. Надо читать наоборот — царство Даньдань находилось к юго-востоку от Дваравати и северо-западу от Хайнани. Даньдань во всех перечисленных китайских источниках находится в паре с Паньпанем. Свои посольства в Китай они часто посылали в один и тот же год и однажды даже направили в Китай совместное посольство. Все это говорит о большой политической и территориальной близости двух стран.

Паньпань, по общему мнению специалистов, занимал северную часть Малаккского п-ова к югу от Дваравати. Стало быть, Даньдань мог находиться только в южной части Малаккского п-ова. При этом он занимал здесь не одну какую-то долинку, как предполагает П.Уитли [912, с.51], а всю Малайю (т. е. материковую часть современной Малайзии). Между Паньпань и Даньдань находилось, по-видимому, некоторое время в качестве буферного государства небольшое древнее царство Лангкасука, занимавшее крайний юг современного Таиланда⁵.

Но на юге между Даньдань и странами Индонезии китайские источники VII в. уже не помещают больше никаких государственных образований. Площадь Малайи составляет 131 тыс. кв. км. Для страны такого размера вполне резонно иметь провинции и уезды по китайскому образцу, о которых говорят китайские летописи [928, с.204], что было бы совершенно нелепо для города-государства с территорией в пару сотен кв. км.

Китайские источники дают краткий очерк экономики Даньдань:

«Страна производит золото, серебро, белое сандаловое дерево, сапановое дерево, бетельные, мускусные и иные орехи. Из зерновых здесь выращивают только рис... Там растет виноград, гранат, дыни, тыквы, водяной каштан, лотос. Из овощей — лук, чеснок, репа. В число домашних животных входят козы, свиньи, курыу гуси, утки»

[925, с.204].

Из продуктов страны на первом месте стоит золото, так как в древности оно было главным предметом экспорта Малайи. Напомним, что одна из рек Малайи на карте Птолемея так и называлась *Золотая*, а весь Малаккский п-ов греки и римляне называли *Золотым*.

Те же авторы сообщают некоторые сведения о политическом и административном устройстве Даньдань.

«Царство Даньдань было известно во время династии Суй⁶. Фамилия царской семьи Шали⁷, личное имя — Шилинцзя. В столице живет более 20 тыс. семей⁸. Для того чтобы облегчить администрацию и контроль, здесь были созданы провинции и уезды. Царь каждый день дает аудиенцию утром и вечером. У него восемь высших сановников-брахманов, которых называют бацо. Царь часто посыпает себя ароматной пудрой. Он носит тунтяньгуан (головной убор), надевает на шею много драгоценных украшений, одевается в одежды цвета утренних облаков и носит на ногах кожаные сандалии. Когда он путешествует на короткое расстояние, его несут на носилках. В дальний путь он отправляется на слоне. В битве трубят раковины, гремят барабаны, развеваются знамена Согласно тамошнему закону, всех разбойников и воров, независимо от тяжести совершенного ими преступления, казнят»

[928, с.205].

В этом описании наиболее интересна последняя фраза. Брахманы в качестве министров были довольно обычным явлением и в буддийских государствах того времени. Но смертная казнь для всех преступников независимо от их вины — это явно утрированное отражение буддийскими летописцами жесткой индуистской теории права. Буддийское уголовное законодательство было (в отражении тех же авторов) подчеркнуто гуманным, хотя на практике, вероятно, мало отличалось от индуистского. Мы уже говорили о свежеобращенном в буддизм царе Явы, который запретил лишать жизни любое живое существо. Есть и другие примеры декларативного отказа буддийских монархов от жестоких наказаний.

Археологические материалы подтверждают это наблюдение. Столицей Даньдань, несомненно, был Кедах — самый крупный центр Малайи в VI—XI вв. И здесь на рубеже VI—VII вв. произошла смена религий. Буддизм был поглощен шиваизмом, и центральным памятником города стал шиваитский храм. И Цзин, который посетил Кедах в 672 г. и провел там некоторое время, дожидаясь корабля, идущего в Индию, а также бывал и позже, в 685 г. ничего не пишет об этом городе. Как полагает П.Уитли, он сделал это потому, что неприязненно относился к индуизму [913, с.62], и, добавим от себя, потому, что упоминание этого индуистского государства испортило бы нарисованную им картину поголовного принятия буддизма всем регионом, кроме Камбоджи и Тямпы.

Империя Шривиджайя

Многими сведениями о Юго-Восточной Азии второй половины VII в. мы обязаны китайскому буддийскому монаху И Цзину, который 24 года провел в Индии и Индонезии, изучая буддийскую мудрость вблизи ее истоков. Как показывает И Цзин, в его время между Китаем и Индонезией регулярно ходили большие пятимачтовые корабли и путь от Суматры составлял не более года, как в первые века нашей эры, а менее трех недель. И Цзин пишет:

«С началом муссона мы отплыли на юг. В начале сезона, когда мы покидаем созвездие Ци (около 1 ноября, как только установился северо-восточный муссон. — Э.Б.), паруса в пять рядов унесли нас с мрачного севера. Долгое время мы плыли над неизмеримой глубиной, там, где море пересекают волны, подобные горным хребтам... Менее чем за 20 дней мы достигли Шривиджайи»

[913, с.61].

И Цзин прибыл в Шривиджайю в самом начале 671 г. и решил сделать здесь остановку, прежде чем отправиться дальше, в Индию. Он пишет так:

«Я изучал здесь искусство звуков (санскритскую грамматику. — Э.Б.). В укрепленном городе Фоши⁹ живет тысяча буддийских монахов, дух которых обращен к благим деяниям. Они знают до мелочей все возможные аспекты учения. Предметы учения здесь точно такие же, как в Мадхьядеше¹⁰. Правила и церемонии у них такие же, как там (в Индии). Если китайский монах хочет отправиться на Запад (в Индию), чтобы учиться там читать подлинные буддийские тексты, ему лучше всего сначала пожить год или два в

Фоши, чтобы изучить надлежащие правила. Затем он может отправиться в Индию»

[561, с. 159].

Годы, проведенные И Цзином в странствиях по Индии и Юго-Восточной Азии, действительно были временем триумфа в регионе махаяны и главного носителя этой идеологии — островной империи Шривиджайи. В сущности говоря, в эти годы она и стала империей. В 671 г. он провел два месяца в стране Моло (Малайю, государство на Суматре с центром в Джамби). В 689 г. И Цзин вернулся на Суматру и обнаружил, что Малайю вошла в состав Шривиджайи [521, с.82]. Как раз к 680-м годам относятся пять надписей царя Шривиджайи, имя которого названо только в одной из них. Но есть основания предполагать, что все пять надписей оставил один и тот же царь Джайянаша [521, с.83].

Самая ранняя надпись рассказывает о том, как махараджа 13 апреля 682 г. вышел в море с большим флотом и, произведя некие магические действия, добился решительной победы над какими-то неназванными противниками. В другой надписи (686 г.) объявлялось вечное проклятие жителям о-ва Бангка и района р. Батанг на Суматре, если они вздумают бунтовать против властей, назначенных царем Шривиджайи. Еще в одной надписи говорится о почти полной готовности начать поход против Явы (возможно, тоже карательный) [409, с.48].

Эти сведения, говорящие о широкой наступательной политике Шривиджайи, перекликаются со сведениями китайских летописей, которые скрупулезно вели учет посольств из заморских стран. Третья четверть VII в. — это время стремительного сворачивания дипломатических отношений большинства стран региона с Китаем ([табл. II](#)). В 660 г. в Китай прибывает последнее посольство из Бирмы (Голошэфэнь), в 662 г.

— из Малайю, в 666 г. — из Хэлина, в 666—669 гг. — из Тарумы, в 668 г. — из Лангкасуки, в 668—669 гг. — из Даньдань. Если не учитывать Тямпы и Камбоджи, с 670 по 820 г. ни одна страна Юго-Восточной Азии, кроме Шривиджайи, не посылала посольств в Китай, а в 683 г. в Шривиджайю прибыло посольство из Китая — редкая честь, которую императоры оказывали чужеземным царям [561, с.5].

Гегемония Шривиджайи в регионе проявлялась и в широком распространении ее идеологии — буддизма махаяны. Так, согласно бирманским летописям, махаяна в Бирме была введена царем Сурьявикрамой (он же Тайттаик и Тейнсун, 673—688), а если верить И Цзину, в его время (671—695) почти вся Нусантара была буддийской — Суматра, Ява, Малайя, Калимантан, Малые Зондские о-ва. Правда, по его мнению, в этих странах преобладала не собственно махаяна, а хинаянская секта сарвастивада, к которой принадлежал он сам [717, с.483]. Сарвастивада, однако, была очень близка к махаяне в догмах и пользовалась тем же языком (санскритом, а не пали, как остальные хинаянские секты). Вообще же культурное влияние Шривиджайи в эту эпоху распространялось от Мадагаскара до Южных Филиппин [483, с.17].

Шривиджайю часто представляют себе как своего рода купеческую империю. Это не совсем так. О социальном и военном Устройстве Шривиджайи китайский автор Чжао Жу-гуа сообщает следующее:

«Жители (страны) живут либо рассеянные за городом, либо на реке в плавучих домах, крытых тростником. Они не платят налогов (выделено мною. — Э.Б.). Жители страны опытни в сражениях на суше и на воде»

[486, с.60].

В Шривиджайе, однако, нет регулярной армии.

«Когда они собираются начать войну с каким-нибудь государством, они снаряжают войско такой величины, какую требуют обстоятельства. Они назначают командира. Каждый выступает на войну с собственным снаряжением и с необходимым провиантом. Они не имеют себе равных в храбрости и презрении к смерти»

[486, с.60].

Товарно-денежные отношения у этих викингов Юго-Восточной Азии не так уж и развиты:

«У них нет медных монет, нанизанных на шнур (как в Китае), они пользуются кусками серебра, нарезанными для торговых операций»

[486, с.60].

Для самих шривиджайдев драгоценные металлы были не столько средством денежного обращения, сколько средством накопления сокровищ. Сообщает Чжао Жу-гуа:

«...Здесь есть статуя Будды под названием „Гора золота и серебра“, отлитая из золота. Каждый новый царь, прежде чем взойти на трон, приказывает отлить из золота статую, представляющую его персону. Жители страны приносят золотые вазы в жертву этим (царским) статуям. На золотых статуях и золотых вазах всегда имеется надпись, предупреждающая будущее поколение, чтобы оно не расплавляло их. В этой стране, когда кто-нибудь серьезно заболевает, он раздает бедным сумму, равную своему весу в серебре. Это считается верным средством отсрочить смерть»

[561, с.10—11].

Арабский писатель IX в. Мухаммед бен Закария ар-Рази сообщает, что Махараджа (Шривиджайи) получает 200 манн золота в день. Один манн — 600 дирхемов. Махараджа «велит делать из этого золота кирпичи и

бросает их в воду, и этот пруд служит ему сокровищницей» [561, с.67].

В то же время столица Забага была крупнейшим торговым центром Юго-Восточной Азии. В «Книге чудес» Индий говорится:

«Юнус, сын Махрана из Сирафа, который был в Забаге (арабское название Шривиджайи), сказал мне: „В городе, где живет Махараджа, царь Забага, я видел бесчисленное множество торговых улиц. На улице менял я насчитал до 800 менял, не считая тех, которые расположились там и сям на других улицах“»

[562, с.106].

И Цзин рассказывает о собственных торговых судах царя Шривиджайи, которые перевозили грузы и пассажиров между Шривиджайей и Индией [483, с.62].

К первой половине VIII в. Шривиджайя по-прежнему не имела соперников в регионе и продолжала поддерживать теплые отношения с Китаем. Так, в 724 г. царь Шривиджайи Шри Индраварман прислал в дар китайскому императору Сюань-цзуну черных рабов занги — жителей Восточной Африки. Посольства Шривиджайи в Китай зарегистрированы также в 728 и 742 гг. [561, с.8]. В 744 г. Сюань-цзун пожаловал царю Шривиджайи титул махараджи. После этого посольства Шривиджайи в Китай внезапно прерываются и возобновляются два с половиной века спустя, в 905 г., когда Шривиджайя уже носила иное название (в китайской транскрипции — Саньфоци) [561, с.161—162; 693, с.124; 722, с.185; 928, с.231].

В то же время начиная с 760 г. в Китай стали опять прибывать послы Хэлина. Это государство, которое правильнее будет назвать Хэлин II (см. [табл. II](#)), вплоть до 820 г. было единственным в регионе (кроме Камбоджи и Тямпы), которое посылало свои посольства в Китай. Речь, стало быть, идет о появлении в

островном мире нового гегемона. Чтобы разобраться в том, как это произошло, необходимо вернуться к истории государства Хэлин в VII в. Хэлин (китайская транскрипция индийского топонима *Калинга* или *Валаинг*) стал гегемоном Центрально-Восточной Явы после царства Поли, которое играло эту роль в 473—637 гг. Первый раз на месте гегемона Хэлин оставался недолго. Он успел отправить в Китай только три посольства — в 640, 648 и 666 гг. [928, с.214; 561, с. 164]. Затем начиная с 670 г. место гегемона не только на части острова, но во всем архипелаге перешло к Шривиджайе. Этому предшествовали весьма драматические события.

К последней четверти VII в., т. е. ко времени, когда Хэлин ушел в тень, уступив место новому гегемону, относится рассказ китайской летописи «Синь Тан шу»:

«...(В 674 г.) люди этого царства (Хэлин) избрали правительницей женщину по имени Сима. Правила она превосходно. Вещи, оброненные на дороге, никто не поднимал. Арабский вождь прислал мешок золота, чтобы его положили на территории, но люди обходили этот мешок, и он пролежал три года. Однажды наследник трона перешагнул через этот мешок. Царица Сима так разгневалась, что хотела его казнить. Но потом достигли компромисса и отсекли только пальцы ног, которыми принц коснулся мешка»

[483, с.8].

Появление некоего арабского вождя — здесь только датирующий признак. Древнее арабское мореходство, в V—VI вв. потесненное персами, после образования Арабского халифата, естественно, снова оживилось. Так что нравоучительный характер этой исторической новеллы совершенно очевиден. Китайским летописцам, как и летописцам всего мира, было свойственно представление, что неслыханная честность и другие

добродетели существуют где-то за морями. Неясно в этом рассказе только, куда пропала предшествующая династия. Все царские семьи того времени отличались многоженством и многодетностью. Если жителям царства Хэлин пришлось выбирать себе правителя и этим правителем оказалась женщина, значит, незадолго до этого какая-то военная катастрофа поглотила весь прежний царский род (или, во всяком случае, его мужскую часть).

Эта катастрофа могла произойти только в промежутке между 666 г., когда в Китай прибыло последнее посольство Хэлина I, и интервалом 670—673 гг., когда ко двору императора Гао-цзуна прибыло первое посольство Шривиджайи.

Новый гегемон предоставил побежденному царству полную свободу внутренней политики в обмен на отказ от права внешних сношений. Промежуток, в который произошли эти события, видимо, можно сузить. Последнее посольство западнояванского царства Тарумы посетило Китай в 668—669 гг., а так как маловероятно, чтобы царь Шривиджайи напал на Хэлин, оставив у себя в тылу Таруму, можно с большой долей уверенности сказать, что гегемония Шривиджайи над всей Явой установилась между 669 и 673 г.

Несколько позже жертвой агрессии Шривиджайи стал ее северный сосед — Малайю. Прибывший в Индонезию в 671 г. И Цзин еще застал Малайю независимым государством, а вернувшись сюда из Индии в 685 г., он увидел, что она уже вошла в состав империи Шривиджайи и на более жестких условиях, чем малайские и яванские государства. Описывая географию Юго-Восточной Азии к моменту своего возвращения в Китай, И Цзин перечисляет Даньдань, Паньпань, Хэлин и даже Поли как отдельные территориальные единицы, а Малайю—Джамби сливает со Шривиджайей [560, с.64].

Государства Южной и Центральной части Малаккского п-ова — Даньдань и Лангкасука навсегда исчезают из китайских анналов практически в то же время, что и Тарума (см. [табл. II](#)). Их последние посольства прибыли в Китай почти одновременно. Это похоже на коллективный крик о помощи, но император Гао-цзун, видимо, не счел нужным вмешиваться. Может быть, он предпочитал вести торговые дела с одним крупным партнером. Паньпань к этому времени уже не существовал как самостоятельное государство. Его последнее посольство прибыло в Китай в 635 г., а вскоре после этого он вошел в состав Дваравати. Дваравати, таким образом, в начале 670-х годов получило общую границу с Шривиджайей. И почти сразу, около 675 г. обнаруживаются последствия этой новой ситуации. Столица Дваравати переносится из Утхонга в заново построенный и хорошо укрепленный город Накхонпатхом. Затем начинается укрепление морского побережья путем строительства приморских крепостей.

Ход борьбы между Дваравати и Шривиджайей нам неизвестен, но к 775 г. в Лигоре, одном из главных центров бывшего Паньпаня, уже появляются шривиджайские надписи. Надпись из Вьен Са, высеченная на каменной плите и датированная 15 апреля 775 г., сообщает о возведении святилищ Будды и двух бодхисаттв по приказу Дхармасету, царя Шривиджайи. На обороте этой плиты есть неоконченная надпись царя Вишну, который, судя по контексту, был сюзереном царя Дхармасету. Об этом царе сообщается, что «он носит титул махараджа, ибо принадлежит к Шайлендрам» [483, с. 16].

Царство Шайлендров на Яве и ранний Матарам

В надписи из Вьен Са мы видим, что до 775 г. «великокняжеский престол»¹¹ Нусантары переместился из Шривиджайи в другую страну. Более точно мы можем установить эту дату по китайским хроникам. Последнее посольство из Шривиджайи в Китай прибыло в 742 г., а первое посольство Хэлина (после перерыва более чем в 100 лет) — в 767 г. (см. [табл. II](#)). После этого вплоть до 818 г. Хэлин (который мы для отличия от Хэлина IV—VII вв. будем называть Хэлин II) был единственным государством Нусантары, направлявшим свои посольства в Китай.

Есть еще одна возможность уточнить дату перехода гегемонии от Шривиджайи к Хэлину. Это анализ религиозной и династической ситуации, сложившейся на Центральной Яве к середине VIII в. В 664—667 гг. китайский монах Гуй-нинь специально приехал в Хэлин, чтобы изучать тонкости махаяны вместе со здешними эрудитами. Стало быть, Хэлин, как и Шривиджайя, в это время был важным центром махаянского буддизма [465, с.65]. Но в конце VII — начале VIII в. на Центральной Яве (на плато Дьенг) начинается интенсивное строительство шиваитских храмов [888, с.36].

Первая датированная надпись Центральной Явы рассказывает о том, как по приказу царя Санджаи в 732 г. на равнине Кеду был возведен храм Агастье, одному из важных персонажей Шиваитской религии, которого, видимо, отождествляли с главой Древнего индонезийского пантеона и почитали как отца цивилизации [882, с.28; 483, с.8—9]. Яванские цари X—XII вв. почитали Санджаю как своего родоначальника. Один из них даже ввел эру Санджаи, которая начиналась 18 марта 717 г. [738, с.53]. Поздние

сведения о нем носят вполне фантастический характер. Ему приписывают завоевание почти всех известных тогда земель вплоть до Китая [693, с.230]. Однако величие династии Санджаи наступило много позже его смерти. Царствование его никак не отмечено современниками, а сын его Панангкаран (около 760 — около 780) уже был не самостоятельным государем, а вассалом царя из династии Шайлендров, по приказу которого он возвел храм буддийскому божеству [483, с.9—10].

Период 760—820 гг. на Центральной Яве совпадает с периодом крупномасштабного буддийского строительства. В числе возведенных в это время храмов был и Боробудур. Как и каким образом произошла смена верховной династии и государственной религии, неясно, но в китайских летописях сохранилось многозначительное упоминание, что в период между 760 и 762 гг. ко двору императора Су-цзуна прибыл с Явы посол — знатный араб, который передал императору просьбу местной знати помочь решить вопрос о престолонаследии. Таким образом, около 760 г. в Хэлине разразился какой-то династический кризис, и в итоге царями Хэлина и гегемонами всей Индонезии стали Шайлендры (*цари Горы*).

Титул *цари Горы* носили и монархи Фунани (Бапнома). В одной яванской надписи IX в. упоминается древний царь Бхуджайоттунгаварман, правитель страны Варанара, а последняя столица Фунани (Бапнома) называлась Нараваранагара. В то же время в комплексе храма Мендут, возведенного царем Шайлендров Индрой около 775 г., было установлено девять статуй бодхисаттв, символизирующих девять предков Индры. Считая по 25 лет на поколение, мы получим 225 лет. А если вычесть 225 из 775, получим 550 г. — приблизительную дату смерти Рудравармана, последнего царя единой и независимой Фунани. Таким

образом, основатель династии яванских Шайлендров Бхуджайоттунгаварман мог быть одним из сыновей Рудравармана, который после покорения Фунани (Бапнома) Ченлой эмигрировал в Индонезию [483, с.17; 521, с.89].

Придя к власти, Шайлендры, цари Явы (или Забага, как называли Яву арабы), сразу повели широкую имперскую политику. Под 767 г. вьетнамские летописи сообщают о нападении на Вьетнам «людей, пришедших из Куньлунь и Шэпо (Явы)» [560, с.132]. Они разграбили весь Вьетнам вплоть до его тогдашней столицы Сонтай, пока их не выбил губернатор Чжан Бо-и, который после этого построил крепость Лотхань, ставшую новым центром Вьетнама. В том же году яванцы и «люди куньлунь» совершили сокрушительный набег на Тямпу, в результате которого, по-видимому, рухнула четвертая династия Тямпы и столица была перенесена в другое место [465, с.67; 229, с.150; 691, с.50].

Дошедшая до нас надпись тямского царя Сатьявармана сообщает о драматических событиях, произошедших в этой стране в 774 г.:

«Счастливым царь (Тямпы) по имени Вичитрасагара воздвиг некогда на земле области Каутхара мукхалингу (лингу с лицом, т. е. с головой бога) Шри Шамбху (Шивы)... Эта линга в 696 г. эры Шака (774 н.э.) была захвачена людьми, родившимися в других городах, людьми, чья пища страшнее, чем трупы, людьми ужасными, совершенно черными и тощими, злобными и страшными, как смерть. Эти люди приплыли на кораблях и сожгли это обиталище бога... Узнав об этом, царь Шри Сатьяварман со своими солдатами, офицерами и стражниками погнался за ними на добрых судах и бился на море с этими злодеями. Но голова Шивы, которую они увезли на своих кораблях, утонула

вместе со всеми богатствами, и царь был этим глубоко опечален»

[560, с.132—133].

В 787 г. те же агрессоры снова вторглись в Тямпу и сожгли храм Шивы близ столицы Тямпы Вирапуры [465, с.67; 656, с.110]. О конфликте махараджи Забага с царем Камбоджи в конце VIII в. мною уже говорилось.

Двухсоставная формула «*яванцы и люди кунь-лунь*» дает некоторое представление об армии Забага. Словом *кунь-лунь*, как уже говорилось, китайцы и вьетнамцы обозначали всех жителей Юго-Восточной Азии, но в особенности тех, кто населял нецивилизованную, первобытную часть страны, например жителей Малых Зондских о-вов. Очевидно, махараджи Забага (Явы), так же как и китайские императоры в начале VII в., нанимали войска в этих районах военной демократии, которая так называется как раз потому, что при ней война была профессией каждого взрослого мужчины.

Шестидесятилетний период гегемонии Шайлендров был одним из самых блестящих периодов в истории средневековой Индонезии, но в то же время сама его относительная краткость показывает, что все эти успехи не опирались на прочную основу. В качестве гипотезы можно предположить, что центр имперской жизни во второй половине VIII в. переместился на Яву, потому что малопродуктивная (преобладали леса и болота) Суматра не могла дать централизованной власти таких материальных ресурсов, как густонаселенная и богатая плодородными землями Ява. Удачливый род авантюристов — странствующих полководцев (может быть, действительно происходивший от царей Фунани) мог быть приглашен в Шривиджайю (как мы помним, там выбирали командующих) или в Хэлин в связи с какими-то династическими кризисами. Здесь цари из этого рода

могли удачно сочетать максимальное использование ресурсов глубинных районов¹² с ударной силой огромного флота и наемных войск. Здесь Шайлендры могли развернуться больше, чем на Суматре, и увековечивать свою память гигантскими погребальными сооружениями (а к этому в основном сводились все храмовые комплексы) в свое удовольствие. Но, быстро истощив страну, они потеряли здесь власть и вынуждены были вернуться на Суматру, где в дальнейшем вели себя гораздо скромнее. Никаких монументальных памятников царского величия на Суматре не обнаружено. В 818 г. в Китай прибыло последнее посольство Хэлина, а в 820 г. сюда уже прибывает первое посольство из Шэпо (Явы) (это название китайские летописцы употребляли с 435 г.). Это, очевидно, было связано с приходом к власти на Яве царя Гарунга (около 819 — около 839). При нем в культурно-религиозной области происходит полная смена декораций. Буддийское строительство прекращается, а индуистское возобновляется. Недалеко от заброшенного дворца Шайлендров начинают возводить храмовые комплексы династии Санджайи — царей шиваитов. Одним из наиболее выдающихся сооружений этого времени стал комплекс Лоро Джонггранг.

О нескольких царях Явы, правивших после Гарунга, неизвестно практически ничего, кроме имен. При царе Балитунге (около 898 — около 913) происходят два примечательных события: государство получает новое название — *Матарам*, а его начало с большим или меньшим основанием возводится к Санджайе и прерывается монополия Явы на дипломатические отношения с Китаем. В 905 г. Шривиджайя после 87-летнего перерыва посылает посольство к китайскому

императору, а об аналогичных посольствах Явы ничего не известно вплоть до 990 г. (см. [табл. II](#)).

Балитунга сменил Дакша, который, по мнению Г. Седеса, построил Лоро Джонггранг в честь своего предшественника [521, с. 127]. Затем правили еще два недолговечных царя — Тулодонг и Вава. По некоторым сведениям, около 927 г. Вава ушел в отшельники и царем стал Синдок, занимавший важные государственные посты при двух предшествующих царях. При Синдоке (около 927 — около 948) столица Матарамы по неясным причинам была перенесена из центра на восток Явы. Здесь в долине в верховьях р. Брантас складывается новый центр государства [521, с.128; 693, с.260-261].

После смерти Синдока на Яве некоторое время, видимо, правила его дочь Шри Ишанатунгавиджайя, затем власть перешла к ее сыну Манувамсавардхане. О событиях во время их правления нам ничего не известно. Около 991 г. царем Матарамы становится Дхармавамса Анантавикрама, который сразу начинает проводить широкую имперскую политику. Как мы убедились, он был причастен к смене династий в Камбодже, тайно или явно помогая кхмерским принцам, жившим при его дворе.

Как сообщает китайская летопись «Сун-ши»:

«(В 988 н.э.) прибыл посол (из Шривиджайи—Саньфоци) с данью. Зимой (992 н.э.) из Гуаньчжоу сообщили, что это посольство, которое покинуло столицу Китая два года назад, узнало на юге, что в их страну вторглось Шэпо (Ява), и вследствие этого задержалось на год в Гуаньчжоу. Весной (992 г.) посол отправился в Тямпу на судне, но, не получив там хороших известий, вернулся в Китай и обратился с просьбой к императору, чтобы тот издал указ, ставящий Саньфоци под протекторат Китая»

[561, с.18—19].

Император Тай-цзун потребовал объяснений у Дхармавамсы, но яванский посол, прибывший в Китай в том же, 992 г., ограничился ссылкой на то, что дело это старое, домашнее, их царства, мол, всегда воевали друг с другом, и посторонним тут делать нечего. Оказывали ли Тай-цзун (976—998) или его преемник Чжэнь-цзун (998—1023) какую-либо помощь Шривиджайе, не ясно. Скорее всего, дело ограничилось моральной поддержкой, вроде благословения храму, который шривиджайский царь Чуламаниварман в 1003 г. по вполне понятным причинам воздвиг в честь Чжэнь-цзуна [747, с.74; 928, с.250]. Тем не менее ход войны скоро изменился, и в 1006—1007 гг. Матарам потерпел полное поражение и распался на части. Столица Явы была разрушена, а Дхармавамса убит [882, с.42; 693, с.266].

Нусантара в XI—XIII вв.

На рубеже X—XI вв. Шривиджайя продолжала оставаться одним из главных центров мирового буддизма. В биографии Атисы (980—1053), знаменитого реформатора тибетского буддизма, говорится:

«По соседству с Джамбудвипой (Индией. — Э.Б.) есть страна Суварнадви́па (здесь — Шривиджайя. — Э.Б.), богатая драгоценными металлами и камнями. Лама Гзер Глинба родился в царской семье этой страны. Желая глубоко изучить Дхарму, он с разрешения отца отправился в Джамбудвипу для паломничества в Ваджрасану (Храм Бодхгайя).

В то время в Ваджрасане жил великий ачарья Маха Шри Ратна и принц стал его учеником. Но ачарья согласился наставлять его в Дхарме только на условии, что он отречется от царской власти и станет отшельником. Ачарья дал ему имя Дхармакирти из Суварнадви́пы. Вернувшись в Суварнадвипу, Дхармакирти обратил всех, кто был привержен религии тиртхика, в буддизм. Хотя он жил в Суварнадвипе, его имя стало широко известно повсюду за пределами этой страны.

Вместе с несколькими купцами Дипанкара (Атиса) отправился в Суварнадвипу на большом корабле. Путешествие было долгим и изнурительным. Оно длилось несколько месяцев и сопровождалось ужасными штормами. В это время Суварнадви́па была главным штабом буддизма на Востоке и ее верховный священник Дхармакирти считался величайшим ученым своего времени. Дипанкара (Атиса) провел там 12 лет с тем, чтобы полностью овладеть чистым учением Будды, ключом к которому владел только Дхармакирти. Дипанкара вернулся в Индию на купеческом корабле,

посетив по дороге Тамрадвипу (Шри Ланку) и Лесной остров»

[483, с.62—63].

После победы над Явой Шривиджайя опять вернула себе место гегемона в островном мире. Это нашло свое отражение в том, что Шривиджайя в XI в. направила в Китай одиннадцать посольств (1003, 1006, 1008, 1028, 1067, 1078, 1079, 1080, 1082, 1087, 1094—1095), а Ява — ни одного (см. [табл. II](#)). Это соотношение сил не смог изменить даже сокрушительный набег Раджендры I, царя южноиндийской державы Чолов в 1025 г. Раджендра I временно захватил все основные центры Суматры и Малайи, но не смог удержать их [913, с.83; 928, с.251].

Китайские летописи пестрят упоминанием о богатых дарах шривиджайских царей, а это косвенно свидетельствует о процветании Шривиджайи в XI в. О том же говорят высокие почести, которые неизменно оказывали шривиджайским послам китайские императоры. «Сун-ши» сообщает:

«(1028 г.) в восьмой месяц (25 августа — 24 сентября) царь Шелитихуа (Шри Дева) прислал послов с данью. Обычно послам из дальних стран дарят пояс, украшенный золотом. Но на этот раз послам Саньфоци дали пояса целиком из золота»

[561, с.20].

В 1067 г. в Китай прибыл в качестве посла один из высших чинов Саньфоци по имени Дихуацзяло (Девакула). Ему был пожалован титул *Великий полководец, который соблюдает послушание и страстно любит обновление*. Ему был направлен императорский указ:

«Наша репутация и наше учение отбрасывают тень на все страны, ближние и дальние. И если

представители этих стран верны и покорны, мы им жалуем китайские титулы. Давая им достойные имена, мы выказываем этим наше отношение к их стране. Все с радостью подчинились нашему величественному влиянию, и вы пересекли море, чтобы принести в дар драгоценные предметы. Мы хвалим вас за это и мы возводим вас в высокое достоинство, чтобы поощрить вас и в дальнейшем соблюдать верность и покорность»

[561, с.21].

Полвека спустя,

«...в период Юань-фэн (1075—1085) послы из Саньфоци поднесли серебро, жемчуг, камфорное масло, благовония и другие продукты своей страны. На следующий год император (Шэнь-цзун) дал им 64 тыс. связок медных монет, 15 тыс. таэлей серебра и двум послам — почетные титулы. Один из них просил разрешения купить золотые пояса, различные предметы из серебра, пурпурные одежды для буддийских монахов и официальные таблички. Все это ему подарили»

[561, с.21].

В XII в. Шривиджайя начинает приходить в упадок, и тон китайского двора становится прохладнее. В 1172 г., по сообщению «Сун-ши»:

«Царь Саньфоци просил разрешения купить медь и нагрузить его корабль, а также нанять китайских ремесленников, умеющих делать черепицу из меди. Император (Сяо-цзун) разрешил, но с условием, что эта просьба больше никогда не повторится»

[561, с.22].

Когда же в 1178 г. в Китай вновь прибыли послы Шривиджайи с данью «продуктами своей земли», Сяо-цзун издал указ, запрещающий послам Саньфоци являться ко двору. Впредь они должны были

останавливаться в порту Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь) и вести дела с тамошним губернатором [561, с.22].

В XIII в. Шривиджайя пришла в окончательный упадок и в последней четверти этого века была завоевана яванским царем Кертанагарой.

После катастрофы 1006 г. Ява распалась на множество микросударств, которые вели между собой постоянные войны. В 1019 г. притязания на верховную власть над островом заявил Эрлангга, зять последнего царя Матарама Дхармавамсы и правнук Синдока. В этом году он торжественно короновался на отвоеванном им куске территории между Сурабайей и Пасуруаном [693, с.269], но полностью объединить страну ему удалось только после 1030 г., когда он замирился со Шривиджайей и женился на дочери царя этой страны.

В 1037 г., окончательно подавив сопротивление местных Царьков, Эрлангга перенес свою столицу в Кахурипан и занялся обустройством морских портов, рассчитывая восстановить морскую мощь Явы [693, с.271; 738, с.67], но центробежные силы, действовавшие на Яве в это время, оказались сильнее воли энергичного монарха. Около 1045 г. уже больной Эрлангга, чтобы избежать новой гражданской войны после своей смерти, разделил царство между сыновьями, а сам ушел в отшельники и вскоре умер [693, с.273; 738, с.59].

С 1045 по 1115 г. на Яве сосуществовали два государства — Джанггала (со столицей в Кахурипане) и Панджалу (со столицей в Кадири). Затем Камешвара I (около 1115 — около 1130) объединил их благодаря династическому браку¹³. С этого времени начинается новый подъем Явы. Наряду с экономикой расцветает и культура. Максимальный расцвет государства Кадири совпал с правлением царя Джайябхайи (около 1135 — около 1157), вскоре после смерти вошедшего в

легенды. Он стал одновременно королем Артуром и Мерлином яванского эпоса. Ему приписывают предсказание всей будущей истории Индонезии вплоть до XX в.

В 1222 г. государство Кадири пало, и ему на смену пришло государство Сингасари, но об этом уже рассказано в моей книге «Юго-Восточная Азия в XIII—XVI веках» (М., 1982).

Глава VI. БИРМА

Легендарная история Бирмы и вопросы хронологии

В современном бирмановедении принято делить историю Бирмы на легендарную и достоверную. Достоверная, т. е. подкрепленная надписями и другими независимыми от бирманских летописей источниками, начинается с правления царя Анируды (1044—1077). Попытки восстановить связную историю страны до Анируды до сих пор не предпринимались. Вплоть до настоящего времени в распоряжении историков было только полтора десятка достоверных дат по истории Бирмы до 1044 г. Однако тщательный анализ «Хроники Зеркального дворца», свода, составленного в начале XIX в. по более древним летописям, позволяет выявить целые массивы датированной информации, охватывающей историю Бирмы в IV—XI вв.

История Бирмы до прихода к власти Анируды в «Хронике Зеркального дворца» легко разбивается на семь блоков, каждый из которых, в свою очередь, делится на две части. Первая часть рисует подъем, вторая — падение описываемого царства или династии (см. [табл. VI](#) в Приложении, с. 305—307).

I блок

царство Тагаун I (33 царя) (850—600 до н.э.)
первый переходный период (600 до н.э. — ?)

II блок

царство Тагаун II (17 царей) (? — 504 до н.э.)
второй переходный период (504—484 до н.э.)

III блок

царство Тарекитара (27 царей) (484 до н.э. — 94 н.э.)
третий переходный период (94—107)

IV блок

I Паганская династия (9 царей) (107—439)

I смутное время (439—494)

v блок

II Паганская династия (9 царей) (494—613)

II смутное время (613—640)

vi блок

III Паганская династия (4 царя) (640—716)

III смутное время (716—726)

vii блок

IV Паганская династия (10 царей) (726—906)

IV смутное время (906—1017)

Первый блок хроники, как и вся работа в целом, в первую очередь решает главную задачу, которая стояла перед ее авторами, — легитимацию власти тех царей, при которых составлялись эти летописи. Поэтому все бирманские цари от появления государства в Бирме до последних лет царства Паган увязываются летописцами в единую линию родственников, которую иногда прерывают кратковременные правления узурпаторов.

В первом блоке хроники сообщается, что первым царем Бирмы стал пришедший в 850 г. до н.э. из Индии Абхираджа. Он принадлежал к так называемому *Солнечному роду царей*, возводившему свое происхождение к первому царю на земле Икшкваку, который, в свою очередь, был внуком первого человека и бога Солнца Вивасвата [381, с.33]. По мнению авторов «Хроники Зеркального дворца», практически все бирманские цари (кроме нескольких узурпаторов) принадлежали к Солнечному роду. При этом подчеркивалось происхождение бирманских царей не столько от Икшкваку или от его потомка, знаменитого героя Рамы, сколько от царского рода Шакьев, из которого вышел Будда. Шакьи были приписаны к Солнечному роду только после распространения буддизма и только в буддийских странах, где идея

родства с Буддой стала дополнительным основанием легитимности местных царей.

Появлению первого царя в Бирме, согласно бирманским хронологиям, предшествовали драматические события в Индии, на родине Шакьев. Где-то в середине IX в. до н.э. царь государства Панчала посватался к дочери царя государства Колья. Этот последний очень гордился своей принадлежностью к роду Шакьев. Он счел ниже своего достоинства породниться с царем Панчалы и крайне грубо ответил на его просьбу. Разразилась кровопролитная война. Несмотря на то что царству Колья в ней помогали два других царства, в которых тоже правили Шакьи — Девадаха и Капилавасту, союзники потерпели сокрушительное поражение. Что стало с царем Колья и царем Девадахи, хроника не сообщает (по-видимому, они погибли). Царь же Капилавасту по имени Абхираджа вынужден был бежать из Индии в Бирму. Здесь, на севере страны, в районе нынешнего города Тагаун, он основал новое царство Сангассаратха (или Сангассанагара), которое историки обозначают термином Тагаун I.

После смерти Абхираджи право на трон Тагауна стали оспаривать два его сына — Канразаджи и Канразанге. Дело, однако, не дошло до сражения. Мудрый министр предложил им поединок иного рода. Пусть царем станет тот, кто в течение одной ночи построит дом для сбора милостыни буддийским монахам (авторов легенды здесь не смущал тот факт, что дело происходило задолго до рождения Будды). Оба царевича согласились с этой формой «божьего суда». На закате они выбрали себе по холму и начали там строительство. Старший брат, Канразаджи, отнесся к своей задаче добросовестно. Он строил дом для монахов из массивных бревен и не успел к утру его закончить. А младший, Канразанге, прибег к хитрости.

Он на скорую руку возвел сооружение из тонких досок и бамбука, натянул поверх них ткань и покрасил все это в белый цвет. Когда наступил рассвет, простодушный старший брат увидел на холме сияющее белизной здание. Он безропотно собрал своих приверженцев и отплыл из Тагауна вниз по Иравади. В Центральной Бирме он сначала основал город Раджагаха на холме Калетаунньо, но прожил там только шесть месяцев. Затем перенес свою столицу на восток от реки Каччапа, построив новый город — Джауппадаун. Пролцарствовав там 74 года, Канразаджи снова переместил свою столицу в древний город Дханьявати, где заново построил царский дворец и городские стены.

Такая троекратная смена местопребывания весьма характерна для персонажей бирманских хроник. Цифра «три», более присущая индоевропейской, чем дальневосточной мифологии, вообще часто встречается в бирманском фольклоре и исторических легендах. Характерно, в частности, деление этноса на три части или соединение трех разных этносов в одну группу. «Хроника Зеркального дворца», например, сообщает, что, когда Канразаджи жил в своей первой столице — Раджагахе, к нему пришли пью, каньяны и теки, жившие в Западной стране¹, и попросили его дать им царя. Эти три племени, видимо, представлялись авторам хроники племенным союзом, в котором ведущую роль играли пью. Мудучитта, сын Канразаджи, которого тот предложил в качестве царя просителям, в дальнейшем обозначается просто — «царь пью».

Государство Пью действительно занимало значительную часть Бирмы в VI—IX вв., а первое упоминание о нем в Китайских источниках относится к III в. н.э. Под каньянами авторы хроники, скорее всего, имели в виду араканцев, а под теками еще одно племя

из бирманской группы, может быть, собственно бирманцев.

Что же касается младшего сына Абхираджи — Канразанге, то он остался царем в Тагауне—Сангассаратхе. Вслед за ним царствовал его сын Джамбудираджа, а затем еще тридцать его потомков. При этом в династии Абхираджи в 29 случаях из 32 трон наследовали сыновья, в двух случаях — младшие братья, а в одном случае — дядя. Это указывает на четкую патриархальную традицию наследования.

Согласно хронике, в 600 г. н.э. при последнем, тридцать третьем царе этой династии Биннакарадже Тагаун—Сангассаратха (или Тагаун I) пал под ударами неких таропов и тареков, пришедших из страны Сейн в царстве Гандхала².

Это событие произошло уже при жизни Будды. После падения Тагауна I, по «Хронике Зеркального дворца», наступает первый период хаоса и раздробленности. Царь Биннакараджа с теми приверженцами, которые последовали за ним, покинув Тагаун I, переселяется на реку Мали. После смерти Биннакараджи его приверженцы раскололись на три группы. Одна направилась на восток и создала там 19 шанских государств, которых с тех пор считают потомками Биннакараджи. Другая переправилась через Иравади и проникла в Западную страну, где потомки царя Мудучитты управляли пью, каньянами и теками. Третья часть осталась в центре, в области Мали под управлением царицы Нагасейн.

Все изложенные выше события можно рассматривать как I блок хроники; II блок хроники, во многом повторяющий I, отличается тем, что он относится ко времени после появления Будды. Начиная с этого блока Будда становится главным участником исторического процесса. Своими предсказаниями, а то и прямым

вмешательством в современные ему события он определяет будущую историю бирманцев.

Во II блоке (в хронике он охватывает период предположительно с середины VI в. до н.э. до 484 г. до н.э.) царь Косалы снова сватается к дочери Шакьев в Капилавасту. На этот раз гордый царь Маханама не отказывает просителю, а обманывает его — выдает за него замуж не свою дочь, а рабыню. Родившийся от этого брака царевич Витатупа не знает о своем происхождении, но, когда он навещает царство своего деда, жители Капилавасту выказывают ему презрение, как сыну рабыни. Витатупа клянется смыть кровью это оскорбление и, став царем Косалы, трижды атакует земли Шакьев (царства Девадаха и Коля как бы несут коллективную ответственность за действия третьего царства Капилавасту). Будда из симпатий к своим родичам трижды останавливает нападения Витатупы. Но на четвертый раз он видит, что карма Шакьев исчерпалась, и не мешает вторжению. Страна Шакьев, в которой от начала времен правило более 80 тыс. царей из этого рода, гибнет. Спасается только царь Дхаджараджа, который, как в свое время Абхираджа, эмигрирует в Бирму со своими сторонниками. Здесь он, сообразно фольклорному правилу, трижды меняет резиденцию, прежде чем окончательно осесть на земле. Так в художественной форме отражается факт поэтапного переселения бирманцев с севера на юг, хотя их реальная прародина — Юго-западный Китай заменяется более престижным исходным пунктом — священными местами буддийской Индии.

Пожив некоторое время в основанном им городе Мория, а затем в городе Тинтве, Дхаджараджа направляется в область Мали, где правила царица Нагасейн, также принадлежащая к роду Шакьев, и вступает с ней в брак. Не задерживаясь в Мали, Дхаджараджа возвращается на север Бирмы и на месте

разоренной столицы в Тагауне основывает новую, которой дает название *Панчала*. Это царство (которое можно назвать Тагаун II) с самого начала отличалось исключительным великолепием и могуществом. Согласно хроникам, обустроивая свое царство, Дхаджараджа, принявший звучный титул Тадо Джамбудипа Дхаджараджа, первым делом пожаловал титулы всем ученым людям и раздал 1060 дипломов на почетные звания министрам и высшим чиновникам, придворным, водителям слонов, кавалеристам, пехотинцам, богатым людям, брахманам, астрологам, врачам и ремесленникам.

Авторы хроники рисуют здесь идеальный, по их понятиям, образ монарха, а мы получаем некоторое представление о размерах социальной мобильности в средневековых бирманских государствах.

Подобно тому как Дхаджараджа заботился о своих подданных, боги и духи заботились о нем самом.

«Вот описание Золотого дворца Тадо Джамбудипа Дхаджараджи. Он планировал его три года и семь месяцев. Все центральные колонны главного дворца стояли на золотых основаниях. Все колонны вокруг этого ряда колонн — на серебряных основаниях. На вершине большой центральной колонны был установлен кувшин, украшенный драгоценностями. Двое святых произнесли заклинания, отгоняющие зло. Верхнюю часть Золотого дворца строили наги и духи, нижнюю — люди Сангассанагары. Главный дворец имел пятьту (многоярусную крышу. — Э.Б.) в центре и девять павильонов с двойным рядом внешних и внутренних дверей, ведущих в тронный зал с четырех сторон. Изображения, соответствующие планете, под которой родился (царь), были помещены с четырех сторон по два внутри и снаружи. Духи принесли прохладную воду озера Анотата и пяти великих рек и смешали ее с

водой Иравади для совершения церемонии тингджан (коронации. — Э.Б.). В день праздника царица, наложницы и весь народ совершили обряд мытья головы.

Когда церемония тингджан завершилась, царь вступил во дворец с Брахмой и царем нагов по правую руку, Сакрой и Паджджуной по левую и с восемью советниками-брахманами, каждый из которых держал в руке правостороннюю раковину.

Сопровождаемый своими генералами и министрами, общим числом в 100 тысяч, двумя главными царицами, 700 наложницами, 90 белыми слонами, 180 синдскими конями и толпой чиновников, он взошел в нижний дворец. Затем он поднялся в главный дворец и там вкусил пищу в честь своего восшествия на престол.

Рис и кэрри (по 170 горшков каждого) были поданы на драгоценных блюдах. Вначале он (царь Дхаджараджа) переложил пищу богу своей планеты, затем Сакре и Брахме и духам-хранителям своего зонта (символа царской власти. — Э.Б.), дворца и города Пища была разбросана на полу дворца Ее поели две кошки, а часом позже — два человека Еще через час ее начал есть царь, за ним — наследник, затем — министры и чиновники.

Духи принесли царю великий барабан Эйншин. Два больших барабана муйо были повешены по бокам царского зонта, а сверх этого еще большой барабан пауччо, барабан кабын и барабан джун. Там же были пять колоколов, носивших имена Надошаук, Надотин, Надопа, Надосаунг и Надотвин»

[586, с.4—5].

Во второй половине II блока дата гибели Тагауна II прямо не указывается. Хроника сообщает лишь, что династия Дхаджараджи состояла из 17 царей, но «их царское великолепие длилось недолго, ибо их одолели

злые духи, демоны, великаны, змеи и драконы» [586, с.6]. Последний, семнадцатый царь этой династии Тадо Махараджа, не имея сыновей, завещал свой трон своему шурина Хепадуте, но тот, как мы узнаем из другого места летописи, этим наследством не воспользовался и, совершив в 504 г. до н.э. великий подвиг, убив дикого кабана высотой в 12 локтей, ушел в отшельники и поселился в земле Пью.

Поздний характер II блока проявляется не только в этой сжатости изложения, но и в том, что в хронологии «Хроники Зеркального дворца» практически не остается места для этого блока. Царство Тагаун I пало около 600 г. В промежуток между 600 и 504 гг. должны, таким образом, вместиться и долгие странствия переселяющихся бирманских племен, и правление 17 царей Тагауна II. Это совершенно нереально. Поэтому очевидно, что в истории существовало только одно царство Тагаун (*Тугма* у Птолемея), к датировке которого мы еще вернемся.

Необходимость II блока с точки зрения авторов, видимо, была вызвана тем, что вводилось новое доказательство в пользу легитимности паганских царей. Их предок (по «Хронике») Дхаджараджа не только принадлежал к Солнечному роду, но получил право на царство в Бирме, потому что вступил в брак с богиней здешней земли. Добирманское население Бирмы (как и многие другие народы) представляло себе богов и богинь земли в виде змей — нагов. Чтобы примирить первую версию (солнечное происхождение бирманских царей) со второй (происхождение от наги), авторы летописи сообщают, что местная царица Нагасейн (первая из серии змеиных цариц в «Хронике Зеркального дворца») тоже принадлежала к Солнечному роду Шакьев [586, с.4].

III блок в «Хронике Зеркального дворца» (484 до н.э. — 107 н.э.) составляет в основном сага о великом герое

Дваттабауне, основателе Тарекитары, и его потомстве. Этот блок начинается с пророчества Будды, сделанного им во время посещения Бирмы:

«Когда он (Будда) достиг вершины горы Хпо-у, он заметил лепешку высохшего коровьего навоза, плывущую по морю на юго-восток. А еще он увидел маленького крота, который наскреб кучку земли и, встав на нее, поклонился всевидящему Господу. И он улыбнулся, увидев эти два знамения. А его двоюродный брат Шин Ананда спросил: „Почему ты улыбаешься? “

И он (Будда) ответил: „Возлюбленный Ананда! В 101 году после моего ухода в Нирвану (443 до н.э. — Э.Б.) на этом месте явятся пять великих знамений. Земля содрогнется с великим грохотом. Возле горы Хпо-у образуется большое озеро. Возникнут реки Самоп и Самьет. Гора Поппа выступит как конус из земли. И море высохнет там, где будет основана Тарекитара. Когда явятся эти знамения, этот крот покинет свое нынешнее тело и станет человеком по имени Дваттабаун, который построит великий город и царство и воздвигнет дворец и зонт и будет править как царь. И начиная с этого времени моя религия надолго утвердится в Бирме“»

[586, с.7].

Введением к саге о Дваттабауне служит история двух слепых близнецов, которые родились у царя Тадо Махараджи, когда он, изгнанный своими врагами, скитался по лесу. Впоследствии близнецы прозрели. В 484 г. до н.э. старший близнец Махатхамбава женился на царице Пью по имени Нанхкан и стал царем Пью (484—478 до н.э.). Вслед за ним правил младший близнец Сулатхамбава (478—443 до н.э.), от которого пошли цари города Пейктано. В 443 г. до н.э. царем стал 22-летний Дваттабаун, сын Махатхамбавы, которому, если верить хронике, суждено было дожить до 105 лет. В

первый же год своего правления он основал новую столицу — Тарекитару (в районе современного города Пьи).

Как сообщает «Хроника Зеркального дворца»:

«В 101 году (буддийской) религии (443 до н.э.) Семь Великих³ — Гавампати, Риши, Сакра, Нага, Гарула, Санди и Ларамесура собрались в соответствии с предсказанием Будды и совещались, как устроить новый город. И Сакра, став в центре приятной ровной местности, привязал к хвосту Наги веревку, и тот протащил ее, описав ровный круг⁴. И на земле, которую таким образом выделил Сакра, он построил золотой город Тарекитару, столь же великолепный и славный, как его собственный город Судассанси. Этот чудесный город имел все семь вещей, необходимых для города, а именно: главные ворота (числом 32), малые ворота (числом 32), рвы, траншеи, навесные башни и бойницы, квадратные башни с многорядными крышами над воротами, башенки на стенах и так далее. Весь город имел одну йоджану в диаметре и три йоджаны в окружности... Когда строительство города и дворца было закончено, Сакра взял царя Дваттабауна и возвел его на золотой трон, и он был помазан царем.

Двумя его царицами стали сестра царя Сандадеви, дочь царицы Пью, которую царственный отец (Дваттабауна) Махатхамбава взял в супруги, и принцесса Наги Безанди.

Сакра одарил Дваттабауна пятью эмблемами царственности, мечом добродетели Тилавунта и всем прочим. Более того, он подарил ему... копье Арейндама, сокрушающее всех врагов, (магические) колокол и большой барабан, коней Валахана, летавших по небу, и слона Налагари высотой в 15 локтей и длиной 20 локтей для царственных выездов»

[586, с.14—15].

Как видно из этого текста, Дваттабаун, так же как и Дхаджараджа, был женат на царице змей — в данном случае ее звали Наги Безанди, т. е. Наги из племени безанди (бесунгеты Птолемея или пицьянь китайцев — жители Южной Бирмы). В отличие от Дхаджараджи, жена которого была одновременно и наги, и женщина из Солнечного рода, у Дваттабауна эти две функции несли две отдельные жены. Вторая жена — принцесса Сандадеви была дочерью царицы Пью из Солнечного рода. Она родила Дваттабауну сына, будущего царя Дваттарана (373—351 до н.э.). Брак же с принцессой наги был бездетен. В этом видно стремление рационалистически для своего времени мыслявших авторов хроники вытеснить указания на слишком уж языческий культ змей, популярный у их предков. Но исключительная важность этого культа (вплоть до начала II тысячелетия н.э.) постоянно проступает то в том, то в другом месте летописи. Царь нагов фигурирует в числе семи великих богов, строивших славную столицу Тарекитару. Более того, он определяет магическую границу этого города. То, что бог Сакра (он же Индра) держит его при этом за хвост, — вариант более позднего времени.

Дваттабаун — герой архаического типа. Свои подвиги он совершает с помощью волшебных даров, которые он получил от своих волшебных помощников (бога Индры и царя Нагов).

«Царь Дваттабаун писал послание (своим соседям) и прицеплял к летучему копью. И он поднимался на гору и сам метал это копье. И копье, прилетев, повисало над головами этих царей. И это летучее копье оставалось в таком положении, пока эти цари не признавали смиренно власть Дваттабауна и не просили его о пощаде в приличествующих такому случаю выражениях. А когда он требовал дань при помощи

(чудесных) колокола и барабана, с первого же удара звук начинал вибрировать так, что как бы бил в самую глубь ушей царей людей и царей нагов. И этот (невыносимый) звук не прекращался, пока эти цари не начинали смиренно просить о помощи.

И когда он, таким образом, собирал дань, сотни царей со всей Джамбудипы (обитаемой земли) каждый год подносили ему своих красивейших дочерей, своих слонов и коней, рубины, золото, серебро, и другие драгоценные металлы и одежды из меха, шелка и хлопка. Груды сокровищ, и золота, и серебра, приносимых в дань, достигали в высоту 40 локтей»

[586, с. 16].

Описание дворца и обряда коронации Дваттабауна имеет значительное сходство с аналогичным описанием в рассказе о Дхаджарадже. Но если последний кончается на оптимистической ноте, то история Дваттабауна кончается катастрофой.

«Однажды этот великий и могущественный царь покусился на жалкие пять пеев монастырской земли, которые подарила монастырю продавщица пирожков»

[586, с.17].

Такое святотатство, естественно, имело самые жуткие последствия. Волшебное копье перестало летать, волшебные колокол и барабан больше не издавали ни звука. Враги царя приободрились, и положение его резко ухудшилось. По совету мудрецов царь вернул захваченный клочок земли, но это не вернуло волшебных свойств копью, барабану и колоколу.

Царь между тем продолжал ухудшать свою карму. Верные министры Пьюсиньбью и Пьюсинньо снова принудили соседние страны платить Дваттабауну дань, но неблагодарный царь вероломно убил их. Ему пришлось самому отправляться на волшебной лодке,

подаренной нагами, на сбор дани. Во время этих приключений он утратил чудесную родинку, которая была у него на лбу. Тогда его покинула царица Наги Безанди. Не унявшийся царь плюнул в океан, и тут терпение нагов⁵ иссякло. Они забрали свою лодку и самого царя Дваттабауна в свою страну [586, с. 18].

После Дваттабауна в Тарекитаре правили еще 26 царей до 94 г. н.э. В этом году царство «переполнилось ворами, разбойниками, грабителями и головорезами» [586, с.27]. Произошли какие-то социальные потрясения, и население страны распалось на три части — пью, каньянов и бирманцев. С этого начинается вторая часть III блока, в общих чертах повторяющая вторую часть II блока. Снова упоминается и трехчастное деление, и тройное переселение, и 19 деревень. Эти 19 деревень, однако, расположены не в Шанской области, а в среднем течении р. Иравади. Здесь в 107 н.э. на базе синойкизма этих 19 деревень (очевидно, правильнее будет сказать, племенных округов — каруинов) царь Тамодарит построил новую столицу — Паган (Армадана) [586, с.29].

Следующий, IV блок открывается рассказом о великом герое Пьюсохти, который в ряде черт повторяет сагу о Дваттабауне; в то же время в этой саге появляется ряд новых, более поздних элементов.

Сага начинается, как обычно, предсказанием Будды:

«Когда Господин (Будда) воплотился, он, путешествуя, пришел из Срединной страны (Индии) на место, где потом возникло это царство (Бирма). Стоя на вершине горы Таупджи, он увидел белую цаплю и черную ворону, которые сидели на верхушке дерева бутеа на крутом берегу. И еще он увидел ящерицу с раздвоенным языком, которая сидела важно как проповедник на ветке дерева бутеа, и маленькую лягушку, раболепно согнувшуюся у корней дерева. И он

улыбнулся. Двоюродный брат Будды Шин Ананда спросил его: „Почему ты улыбаешься?“

И Господин (Будда) изрек такое пророчество: „В 651 году после моей Нирваны (107 н.э. — Э.Б.) в этом месте возникнет великое царство. То, что белая цапля и черная ворона сели на верхушку дерева бутеа, означает, что в этом царстве будет много добродетельных и милосердных людей и что в нем также будет много злых людей, лишенных добродетели. Ящерица с раздвоенным языком, сидящая как проповедник на ветке дерева, означает, что жители царства не будут пахать землю, но займутся торговлей, продавая и покупая, и их речь не будет содержать слов правды, а только ложь. Маленькая лягушка у корней дерева бутеа означает, что народ будет хладнокровен, как лягушка, и счастлив. В царствование Тамодарита, первого основателя этого царства, великая птица, великий вепрь, великий тигр и летучая белка захватят власть. Но принц, полный отваги, силы и могущества, пронзит этих четырех — великую птицу, великого вепря, великого тигра и летучую белку“»

[586, с.29—30]

Разумеется, все именно так и произошло. В царствование царя Тамодарита (107—152) Тарекитара подверглась нашествий четырех страшных зверей. Но юный герой Пьюсохти сразив каждого из них в единоборстве и освободил страну. Перед нами, стало быть, герой нового типа. Он побеждает врагов не благодаря полученным от божественных покровителей волшебным предметам, а благодаря личной силе и мужеству. В то же время в рассказе о Пьюсохти содержится ряд черт, роднящих его с рассказом о Дваттабауне.

Пьюсохти, как и Дваттабаун, тесно связан с миром нагов. Более того, по одной из легенд он родился из

змеиною яйца, снесенного принцессой наги, вступившей в связь с принцем из Солнечного рода (правда, авторы «Хроники Зеркального дворца» отвергают эту версию, как фантастическую) [586, с.34—35]. Так же как и Дваттабаун, Пьюсохти имел двух жен — Тирисандадеви, дочь Тамодарита, которая принесла герою право на трон и стала матерью его сына Хтиминьи (242—299), и Ирандадеви, принцессу наги, брак с которой остался бездетным [586, с.33, 42]. Наконец, существует явный параллелизм в хронологии этих двух саг. Дваттабаун, как сообщает хроника, был третьим царем своей династии. До него правили его отец и дядя. Пьюсохти был третьим царем в своей династии. До него правили Тамодарит, усыновивший его, и Ятеджан, его престарелый духовный наставник. Дваттабаун взшел на трон в 35-летнем возрасте и правил 70 лет (443—373 до н.э.). Пьюсохти взшел на трон в 35-летнем возрасте и правил 75 лет (167—242). Таким образом, в начале III и IV блока помещена одна и та же легенда (в более архаическом варианте в III блоке, в более позднем — в IV блоке) (см. [табл.III](#)).

Таблица III. Хронология бирманских царей от основания Пагана до начала правления Анируды, согласно «Хронике Зеркального дворца»

IV блок «Хроники»

I Паганская династия

1. 107—152 Тамодарит (род. 75)
2. 152—167 Ятеджан (род. 61), наставник 3-го
3. 167—242 Пьюсохти (род. 132), зять 1-го
4. 242—299 Хтиминьи (род. 192), сын 3-го
5. 299—324 Йинминпаик (род. 249), сын 4-го
6. 324—344 Паиктили (род. 283), сын 5-го
7. 344—387 Тинлиджаун (род. 291), сын 6-го
8. 387—412 Джаундурит (род. 332), сын 7-го

9. 412—439 Тихтан (род. 377), сын 8-го

I смутное время

10. 439 (3 месяца) Мохкаман, узурпатор

11. 439—494 Туйэ (род. 407), узурпатор

V блок «Хроники»

II Паганская династия

1. 494—516 Тарамунхпья (род. 439)

2. 516—523 Тайттаин (род. 471), сын 1-го

3. 523—532 Тинлиджаунге (род. 488), сын 2-го

4. 532—547 Тинлипаик (род. 512), брат 3-го

5. 547—557 Хканлаун (род. 515), брат 4-го

6. 557—569 Хканлат (род. 518), брат 5-го

7. 569—582 Хтунтаик (род. 534), сын 6-го

8. 582—598 Хтунпъит (род. 552), сын 7-го

9. 598—613 Хтунчит (род. 576), сын 8-го

II смутное время

10. 613—640 Поппа Сорахан (род. 576), узурпатор

VI блок «Хроники»

III Паганская династия

1. 640—652 Швеонти (род. 605), зять Поппы Сорахана

2. 652—660 Пейттон (род. 611), брат 1-го

3. 660—710 Пейттаун (род. 638), сын 2-го

4. 710—716 Нгахкве (род. 655), брат 3-го

III смутное время

5. 716—726 Мьиндживе (род. 695), узурпатор

VII блок «Хроники»

IV Паганская династия

1. 726—734 Тейнхка (род. 673)

2. 734—744 Тейнсун (род. 679), сын 1-го
3. 744—753 Швелаун (род. 709), сын 2-го
4. 753—762 Хтунхтвин (род. 727), сын 3-го
5. 762—785 Швемаук (род. 742), сын 4-го
6. 785—802 Мунлат (род. 746), брат 5-го
7. 802—829 Сохкинхнит (род. 766), сын 6-го
8. 829—846 Хкелу (род. 794), сын 7-го
9. 846—878 Пьинбья (род. 801), брат 8-го
10. 878—906 Таннек (род. 850), сын 9-го

IV смутное время

11. 906—915 Сале Нгахкве (род. 865), узурпатор
12. 915—931 Тейнхко (род. 890), сын 11-го
13. 931—964 Ньяун-у Сорахан (род. 886), узурпатор
14. 964—986 Кунхсо Чаунбью (род. 906), сын Таннека
15. 986—992 Чизо (род. 964), сын 13-го
16. 992—1017 Соккате (род. 964), брат 15-го

Династия Тамодарита—Пьюсохти, которую можно назвать I Паганской династией (107—439), состояла из девяти царей. После смерти царя Тихтана (412—439) в Пагане началось I смутное время. В результате ожесточенной борьбы между тремя министрами нецарского происхождения трон захватил узурпатор Туйэ (439—494). После его смерти министры нашли укрывавшегося где-то внука Тихтана — Тарамунхпью, и он стал основателем II Паганской династии (494—613).

Поскольку рассказ о II Паганской династии, занимающий V блок хроники, дублируется рассказом о IV Паганской династии (726—906), которым начинается VII блок хроники, есть смысл рассматривать их вместе. Общие черты II и IV Паганских династий сопоставлены в таблице (см. [табл. IV](#)). Обе династии пришли к власти после более или менее длительного периода узурпации бирманского трона лицами, не принадлежащими к

Солнечному роду, т. е. не имеющими божественного происхождения.

О первом царе II династии Тарамунхпье (494—516) говорится, что «министры нашли внука царя Тихтана (последнего царя I Паганской династии. — Э.Б.), который укрывался, и посадили на трон» [586, с.50]. О первом царе IV династии Тейнхка (726—734) говорится: «Он был царского рода. Поскольку Мьиндживе (узурпатор, правивший в 716—726 гг. — Э.Б.) не оставил сына, министры стали искать кого-нибудь из царского рода и сделали Тейнхку царем» [586, с.54].

В обоих случаях, стало быть, происходят выборы царя высшими чиновниками царства, а права их избранника на трон довольно сомнительны. Во втором случае степень родства основателя новой династии с последним законным царем прежней династии вообще не указывается, хотя, согласно хронике, тот был убит всего девять лет назад.

О Тарамунхпье хроника сообщает: «Перед его смертью звезды сражались друг с другом» [586, с.50]; о Тейнхке написано: «Перед его смертью звезды в течение семи дней были подобны кровавым точкам» [586, с.54].

О третьем царе II династии Тинлиджаунге (523—532) говорится: «35 лет он провел в Нижнем доме (т. е. был подданным, а не царем. — Э.Б.), девять лет царствовал. Умер в возрасте сорока четырех лет» [586, с.50]. То же самое говорится о третьем царе IV династии Швелауне (744—753). Отличаются только знамения перед смертью этих царей. Перед смертью Тинлиджаунге произошло наводнение и сильный дождь. Перед смертью Швелауна пчелы налетели во дворец, а сука оценилась на троне. Не следует, нам кажется, забывать, что знамения — элемент художественного оформления хроники. Здесь индивидуальному творчеству разных летописцев был предоставлен наибольший простор.

Четвертый царь II династии Тинлипаик (532—547) и четвертый царь IV династии Хтунтвин (753—762) прожили по 35 лет. Оба родились в субботу. Пятый царь II династии Хкаялаун прожил 42 года, пятый царь IV династии Швемаук — 43 года.

Шестой царь II династии Хканлат (557—569) и шестой царь IV династии Мунлат (785—802) помимо идентичности второй половины имени были младшими братьями своих предшественников, взошли на трон в 39 лет и мало отличались сроками жизни (Хканлат — 51 год, Мунлат — 56 лет).

Седьмой царь IV династии Сохкинхнит (802—829) как будто не имеет пары в списке II династии (он на одно имя короче)» зато между седьмым царем II династии Хтунтаиком (569—582) и восьмым царем IV династии Хкелу (829—846) опять наблюдается параллелизм. Оба — сыновья предыдущих царей, оба стали царями в 35 лет. Сходны и знамения их смерти. Перед смертью Хтунтаика «звезда пересекла диск Луны, много звезд стало видно днем» [586, с.51]. Перед смертью Хкелу, как сообщает нам летописец, «четвертая звезда (Юпитер. — Э.Б.) пересекла диск Луны, пятничная звезда (Венера. — Э.Б.) явила комету» [586, с.55].

Таблица IV. Сопоставление царей II и IV Паганских династий

II Паганская династия						IV Паганск		
№	Имя царя	Даты правления	Возраст при восшествии на трон	Время правления	Срок жизни	№	Имя царя	Даты правления
1.	Тарамунхпья, найден министрами	494—516	55	22	77	1.	Тейнхка, найден министрами	726—734
2.	Тайттаин, сын 1-го Начало упадка буддизма	516—523	45	7	52	2.	Тейнсун (Сурьявикрама), сын 1-го	734—744
3.	Тинлиджаунге, сын 2-го	523—532	35	9	44	3.	Швелаун (Харивикрама), сын 2-го	744—753
4.	Тинлипаик, брат 3-го	532—547	20	15	35	4.	Хтунтвин (Сихавикрама), сын 3-го, пронзен шипом	753—762
5.	Хканлаун, брат 4-го	547—557	32	10	42	5.	Швемаук, сын 4-го	762—785
6.	Хканлат, брат 5-го	557—569	39	12	51	6.	Мунлат, брат 5-го	785—802
						7.	Сохкинхнит, сын 6-го	802—829
7.	Хтунтаик, сын 6-го, Погиб на ритуальной пахоте	569—582	35	13	48	8.	Хкелу, сын 7-го	829—846

Только две последние пары: 1) восьмой царь II династии Хтунпыт (582—598) и девятый царь IV династии Пьинбья (846—878) и 2) девятый царь II династии Хтунчит (598—613) и десятый царь IV династии Таннек (878—906) отличаются несходством биографий. Однако конец обеих династий одинаков — после насильственной или необъясненной смерти законного царя к власти приходит узурпатор, отстранивший законных наследников, а спустя несколько десятилетий законная линия царей снова возвращается на трон.

Список царей, которые в «Хронике Зеркального дворца» упоминаются (под разными именами) дважды, этим не исчерпывается (см. [табл. V](#)). Правивший после Хтунчита узурпатор Поппа Сорахан (613—640) имеет двойника в седьмом царе IV династии Сохкинхните, сыне Мунлата (802—829). Поппа Сорахан правил 27 лет, а всего прожил 64 года. Соответствующие цифры у Сохкинхнита — 27 лет и 63 года. Царь Пьинбья (846—878), основатель Пагана (859), соответствует царю-огороднику Ньяун-у Сорахану (931—964), который убил своего предшественника Царя Тейнхко (915—931), Пьинбья взошел на трон в возрасте 45 лет и правил 32 года. Ньяун-у Сорахан стал царем в 45 лет и правил 33 года. Царю Таннеку (878—906), убитому конюхом, соответствует царь Соккате (992—1017), убитый Анирудой. Таннек стал царем в 28 лет, умер в 56 лет. Соккате стал царем в 28 лет, умер в 53 года. Каждую пару царей мы в дальнейшем будем рассматривать как одно лицо, а длительность жизни и правления этого лица брать у того царя, который значится позже.

Таблица V. Сопоставление некоторых царей Пангана

V блок «Хроники»						VI блок «Хр			
№	Имя царя	Даты правления	Возраст при восшествии на трон	Время правления	Срок жизни	№	Имя царя	Даты правления	Вос
9.	Хтунчит, сын 8-го царя II Паганской династии	598—613	22	15	37	5.	Мьиндживе, конюх-узурпатор, убивший последнего царя III Паганской династии	716—726	н
			V блок «Хроники»						VII
10.	Поппа Сорахан, монах-узурпатор (между II и III Паганскими династиями)	613—640 VII блок	37	27	64	7.	Сохкинхнит, сын 6-го царя IV Паганской династии	802—829	
			VII блок «Хроники»						VII
9.	Пьинбья, брат 8-го царя IV Паганской династии. Основатель Пагана	846—878	45	32	77	13.	Ньяун-у Сорахан, огородник-узурпатор	931-964	
10.	Ганнек, сын Пьинбья. Убит конюхом	878—906	28	28	56	6.	Соккате, сын Ньяун-у Сорахана. Убит Анирудой	992—1017	

События в Бирме VIII—IX вв. сообразно исправленной датировке

Перейдем теперь к достоверным датам истории Бирмы в VII—VIII вв. и посмотрим, можно ли увязать их со списком бирманских царей в «Хронике Зеркального дворца». При раскопках в Тарекитаре были найдены четыре каменные погребальные урны со следующими надписями:

«1. Год тридцать пятый, умерли родственники Сурьявикрамы.

2. Год пятидесятый, месяц пятый, царь Сурьявикрама умер в возрасте шестидесяти четырех лет.

3. Год пятьдесят седьмой, второй месяц, двадцать четвертый день, царь Харивикрама умер в возрасте сорока одного года, семи месяцев и девяти дней.

4. Год восьмидесятый, второй месяц, четвертый день. Царь Сихавикрама умер в возрасте сорока четырех лет, девяти месяцев и двадцати дней»

[250, с.49].

Большинство исследователей сходятся на том, что даты на погребальных урнах — это даты Бирманской эры, которая начинается с 638 г. н.э. и применяется в Бирме до сих пор. Таким образом, мы имеем даты жизни и правления трех царей Тарекитары (т. е. государства Пью).

673—688 Сурьявикрама

688—695 Харивикрама

695—718 Сихавикрама

Если мы обратимся теперь к [таблице IV](#), то увидим, что царь Тейнсун из пары Тайттаин—Тейнсун прожил 65 лет (Сурьявикрама — 64 года). Следующая пара царей, Тинлиджаунге—Швелаун (оба они пришли к власти в 35 лет, правили 9 лет, а умерли в 44 года), имеет

некоторое соответствие с царем Харивикрамой (он пришел к власти в 34 года, правил 7 лет, умер в 41 год). Следующая за ними пара Тинлипаик—Хтунтвин имеет в датах мало общего с Сихавикрамой (у них даты, соответственно, $20+15=35$ и $26+9=35$, у него $21+23=44$), то в очередной паре Хканлаун—Швемаук даты жизни и правления Швемаука практически совпадают с датами Сихавикрамы ($20+23=43$). Поэтому можно предположить, что летописец, постоянно слегка варьировавший даты царей-дублеров, в данном месте имел в виду правивших подряд царей, которые нам известны под именами Сурьявикрама, Харивикрама, Сихавикрама.

Если мы теперь используем для второго, третьего и четвертого царя II (она же IV) династии Пагана известные нам по погребальным урнам даты, то получим такую картину:

1. 665—673 Тарамунхпья—Тейнхка
2. 673—688 Тайттаин—Тейнсун—Сурьявикрама
3. 688—695 Тинлиджаунге—Швелаун—Харивикрама
4. 695—718 Тинлипаик—Хтунтвин—Сихавикрама
5. 718—741 Хканлаун—Швемаук
6. 741—758 Хканлат—Мунлат

Достоверность этих дат можно проверить. Между 757—763 гг. царь Наньчжао Голуфэнь подчинил себе царство Пью. Столица страны была перенесена из Тарекитары в Халин. В 832 г. войска Наньчжао полностью завоевали царство Пью. Если считать дату 832 г. началом правления III династии Пагана, то обратный счет от этой даты даст такие цифры:

1. 762—779 Хтунтаик—Хкелу
2. 779—795 Хтунпыт—Тейнхко
3. 795—805 Хтунчит—Мьиндживе
4. 805—832 Поппа Сорахан

Иначе говоря, выделяется группа из четырех царей, с общей датой правления 762—832, четко уместящейся

в промежутке между первым подчинением царства Пью Наньчжао при Голуфэне (757—763) и окончательным разгромом этого царства тем же Наньчжао в 832 г. При этом разрыв между датой конца правления Хканлата—Мунлата (741—758) и началом правления Хтунтаика—Хкелу составляет только четыре года, очень небольшой допуск, учитывая, что авторы хроники постоянно слегка сдвигали даты правления царей-дублеров, чтобы их идентичность не была слишком ясна.

Обратимся теперь к достоверным датам истории Бирмы начала IX в., которые сохранились в китайских источниках. Там сообщается, что в 802 г. ко двору китайского императора Дэцзуна прибыло посольство из страны Пью во главе с сыном царя этой страны, имя которого в китайской транскрипции звучит Шунанто [608, с. 13]. Далее в хронике династии Тан сообщается, что в 832 г. войска Цюань Фэн-ю — царя государства Наньчжао

«...разгромили и сровняли с землей столицу Пью, взяли в плен оставшихся в живых три тысячи человек, поселили их как рабов в Чентунге (Юннань Фу — восточная столица Наньчжао. — Э.Б.) и велели им самим добывать себе пропитание»

цит. по [251, с.23].

А в «Хронике Зеркального дворца» мы находим царя Швеонти (640—652), который был сыном царя Хтунчита (598—613) и в чем-то пережил ситуацию принца Гамлета. После смерти его отца царем стал духовник и фаворит матери Швеонти — Поппа Сорахан. Если верить хронике, в отличие от дяди Гамлета Поппа Сорахан был человеком весьма достойным.

«Он глубоко знал питаки и веды (священные книги буддизма и индуизма. — Э.Б.), был красив, прекрасно сложен и был столпом добродетели и веры. Когда царя Хтунчита не стало, его сделали царем, настолько

приятен он был царю и царице. А Швеонти, сын царя Хтунчита, бежал в страхе. Он притворился безумным и жил в деревне Лалин, питаясь подаянием. Между тем Поппа Сорахан выполнял десять царских обязанностей и любил народ, и мирских людей и святых (т. е. духовенство. — Э.Б.), как если бы они были его родные дети.

Но дух Махагири не являлся и не вещал, потому что царь не был царского рода и не принадлежал к Солнечному роду: И когда царь посоветовался с мудрецами, они сказали ему, что дух не появляется и не произносит ни слова потому, что он (Поппа Сорахан) не царской крови и не принадлежит к Солнечному роду. И тогда царь воскликнул: „Пусть вечно живет Солнечная династия!“ И он призвал к себе Швеонти, дал ему в жены свою дочь и сделал наследником»

[586, с.52].

«Улучшение» истории во все времена было главной задачей Придворных летописцев. Если мы теперь попытаемся восстановить реальные временные рамки, в которых все происходило, Наши сомнения насчет данной версии гамлетовской истории могут только усилиться. Зная, что 1044 год — реальная дата прихода к власти первого «исторического» царя Бирмы — Анируды и отсчитывая от этой даты назад до правления царя Хтунчита, мы получим такие даты правления:

795—805 Хтунчит (он же Мьиндживе)

805—832 Поппа Сорахан (он же Сохкинхнит)

832—844 Швеонти

В 802 г., как мы видим, Швеонти был наследником престола, и отождествление с Шунанто представляется нам вполне резонным, тем более что во всех царских списках «Хроники Зеркального дворца» нет больше ни одного имени, которое хотя бы отдаленно походило на Шунанто. Далее, реальная дата «мирного и

полюбовного» прихода Швеонти к власти после смерти узурпатора совпадает с датой одной из крупнейших катастроф в истории Бирмы — гибели Халинджи — северной столицы царства Пью⁶ и полной потери независимости страны. И вероятность случайного совпадения цифр здесь весьма невелика.

Поэтому более реалистично представить здесь такой ход событий. После захвата власти в 805 г. Пуппа Сорахан повел политику на разрыв с государством Наньчао, которое было с середины VIII в. сюзереном государства Пью. Он, в частности, восстановил (в хронике сказано, что впервые установил) так называемую Бирманскую эру, начинавшуюся с 638 г., которой цари Пью пользовались в эпоху независимости. Чтобы предотвратить новую агрессию со стороны Наньчао, Пуппа Сорахан продолжал курс сближения с Китаем, начатый еще его предшественником — Хтунчитом⁷. Возможно, он опирался также на союз с монским государством Южной Бирмы (в китайской транскрипции Минэнь), которое в эти годы также стало развивать дипломатические отношения с Китаем. После прихода к власти китайского императора Сянь-цзуна (806—821) в 807 г. произошел обмен посольствами между Китаем и царством Пью [521, с.104]. Выдержки из отчета послов, посетивших Бирму в 807 г., сохранились в работе китайского историка XIII в. Ма Дуаньлиня. В них говорится:

«Когда царь отправляется недалеко, его несут на носилках с золотыми кистями. Если он путешествует, он едет на слоне. Его сопровождает великое множество его жен и несколько сот слуг.

Стены столицы Пью сложены из больших кирпичей. Их окружность равна 160 ли. Рвы вдоль этих стен также обложены кирпичами. В столице проживает несколько десятков тысяч семей и находится более 100 храмов

Будды. Внутри эти храмы украшены золотом и серебром и обиты роскошными тканями. Пол в них вымощен камнем пурпурного цвета и застлан парчой.

Жители царства Пью исповедуют любовь к жизни и отвращение к убийству. Их земля пригодна для выращивания огородных растений, проса сорта лянь, но не производит ни конопли, ни пшеницы. Они не пользуются ни путами, ни кандалами, и никакими орудиями пытки для обвиняемых. Их просто связывают. Тех, кого признают виновными, бьют по спине бамбуковыми палками — пять раз за тяжкие преступления, три раза — за легкие. Только убийство карается смертью»

[717, с.232—233].

«Мальчикам и девочкам в семь лет наголо бреют голову и отдают в храмы и монастыри. Они остаются там до 20 лет изучать религию Будды. Затем они возвращаются в мир. Их одежда состоит только из белой хлопковой рясы и пояса, красный цвет которого напоминает восходящее солнце. Они отвергают употребление шелка, так как для этого приходится лишать жизни шелковичных червей. Посольство царя Пью поднесло (императору Дэ-цзуну) музыку своего царства. Оркестр из 35 музыкантов исполнил 22 пьесы. Все тексты на эту музыку славили религию Будды»

[717, с.234—235].

«Кирпичи городской стены — зеленого цвета. В этой стене — двенадцать ворот с башнями по бокам. Жилые дома кроют свинцовыми или оловянными пластинами. Сами дома строят из дерева лицзи.

В царском дворце — два колокола — золотой и серебряный. В них бьют особым образом, если царству грозит вражеское вторжение, чтобы определить по их звукам счастливые или несчастные предзнаменования.

Возле дворца стоит огромный слон, высотой в 100 футов. Перед ним преклоняют колени все, кто собирается вступить в тяжбу, и мысленно взвешивают справедливость своего дела. В случае общественных бедствий сам царь простирается перед слоном, курит перед ним благовония и публично кается в грехах, которые он совершил. Рядом с городом — песчаные горы и бесплодные земли»

[717, с.232].

«Страна пригодная для выращивания огородных растений. Там собирают рис, просо и сахарный тростник большой толщины. Они не пользуются ни жиром, ни растительным маслом. Они жгут восковые свечи, в которые добавляют благовоние для аромата.

У них есть серебряные и золотые монеты в форме полумесяца. Жители этой страны называют их цзядо и цодань-до. Они торгуют с соседними народами, продавая им главным образом очень тонкие белые льняные ткани и керамику.

Женщины собирают волосы в большой пучок на макушке и украшают его цветами из олова, жемчуга и разными камнями.

Все носят веера. Знатные подвешивают к поясу по пять-шесть вееров»

[717, с.234].

«Танцоры и танцовщицы, числом 64, несколько раз меняют костюмы и прически под аккомпанемент барабана. Часто они держат в руках длинные перья, обуваются в легкие кожаные ботинки, носят головную повязку, украшенную жемчугом, и раскрашивают предплечья в разные цвета.

Их музыкальные инструменты — это флейты с семью отверстиями, органы с 16 трубами, большие и малые рожки (корнеты), пятиструнные скрипки,

тринадцатиструнные лютни, колокола, колокольчики и кимвалы из разных металлов, клавиры из ракушек, барабаны с деревянными или бамбуковыми корпусами, железные или бамбуковые тарелки, металлические диски и квадраты и т.д. У них есть песня девушек, песня монахов и т.д.»

[717, с.235].

Таким образом, при Поппе Сорахане (он же Сохкинхнит) царство Пью явно переживало пик своего величия, что и получило отражение в очень высокой оценке этого царя в «Хронике Зеркального дворца». Независимый внешний курс и удачная социальная политика, несомненно, создали Поппе Сорахану популярность и у современников, так что шансы законного наследника Швеонти на возвращение престола стали, видимо, совсем ничтожны. С его стороны было бы логично обратиться за внешней помощью, и он, судя по всему, это сделал.

В 808 г. только что взошедший на престол царь Наньчжао Сюнь Го-цюань внезапно принимает титул *Пьюхсин* (Повелитель Пью) и делает это настолько широковещательно, что данный факт фиксирует китайская летопись [608, с. 15]. Инициатива Швеонти в этом мероприятии очень вероятна. Немедленных практических выводов из заявления Сюнь Го-цюаня однако не последовало. В следующем году он скоростижно умер — скорее всего, не своей смертью. На престол взошел его 12-летний сын Цюань Лун-шэн (809—816), подросток с садистскими наклонностями. Государственными делами он интересовался мало и к 19 годам настолько надоел своим подданным, что был зарезан офицером собственной стражи по имени Ван Цзя [472, с. 153]. Затем царем стал другой сын Сюнь Го-цюаня — 15-летний Цюань Ли (816—824). При нем несколько активизировалась внешняя политика

Наньчжао, но она была ориентирована на захват вьетнамских территорий, в то время входивших в состав Китая, и велась не очень последовательно. Главную роль в правительстве играла мать юного царя, которую гораздо больше интересовало храмовое строительство. Несомненно, под ее влиянием отношения с Китаем были нормализованы, и в 824 г. китайский император прислал Цюань Ли золотую печать как символ власти вассального царя [472, с. 154].

Внешняя политика Наньчжао мало изменилась и в первые годы царствования третьего сына Сюнь Го-цюаня — Фон-е (824—859), который вззошел на трон в семилетнем возрасте. Но в 827 г. цареубийце Ван Цзя, который к этому времени стал генералом, удалось полностью оттеснить царицу-мать от власти. Она ушла в буддийский монастырь. С этого времени политика Наньчжао в отношении Китая и других соседних стран резко меняется, становится активно наступательной. Во Вьетнаме, входившем в то время в Китайскую империю, своего рода «пятой колонной» Ван Цзя становятся родственные населению Наньчжао племена мань, сравнительно недавно переселившиеся в горные районы Северного Вьетнама. Попытки китайской администрации Вьетнама установить над ними жесткий контроль вызвали восстание горцев, их в определенной степени поддерживало коренное население страны, также недовольное китайским засильем.

В 832 г. войска Наньчжао вторглись в Северный Вьетнам и прошли по нему опустошительным набегом. Но главный удар в этом году был нацелен против отложившегося вассала — царства Пью. Как уже говорилось, столица Пью, город Халинджи, была полностью разрушена, а ее население истреблено или угнано в Наньчжао. Китайские хроники не упоминают о судьбе царя Пью. Очевидно, Поппа Сорахан погиб при штурме столицы. В противном случае о нем

сохранились бы какие-нибудь сведения. Феодалные хроники всегда тщательно фиксируют захват в плен царей. Такое случалось редко и считалось очень престижным для победителя. В 835 г. войска Наньчжао, продвигаясь на юг, вышли к морю, покорив при этом расположенное в Южной Бирме монское государство Мичэнь. Завоевание южного царства также сопровождалось опустошением страны и угоном значительной части населения в Наньчжао. Есть сообщение, что пленных из Мичэнь поселили в верховьях Иравади, чтобы они там мыли золото для новых хозяев [250, с.62]. Среди историков преобладает мнение, что именно в этот период опустевшую Бирму начали заселять собственно бирманцы, пришедшие с севера вместе с войсками Наньчжао [681, с.3].

Ни о чем подобном не говорится в «Хронике Зеркального Дворца». Авторы хроники предпочли умолчать о национальной катастрофе 832 г. и о явном коллаборационизме Гамлета-Швеонти, потомки которого благополучно царствовали до 908 г., Несмотря на то что были (по крайней мере вначале) просто Марионетками Наньчжао. Никакой иной власти в Бирме Победоносное Наньчжао в этот период не потерпело бы. Где находилась столица Швеонти и его наследников, неизвестно, но, скорее всего, это была Тарекитара — старая южная столица

Пью, оставленная по требованию Наньчжао в середине VIII в. Археологические исследования не обнаружили следов внезапного военного разрушения Тарекитары. Она приходила в упадок постепенно.

Посадив Швеонти на трон разоренной страны, правительство Наньчжао, однако, в известной степени компенсировало ему убытки, понесенные от возвращения власти таким образом. Судя по всему, он или по крайней мере его наследники не только возглавляли администрацию в своих «отеческих»

землях, но и были также наместниками Наньчжао в Южной, монской Бирме. На это указывает целый ряд косвенных доказательств.

Вслед за Швеонти (832—844) царем стал его младший брат Пейттон (844—852), а за ним сын Пейттона Пейттаун (852—902). Все они, особенно последний, были верными вассалами Наньчжао и исправно посылали военные контингенты для участия в набегах своего сюзерена на Китай и Вьетнам. В свою очередь, сюзерен помогал своему вассалу, когда он оказывался в затруднительном положении. Так, в 850 г. государство Пью подверглось агрессии с моря. На него напало «Царство львов». Некоторые историки считают, что под этим названием скрывается восточный сосед Пью — царство Дваравати (или Лавапура), расположенное на территории Южного Таиланда [472, с.156]. Однако военный потенциал Дваравати всегда был очень невелик. Это государство обычно было объектом агрессии своих соседей и серьезно угрожать объединенной Бирме не могло. Другое дело — Шри Ланка, мощная морская держава, которую тоже называли *Царством львов*, потому что название населения Шри Ланки — *сингалы* переводится именно как «львиные люди».

Конфликты Шри Ланки с Бирмой, вызванные торговыми проблемами, имели место и в последующие века. Бирманские цари в XI—XII вв. стремились укрепить государственную монополию на внешнюю торговлю, а Шри Ланка, как и следовало ожидать от развитой морской державы, боролась за свободу рынков. Возможно, что и в данном случае война разгорелась из-за какого-то неосторожного шага царя Пейттауна в начале его правления. Первое нападение Шри Ланки на побережье Бирмы зафиксировано в 853 г., т. е. практически сразу же после его прихода к власти.

В 858 г. давление Шри Ланки на Бирму стало, видимо, настолько невыносимым, что царь Наньчжао Фон-е вынужден был послать на помощь Пейттауну генерала Дуань Сена со значительной армией. Детали его действий против набегов Шри Ланки до нас не дошли, но они, несомненно, были весьма успешными, потому что благодарные жители Пью (а конкретно, очевидно, все тот же царь Пейттаун) поднесли генералу золотую статую Будды [472, с. 156] (по традиции вес такой награды должен был равняться весу самого награжденного). Военные успехи генерала Дуань Сена в бирмано-цейлонской войне очень повысили его авторитет в самом Наньчжао. Во всяком случае, вернувшись в 859 г. на родину и обнаружив там довольно типичную ситуацию (царь Фон-е внезапно умер в 42 года, а регентом при его 16-летнем сыне Ши Луне оказался все тот же генерал Ван Цзя), он так же быстро и решительно произвел новый государственный переворот. Генерал Ван Цзя был арестован и казнен. Ему было инкриминировано цареубийство, совершенное 43 года назад!

Первые годы царствования Ши Луна (859—877) стали пиком военной активности Наньчжао в IX в. Благодарный Пейттаун, как верный вассал, поставлял войска для всех военных авантур Ши Луна и Дуань Сена.

В феврале 863 г. войска Наньчжао, значительную часть которых составляли солдаты пью, взяли штурмом Тонгбинь (Ханой), тогдашний административный центр Вьетнама. Вся территория страны была оккупирована. Ши Лун повсеместно заменил китайскую администрацию Вьетнама собственной, поставив во главе ее вьетнамца До Ту Тхиена [608, с.15; 659, с.119].

В 866 г., однако, военная удача изменила Наньчжао. Ее войска были выбиты из Вьетнама китайским генералом Гао Пянем. Дальнейшая война

сосредоточилась на юго-западных границах Китая и также была малоуспешной. Четыре вторжения в Сычуань (871, 874, 876, 877 гг.) не принесли успеха войскам Ши Луна. После его смерти новый царь, его сын Лун Шунь (877—897), сразу же согласился на мирные предложения Китая, которые тот тщетно предлагал его отцу. Император Си-цзун (874—889), который сам находился в затруднительном положении (в Китае бушевала крестьянская война), постарался закрепить мир и союз с Наньчжао, выдав в 884 г. за Лун Шуня свою дочь.

Но Лун Шунь уже мало чем мог помочь своему новому союзнику. В Наньчжао, истощенном многолетними войнами и непомерным религиозным строительством, все явственнее стали проявляться черты политической нестабильности. Лун Шунь, пытаясь справиться с положением, стал без разбора казнить своих приближенных и в результате был убит одним из них. Сменивший Лун Шуня его сын Швен Хва (898—903) казнил убийцу вместе со всем его родом, но это помогло ему продержаться на троне только 5 лет. В 903 г. беглый китайский Чиновник Чжэн Май Сы, ставший вельможей в Наньчжао, совершил дворцовый переворот. Царь Швен Хва был убит, а весь царский род Мэн (800 человек) вырезан. Так закончилось Длительное правление династии Мэн. Наньчжао навсегда потеряло значение великой державы.

В Бирме современником Швен Хва был младший брат Пейттауна царь Нгахкве. Его правление тоже было очень коротким, и он тоже погиб насильственной смертью. «Хроника Зеркального дворца» сообщает, что его убил конюх Мьиндживе, выходец из крестьян. Историчность этого конюха-узурпатора вызывает сильное сомнение. Но оставив в стороне легендарный характер этой версии, рассказанной в «Хронике

Зеркального дворца» дважды, нетрудно понять, что династия Швеонти пресеклась вскоре после падения Мэн. Вслед за сеньором пал и вассал, лишенный его поддержки.

Падению династии Швеонти, очевидно, способствовала и внешняя агрессия. Царь находившейся в это время на подъеме Камбоджи Яшоварман I (889—910) стал претендовать на бирманские земли [250, с.63]. В одной из своих надписей он даже заявил, что владеет землями от Китая до Бенгальского залива. Успехи Яшовармана I в Бирме вряд ли были долговременными, но могли оказаться последним толчком, который решил судьбу царства Пью. Если после китайской агрессии с севера в III в. н.э. центр страны переместился на юг, сначала, очевидно, в старый Паган, потом в Тарекитару, то теперь, при агрессии с юго-востока, центром сопротивления внешней агрессии стала не Тарекитара, а расположенный гораздо севернее Паган, который на третий год своего правления царь Пьинбья по одной версии основал, а по другой только обвел стенами.

Согласно традиционной хронологической схеме, Пьинбья (846—878) был младшим братом царя Хкелу (829—846) и основал Паган в 849 г. Согласно предложенной нами хронологии, царь Пьинбья правил в 908—941 г., после убитого царя Нгахкве (902—908), и основал Паган в 911 г. Рассмотрим эту последнюю дату. Помимо приведенных выше соображений она также входит в число аргументов, подкрепляющих предложенную нами хронологию. Основание новой столицы, демонстративно носящей название древнего независимого царства Паган, несомненно, было своего рода актом независимости, как и сооружение оборонительных стен. В 849 г., когда государство Наньчжао находилось на вершине своего могущества, а Бирма еще не могла оправиться после катастрофы 832

г., вероятность такой акции, а тем более сопровождающий ее успех практически были равны нулю, в то время как 911 год, когда Наньчжао, раздираемое внутренней борьбой, уже пришло в глубокий упадок, представляется нам вполне реальной датой. Эта дата, кстати, довольно близко совпадает с приблизительной датой смерти Яшовармана I. Его наследник Харшаварман I (около 910 — около 922) уже не проявлял интереса к бирманским делам.

Наконец, следует принять во внимание то, что, по мнению подавляющего большинства историков, новое царство Паган было организовано бирманцами, пришедшими в Бирму с войсками Наньчжао. Базой для этого государства послужили 18 племенных образований — каруинов (11 в округе Чаусхе и 7 в округе Минбу), созданных бирманцами пекле их прихода в Бирму. Осесть на земле, прочно там укорениться и взять после этого власть в стране — для всего этого срок в 17 лет (832—849) маловат, а срок в восемь десятилетий (832—911) вполне реален.

Посмотрим теперь, подходит ли Пьинбья на роль основателя династии и нового царства. Помимо того что он основал Паган, сведения, которые сообщает о нем «Хроника Зеркального дворца», скудные, но отнюдь не нулевые. Во-первых, дается объяснение его имени. «Его так называли, — говорится в хронике, — потому, что, будучи юным принцем, он ел (т. е. получил в кормление. — Э.Б.) деревню Пьинбья» [586, с.55]. А в 919 г. он основал город Таунгдвин и дал ему имя *Раммавати*. В «легендарной» части «Хроники Зеркального дворца» крайне редко сообщается об основании городов (помимо столиц), а точная дата приводится только в данном случае. Объяснение же имени помимо данного случая дается только один раз — для легендарного основателя царства Паган — Пьюсохти или Пьиминти.

Там говорится о том, что он получил это имя потому, что его воспитала пожилая чета пью.

Таким образом, оба основателя Пагана (и реальный и легендарный) привязываются к коренному населению Бирмы, но с разными целями. Согласно хронике, Пьюсохти был не основателем царства пью Тарекитары (как это было на самом деле), а основателем бирманского царства Паган, и надо было объяснить, почему же в его имя входит слово *пью*. Реального же основателя Пагана, бирманца, который вошел в хронику под именем Пьинбья, наоборот, надо было покрепче увязать с только что свергнутой старой династией, чтобы подчеркнуть его права на трон.

Можно, конечно, допустить, что Пьинбья действительно был членом царского дома пью, который захватил власть, опираясь на новую политическую силу — бирманские каруины. Такое в истории случалось. Однако наличие у Пьинбья легендарного Дублера говорит об ином, ибо этот дублер — Ньяун-у Сорахан⁸, и здесь речь идет о совершенно ином типе легитимации царской власти. Такую же точно легитимацию дают кхмерские хроники Царю Камбоджи по имени Чай (1336—1340), основателю новой Династии, которого камбоджийские короли XIX в. считали своим предком. Сюжет об огороднике, который убил царя, воровавшего огурцы, и в силу этого сам стал царем, очевидно, долгое время включался и в бирманские хроники как средство легитимации Правивших в данный момент царей. В XIX в. рационалистически настроенные авторы «Хроники Зеркального дворца» отвергли эту версию, как и версию о происхождении Пьюсохти из Змеиного яйца, но полностью изъять и то и другое из истории не решились. Так положительный Пьинбья стал дублером негодяя Ньяун-у Сорахана. Но и положительные и отрицательные характеристики этих героев-двойников

говорят об одном — здесь летопись фиксирует одно из важнейших, переломных событий в истории страны. Основание царства Паган, несомненно, было таким событием.

Согласно предложенной нами хронологии (см. [табл. VI](#)), после Пьинбьи—Ньяун-у Сорахана и до Анируды правили следующие цари: 941—966 — Таннек, 966—975 — Сале Нгахкве, 975—991 — Тейнхко, 991—1013 — Кунхсо Чаунбью, 1013—1019 — Чизо, 1019—1044 — Соккате.

Эти семь царей (включая Пьинбью), из которых четверо умерли насильственной смертью, представляют по крайней мере три династии. Такое же мелькание династий в это время (X — начало XI в.) происходило и во Вьетнаме. Причины в обоих случаях, видимо, были одинаковые. Страна, только что приобретшая независимость, трудно приходит к стабильности.

Династия Пьинбьи—Сорахана II состояла всего из двух царей. В 966 г. его сын Таннек был убит неким Сале Нгахкве (т. е. Нгахкве из Сале), согласно летописи, конюхом. Этот Сале Нгахкве основал новую династию, которая тоже состояла из двух царей. В 991 г. его сын Тейнхко был убит, согласно летописи, крестьянином-огородником Ньяун-у Сораханом (т. е. Сораханом из Ньяун-у, главного каруина древних бирманцев). Сообразно же реставрированной хронологии, его сменил царь Кунхсо Чаунбью, который сам убил *огуречного царя* Ньяун-у Сорахана.

Воцарение Кунхсо Чаунбью можно рассматривать как учреждение третьей династии независимого Пагана человеком нецарского рода, который потом попытался оформить себе подходящую родословную. Нам представляется, однако, что одна деталь в синтетической биографии Кунхсо Чаунбью в летописи соответствует действительности, а именно указание на то, что он был сыном царя Таннека, убитого в 906 г. На

эту мысль наводят некоторые арифметические расчеты. Согласно хронике, Кунхсо Чаунбью родился уже после смерти своего отца в 906 г., пришел к власти в 964 г. в возрасте 58 лет, стал отцом Анируды в 78 лет и был свергнут в возрасте 80 лет в 986 г., а умер в 1021 г. в экзотическом возрасте 115 лет. Все это выглядит не очень естественно и похоже на попытку любой ценой пристегнуть Кунхсо Чаунбью к кому-нибудь из предыдущих царей. Но если мы примем реставрированную хронологию, то окажется, что Кунхсо Чаунбью родился в 966 г., взошел на трон в возрасте 25 лет (991), стал отцом Анируды в 51 год, был низложен в 53 года (1013), к моменту воцарения Анируды (1044) достиг 78 лет и умер в 1048 г. в возрасте 82 лет.

Эти цифры выглядят естественно, и аккуратные составители летописи (у них практически нет арифметических ошибок) их бы, наверное, сохранили, если бы им не потребовалось «улучшить» биографию отца Анируды и вставить между ним и убитым им царем Тейнхко, который как-никак наследовал трон отца, фигуру узурпатора и злодея Ньяун-у Сорахана. Кстати, согласно летописи, Ньяун-у Сорахан гибнет не от руки своего преемника. Его насмерть раздавливает каменная статуя, ранее верно служившая ему. Авторы «Хроники Зеркального дворца» в общем-то скептически относятся к чудесным явлениям и отрицают их достоверное», но в данном случае сохранили древнюю версию, потому что легенда о чудесном приходе к власти отца Анируды (помимо всего прочего, его снаряжает на бой сам Индра) входила в набор средств, легитимировавших правившую в тот момент династию.

Любопытно, что Кунхсо Чаунбью, якобы свергнувший Сорахана, на деле, видимо, сам носил это имя, приняв его в честь своего деда, основателя Пагана, Пьинбьи—Сорахана II. В надписи 1212 г., которая сохранилась в Пагане, сообщается о том, что благочестивый царь

Сорахан в 1000 г. построил буддийскую молельню на горе Туран близ Пагана [250, с.71]. Это вполне соответствует годам правления Кунхсо Чаунбью (991—1013), которого, таким образом, можно назвать Сораханом III. Что касается двух последних царей в списке «доисторического времени» — братьев-ровесников Чизо (1013—1019) и Соккате (1019—1044), то поскольку Соккате по ряду параметров является как бы дублером Таннека, возможно, их следует рассматривать как одного царя Чизо-Соккате (1013—1044). Более существенно, однако, не это, а то, что в реставрированной хронологии братья (или один брат) остались без отца. «Хроника Зеркального дворца» рассказывает о них такую историю:

«Царь Ньяун-у Сорахан воспитал трех сестер-принцесс, чтобы они стали его царицами... Когда он умер, старшая сестра Таунпьинти была беременна Чизо на девятом месяце, а средняя сестра Алепьинти была беременна Соккате на шестом месяце. Когда Кунхсо стал царем, он сделал их (всех трех сестер) своими царицами и младшая сестра — царица Мьяуппьинти родила Анируду»

[586, с.62].

Таким образом, Чизо, Соккате и Анируда были двоюродными братьями по женской линии, но Анируда родился на 20 лет позже. Из контекста видно, что Кунхсо Чаунбью признал Чизо и Соккате своими сыновьями. Однако они отплатили ему верной неблагодарностью.

«Когда Чизо и Соккате достигли зрелого возраста, они покروили монастырь приятного вида и сказали царю Кунхсо: „Просим прийти и благословить этот монастырь“. И царь, ничего не заподозрив, охотно выполнил их просьбу. И Чизо и Соккате схватили царя, угрожали ему и насильно постригли его в монахи. А

потом они распустили слух, что царь, стремясь достичь блаженства в будущих жизнях, постригся в монахи»

[586, с.62].

Следующие 30 с лишним лет Кунхсо жил в монастыре с царицей Мьяуппъинти и сыном Анирудой. Эта идиллия была нарушена в конце правления царя Соккате, который вдруг забрал мать Анируды в свой гарем. Так как прошло более полувека с того времени, как Ньяун-у Сорахан сделал ее царицей, это была уже весьма пожилая женщина. Оскорбленный Анируда вызвал Соккате на поединок и с помощью чудесного оружия и чудесного коня, в свое время полученных его отцом от бога Индры, сразил его. Затем, так как его отец, ссылаясь на дряхлость, отказался снова занять трон, царем стал Анируда (1044—1077). Анируде суждено было стать величайшим царем в истории Бирмы. Но он не смог сразу приступить к совершению своих великих подвигов. Как сообщает «Хроника Зеркального дворца», Анируду терзали тяжкие угрызения совести. Он

«...не мог заснуть целые шесть месяцев, потому что убил своего старшего брата. Тогда Сакра (Индра. — Э.Б.) явился ему во сне и сказал: „О царь, ты можешь искупить свое злое деяние, свой грех против твоего старшего брата, если построишь много пагод, монастырей и домов для отдыха паломников и разделишь эту заслугу со своими старшими братьями. Устрой много колодцев, плотин и каналов, полей и канав и раздели эту заслугу с твоим старшим братом“»

[586, с.65].

В этой истории целый ряд совершенно уникальных ситуаций. Уникально то, что царь, придя к власти, не уничтожил детей своего убитого предшественника, а воспитал их как своих сыновей. Уникально и то, что царь (или два царя), свергнувший своего предшественника, оставил его в живых, более того,

устроил ему комфортную жизнь с семьей. Уникально и бурное раскаяние царя после убийства своего предшественника. Несмотря на любовь к тиражированию эффектных ситуаций, присущую авторам «Хроники Зеркального дворца», эти три ситуации ни разу не повторяются в хронике. Поэтому можно с большим основанием предположить, что данный рассказ отражает не мифические концепции, а реальные события, по вполне понятным соображениям «улучшенные» летописцами. Если принять, что добрый Кунхсо Чаунбью и злой Ньяун-у Сорахан — одно и то же лицо, то все становится на свои места. Он не уничтожил детей врага, потому что это были его собственные дети. А его сыновья (или скорее один старший сын Чизо—Соккате) не убили его, потому что еще серьезно относились к греху отцеубийства (полтора века спустя это перестанет смущать бирманских царей, но пока патриархальные истоки нового государства еще не забыты).

И наконец, становится понятным бурное раскаяние Анируды. Этикет того времени позволял называть двоюродного брата просто братом, но в контексте всех остальных обстоятельств, очевидно, следует понимать Анируду буквально. Он действительно убил своего старшего брата ради того, чтобы завладеть тронном.

Подводя итог, можно представить наиболее вероятный ход истории нового государства Паган в 908—1044 гг. следующим образом.

Основатель государства Пьинбья—Сорахан II (908—941) стал царем не в силу своей родовитости, а в силу личных заслуг (не исключено, что он был крестьянином — об этом говорит легенда об огуречном царе). Его внешняя политика, видимо, сводилась к твердому отпору кхмерской агрессии, которая, впрочем, вскоре стала ослабевать. Его внутреннюю политику, по-видимому, можно рассматривать как своего рода

политику «национального примирения». В биографии Ньяун-у Сорахана говорится:

«Когда этот крестьянин стал царем, он достиг великой славы и могущества. В своем огуречном огороде он разбил большой и прекрасный сад и поставил в нем большое изваяние Наги, потому что Нага благороднее людей и могущественнее их. Более того, он советовался с еретическими монахами Ари относительно пагод типа зигон в царствах Ятепьи и Татон и построил пять пагод — Пахтоджи, Пахтонге, Пахтотамья, Тинлипахто и Сейттипахто. В этих пагодах он установил то, что не было ни изображением духов, ни изображением Будды, и почитал эти изображения, поднося им рис, кэрри и алкогольные напитки днем и ночью»

[586, с.59].

На первый взгляд все это выглядит как губительное нововведение выскочки, дорвавшегося до власти. Но если мы вспомним, что до этого культ Наги в хронике упоминался уже десятки раз, что несколько дальше будет сказано о 30 царях, при которых господствовало учение Ари⁹, ни о каком нововведении здесь не может быть и речи. Совсем наоборот, новая власть в лице нового бирманского царя заверяет таким образом коренное население, что все его традиции и культы будут соблюдаться, как и прежде¹⁰. А это, несомненно, должно было уменьшить напряженность между этническими группами. Правление сына Пьинбьи—Сорахана II Таннека (941—966) совпало с новым усилением Наньчжао, в 937 г. принявшего имя Дали. Однако никаких сообщений о конфронтации Пагана и Дали в эти годы до нас не дошло. Так или иначе, социальная напряженность в молодом государстве возросла, верным признаком чего является насильственная смерть царя и смена династии.

Династия Сорахана, опиравшаяся на каруин Ньяун-у, лежавший к северу от Пагана, была отстранена от власти группировкой, опиравшейся на каруин Сале, расположенный к югу от Пагана.

Основанная Сале Нгахкве (конюхом-убийцей, согласно версии летописи, но скорее он был конюшим — очень высокий пост) в 966 г. династия Сале продержалась у власти 25 лет. Затем, после очередного кровавого переворота к власти вернулась династия Ньяун-у. Борьба внутри этой царской семьи завершилась приходом к власти Анируды, начиная с которого летописную версию истории Бирмы уже можно подвергнуть перекрестной проверке данными эпиграфики. История Паганской Бирмы, начиная с Анируды (1044—1287), подробно и компетентно рассматривается в монографиях И.В.Можейко¹¹. К ним я отсылаю всех интересующихся.

Бирма III—VII вв. по «Хронике Зеркального дворца»

События бирманской истории до правления Сурьявикрамы (673—688) просматриваются в «Хронике Зеркального дворца» значительно хуже, чем более поздние события. Однако положение здесь нельзя считать безнадежным. Если мы будем продолжать обратный счет от этой даты, то получим такие даты правления царей I династии.

1. 277—322 Тамодарит	7. 514—557 Тинлиджаун
2. 322—337 Ятеджан	8. 557—582 Джаундурит
3. 337—412 Пьюсохти	9. 582—610 Тихтан
4. 412—469 Хтиминьи	10. 610 Мохкаман
5. 469—494 Йинминпаик	11. 610—665 Туйэ
6. 494—514 Паиктили	

Проверка этой хронологии твердо установленными датами истории Бирмы крайне затруднительна, потому что таких дат для III—VII вв. почти нет. Однако можно сделать некоторые общие замечания. Начало правления Тамодарита, первого царя в этом списке, нельзя датировать ранее, чем серединой III в., ибо ему предшествовало падение царства Тагауна (Тугмы у Птолемея), а это произошло почти наверняка около 227 г. н.э. (когда в Бирму вторгся китайский полководец Чжугэ Лян), з основанию Пагана, если верить хронике, предшествовало 13 лет анархии и смуты.

Сроки жизни и правления легендарного героя Пьюсохти и его сына Хтиминьи явно завышены (один жил, согласно хронике, 110 лет, другой 107 лет). Но сдвигать их на более позднее время у нас тоже нет оснований. Ведь для столь отдаленного времени возможно и выпадение из списка некоторых

малоизвестных царей. Так что в среднем они корректируют друг друга, и существование Старого Пагана (или царства Аримаданна) с III по начало VI в., где бы ни находилась столица этого царства (только не в нынешнем Пагане), вполне реально.

Недостоверность (или, точнее сказать, недоказанность) датировок первых четырех царей не влияет на достоверность дат следующих восьми — ведь они вычислены обратным счетом. Поэтому важные события, которые произошли в правление царя Тинлиджауна (по традиционной хронологии в 334—387 гг., по исправленной 514—557 гг.), с большой долей достоверности можно отнести именно к первой половине VI в. Хроника сообщает:

«Лишь в его царство была распущена группа (возможно, надо сказать союз. — Э.Б.) из 19 деревень, и он (царь Тинлиджаун) основал и построил город Тирипьиссая на месте Локананды, где он жил. Он называл его Тирипьиссая. Он обладал всеми десятью царскими добродетелями и имел сострадание к людям, и к светским, и к духовным. Все министры и деревенские старосты и круги (сельские сходы. — Э.Б.) любили его и возносили за него молитвы. В его царствование трижды падал дождь из драгоценных камней. При нем (в царство) пришли брат и сестра Махагири, и он поселил их на горе Поппа»

[586, с.45].

В этом сообщении как бы амальгамировались сведения об основании двух столиц Бирмы. Сведения об окончательном синойкизме 19 деревень (племенных округов — *каруинов*) в единой столице страны скорее относятся к моменту основания Пагана (которое, как мы видели, произошло в 911 г.). Тинлиджаун выступает здесь и как основатель государственного культа духов Горы, выходцев с прародины основателя Тагауна. Этих

духов он поселяет на горе Поппа, возвышавшейся в центре области более чем на тысячу метров. Район изначально контролировался Паганом. Однако эта новая столица не могла быть Паганом, ни Старым (слишком поздно), ни Новым (слишком рано). По археологическим данным, из всех бирманских столиц в первой половине VI в. могла быть основана только Тарекитара. Но летописцы уже вставили в хронику историю Тарекитары, которую они датировали 443 г. до н.э. — 94 г. н.э. Поэтому им пришлось взять один из многочисленных эпитетов бирманской столицы, благо эти эпитеты переходили от одной столицы к другой, и обозначить им старый город.

Тарекитара, стало быть, была основана между 514 и 557 гг.; погибла же она не в 94 г., как сказано в начале хроники, а около 1056 г., о чем сообщает та же «Хроника Зеркального дворца», но в другом месте: «Анируда разрушил город Тарекитару, опасаясь, что мятежники займут его в будущем» [586, с.87].

Некоторые соображения могут быть высказаны в отношении двенадцатого царя в этом списке — Туйэ. В «Хронике Зеркального дворца» говорится:

«В год (610 н.э.) три министра, не принадлежавшие к царскому роду, стали бороться между собой и министр по имени Мохкаман победил и правил три месяца. Потом Туйэ отбил трон у Мохкамана и стал царствовать. Накануне смерти Мохкамана выпал дождь из гравия. Царь Туйэ провел в Нижнем доме (т. е. до того, как стал царем. — Э.Б.) 32 года и умер на пятьдесят пятом году своего процветания»

[586, с.56].

Это время смуты (610—665) отделяет I династию Пагана от II. Хотя в начале заметки летописцы говорят о борьбе трех министров, названы только два, причем срок правления Мохкамана незначителен. Третий

узурпатор Туйэ занимает, таким образом, почти весь период смуты. Он правил 55 лет. Однако авторы хроники воздерживаются от какой бы то ни было характеристики этого несомненно выдающегося правления. Ведь по исправленной хронологии получается, что именно он ввел Бирманскую эру, начинавшуюся в 638 г.¹². Так же как и 11 предыдущих царей, он не имеет в летописи дублера, по биографии которого можно было бы чем-то дополнить его образ. Обстоятельства его смерти и перехода власти к следующей династии остаются для нас загадкой. Мы знаем только, что, после того как он умер, министры нашли то ли внука, то ли дальнего родственника последнего царя предыдущей династии и посадили его на трон. Это, кстати, первое сообщение о выборе царя его подданными. До этого царей на трон сажали только боги или же они получали свой трон как родные или усыновленные дети царя.

Каковы бы ни были причины молчаливого неодобрения Туйэ летописцами, он, несомненно, оставил свой след в истории государства Пью, которое при нем явно усилилось и по крайней мере на какой-то срок включало в себя не только Верхнюю, но и Нижнюю Бирму. Об этом косвенно говорят два современных ему свидетельства.

В 629 г. знаменитый китайский путешественник Сюань Цзан впервые упоминает Ши-ли-ча-до-ло (т. е. Шрикшетру — царство Пью) в числе крупных держав Юго-Восточной Азии [817, с.5]. А в 660 г. китайские летописцы отмечают прибытие ко двору императора Гао-цзуна посольства царя Пу-юэ-ци-мо из страны Го-ло-шэ-фэнь [679, с.284]. Страной Го-ло-шэ-фэнь (китайская транскрипция санскритского слова Калачапура) китайцы, судя по всему, называли Южную, монскую Бирму. Восстановить же имя царя Калачапуры, который

прислал в 660 г. посольство, пока еще не пытался никто из специалистов. Имена дальних стран и царей китайские летописцы транскрибировали самым причудливым образом. Поэтому созвучие имени Туйэ со слогами Пу-юэ, началом имени царя, правившего в 660 г., заслуживает серьезного рассмотрения.

В выдержках из китайских летописей, которые собрал в XIII в. китайский ученый Ма Дуань-линь, Го-ло-шэ-фэнь описывается как крупное государство к западу от Дваравати с сильным военным потенциалом. Ма Дуань-линь сообщает:

«Его столица окружена стеной из тесаного камня. По бокам ворот дворца стоят башни... Царство делится на 24 провинции, но не имеет уездов. Залы для аудиенций украшены драгоценным оружием, расположенным симметричными рядами, и знаменами, украшенными перьями павлина. Жители этой страны имеют в качестве вооружения луки, стрелы, сабли и копья. Они носят кожаные доспехи. Они никогда не воюют без слонов. Корпус у них состоит из 100 слонов, а каждый слон окружен сотней солдат. На седле каждого слона укреплен прочная площадка с перилами. На ней находятся воины. Первый держит копье, второй — лук, третий — дубинку, четвертый — саблю. Налог у них подушный, с каждого берут 2 чу серебра»

[717, с.414—415].

Все это, вплоть до залов, увешанных оружием и знаменами, рисует нам черты крупной военной державы, ориентированной на завоевания и кормящейся от завоеваний, а не от обложения своих граждан. Подушный налог — 2 чу, т. е. 3 грамма серебра в год, это налог для тех времен совершенно мизерный, особенно в стране, которую называли Серебряной. Этот образ мощной и обширной военной державы (24 провинции!) плохо вяжется с нашим

представлением о монском юге как цепочке слабо связанных между собой торговых полисов. Но если допустить, что в середине VII в. Бирма была на какой-то срок объединена энергичным царем, таким, как Туйэ, проложившим свой путь к трону силой оружия, противоречие в источниках исчезает. Так называемая II—IV династия (665—758), пришедшая к власти после того, как Туйэ сошел с политической сцены, почти не прослеживается во внешних источниках. Можно отметить только одно любопытное совпадение. Время правления последнего Царя этой династии Хканлата—Мунлата по исправленной хронологии 741—758 гг., а китайские летописи сообщают, что в период 742—759 гг. царство Го-ло (то же самое, что Го-ло-шэ-Фэнь) регулярно присылало посольства с данью [679, с.284; 912, с.55]. Ни до, ни после этого периода оно этого не делало. Такая активность в странах Юго-Восточной Азии обычно связана с сильной нуждой в могучем соседе. Поэтому можно допустить, что Го-ло, как и в 660 г., здесь является просто псевдонимом царства Пью, которое в лице царя Хканлата—Мунлата отчаянно пытается заручиться помощью Китая против постоянно растущей угрозы со стороны Наньчжао. Посольство могло попасть в Китай только через порты Южной Бирмы. Путь в Китай по суше был перерезан как раз царством Наньчжао.

Из внутренних событий этого времени (665—758), с точки зрения авторов «Хроники Зеркального дворца», самым важным было начало распространения в Бирме махаяны и отход от ортодоксального учения Будды, как они его понимали. О царе Тайттаине (он же Тейнсун и Сурьявикрама, 673—688), в хронике говорится: «Это был человек большого роста. Он оставил город Тирипписая и основал город в Тамахти и назвал его *Тампавати* и жил там» [586, с.51]. В другом месте хроники говорится:

«...в правление династий бирманских царств Тагаун, Тарекитара, Аримаданна и Тирипьяссая процветали ордена Параматта, ордена Самути, священные писания, которые тщательно изучались. Но затем религия стала приходить в упадок, начиная с правления царя Тайттаина, основавшего город Тампавати. И потому что не стало ни питак, ни священных писаний, учение господ Ари и Тамахти было принято как единственное, и в правление царя Сорахана¹³ и царь, и вся страна придерживались этого учения»

[586, с.59-60].

Само учение господ «Ари» авторы хроники описывали с чувством глубокого возмущения.

«Цари этой страны на протяжении многих поколений заблуждались и следовали ложному учению тридцати господ Ари и 60 тысяч их учеников, которые блюли в Тамахти религию. Эти монахи отвергали учение нашего Господа (Будды. — Э.Б.) и следовали собственным мнениям, кто как хотел. Они писали книги по собственному разумению и вовлекали других людей в свои сети. Согласно учению, которое они проповедовали, можно убить человека и избежать кармы (т. е. кары в будущей жизни. — Э.Б.), если прочесть соответствующее заклинание. Больше того, можно убить мать и отца и все же избежать действия кармы, если прочесть соответствующее заклинание. И это ложное и незаконное учение они проповедовали как истинный Буддизм. Более того, цари и министры, великие и малые, богатые люди и простолюдины, празднуя свадьбу своих детей, должны были с наступлением ночи посылать их к этим учителям, чтобы отдать им, как тогда говорилось, цветков невинности. И они не могли вступить в брак, пока их не выпускали из монастыря наутро. Если они вступали в брак, не принеся учителю цветков своей невинности, царь

жестоко наказывал их за нарушение обычая. И эта отдача цветка невинности считалась религиозным обрядом»

[586, С.70—71].

На деле, по-видимому, все было не так страшно. Во второй половине VII в. в Юго-Восточную Азию начинает проникать тантрийская версия махаяны, разработанная примерно тогда же в Бенгале. Ее популярности, несомненно, способствовал международный авторитет государства Палов, которое возникло в VII в. в Бенгале и особенно усилилось в VIII в. Махаяна с тантрийским оттенком не позже 682 г. проникла в островную империю Шривиджайя, в VIII в. она распространилась на Яву, Малайю, Камбоджу, Тямпу.

Тантрийская махаяна включала в себя обряды с эротическим содержанием, но ничего подобного тотальному дефлорированию всего населения в реальной истории никогда не было.

Авторы хроники (в большинстве монахи хинаянской школы) в своем стремлении скомпрометировать религиозных конкурентов не всегда даже сводят концы с концами. То они говорят, что учение Ари господствовало при 30 царях, т. е. начиная с Тайттаина, то, что оно стало общепризнанным только в X в. при царе Сорахане. Постройку города Тампавати (или Тамахти, совр. Тамадо) они косвенно расценивают как перенос столицы. Но из дальнейшего изложения это никак не вытекает. Тампавати-Тамахти всегда был и оставался только религиозным центром, пока его не разорил Анируда. А Тайттаин—Тейнсун—Сурьявикрама, если и жил там некоторое время (как Иван Грозный в Александровой слободе), похоронен был все-таки в Тарекитаре, где и нашли его урну.

О четырех последних царях II—IV династии сведения хроники более чем скудны. О Тинлиджаунге—Швелауне

—Харивикраме (688—695) авторы летописи вообще не нашли что сказать, кроме обычного перечисления знамений накануне его смерти. Это было положено любому царю, даже самому ничтожному. Впрочем, Харивикрама правил всего семь лет и, может быть, действительно не успел ничем отличиться. Его сын, Тинлипаик—Хтунтвин—Сихавикрама (695—718), вошел в историю только тем, что стал жертвой несчастного случая. Как сообщает хроника, «охотясь в лесу, царь упал с лошади, был пронзен шипом и умер» [586, с.56]. Впрочем, этот несчастный случай мог быть организован. Ведь младший брат Сихавикрамы, Хканлаун—Швемаук (718—741), по словам хроники, «...был полон сил и энергии. Способен и задумать план, и осуществить его». В этой краткой характеристике, возможно, скрыта тайная ирония летописца, знавшего суть дела. Хканлауна—Швемаука, в свою очередь, сменил на троне младший брат Хканлат—Мунлат (741—758). Об этом последнем царе II—IV династии, при котором царство Пью было завоевано Наньчжао, а Тарекитара перестала быть столицей, хроника не сообщает ничего, а о правившем вслед за ним Хтунтаике—Хкелу (762—779), первом царе Халинской династии, хроника сообщает следующее:

«По обычаю царей он отправился с золотыми буйволами, золотыми быками и золотым плугом, чтобы совершить торжественный обряд пахоты. Но когда он пахал, ветер стал развеивать полотняный рукав золотого плаща, быки испугались, рванулись, царь упал внутрь плуга, под лезвие, и там погиб»

[586, с.51].

Ритуальное начало сельскохозяйственного сезона в стране входило в обязанность древних царей. Этот обряд подробно исследован Дж. Фрэзером. Для летописцев трагический конец этой церемонии, видимо,

означал, что боги недовольны переносом столицы в Халин, и действительно, новая столица простояла всего 70 лет и погибла в пламени пожаров после взятия ее войсками Наньчжао в 832 г.

Подводя итоги, можно сказать, что истинная хронология царства Паган была значительно короче той, что изложена в «Хронике Зеркального дворца». Реальная хронология представлена в таблице VI.

Таблица VI. Реконструированная хронология бирманских царей III—XI вв.

I Паганская династия
(Старый Паган—Тарекитара)

1. 277—322 Тамодарит
  2. 322—337 Ятеджан
  3. 337—412 Пьюсохти, зять 1-го
  4. 412—469 Хтиминьи, сын 3-го
  5. 469—494 Йинминпаик, сын 4-го
  6. 494—514 Паиктили, сын 5-го
  7. 514—557 Тинлиджаун, сын 6-го
- Основание Тарекитары (около 550)
8. 557—582 Джаундурит, сын 7-го
  9. 582—610 Тихтан, сын 8-го
  10. 610 Мохкаман, узурпатор
  11. 610—665 Туйэ, узурпатор

II Паганская династия (Тарекитара)

1. 665—673 Тарамунхпья—Тейнхка
2. 673—688 Тайттаин—Тейнсун—Сурьявикрама, сын 1-го
3. 688—695 Тинлиджаунге—Швелаун—Харивикрама, сын 2-го
4. 695—718 Тинлипаик—Хтунтвин—Сихавикрама, сын 3-го
5. 718—741 Хканлаун—Швемаук, брат 4-го
6. 741—758 Хканлат—Мунлат, брат 5-го

Между 757 и 763 гг. Наньчжао подчиняет царя Пью.

Центр царства Пью переносится в Халин

III Паганская династия (Халин)

1. 762—779 Хтунтаик—Хкелу
2. 779—795 Хтунпъит—Тейнхко, сын 1-го
3. 795—805 Хтунчит—Мьиндживе, сын 2-го
4. 805—832 Поппа Сорахан, узурпатор
832 гибель Халина

IV Паганская династия (Тарекитара)

1. 832—844 Швеонти, сын Хтунчита
2. 844—852 Пейттон, брат 1-го
3. 852—902 Пейттаун, сын 2-го
4. 902—908 Нгахкве, брат 3-го
908 падение царства Пью

V Паганская династия (Паган)

1. 908—941 Пьинбья—Ньяун-у, Сорахан II
911 основание Пагана
2. 941—966 Таннек, сын 1-го

VI Паганская династия (Паган)

1. 966—975 Сале Нгахкве
2. 975—991 Тейнхко, сын 1-го

V Паганская династия (повторно) (Паган)

1. 991—1013 Кунхсо Чаунбью Сорахан III, сын Таннека
2. 1013—1044 Чизо—Соккате, сын 1-го
3. 1044—1077 Анируда, брат 2-го
4. 1077—1084 Солу—Ман Лулан, сын 3-го

Примечания

ГЛАВА I

[1] Там (или Тамида) — мыс, которым, по мнению Страбона, оканчивалась Индия.

[2] «Первые» — т. е. самые восточные.

[3] Амомет — писатель, ближе неизвестный.

[4] *Серика, Сины* — разные названия Китая в эпоху Птолемея.

[5] Индийское море — Бенгальский залив.

[6] Прасодское море — Индийский океан.

[7] Остров Менутиа — Мадагаскар.

[8] Великий залив — Южно-Китайское море.

[9] Отметим фонетическое совпадение греческого названия этого народа *забай* (мн. число) с названием *Забег* (или *Забедж*), которое арабы в VIII—X вв. давали островной империи Шривиджайя или государству Ява.

[10] *Страна синов, Страна серов, Серика, Сины* — древние названия Китая.

[11] *Медная страна* соответствует Верхней Бирме.

[12] Теория Южной Земли была популярна много веков. Европейские мореходы продолжали искать ее даже после того, как была открыта реальная Австралия.

[13] На самом деле на карте Птолемея Великий залив не кончается на границе Страны синов. Вся Страна синов лежит на его восточном берегу.

[14] г.Пентаполис — совр. Читтагонг (Бангладеш).

[15] р.Темала — совр. Иравади.

[16] р.Доана — совр. Меконг.

[17] г.Сабара — совр. Мартабан.

[18] г.Коли — район г.Куала-Тренгану.

[19] г. Аганагара на побережье Вьетнама.

[20] Кстати сказать, в том месте, где никаких островов нет.

[21] Любопытно, что древние китайцы точно так же представляли себе жителей Крайнего Запада (т. е. Римской империи).

[22] В санскрите слово таккола имеет шесть значений, но все такого типа.

ГЛАВА II

[1] Перед этим перечислялись 15 племен, живших на территории тогдашнего Вьетнама.

[2] Это означает, что письменности еще не было.

[3] Хунг Выонг — не собственное имя, а соединение двух слов — *вождь* и *царь*.

[4] По другой версии — около 229 до н.э.

[5] 257—207 до н.э. или 229—179 до н.э.

[6] Это хорошо прослеживается на археологическом материале, который показывает значительное распространение в это время Донгшонской культуры на запад и на юг. Некоторые вьетнамцы добрались до Явы, другие — до Филиппин [656, с.95].

[7] Это земли к северу от современных границ Вьетнама.

[8] В этом сражении пал Фам Ту.

[9] В феврале 546 г.

[10] В октябре 546 г.

[11] В апреле 548 г.

[12] Примерно в это же время вновь завоеванная Корея получила название *Умиротворенный Восток*.

[13] Это случилось между 705 и 710 гг.

[14] Ченла Суши — государство, занимавшее территорию Северной Камбоджи и Южного Лаоса.

[15] Это произошло в шестом месяце (16 июля — 13 августа) 866 г. [229, с.296].

[16] Область Хоан располагалась на территории современной провинции Нгетинь (ранее — провинции Нгеан и Хатинь).

[17] Динь Бо Линь велел именовать себя *Император проницательный, одерживающий великие победы* [184, с. 130].

[18] Ве Выонг Тоан — бывший царь, 28-летний сын Динь Бо Линя, которого в 980 г. сменил на троне Ле Хоан.

[19] Внешне это выглядит как мобилизация. Звание буддийского монаха, дававшее освобождение от всех налогов и повинностей, было слишком соблазнительно, чтобы правительство могло пустить пополнение монашеского сословия на самотек. Для вступления в монахи требовалось сдать соответствующие экзамены и получить свидетельство, причем с 1014 г., по предложению главы буддийской церкви Ван Уана, — централизованно, только в одном центральном храме Ван-тхо [228, с.50].

[20] И.Н.Машкина здесь, видимо, дает более правильный перевод: «*(Королю) преподнесли стебель с девятью колосьями*» [229, с. 179].

[21] Родня обычно несла коллективную ответственность за преступника, хотя эта кара была ниже той, которая полагалась самому преступнику.

[22] Во вьетнамской транскрипции имя этого принца Диа Ба Тхить.

[23] Возможно, внимание Ли Тхай Тонга отвлекал серьезный мятеж горных вождей на северной границе (1039—1041).

[24] Коренные китайцы юга Китая также поддерживали войска Ли Тхыонг Киета, который объявил, что идет на помощь народу, разоренному реформами Ван Аныпи. Как сообщает вьетнамский источник: *«Народ [империи] Сун ликовал и предлагал нашим войскам буйволов и вино. Каждый раз, как они (простой народ) распознавали вдали флаг Тхыонг Киета, они восклицали: „Вот войска отца Ли из страны Юга!“ и возводили алтари в его честь на обочинах дороги. И так вот всюду разносилась слава наших армий»* [656, с.160].

[25] Лук шэнь би стреляет одновременно несколькими стрелами [184, с.245]

[26] Так, можно вспомнить китайских летописцев: когда дела в стране шли плохо, они замечали малейшие небесные явления, которые якобы сулили несчастья, а когда положение улучшилось, ухитрились «не заметить» даже комету Галлея.

[27] *«Вуа был человеком гуманным и великодушным, с большим носом и лицом дракона»* [184, с. 183]. Дракон, как отмечалось, — национальный символ Вьетнама.

[28] Наученная опытом династии Ли, следующая династия Чан (1225—1400) выработала своего рода страхующую систему. Там царь в расцвете сил уходил в

монастырь, посадив на трон своего малолетнего сына, но, сохранив титул *царя-наставника*, продолжал фактически руководить страной вплоть до достижения сыном политической зрелости, а иногда и дольше.

[29] *Дам* — начальник тюрьмы.

[30] Иероглифы *нам* и *дай* в то время произносились как *кыт* (кал) и *дай* (моча) [184, с.247].

[31] *До фунг ве* — отряд особого назначения, специальная охрана.

[32] *Диен тиен шы* — начальник дворцовой стражи.

[33] *Цветные люди* — разночинцы, представители разных сословий.

[34] *Темное платье* — одежда чиновников.

[35] *Кхао зяпы* — каторжане.

[36] Ли Као Тонгу было уже 34 года, возраст по тем временам более чем зрелый.

[37] *Хау нян* — люди князя.

ГЛАВА III

[1] Ли — 576 м.

[2] 7 тыс. ли — свыше 3,5 тыс. км. Здесь, возможно, имеется прямая дезинформация со стороны бапномских моряков, которые не хотели допустить китайцев к прямой торговле с Индией. Еще в 1015 г. послы с Коромандельского побережья Индии, прибыв к китайскому двору, утверждали, что путь их занял три года. На самом деле они плыли 247 дней [560, с.123].

[3] *Да-цинъ* — Великий Китай, так древние китайцы называли Римскую империю.

[4] Юэчжи — Кушанское государство.

[5] Ху — жители Центральной Азии, в данном случае — кушаны.

[6] Напомним: китайцы называли Чандану *индийский Чань-тань*.

[7] Чужеземный князь, не имеющий корней в данной стране, всегда казался менее опасным, чем выдвигенец из своей среды.

[8] Это был другой У-ди (483—494), из династии Ци.

[9] По буддийской легенде семиглавый Нагараджа однажды укрыл Будду от дождя.

[10] Словом *кунь-лунь* китайцы иногда обозначали всех жителей ЮВА, но чаще только тех из них, кто находился на стадии первобытного общества.

[11] В Кедахе И Цзин был, но не сообщает о нем никаких сведений, что, по мнению некоторых специалистов, означало неодобрение господствующей там идеологии — индуизма.

[11a] Например, И Цзин утверждал, что в Шривиджайе, как и во всей Юго-Восточной Азии, господствует не махаяна, а хинаянская секта сарвастивада, к которой принадлежал и он сам.

[12] Их титулы в китайской транскрипции и в порядке старшинства звучали так: *гулюю, сянгобин, бохэдолин, чжэмолин и янлолю* [717, с.478].

[13] Возможно, он сбросил своего предшественника-узурпатора силой оружия [465, с.56].

[14] Эта гегемония в конце 660-х годов перешла к островной империи Шривиджайя.

[15] Эта запись свидетельствует о существовании в Ченле верховной власти царя над всей землей, по

крайней мере как юридического принципа.

[16] Интересно, что примерно в это время в Китае тоже правила женщина — вдовствующая императрица У Хоу (690—705).

[17] Столица Ваньдана, однако, находилась не в районе современного Вьентьяна, а в районе г.Пакхинбун в Центральном Лаосе [465, с.58].

[18] Это первое письменное упоминание названия Камбуджа (она же Камбоджа и Кампучия).

[19] В 813 г, генерал Джайявармана II Притхивинарендра завоевал область Мальянг, лежавшую к юго-западу от озера Тонлесап [465, с. 91]. Об упорном, хотя и встречавшем серьезное сопротивление продвижении на восток говорит и местоположение его столиц. Первая — Индрапура — к западу от озера Тонлесап, вторая — Харихаралайя, к северу от озера и к востоку от будущей столицы империи Ангкор. Третья столица — Амарендрапура — к западу от Ангкора (результат временного отступления).

[20] Махендрапарвата — *Гора Великого Индры*.

[21] Достаточно привести хотя бы название одной из чиновничьих должностей — *инспектор достоинств и провинностей* [696, с.124].

[22] Текст этой надписи: *«Восседал на львах, украшавших его трон. Он привел к послушанию царей. Он построил свою резиденцию на горе Махендры... И при всем этом в сердце его не было гордости»* [696, с.23].

[23] Индрадеви — такое имя, производное от имени мужа, она по традиции приняла, выйдя замуж.

[24] Джайендрадхипативарман приходился Джайяварману II дядей по матери и был регентом в то время, когда его племянник находился на Яве.

[25] Попытка завоевать Бирму, видимо, окончилась полной неудачей. И хотя некоторые историки считают, что он завоевал территорию нынешнего Лаоса вплоть до китайской границы, Верхняя Ченла (Бхавапура) окончательно соединилась с Камбоджей только в 944 г.

[26] Восстановить разрушенное и похищенное Индраварману III удалось только к 965 г. Но и тогда он был вынужден вместо золотой статуи поставить каменную [691, с.66].

[27] См. гл. IV «Таиланд».

ГЛАВА IV

[1] Искаженное старокхмерское *курунг* — царь.

[2] Это примерно соответствует расстоянию от Такуапы (Такколы?) до северо-западного угла Сиамского залива.

[3] По-видимому, небольшое торговое государство более полагалось на всеобщую заинтересованность в существовании международной ярмарки, чем на свою военную мощь. Собственное войско, однако, в стране Паньпань было, так как далее Ма Дуань-линь подробно говорит о его вооружении.

[4] Так, в летописи «Синь Тан шу» читаем: «...Голо, называемое также Голофушало»; встречается также транскрипция *Голошэфэнь*. Все они отождествляются Г. Люсом с Калачапурой [679, с.284]

[5] Следует отметить крайнюю устойчивость названия *Дваравати*, которое, переходя от одного города к другому, сохранилось в полном тайском наименовании

средневековой столицы Сиама — *Аютия (Аютая)* и современной столицы Таиланда — *Бангкок*.

[6] Лошадей в Юго-Восточной Азии не разводили, и они всегда считались предметом роскоши. В письме к китайскому императору в 649 г. царь Дваравати специально просит его прислать лошадей.

[7] Он олицетворяет священное дерево жизни.

[8] Царь был единственным, кто ходил по дворцу обутым. Все остальные, входя во дворец, разувались. Священный характер царской обуви подчеркнут в легенде о том, как Рама (самый популярный герой в Таиланде) послал однажды свои туфли управлять вместо себя [887, с.99].

[9] Авалокитешвара — один из главных бодхисаттв в мифологии махаяны («бог, который смотрит вниз»). Ваджрапани — бодхисаттва, символизирующий силу, которая уничтожает заблуждение и тупость. Его имя означает: *Рука, держащая ваджру*.

ГЛАВА V

[1] И Цзин, посетивший Индонезию в 671—695 гг., одновременно упоминает Поли и Хэлин [928, с. 185; 560, с.64].

[2] Пинаен поднес императору богатые дары — бриллиантовое кольцо, экзотических птиц, ткани разных стран, включая ткани из Гандхары, Северо-Западной Индии [928, с.78].

[3] Окончание *бамо* соответствует слову *варман*.

[4] В китайской транскрипции — Шэпо или Дупо.

[5] Оно посылало посольства в Китай в 515, 523, 531, 568, 668 гг. [912, с.118—119].

[6] 589—618 гг.

[7] Очевидно, *Шри* — почетная приставка к царским именам.

[8] Около 100 тыс. человек.

[9] Фоши — сокращение от Шилифоши — Шривиджайя.

[10] Мадхьядеша — *Серединная страна* — Индия.

[11] Если сравнивать ситуацию со средневековой Русью, где великокняжеский престол перемещался из Киева во Владимир, потом в Тверь и в Москву.

[12] Согласно китайским источникам, от столицы Явы в это время на восток путь до моря занимал месяц, на запад — 45 дней, на север — 5 дней, на юг — 3 дня [692, с.253], а по археологическим данным, столица находилась между Джокьякартой и Суракартой.

[13] Столицей объединенного царства стал город Кадири, а по столице и все государство стали называть *Кадири*.

ГЛАВА VI

[1] По-видимому, здесь имеется в виду область к западу от Иравади.

[2] Гандхалой, страной гандхарвов — небесных жителей, в бирманской картине мира обозначался север. С севером у бирманцев совпадало понятие верха, так как северной границей Бирмы служили высокие горы. Юг в этой системе, наоборот, совпадал с низом. Поэтому крайней землей на юге бирманцы считали страну нагов — змей, подземных и подводных жителей, постоянных противников гандхарвов. Земля нагов находилась к югу от Бирмы, где-то в Индийском океане. *Таропами* бирманские хроники называли также монголо-китайцев, вторгшихся в Бирму с севера в XIII в. Таким образом, единственная внятная информация в

сообщениях о гибели Тагауна I заключается в том, что его разгромил противник, пришедший с севера.

[3] Гавампати — *Хозяин скота*; Риши — один из семи мудрецов; Сакра — Индра, царь богов; Нага — царь змей; Гарула — Гаруда, царь птиц; Санди — неустановленное божество; Парамесура — Парамешвара, прозвище Шивы.

[4] Тарекитара действительно представляет в плане идеальный круг.

[5] Наги были божествами не только земли, но и воды.

[6] Это подтверждают археологические раскопки.

[7] Первое посольство Пью (800 г.) было в Китае еще в составе миссии Наньчжао, но следующее посольство (во главе со Швеонти) уже было самостоятельным [608, с. 13].

[8] Не исключено, что Пьинбья принял имя Сорахана в честь великого Поппы Сорахана, последнего царя независимой Бирмы.

[9] И это не приблизительная, а точная цифра. От царя Тайттаина, при котором распространилось учение Ари, до Анируды, согласно традиционному списку, правила именно 30 царей.

[10] Сам Пьинбья—Сорахан, судя по связанной с ним легенде, происходил из рода, где в качестве предков почитали священные огородные растения — тыкву и огурец.

[11] См.: *Можейко И.* 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967; *Всеволодов И.В.* Бирма: религия и политика. М., 1978; *Можейко И.В., Узянов А.Н.* История Бирмы. М., 1973.

[12] То, что 638 год не совпадает с началом правления Туйэ, не должно нас смущать. Из самой «Хроники Зеркального дворца» следует, что новые эры в Бирме вводились не в честь какого-нибудь людского деяния,

а строго по астрологическим соображениям, например чтобы устранить из календаря приближающийся неприятный год.

[13] Сорахан II (908—941) или Сорахан III (991—1013).

Приложение. Источники по истории Юго-Восточной Азии до XIII в.

I. Древнейшие государства на территории Юго-Восточной Азии — 245

Основание царства Фунань (I в. н.э.) — 245

Фунань во II—III вв. н.э. — 246

Фунань около 240 г. — 246

II. Древние связи Юго-Восточной Азии с Китаем, Индией и странами Запада — 247

Морские связи (II в. до н.э. — I в. н.э.) — 247

Античные авторы о Юго-Восточной Азии (I—II вв. н.э.) — 248

Индийские свидетельства о Юго-Восточной Азии (I—IV вв. н.э.) — 260

Китайские свидетельства о Юго-Восточной Азии (II—IV вв. н.э.) — 261

Античные авторы о Юго-Восточной Азии (III—IV вв. н.э.) — 262

Мореходство Юго-Восточной Азии — 266

III. Фунань—Камбоджа — 268

Фунань в V — начале VI в. — 268

Фунань в первой половине VI в. — 269

Ченла в середине VII в. — 270

Происхождение царства Камбоджа — 272

Клятва чиновников Сурьявармана I (1011) — 273

Удайядитьяварман II (1050—1066) — 274

Харшаварман III (1066—1080) — 274

Коронация Сурьявармана II (1113—1150) — 274

Восстание Раху (1161—1164) — 274

Джайяварман VII (1177—1218) — 275

Завоевание Тямпы (1190) — 275

Рабство в Камбодже (1296) — 275

Администрация Камбоджи (1296) — 276

Ордалии в Камбодже (1296) — 277

Праздники в Камбодже (1296) — 277
Буддийские монахи в Камбодже (1296) — 278

IV. Тямпа — 278

Царство Линьи — 278
Надпись царя Пракапгадхармы (657) — 279
Хариварман IV (около 1070 — 1081) — 282
Надпись Джайя Индравармана II (1088) — 283
Тямпа и Китай (1116—1147) — 283
История принца Видьянанданы (1182—1192) — 284

V. Индонезия — 285

Страна Гоин (Цзяин) (III—VI вв.) — 285
Суматра (454—520) — 285
Шривиджайя (VI—XII вв.) — 286
Царство Поли (VI—VII вв.) — 294
Царство Хэлин (VII—IX вв.) — 295
Надпись из Динайя (760) — 296
Ява (IX—X вв.) — 296
Надпись Эрлангги (1037) — 299
Суматра (XII в.) — 302
Восточный Калимантан (IV—V вв.) — 303

VI. Малайя — 304

Ланпсасука (V—VI вв.) — 304

VII. Бирма — 304

Царство Бицзянь (VI—VII вв.) — 304
Хронология бирманских царей от возникновения государственности до основания Пагана согласно «Хронике Зеркального дворца» — 305
Царство Голо — 307

VIII. Таиланд — 308

Царство Читу (VI—VII вв.) — 308
Надпись Рамы Камхенга (1292) — 309

* * *

I. Древнейшие государства на территории Юго-Восточной Азии

Основание царства Фунань (I в. н.э.)

В начале правителем Фунани была женщина по имени Люэ. И был человек из страны Мофу по имени Хунь-тянь (Каундинья. — Э.Б.), который с огромным рвением служил некоему духу. Дух был тронут его крайней набожностью. Ночью [Каундинье] приснилось, что некий человек дал ему божественный лук и приказал взойти на борт большого торгового судна и отправиться в море.

Утром Хунь-тянь вошел в храм и у подножья дерева духа нашел лук. Затем он сел на большой корабль и отправился в море. Лук направлял ветер так, чтобы корабль прибыл в Фунань. Люэ хотела ограбить этот корабль и захватить его. Хунь-тянь тогда поднял божественный лук и выстрелил. Стрела пронзила судно Люэ от борта до борта. Люэ, испугавшись, подчинилась, и так Хунь-тянь стал царем Фунани.

[771, с.245—246]

Фунань во II—III вв. н.э.

Один из его (Каундиньи. — Э.Б.) наследников, Хунь Паньхуан, благодаря хитростям умел разделять города и возбуждать в них взаимную подозрительность. Потом он собирал войска, нападал на них и подчинял. Затем он посылал своих сыновей и внуков править каждым городом отдельно. Их называли малые цари. Хунь Паньхуан умер в 90-летнем возрасте.

Его второй сын, Хунь Паньпань, стал царем, но поручил ведение государственных дел своему полководцу Фань Ши-маню. После трех лет правления Хунь Паньпань умер. Весь народ царства избрал царем Фань Ши-маня.

Фань Ши-мань был храбрый и способный. Он снова стал нападать на соседние царства и подчинил их. Все признали себя его вассалами. Он принял титул великого царя Фунани. Затем он построил большие суда, пересек обширный океан и завоевал более десяти царств, в том числе Цюйдукунь, Цзючжи и Дяньсунь. Он расширил свою территорию на 5—6 тыс. ли. Затем он пожелал подчинить царство Цзиньлинь («Золотой рубеж»), но заболел и послал в поход вместо себя своего сына — наследника Цзиньшэна.

...Племянник Фань Ши-маня Фань Чжан, начальник двух тысяч воинов, убил Цзиньшэна и стал царем. Примерно 20 лет спустя другой сын Фань Ши-маня, Чан, собрал людей и убил Чжана. Но генерал Чжана, Фань Сюнь, в свою очередь, убил Чана и сам стал царем. Он построил павильон и беседки, где любил прогуливаться утром, а в полдень он давал три или четыре аудиенции. Иностранцы и простые люди приносили ему в дар бананы, сахарный тростник, черепах и птиц.

[769, с.265—266]

Фунань около 240 г.

В царстве Фунань рубят деревья, чтобы строить корабли. Большие достигают 96 футов в длину и 6 футов в ширину. Нос и корма напоминают голову и хвост рыбы. Они покрыты украшениями из железа. Большие корабли вмещают 100 человек. Каждый из них имеет длинное весло, короткое весло и багор. От носа до кормы сидят 50 человек или более 40, смотря по размерам судна. В пути они пользуются длинным веслом, когда отдыхают — коротким. Там, где мелко, пользуются багром. Они все поднимают свои весла в такт и отвечают голосом, как один.

[771, с.253]

Здесь имеются города, обнесенные стенами, внутри них — дворцы и жилые дома. Жители — некрасивые, с

черной кожей и вьющимися волосами. Они ходят голыми и босыми. Характера они простого, не отличаются хитростью. Занимаются сельским хозяйством. Один год сеют, а три последующих года снимают урожай.

...Они любят вырезать орнаменты и заниматься чеканкой. Посуда, из которой они едят, большей частью из серебра. Налоги платят золотом, серебром, жемчугом, благовонными смолами.

У них есть книги, хранилища письменных документов и других вещей. Их письменность похожа на письменность ху^[1].

...Законы страны не предусматривают тюрем. Обвиняемый постится и соблюдает воздержание три дня. Потом раскаляют докрасна топор, и он должен пронести его семь шагов. Или бросают в кипящую воду золотое кольцо или яйца, и он должен их вынуть. Если он виновен, рука будет обожжена, а если не виновен — останется целой. Также держат во рвах у городских стен крокодилов. А за воротами есть помещение для диких зверей. Обвиняемых бросают к диким зверям или крокодилам. Если дикие звери или крокодилы не тронут их, они считаются невиновными. По истечении трех дней их отпускают на свободу.

[769, с.268]

II. Древние связи Юго-Восточной Азии с Китаем, Индией и странами Запада

Морские связи (II в. до н.э. — I в. н.э.)

От пограничных застав Жинань, Сивэнь и Хэпу, если плыть на корабле около пяти месяцев, будет царство Дуюань. Если снова плыть около четырех месяцев, будет царство Илумо. Если снова плыть, примерно 20 дней, будет царство Чжэньли. Отсюда после десяти дней пути по суше будет царство Фуганьдулу. Из этого царства, если плыть на корабле, примерно через два месяца будет царство Хуанчжи.

Обычаи тамошнего населения в целом напоминают обычаи Чжоуяй (о-в Хайнань. — Э.Б.). Эти острова велики. Жители их многочисленны. У них много странных продуктов. Со времени императора У (140—86 до н.э. — Э.Б.) все они приносят дань. Главные переводчики при административном дворце отправляются в море вместе с рекрутами и покупают блестящие жемчужины, билюли (стекло?), редкие камни, странные продукты в обмен на золото и разные шелковые изделия.

В стране, куда они прибывают, им обеспечивают питание, и туземцы присоединяются к ним. Торговые суда варваров перевозят их по очереди, чтобы они прибыли к месту своего назначения. Эти варвары также получают доход от этой торговли. Кроме того, они грабят и убивают людей. А сверх этого путешественники должны бояться тайфунов, когда они тонут и гибнут. Если даже ничего этого не произойдет, на дорогу туда и обратно уходит несколько лет. Но большие жемчужины достигают шести дюймов. В период Юаньши (1—6 н.э.) императора Пин-ди Ван Ман,

реформируя управление, пожелал выказать величественную добродетель. Он направил богатые дары царю Хуанчжи, предписав ему прислать посольство с данью в виде живого носорога.

Из царства Хуанчжи, если плыть кораблем около восьми месяцев, придешь в Пицун. А если плыть еще два месяца, будет граница [уезда] Сянлинь Жинани. Говорят, что к югу от Хуанчжи есть царство Сычэнбу. Это оттуда вернулись послы — переводчики Хань.

[560, с.121—124]

Античные авторы о Юго-Восточной Азии (I—II вв. н.э.)

Помпоний Мела «Хорография»
(41—54 н.э.)

III, 59. После [пустынных берегов Северного океана] путь поворачивает в Восточное море, к земле, которая обращена лицом к востоку. Эта земля протянулась от Скифского мыса до Колиды. Во-первых, она совершенно недоступна, во-вторых, варварство ее жителей столь велико, что эта земля не обрабатывается. Это — скифы-людоеды и саки, отделенные страной, которая необитаема из-за обилия хищников.

Затем — обширные области, населенные хищными зверями» вплоть до горы Табис, которая возвышается над морем. На большом расстоянии от нее возвышается Тавр. В промежутке между этими двумя горами живут серы, народ очень справедливый и известный своей особой манерой торговли. Они складывают товары в уединенном месте. Покупатели там берут эти товары в их отсутствие.

III, 67. Палиботры занимают землю от Инда до Ганга. От Ганга до Колиды, за исключением нескольких стран, где нельзя жить из-за страшной жары, живут черные люди, похожие на эфиопов. От Колиды до Тамиды берег

идет прямо. Там живут робкие народы, которых море щедро снабжает своими продуктами.

III, 68. Там (Тамида) — это полуостров, который находится на максимальном расстоянии от Тавра (Тавриды). Кол (*Колида*) — это мыс, образующий крайнюю точку Восточного берега и начало Южного берега.

III, 70. Возле Тама (Тамиды) есть остров Хриса (*Золотой*), рядом с Гангом, и остров Аргира (*Серебряный*). Согласно древней традиции, почва одного из золота, а другого — из серебра.

[493, с.11—12]

*Плиний Старший. «Естественная история»
(77 н.э.)*

VI, 53. От Каспийского моря и Скифского океана наш маршрут поворачивает в Восточное море, следуя линии берега. Первая его часть, которая начинается у Скифского мыса, необитаема по причине лежащих там снегов. Следующая часть не обрабатывается из-за дикости обитателей. Это скифы-людоеды, которые питаются человеческим мясом. Они окружены огромными необитаемыми пространствами, где рыскают дикие звери и нападают на людей не менее диких, чем они.

Затем снова идут земли скифов, снова пустыни, населенные зверями, и так до горы, выступающей в море, которая называется Таб (*Табида*). Таким образом, заселено менее половины этого берега, обращенного лицом к востоку.

VI, 54. Первые люди (на Крайнем Востоке) — серы, знаменитые шерстью своих лесов (шелком. — *Э.Б.*).

Серы учтивы. Но, подражая в этом самым диким дикарям, они избегают общества других людей и ждут, пока к ним приедут торговать. Первая из их рек

Пситара, вторая — Камбары, третья — Лан, а за ней — полуостров Хриса, залив Сирнаба, река Атиан, залив и народ аттакоры, защищенный сильно выступающими берегами от любого вредного ветерка и живущий в том же климате, что и гиперборейцы. Амомет написал о них Целый том, так же как Гакатей — о гиперборейцах.

За аттакорами живут фуны, токары, а также касиры, которые относятся уже к Индии. Они обращены внутрь в сторону скифов и питаются человеческим мясом. В этих местах кочуют также индийские номады. Говорят, что на севере эти народы граничат с киконами и бризарами.

[493, с.13—14]

VI, 80. ...Перед Тапробаной (Шри Ланка. — Э.Б.) есть другие острова... За устьем Инда — острова Хриса и Аргира, где, по моему мнению, много рудников. Ибо я мало расположен верить тем, кто говорит, что почва там из золота и серебра. Отсюда в 20 тысячах шагов — остров Крокала. В 12 тысячах шагов от него остров Бибага, где много устриц и раковин. За ним в 8 тысячах шагов остров Кораллиба и много других безымянных.

VI, 88. [Послы Тапробаны в Риме ^[2]] рассказывают, что они встречаются с серами по ту сторону Хемодских гор и поддерживают с ними торговые отношения. Что отец раджей (глава посольства Тапробаны. — Э.Б.) бывал в их стране, что серы выходят к путешественникам, что их рост выше обычного, что у них рыжие волосы, голубые глаза и грубый голос и что они не разговаривают с иностранцами. В остальном сведения [послов Тапробаны] подобны сведениям, полученным от наших (римских. — Э.Б.) купцов — товары кладут на берегу реки и серы их уносят, оставив их цену, если она их устраивает.

[493, с.15—16]

VI, 101. Каждый год Индия поглощает не менее 55 млн. сестерциев нашего имперского богатства, отправляя в обмен товары, которые продаются по цене в сто раз больше первоначальной...

XII, 84. По самому скромному подсчету Индия, Серы и Аравийский полуостров забирают у нашей империи 100 млн. сестерциев в год. Столько стоят нам наша роскошь и наши женщины.

[722, с.223]

XXXIV, 145. Из всех сортов железа пальму первенства имеет железо серов. Серы его вывозят вместе со своими одеждами и шкурами.

[493, с.17]

«Перипл Эритрейского моря»
(конец I в. н.э.)

49. В этот портовый пункт (Баригаду) ввозятся вино, особенно италийское, лаодикийское и арабское, затем медь, олово, Свинец, кораллы, хризолиты, одежда простая и всякого рода поддельная, разноцветные пояса в локоть шириной, стиракс, мелилотон, грубое стекло, сандарак, сурьма, золотые и серебряные денарии, выгодно обмениваемые на местную монету, не очень ценная и не очень пахучая мирра. Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики и красивые девушки для гарема, отборные вина, обычные и ценные одежды и отличные мази.

Из этих мест вывозятся нард, кост, бделла, слоновая кость, изделия из оникса и муррины, ликион, всякие вещи из хлопка, материи серские и молохиновые, ткани, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов...

52. Местные торговые пункты, лежащие поблизости от Баригады, это — Суппара и город Каллияна (Кальян —

Счастливым. — Э.Б.), который во время старшего Сарагана был официально установленным рынком. После же того, как он был занят Санабаром (или Санданом), было запрещено сюда приставать. Даже греческие корабли, которые случайно попадают в эти места, под стражей отправляются в Баригады.

[309, с.264—265]

53. Хриса (*Золотая*) — самая восточная из всех земель... Рядом с Гангом остров — последняя обитаемая земля на Востоке. В том самом месте, где солнце встает...Хриса. Там самые лучшие ракушки, какие можно найти в странах Эритрейского моря.

[493, с.23—24]

60. Среди рынков и местных портов, куда прибывают [корабли] из Лимурики или с севера, есть знаменитые торговые центры — Камара, Подука и Сопатма, расположенные поблизости друг от друга. Там есть местные суда, которые плавают в Лимурику, двигаясь вдоль берега, и есть другие корабли, которые строят, собирая очень большие барки из целых брусьев, которые называются сангара. А те суда, которые плавают под парусами в Хрису или к устью Ганга, очень велики, и их называют *коландскими*.

63. После [восточного берега Индии], если плыть на восток, имея справа океан, а слева разные земли, достигнешь Ганга и земли, которая расположена по соседству с ним и называется Хриса (*Золотая*). Это самая восточная из всех земель.

Река, именуемая Ганг, — самая большая из всех рек Индии. На ней бывают такие же паводки, как и на Ниле. На ее берегах расположен торговый центр, который тоже называется Ганг. Здесь происходит перегрузка малабатра, гангского нарда, висса и превосходных льняных тканей, которые называются *гангскими*. Говорят также, что в этих землях есть золотые рудники и золотая монета, называемая *кальтис*.

Рядом с этой рекой есть остров в океане, последняя часть обитаемой земли на востоке, расположенная именно в том месте, где встает солнце. Она называется *Хриса (Золотая)*, и из всех стран Эритрейского моря она поставляет лучшие ракушки.

За этой страной и уже на северной окраине [в стране серов] внутри страны есть очень большой город Тины, откуда происходят ткань и пряжа, называемые *серическими* (шелк. — Э.Б.) которые доставляют по суше через Бактрию в Баригазу, а по Гангу — до Лимурики. В эту страну [серов] проникнуть нелегко, очень мало людей возвращается оттуда, и случается это очень редко.

[493, с.22—26]

Денис Периегет. «Объезд [мира]»
(II в. н.э.)

587—590. Когда твой корабль одолеет глубокое течение Скифского океана и повернет в Восточное море, твой путь приведет тебя на остров Хрису, где можно наблюдать восход солнца во всей его чистоте.

[493, с.71]

752—757. Тохары, фруны и варварские племена серов, которые пренебрегают быками и жирными баранами, ткнут.

Птолемей. «География»
(около 140 н.э.)

VII, 2, 1. Загангская Индия на севере граничит со Скифией и Серикой, на востоке с Синами, на юге — с Индийским морем и частью Прасодского моря, которое тянется от острова Менутиа до Великого залива.

В Гангском заливе, за устьем Ганга, которое называют Антиболы.

		Долгота	Широта
VII, 2, 2.	У Айррадов		
	Пентаполис	150°	18°
	Устье реки Катабеда	151°30'	17°
	Эмпории Баракура	152°30'	16°
	Устье реки Токосанна	153°	15°30'
VII, 2, 3.	В стране Аргира (Серебряная)		
	Город Самбра	153°30'	13°45'
	Город Сада	154°20'	11°20'
	Устье реки Сада	153°30'	12°30'
	Эмпорий Берабонна	155°30'	10°20'
	Устье реки Темала	157°30'	10°
	Город Темала	157°30'	9°
	Мыс после города Темала	157°20'	8°
VII, 2, 4.	У людоедов-бесунгетов в Сарабакском заливе		

	Город Сабара	159°30'	8°30'
	Эмпорий Бесунга	162°	9°
	Устье реки Бесунга	162°20'	8°25'
	Город Берабы	162°20'	6°
	Мыс после города Берабы	159°	4°40'
VII, 2, 5.	На Золотом Херсонесе		
	Эмпорий Такола	160°	4°15'
	Мыс за городом Такола	158°	2°40'
	Устье реки Хрисоана (Золотая)	159°	1°
	Эмпорий Сабана	160°	2°южной широты
	Устье реки Паланда	161°	2°южной широты
	Мыс Малеу Колон	163°	2°южной широты
	Устье реки Аттаба	164°	1°южной широты

	Город Коли	164°20'	0°
	Город Перимула	163°20'	2°20'
	Перимулийский залив	169°30'	4°15'
VII, 2, 6.	В стране лейстов (разбойников)		
	Самарада	163°	4°50'
	Паграса	165°	4°50'
	Устье реки Собана	165° 40'	4°45'
	Эмпорий Пифонабасты	166°20'	4°45'
	Акадра	167°20'	4°45'
	Город Забы	168°40'	4°45'
VII, 2, 7.	В Великом заливе (который начинается отсюда)		
	Великий мыс	169°30'	4°15'
	Тагора	168°	6°
	Балонга (столица)	167°30'	7°
	Троана	167°	8°30'

	Устье реки Доана	167°	10°
	Кортата (столица)	167°	12°30'
	Город Синда	167°15'	16°40'
	Паграса	167°30'	14°30'
	Устье реки Дориу	168°	15°30'
	Аганагара	169°	16°20'
	Устье реки Сер	17°30'	17°20'
	Начало Великого залива со стороны синов	173°20'	17°20'
VII, 2, 8.	В этой стране имеются горы:		
	Бегаоррон, края которых		
	от	148°	34°
	до	154°	26°
	Горы Майандр, края которых		
	от	152°	24°

	до	160°	16°
	[Горы] Дамасса, края которых		
	от	162°	23°
	до	166°	33°
	Восточная часть гор Сематхина, края которых		
	от	170°	33°
	до	180°	26°
VII, 2, 9.	С гор Бепюррон текут в Ганг две реки.		
	Первая (северная) река		
	истоки	148°	33°
	слияние с Гангом	140°15'	38°20'
	Вторая (южная) река		
	истоки	142°	27°
	слияние с Гангом	144°	26°

<p>VII, 2, 10.</p>	<p>С гор Майандр текут все реки между Гангом и рекой Безинга Река Серос течет с гор Сематхина и имеет два истока:</p> <p>западный</p> <p>восточный</p> <p>Они сливаются в пункте</p>	<p>170°30'</p> <p>173°30'</p> <p>171°</p>	<p>32°</p> <p>30°</p> <p>27°</p>
<p>VII, 2, 11.</p>	<p>С гор Дамасса текут река Доана и река Дориа.</p> <p>Река Доана достигает гор Бепюррон.</p> <p>Река Дориа</p> <p>истоки</p> <p>Река Доана</p> <p>первый исток — с гор Дамасса</p> <p>второй исток — с гор Бепюррон</p> <p>Оба истока сливаются в пункте</p>	<p>164°30'</p> <p>162°</p> <p>153°</p> <p>160°20'</p>	<p>28°</p> <p>27°30'</p> <p>27°30'</p> <p>19°</p>

	Река Собана течет с гор Майандр	163°30'	13°
VII, 2, 12.	Одна из рек, которые текут на Золотом Херсонесе, образует сначала один рукав — Аттаба затем другой рукав — Хрисоана остальное становится рекой Паланда.	161°	2°20'
		161°	1°20'
VII, 2, 13.	Земли к востоку от Ганга заселены на севере ганганами, землю которых орошает река Сараб У них есть города:		
	Сапол	139°20'	35°
	Сторна	138°40'	34°40'
	Георга	138°30'	34°
	Рапфа	137°40'	34°40'
VII, 2, 14.	Под ними до гангаридов живут марунды. Их города к востоку от Ганга:		
	Борайта	142°20'	29°

	Корюгаза	143°30'	27°15'
	Кондота	145°	26°
	Келюдна	146°30'	25°30'
	Аганагора	146°30'	22°30'
	Таларга	146°40'	21°40'
VII, 2, 15.	Между горами Имаос и Беторрон на севере живут такорайи, под ними — коранколы, затем — пассалы. Затем над горами Майандр живут тилады. Так называют бесейдов, ибо они уроды, большие, волосатые, с большим лицом и светлой кожей.		
VII, 2, 16.	Над Киррадиа, где производят, как говорят, лучший малабатр, живут вдоль гор Майандр людоеды замиры.		
VII, 2, 17.	Над страной Аргира (Серебряная), где, как говорят, серебряные рудники, расположена область Хриса (Золотая), соседняя с бесунгетами, где есть золотые рудники. Жители этой страны равным образом белокожи, волосаты, уродливы и курносы.		
VII, 2, 18.	Затем между горами Бепюррон и Дамасса живут на севере ананахи, под ними индапратхи, затем иберинги, дабасы и вплоть до гор Майандр живут нангалогии, имя которых означает голые люди.		

VII, 2, 19.	Между горами Дамасса и границей синов самые северные народы — какобы, под ними — басанары.		
VII, 2, 20.	Затем страна Халкида (Медная), где много рудников меди. Под этой страной тянутся до Великого залива куду ты, барры, инды, доаны (у реки того же имени).		
VII, 2, 21.	За этими народами простирается горная область, достигающая страны лейстов (разбойников), полная тигров и слонов. Говорят, что жители страны лейстов — дикари, живущие в пещерах, имеют кожу, как у гиппопотамов, неуязвимую для стрел.		
VII, 2, 22.	Города и деревни этой области, расположенные внутри, позади городов, что у Ганга:		
	Селампура	148°30'	33°20'
	Каногиза	143°	32°
	Кассида	146°	31°10'
	Эльдана	152°	31°
	Асанабара	155°	31°30'
	Архинара	163°	31°

	Урантхены	170°	31°20'
	Суанагура	145°30'	29°30'
	Сагода (Садога)	155°20'	29°20'
	Анина	162°	29°
	Салатха	165°40'	28°20'
VII, 2, 23.	Радамаркотта (богатая благовониями)	172°	28°
	Атхенагурон	146°20'	27°
	Манияйна (Манитайа)	147°15'	24°15'
	Тосалей (столица)	150°	23°20'
	Алосанга	152°	24°15'
	Адейсанга	159°30'	23°
	Кимара	170°	23°15'
	Парисара	159°	21°30'
	Тугма (столица)	152° 30'	22° 15'
	Арисабион	158°30'	22°14'

	Посинара	162°15'	22°50'
	Пандаса	165°	21°20'
	Сипиберис (Ситтиберис)	170°	23°15'
	Триглиптон, называемый также Трилингон (царский город)	154°	18°
	Говорят, что в этой стране петухи бородаты, а вороны и попугаи — белые		
VII, 2, 24.	Лариагара	162°30'	18°15'
	Рингибери	166°	18°
	Агимойтха	170°40'	18°40'
	Томара	172°	18°
	Дасана (Доана)	165°	15°20'
	Мареуара, столица называемая также Мальтхура	158°	12°30'
	Ласиппа	161°	12°30'
	Бареукура (Бареуатра)	164°30'	12°50'

VII, 2, 25.	<p>На Золотом Херсонесе:</p> <p>Балонка</p> <p>Кокконагара</p> <p>Тхарра</p> <p>Паланда</p>	<p>162°</p> <p>160°</p> <p>162°</p> <p>161°</p>	<p>4° 40'</p> <p>2°</p> <p>1°20' южной широты</p> <p>1°20' южной широты</p>
VII, 2, 26.	<p>В этой части Индии есть острова:</p> <p>остров Базаната</p> <p>остров Халина (Салина)</p> <p>Говорят, что на последнем острове много ракушек, а жители всегда ходят голые и называют себя агиннатами</p>	<p>149°30'</p> <p>147°</p>	<p>9°30'</p> <p>9°20'</p>
VII, 2, 27.	<p>Есть также три острова, населенные людоедами: острова, называемые Синды,</p> <p>средний расположен</p> <p>остров Агату Даймонос (Доброго демона)</p>	<p>152°</p> <p>155°20'</p>	<p>8°40' южной широты</p> <p>0°</p>

	Говорят, здесь у жителей хвосты, как у сатиров.		
VII, 2, 31.	Говорят, есть десять островов, которые называют Маниолы, где прилипают корабли с железными гвоздями. Может быть, потому, что эти острова производят камень Геракла (магнит. — Э.Б.). Там же строят корабли на полозьях. Там живут людоеды — маниолы.		
	Средний остров	142°	2°10' южной широты
VII, 3, 1.	Положение синов. Сины граничат на севере с частью Серики, уже изученной, на западе — с Загангской Индией по линии, уже определенной до Великого залива, сам Великий залив и другие заливы — Тхериодский и Синский... где живут эфиопы — ихтиофаги.		
VII, 3, 2.	От начала залива у берегов Индии:		
	устье реки Аспитра	170°	16°
	истоки этой реки в восточной части гор Семантина	180°	26°
	город Брамма	177°	12°30'
	устье реки Амбаст	179°	10°

	истоки этой реки	179°30'	15°
	город Рабана	179°	8°30'
	устье реки Сайн	176°20'	6°30'
	мыс Нотион	175°15'	4°
	край Териодского залива	176°	2°
	мыс Сатиров	175°	2°
VII, 3, 3.	В Синском заливе живут эфиопы — ихтиофаги.		
	Устье реки Коттиара	177°20'	7° южной широты
	Истоки этой реки	180°40'	2° южной широты
	Место слияния реки Коттиара с рекой Сайн	180°	0°
	Каттигара — порт синов	177°	8°30' южной широты
VII, 3, 4.	В этой стране на севере живут семантины под горой того же имени. Ниже этого народа и горы живут акадры. За ними — аспитры. Возле Великого залива — амбасты, а в		

	следующих заливах — сины — ихтиофаги.		
VII, 3, 5.	Внутренние города синов:		
	Акадра	178°20'	21°15'
	Аспитра	17 5°	16°
	Кокконагара	179°50'	2° южной широты
	Сарата	180°30'	4° южной широты
VII, 3, 6.	Сины или Тины (столица)	180°40'	3° южной широты
	Говорят, эта столица не имеет ни стен из меди и ничего, что бы стоило отметить. Начиная от Каттигары, к западу тянется terra incognita, замыкая Прасодское море, до мыса Прасон, где начинается залив Батракейского моря, которое касается мыса Раптон и южных частей Азании.		

Индийские свидетельства о Юго-Восточной Азии (I —IV вв. н.э.)

В море 2500 стран, из которых 180 питаются пятью злаками (т. е. цивилизованной пищей. — Э.Б.), 330 стран едят рыбу и черепах. Есть пять правителей царств, и каждый правит более чем 500 городами.

Первый правитель — царь страны Сыли. Эта страна очень предана Будде и не почитает богов еретиков.

Второй правитель — царь страны Цзяло. Эта страна производит семь драгоценностей.

Третий правитель — царь страны Пули. Эта страна производит 42 вида благовоний и белое стекло.

Четвертый правитель — царь страны Шэйе. Эта земля производит длинный перец и черный перец.

Пятый правитель — царь страны Нао. Эта земля производит белый жемчуг и стекло семи цветов.

Жители городов этих пяти великих царств обычно черные и низкорослые. Эти страны занимают 65 тыс. ли пространства. За ними лежит только море и нет людей.

[928, с.183]

Китайские свидетельства о Юго-Восточной Азии (II —IV вв. н.э.)

...Страну Да-цинъ также называют Лицзя (Александрия). Их цари не постоянные правители, но они (люди Да-цинъ) назначают правителями достойных людей ^[3]. Когда жестокое бедствие постигает эту страну или несвоевременные дожди и ураганы, царя смещают и ставят на его место другого. Освобожденный от своих обязанностей царь принимает свое смещение безропотно...

Они чеканят монеты из золота и серебра. Десять единиц серебра равны одной единице золота. Они торгуют по морю с Аньси (Парфия) и Тяньчжу (Индия). Они честны в своих сделках, и у них нет двойных цен...

Их цари всегда желали посылать посольства в Китай, но царство Аньси (Парфия) желало само продавать им китайские шелка и по этой причине отрезало им дорогу в Китай. Так было до девятого года периода Еньси правления императора Хуань-ди (166 н.э.), когда царь Да-цинъ Ань-тун (Марк Аврелий Антонин) прислал

посольство, которое на границе Жинани (Центральный Вьетнам) предложило слоновую кость, рога носорога и черепаховый панцирь.

[624, с.36—42]

Они (жители Да-цин) чеканят золотые и серебряные монеты. 10 серебряных монет равны одной золотой. Жители Аньси (Парфия) и Тяньчжу (Индия) торгуют с ними по морю. Прибыль — стократная...

...Вода Великого моря, которое пересекают по дороге туда, — соленая и горькая и не годится для питья. Купцы, плавающие туда и обратно, запасаются провизией на три года. Поэтому туда плавают немногие.

Во время династии Поздняя Хань (25—220 н.э.) духу Бань Чао послал своего чиновника Гань Ина послом в эту страну. Но моряки, которые плавают в этом море, сказали: «В этом море есть нечто, что заставляет тосковать по дому. Тех, кто отправляется туда, охватывает смертная тоска. Если китайскому послу не жаль своих родителей, жены и детей, он может плыть». И Гань Ин не смог одолеть этот переход.

В период Тайкан правления императора У-ди (280—290) их царь прислал посла с данью.

[624, с.45—46]

Во времена [царства] У (222—280) царь Фунани Фань Чжан направил одного из своих родственников по имени Суву с посольством в это царство (Индии). Из Фунани Суву добрался до порта Туцзюли, а оттуда плыл по Великому заливу моря. Следуя на северо-запад, он посетил многие бухты и миновал много царств. Когда прошло более года, он достиг устья Индийской реки (Ганга. — Э.Б.) и, поднявшись по реке на 7 тыс. ли, прибыл к месту назначения. Царь Индии изумился и сказал: «На самом дальнем берегу Океана есть еще, оказывается, люди!» Затем он приказал, чтобы им (послам) показали царство. Более того, он направил

двух человек (в том числе Чэньсуна) в Фунань, чтобы отблагодарить Фань Чжана, и послал ему в дар четырех коней из земли Юэчжи. И он отправил назад Суву и других [послов]. И по истечении четырех лет они прибыли в Фунань.

[560, с.128—129]

Античные авторы о Юго-Восточной Азии (III—IV вв. н.э.)

Солин. «Всеобщая история»
(середина III в.)

II. Серы. Серский лён

Отправляясь от Скифского океана и Каспийского моря к Восточному океану, сначала встречаются в этих землях массу снега, потом — безбрежные пустыни. Затем — ужасный народ людоедов. И наконец, землю, переполненную хищными зверями, которые делают почти половину дороги непроходимой. Все эти препятствия кончаются только у горы, которая возвышается над морем. Варвары называют ее Табис. Затем путь опять идет через огромные пустыни.

На той части побережья (Восточного океана. — Э.Б.), которая обращена к юго-востоку, серы — первый народ, который ты встречаешь после этих варварских земель. Обрызгивая листья деревьев, они отделяют от них с помощью воды некие хлопья. Затем они обрабатывают этот тонкий и мягкий пух, и получается то, что называют *серикум* (шелк. — Э.Б.), принятый, к нашему стыду, в наш обиход. Страсть к роскоши побудила сначала женщин, а затем даже и мужчин пользоваться этой тканью, которая скорее показывает тело, чем прикрывает его.

Серы цивилизованны и очень привержены к миру. Но они избегают прочих людей, вплоть до того, что отказываются вступать в торговые отношения с

другими народами. Иногда купцы этой страны переправляются через свою реку, и на ее берегах происходит немая торговля, основанная на простой оценке на глазок. Они продают свои товары, но не покупают наши.

ЛII. 1—3. Народ аттакоров

Затем идет Аттаценский (или Аттанский) залив и народ аттакоры, которым благосклонное небо послало самый мягкий климат. Холмы защищают их от вредных ветров. Климат здесь здоровый и умеренный. Холмы отклоняют любое вредное дуновение от этой страны, замкнутой со всех сторон. И по этой причине, как уверяет Амомет, они ведут такой же образ жизни, как и гипербореи. Между аттакорами и Индией ученые помещают киконов.

[493, с.84—86]

ЛII. 17. За устьем Ганга два острова — Хриса и Аргира, где так много приисков, что большинство авторов уверяют, будто почва там из золота и серебра.

[493, с.84]

Аммиан Марцеллин. «Деяния»
(вторая половина IV в.)

XIV, 3, 3. Батны — муниципальный город Месопотамии, основанный некогда македонцами, расположен недалеко от Евфрата. Здесь живет великое множество богатых купцов. И каждый год в первых числах сентября люди со всех концов спешат на ярмарку в этом городе, чтобы купить товары, которые привозят сюда индийцы и серы, а также всяческое продовольствие, которое отовсюду поступает на этот рынок по суше и по морю.

XXII, 7, 10. [Император Юлиан] нагнал такого страха на все народы, ближние и самые дальние, что [к нему] со всех концов друг за другом стали прибывать

посольства. Чтобы заключить с ним союз, стали прибывать посольства из стран, лежащих за Тигром и Арменией. И народы Индии вплоть до [царств] Дива и Серендива прислали послов из числа своей знати с дарами (362 г. — Э.Б.).

[493, с.92]

XXIII, 6, 64. На востоке, за двумя Скифиями, окруженная кольцом высоких стен лежит Страна серов. Эта земля, известная своим плодородием и бескрайними просторами, на западе граничит со Скифией, на севере и востоке — с пустынями, покрытыми снегом. На юге она доводит до Инда и Ганга. Там есть горы Анниба, Авзациум (или Назавициум), Асмира, Эмодон и Оporоккора (или Опуррокара).

Две реки со знаменитыми названиями Ойхард и Баутис текут довольно медленно по равнине...

Эту исключительно плодородную страну населяют разные народы. [Земли] антропофагов (*людоедов*), аннибов, сизигов и хардов обращены к северному ветру и морозу. А рабанны, асмиры и эсседоны, самые знаменитые из всех этих народов, обращены лицом к восходу, а на западе граничат с атагурами и аспанарами. Беты живут в высоких горах на юге.

Их города, правду сказать, немногочисленны, зато отличаются величиной и богатством. Самые великолепные и самые знаменитые из этих городов — Асмира, Эсседон, Аспакара и Сера.

[493, с.95—96]

XXIII, 6, 67. Серы живут в самом полном спокойствии и полностью чужды войне и применению оружия, так как больше всего они ценят покой. Все они — хладнокровные и спокойные люди. Они не беспокоят никого из своих соседей.

XXIII, 6, 68. Они умеренны в своих нуждах, любят мирную жизнь и избегают всяких сношений с другими людьми.

[493, с.92, 96—97]

Палладий. О брахманах
(IV в.)

Вокруг Тапробаны тысячи других островов, окруженных Эритрейским морем. И поскольку острова Маниолы производят камень Магнезии (магнит), который обладает способностью притягивать железо, корабли с железными гвоздями, если прибывают на эти острова, притягиваются и не могут уже отплыть. Поэтому корабли, которые плавают на этот большой остров, строят особым способом, без железа, с деревянными гвоздями.

[493, с.99]

Руф Фест Авиен. Описание земли
(IV в.)

933—936. Затем идут жестокие тохары, свирепые фруры и серы, живущие в негостеприимных землях. Серы, живущие вперемешку со стадами быков и баранов, собирают в лесах пух.

[493, с.72]

Присциан. Периегес
(IV в.)

727—730. Тохары, фруры и несчетные тысячи серов. Они нисколько не заботятся о том, чтобы пасти своих быков и баранов, они пользуются одеждами, которые сами ткнут и украшают цветами, собранными в пустынных пределах своих стран.

[493, с.73]

Никифор Блеммид. Сводная география
(XIII в.)

706—760. После Окса на берегах реки Яксарт живут саки, носители стрел, тохары, фруры и варварское племя серов.

[493, с.161]

Маркиан Гераклейский, Перипл Внешнего моря
(V в.)

I, 16. В Загангской Индии — Золотой Херсонес, а за ним — Великий залив, в середине которого проходит граница между Загангской Индией и Синами. Затем — народ Сины. Их столица — Тины. Это граница земли известной и земли неизвестной.

I, 40. Перипл Загангской Индии.

Ее границы — на севере — часть Скифии и Серика, на западе — Ганг. На востоке — Сины до Великого залива и сам залив. На юге — Индийский океан и часть моря Прасодес, от острова Менутиа до областей, обращенных к Великому заливу...

I, 41. Загангская Индия — в длину 11 650 стадиев, в ширину 19 000 стадиев. В нее входит 50 племен или сатрапий, 67 городов, значительные деревни или эмпории, 18 знатных гор, 5 знатных мысов, 33 знатных порта, один большой залив и 30 знатных островов...

I, 46. Перипл Залива Синов.

После Мыса Сатиров Великий залив называется *Залив Синов*. Он тянется до Южной Неизвестной земли, к которой примыкает Восточная Неизвестная земля (населенная синами).

От Мыса Сатиров до устья реки Коттиарис, которая впадает в Залив Синов, 1250 стадий. После реки Коттиарис — Каттигара — Порт Синов и граница южной части земли известной и обитаемой.

[493, с.118—122]

Мореходство Юго-Восточной Азии

Из всех драгоценных вещей на свете — самые лучшие принадлежат южным варварам. Они скрыты в горах и морях. Они бесчисленны. Торговые суда прибывают издалека и привозят эти вещи в южные провинции [Китая]. Таким образом, Цзяочжи (Северный Вьетнам) и Гуандун богаты и хорошо обеспечены товарами. Эти товары складываются в императорской сокровищнице.

[928, с.77]

...На северном берегу (Малаккского пролива. — Э.Б.) — страна Лоюэ. На южном берегу — страна Фоши (Шривиджайя). Если плыть морем из страны Фоши на восток четыре-пять дней, достигнешь страны Хэлин. Это — величайший остров на юге. А если из этого пролива плыть на запад, то через три дня достигнешь страны Гогосенджи. Это отдельный остров, лежащий у северо-западной окраины Фоши. Многие его жители — пираты, и те, кто плавает на торговых судах, боятся их.

К северу лежит страна Гуло. К западу от Гуло лежит страна Гогуло. В четырех-пяти днях пути от Гогосенджи лежит Шэнтен чжоу. В пяти днях пути на запад лежит страна Полу (Барус). Еще в шести днях пути лежит Цзялань чжоу страны По.

[928, с.187]

Люди заморских стран называют корабль *Чуань*. У них есть большие суда, свыше 20 чангов в длину^[4], и поднимаются над уровнем воды на 2—3 чанга^[5]. Издали они имеют вид подвешенных дорог. Они вмещают 600—700 человек и перевозят до 10 тыс. ху^[6].

Люди за пограничными заставами (Китая. — Э.Б.) в зависимости от размеров корабля ставят на нем до четырех парусов, которые они располагают

определенным образом от носа до кормы. Есть такое дерево — луту. Его листья имеют в длину более чанга ^[7]. Их ткнут, чтобы сделать паруса. Четыре паруса не закреплены все лицом вперед, но расставлены друг за другом наискось, чтобы ловить дуновение ветра. Ветер надувает их сзади и отбрасывается от одного паруса к другому, и так все они пользуются силой ветра. Если ветер сильный, паруса уменьшают или увеличивают сообразно обстоятельствам. Такое косое расположение позволяет одним парусам получать от других дуновение ветра, и не надо заботиться о мачтах опасной высоты. Эти суда плавают, не избегая сильных ветров и бурных волн, и поэтому они могут быстро доставлять пассажиров и грузы.

[771, с.255—257]

Сыма Бяо в своем комментарии к «Чжуан-цзы» говорит: «Великие морские корабли называются *бо*. Согласно Гуан Я, — „*бо* — морской корабль“. Эти суда погружаются в воду на 60 футов. На них можно перевозить свыше тысячи человек, помимо товаров. Их называют *бо кунь-лунь*. Экипажи этих кораблей по большей части состоят из людей кунь-лунь.

Канаты, которыми связывают части корабля, делают из кожуры кокосовых орехов. Кунь-лунь смазывают свои корабли соком голань, чтобы помешать воде проникнуть внутрь. Они не пользуются ни гвоздями, ни металлическими листами из страха, что перегревшееся железо вызовет пожар ^[8]. Они строят корабли, собирая в несколько слоев доски, ибо эти доски — тонкие, и они (кораблестроители) боятся, что они лопнут.

...Эти корабли от носа до кормы разделены на три секции. Чтобы использовать ветер, они поднимают паруса. Эти корабли нельзя двигать руками людей (т. е. идти на веслах. — Э.Б.)»

[771, с.257—260]

Когда династия Цзинь перешла на юг (316 г. — Э.Б.), ее стало отделять от Желтой реки (Хуанхэ) и Ганьсу большое расстояние. Варвары перерезали дороги, и чужеземные страны стали теперь далекими, как небо. Да-цин (Римская империя) стала недосыгаемо далекой в безбрежных просторах Запада.

Даже когда две династии Хань посылали туда экспедиции, эти пути были исключительно трудными, и часть товаров, от которых Китай зависел, поступала из Цзяочжи (Северный Вьетнам). Эти товары везли по морям, следуя ветру, из дальних мест в Китай. [Препятствием также служат] многие цепи гор. Там живут многочисленные племена с разнообразными и странными титулами. Драгоценные вещи прибывают из-за гор и по морям таким путем. Тут есть такие товары, как рог носорога и перья зимородка, и такие редкости, как змеиный жемчуг и асбест. Имеются тысячи видов этих редкостей, и все их жаждут приобрести правители. Поэтому суда прибывают постоянным потоком, купцы и послы, толкаясь, спешат сюда.

[928, с.77]

Гуну находится в 8 тыс. ли от царства Гоин. Там живет более 10 тыс. семей. Все они пользуются четырехколесными повозками, в которые впряжены пары или четверки лошадей. Люди со всех концов света встречаются здесь. В гавани всегда более сотни судов. На рынке собирается толпа свыше 10 тыс. человек. День и ночь они ведут дела. Одежда этих людей напоминает китайскую.

[928, с.59].

III. Фунань—Камбоджа

Фунань в V—начале VI в.

Народ Фунани зловреден и хитер. Они захватывают силой жителей соседних городов, которые не признают себя их вассалами, и превращают их в рабов. Из товаров у них имеются золото, серебро, шелк. Дети богатых семей носят саронги из парчи. Одежда бедных состоит из куска ткани. Женщины продевают голову в кусок ткани.

Люди Фунани делают кольца и браслеты из золота и сосуды из серебра. Они рубят деревья, чтобы строить свои дома. Царь живет в [много] этажном дворце. Они окружают свои селения деревянными палисадами. На морском берегу растет великий бамбук, листья которого в восемь-девять футов величиною. Эти листья срезают, чтобы покрывать дома. Люди также живут в домах на сваях.

В Фунани при сделках всегда пользуются золотом. Люди, арендовавшие корабль, чтобы отправиться на Восток или Запад, и не достигшие порта назначения в уговоренное время, стремятся уменьшить количество золота, которое они платят хозяину корабля. Тогда шкипер устраивает им розыгрыш. Он притворяется, будто киль судна в чем-то увяз и судно не может двинуться ни назад, ни вперед. Пассажиры, конечно, пугаются и начинают приносить жертвы богам. Тогда судно становится таким, как прежде.

[771, с.255]

Они строят корабли длиною в 8—9 чанг и шириною в 6—7 футов. Нос и корма у них подобны голове и хвосту рыбы. Когда царь выезжает, он едет на спине слона. Женщины также могут ездить на слонах. Для

развлечения народ устраивает петушинные бои и бои кабанов.

У них нет тюрем. В случае судебного спора они бросают в кипящую воду кольца или яйца, и они должны вынимать их. Или же надо пройти семь шагов [держа] в руке раскаленную докрасна цепь. Руки виновных покрываются ожогами, а невиновных — не покрываются. Или же их кидают в воду. Невиновный — всплывает, виновный — тонет.

У них есть сахарный тростник, гранаты, апельсины и много арекового ореха. Птицы и млекопитающие у них такие же, что и в Китае. Характер у жителей хороший. Линьи (Южный Вьетнам. — Э.Б.) постоянно вторгается в их страну. С Цзяочжи (Северным Вьетнамом. — Э.Б.) они еще не вступили в сношения. Поэтому их посольства так редко приходят сюда.

[465, с.29]

В Китае жили буддийские монахи из Фунани... Одного из них звали Сангхапала или Сангхаварман... Он родился в Фунани в 460 г. и, услышав о династии Ци (479—501), отправился на джонке в Китай... Поскольку Сангхапала знал несколько языков, император У-ди династии Лян (502—550) пригласил его в 506 г., и в течение 16 лет он работал над переводом священных книг в пяти учреждениях, из которых по крайней мере одно имело важный характер — *Нань чуань* («Бюро Фунани»).

Второй шрамана из Фунани носил монашеское имя Мандра или Мандрасена. Он прибыл в столицу династии Лян в 503 г. Впоследствии император У-ди поручил ему работать вместе с Сангхапалой над переводом священных книг. Но он никак не мог хорошо освоить китайский язык.

[769, с.284—285]

Фунань в первой половине VI в.

Воистину, люди этой страны безобразны и черны, с курчавыми волосами. Там, где они живут, они не копают колодцев. Десяток семей сообща владеют бассейном, откуда они берут воду. У них в обычае почитать духов неба. Они делают бронзовые изображения этих духов. Они имеют два лица и четыре руки, а те, у которых четыре лица, имеют восемь рук. Каждая рука что-нибудь держит — ребенка, птицу или четвероногое, солнце, луну. Царь, когда он путешествует, едет на слоне. Так же путешествуют его наложницы и придворные. Когда царь садится, он сидит склоненный на бок, подняв правое колено и касаясь левым коленом земли. Перед ним расстилают кусок хлопчатобумажной ткани, на который ставят золотые вазы и курительницы.

При трауре они сбривают бороду и волосы на голове. Существует четыре способа погребения мертвых: водяное погребение, когда тело бросают в воду; погребение в земле, когда тело опускают в могилу; погребение птицами, когда тело оставляют в поле; огненное погребение, когда тело превращают в пепел. Люди в этой стране жадные. У них нет ни обрядов, ни приличий. Юноши и девушки следуют своим склонностям без всяких ограничений.

[465, с.29]

Ченла в середине VII в.

Царство Ченла расположено к юго-западу от царства Линьи. Первоначально оно зависело от Фунани. От берегов Жинани туда можно доплыть за 60 дней. На юге Ченла граничит с царством Чжэцзю, на западе с царством Чжуцзян (*Царством Красной реки*). Родовое имя царя — Ца. Личное его имя Чидосына (Читрасена, около 600—616. — Э.Б.). Во времена его предков Ченла стала могущественной. Чидосына напал на Фунань и подчинил ее себе.

После его смерти ему наследовал его сын Ишэнасяньдай (Ишанаварман, около 616—655. — Э.Б.). Этот царь сделал своей столицей город Ишэну (Ишанапуру. — Э.Б.) с населением свыше 20 тыс. семей. Посреди города — большой дворец, где царь дает аудиенции и где находится его двор. В царстве имеется, кроме того, еще 30 городов, каждый из которых населен несколькими тысячами семей и управляется губернатором. Титулы чиновников здесь такие же, как и в царстве Линьи.

Каждые три дня царь торжественно появляется в зале для приемов и садится на трон, изготовленный из пяти сортов благовонного дерева и украшенный семью драгоценными предметами. Над тронном — балдахин из великолепных тканей, который поддерживается колоннами из инкрустированного дерева, а стенки трона сделаны из слоновой кости, украшенной золотыми цветами. Все вместе — трон и балдахин — это как бы дворец в миниатюре, в глубине которого подвешен диск с золотыми лучами в форме пламени.

Царь носит пояс из хлопчатобумажной ткани сорта *цзи-бэй*, алый, как утренняя заря, который спускается почти до ног. На голове у него колпак с украшениями из золота и драгоценных камней, с подвесками из жемчуга. На ногах у него сандалии из кожи, а иногда из слоновой кости. В ушах — золотые серьги. Его одежда изготовлена из очень тонкой белой ткани, называемой *пеци*. Когда царь обнажает голову, в его волосах видны драгоценные камни.

Одежда высших чиновников почти такая же, как у царя. Этих высших чиновников или министров всего пять. Первый из них носит титул гулюю. Остальные четверо, перечисляемые в порядке старшинства, носят титулы *сянгобин*, *бохэдолин*, *чжэмолин* и *янлолю*. Число низших чиновников весьма значительно.

Тот, кто предстает перед царем, трижды касается лбом земли. Если царь ему приказывает приблизиться, он на коленях поднимается по ступенькам, держа руки скрещенными на плечах. Затем они усаживаются вокруг царя, чтобы обсуждать государственные дела. Когда заседание кончается, его участники снова становятся на колени, prostираются ниц и удаляются. Более тысячи стражников, одетых в панцири и вооруженных копьями, стоят у ступеней трона, в залах дворца, у дверей и колонн.

Это царство находится в тесном союзе с двумя царствами — Цаньпань и Чжуцзян. Эти [три царства] часто воюют с царствами Линьи и Тоюань. Жители обычно ходят одетыми в панцири и вооруженными, так что любая ссора приводит к кровавым схваткам.

Только сыновья царицы, законной жены царя, могут наследовать трон. В день, когда провозглашается новый царь, все его братья подвергаются уродующей их операции: одному отрубают палец, другому — нос и т.д. Затем выделяются средства на их содержание, и их рассылают в разные места, никогда не предлагая им никакой должности.

Мужчины отличаются маленьким ростом и черной кожей. Однако у многих женщин кожа белая. Все они укладывают свои волосы и носят серьги. Они (люди Ченлы) отличаются живым, хотя и твердым характером. Их дома и мебель похожи на те, которыми пользуются в Читу.

Они считают правую руку чистой, а левую руку — нечистой. Каждое утро они совершают омовение, чистят зубы маленькими палочками из дерева [породы тополей], не забывая при этом читать молитвы. Перед едой они снова умываются, а сразу после нее снова чистят зубы палочками из тополя и снова читают молитвы. В пищу они употребляют много сливочного масла, кислого молока, сахарной пудры, риса и проса,

из которого они делают нечто вроде пирожков, и едят их, пропитав мясным соусом.

Тот, кто хочет жениться, сначала посылает подарки девушке, которой он добивается. Затем семья девушки выбирает счастливый день, чтобы под охраной посредника проводить девушку в дом жениха. Семьи мужа и жены проводят вместе восемь дней, не выходя из дома. День и ночь в доме горит свет. Когда заканчивается церемония свадьбы, жених получает часть имущества своих родителей и поселяется в собственном доме. В случае смерти родителей, если у них остаются еще неженатые Дети, эти дети наследуют оставшееся имущество. Но если все дети женаты и уже получили свою часть приданого, то имущество, которое родители сохранили лично для себя, поступает в государственную казну.

Похороны происходят так: дети покойного семь дней ничего не едят, бреют голову в знак траура и громко плачут. Родственники собираются вместе с буддийскими монахами и монахинями или служителями культа Дао, которые следуют за телом, распевая и играя на разных инструментах. Тело умершего сжигают на костре, сложенном из различных пород ароматических деревьев. Пепел собирают в золотую или серебряную урну и бросают эту урну в глубокие воды. Бедняки используют урны из глины, раскрашенные в различные цвета. Бывает, что тело покойного оставляют в горах, где его пожирают хищные звери.

На севере Ченла покрыта горами, изрезанными долинами. На юге страны — болота и такой жаркий климат, что здесь никогда не бывает ни снега, ни заморозков. Почва здесь выделяет миазмы и кишит ядовитыми насекомыми. В этом царстве выращивают рис, рожь, немного мелкого и крупного проса. Фрукты и

овощи почти такие же, как в Жинани (Тямпе. — Э.Б.) и Цзяочжи (Северном Вьетнаме. — Э.Б.).

...В море, омывающем берега Ченлы... водятся морские чудовища, столь огромные, что когда они наполовину всплывают, их можно спутать с горой. Каждый год в пятом и шестом месяце (июне—июле. — Э.Б.) их проход [вдоль берегов Ченлы] отравляет воздух. Тогда тотчас приносят в жертву белого барана или свинью перед западными воротами города. Если этого не сделать, зерновые не созреют, начнется падеж домашнего скота и множество людей погибнет от эпидемий.

Возле столицы есть гора Линцзябопо. На вершине этой горы стоит храм, посвященный духу по имени Бодоли, которому приносят в жертву людей. Тысяча солдат постоянно охраняют этот храм. Каждый год царь отправляется в этот храм, чтобы ночью лично принести человеческую жертву. Так они почитают духов. Многие жители Ченлы следуют закону Будды. Многие другие отправляют культ Дао. Буддисты и даосы помещают благочестивые изображения в домах, где останавливаются путешественники.

[717, с.476—483]

Происхождение царства Камбоджа

Адитьявамса, царь Индрапрастхи, разгневался на одного из своих сыновей и изгнал его из страны. Этот царевич направился в страну Кох Тхлок и овладел ею, победив тамошнего царя. [Это было так.] Однажды вечером он прогуливался по песчаному берегу, как вдруг начался прилив, и он был вынужден провести там ночь. Наги несравненной красоты вышла поиграть на песок, и он решил жениться на ней. После этого царь Нагов, отец невесты, расширил владения своего зятя, выпив воду, которая покрывала страну, построил ему

столицу и дал царству [Кох Тхлок] новое название — *Камбоджа*.

[691, т.1, с.XVIII]

Клятва чиновников Сурьявармана I (1011)

933 год эры Шака (1011 н.э.), девятый день возрастающей луны месяца бхадрапада... Вот наша клятва.

Мы все, принадлежащие к разряду инспекторов первой [второй, третьей, четвертой] категории, в момент принесения присяги надрезали наши руки и вручили нашу жизнь и нашу безупречную преданность Его Величеству Шри Сурьявармадеве, который законным образом и окончательно занял царский престол в 924 г. эры Шака (1002 н.э.) в присутствии Священного огня, Священного сокровища, брахманов и ачарьев.

Мы не станем почитать иного государя, кроме нашего. Мы не совершим против него враждебных деяний и не вступим в сговор с его врагами. Мы не допустим никаких поступков, способных причинить ему вред. Мы будем стараться совершать только такие деяния, которые являются плодами нашей глубокой преданности Его Величеству Шри Сурьявармадеве.

В случае войны мы будем биться изо всех сил, не щадя жизни. Мы не побежим с поля боя, храня верность [царю]. Если в отсутствие войны мы умрем от болезни, пусть и тогда мы будем вознаграждены, как подобает слугам, преданным господину. Если же нам суждено жить и оставаться слугами царя, то, когда представится случай умереть, мы примем смерть.

Если возникнет служебное дело, ради которого Его Величество, услышав о важности события, прикажет нам отправиться в далекие края, мы постараемся выяснить все до мельчайших подробностей и во всем следовать нашей клятве.

Если среди нас окажется кто-нибудь, кто не сдержит клятву, мы просим государя и всех будущих царей подвергнуть его всем видам пыток и наказаний. Если среди нас найдется предатель, не выполняющий в точности клятву, пусть он рождается в 32 адах до тех пор, пока существует луна и солнце.

Если мы неукоснительно выполним эту клятву, то пусть Его Величество отдаст приказы об охране (наших) святых мест и обеспечении наших семей за то, что мы верны нашему господину Его Величеству Шри Сурьявармадеве. Пусть мы обретем в этом мире и в других мирах вознаграждение, подобающее слугам, преданным своему господину.

Удайядитьяварман II (1050—1066)

Тогда Удайядитьяварман, царь земли в сладких лучах славы родился в роду хозяев Вселенной, как луна в новом море молока.

Он превосходил всех, привлекая женщин своей красотой, воинов — своим героизмом, мудрецов — своими прекрасными качествами, народ — своей мощью, брахманов — своей благотворительностью. Наделенный множеством благородных черт, этот принц, исполненный великой энергии, был провозглашен своими министрами Повелителем Вселенной, когда Сурьяварман вознесся на небо.

[465, с.168]

Харшаварман III (1066—1080)

Народу, который прежде пожирала лихорадка, вызванная яростью Кали (богини смерти. — Э.Б.), этот монарх, соединяющий в себе в невероятной степени суть всех способов достижения успеха, обеспечил мир, строго соблюдая долг четырех варн. Этот господин Земли, на всей земле не имеющий равного по величию, приобрел в качестве пурохиты достопочтенного

Шанкару и обрел в лице этого мудреца высшее исполнение всего, что может пожелать человек на этом и том свете.

[465, с. 177]

Коронация Сурьявармана II (1113—1156)

Сурьяварман II раздал паланкины, веера, мухобойки, венки, пряжки, подвески, браслеты, кольца. А разным храмам — украшения, утварь, земли, рабов, скот.

[465, с.187]

Восстание Раху (1161—1164)

Когда Бхарата Раху обнаружил дух измены против царя Шри Яшовармадева, стремясь захватить священный дворец, все войска столицы... бежали. Царь вступил в битву. Анак Санджак Арджуна и анак Санджак Шри Дхарадевапура сражались, чтобы защитить Самтака. Они пали перед ним. Царь ударил в нос Бхарата Раху и сбил его с ног. Тем временем был дан приказ присвоить титул Врах Камратен ань Шри Нирпасинхаварман анаку Санджак Девапура, сыну анака Санджак (т. е. Арджуне, сыну Шри Дхарадевапура. — Э.Б.), и воздвигнуть их статуи. Что касается членов их семей, царь пожаловал им богатства и почетные звания.

Джайяварман VII (1177—1218)

Раньше этот принц был союзником страны Тямпа. Заняв крепость Тям, которую царь Джайя Индраварман (1161—1177) построил на горе Чек Катанг, принц повернул назад (в Камбоджу. — Э.Б.).

Авангард тямов, воспользовавшись более короткой дорогой, тайно следовал за кхмерами и внезапно напал на их арьергард, который не успел сгруппироваться. Принц повернул все свои силы назад, чтобы помочь арьергарду. Дойдя до горы Трайя, он поднялся на нее в тот момент, когда тямский авангард уже собирался

подняться на гору. Люди [кхмерского] арьергарда были сломлены. Из них осталось в живых не более 30 человек. Принц с боем спустился к подножию горы. Тямы окружили самтака (титул принца. — Э.Б.). Никто из его людей не осмеливался сражаться.

Тут анак Санджак Шри Дева и анак Санджак Шри Вардхана дали клятву... Они разыскали принца и сообщили ему об этом. Затем они бросились в схватку, закрыв его собой и опустив голову, и отразили тямов, которые подступили в огромном количестве... Тямы поразили их копьями в живот. Так они пали, верные своей клятве.

Принц приказал совершить все царские церемонии. Он повел на бой [все] четыре части кхмерской армии сражаться в 78 местах, и воины защищали его с большой твердостью духа. Вернувшись в страну Камбоджа, он соизволил пожаловать этим двум анакам [из рода] Санджак титул амтен и велел воздвигнуть в их честь статуи.

[465, с.207—208]

Завоевание Тямпы (1190)

Царь Ченлы в свою очередь вступил в Тямпу во главе большой армии, истребил население, схватил царя в его дворце и увел его в плен, перебив перед этим его советников и министров и посадив вместо него на трон Тямпы чиновника Ченлы.

[717, с.557—558]

Рабство в Камбодже (1296)

Они покупают рабов, чтобы сделать из них слуг. Некоторые имеют более сотни рабов. Только самые бедные не имеют своих рабов.

Эти дикари спускаются с гор. Они образуют особую расу, их называют *вороватые чуанги*. Приведенные в деревню, они не смеют выйти наружу. На них смотрят,

как на животных, их покупают и продают за небольшую цену. Им разрешено сидеть и лежать только под домом (имеются в виду дома на сваях. — Э.Б.). Для исполнения службы они могут войти в дом, но прежде чем войти, они становятся на колени, делают приветствие и простираются ниц. Они называют хозяина и хозяйку отцом и матерью. Если они провинятся и их бьют, они склоняют голову и не смеют сделать ни малейшего движения. Они свободно вступают в сексуальные отношения друг с другом, но хозяин никогда не совокупляется с ними. Если китаец, долгое время живший одиноко, вступит в связь с одной из этих женщин, а хозяин узнает об этом, он на следующий день откажется сидеть рядом с ним, потому что он имел сношения с дикаркой.

Если у рабыни родится ребенок от постороннего лица, хозяин не интересуется тем, кто отец ребенка, а относится к этому ребенку, как к своему рабу. Если раб пытается бежать и его поймают, ему ставят на лицо синее клеймо. Иногда им надевают железные кольца на шею, руки или ноги.

Есть два вида дикарей. Одни понимают здешний язык. Их продают в городах, как рабов. Другие не поддаются воздействию цивилизации и не понимают языка. Они не живут в домах, но вместе со своими семьями бродят по горам, неся глиняный кувшин на голове. Если они встретят дикое животное, они убивают его из луков или копьями, высекают с помощью камня огонь, жарят животное, едят его вместе, потом расходятся. Нрав у них свирепый, а их яды очень опасны. Внутри своего племени (группы) они часто убивают друг друга. В последнее время некоторые из них стали выращивать кардамон и хлопок. Но их ткань очень грубая, а узоры на ней очень неправильные.

[465, с.247]

Администрация Камбоджи (1296)

В этой стране есть советники, генералы, астрологи и др., а ниже их мелкие чиновники всех видов. Они отличаются от наших только названиями. На важные посты большей частью назначают принцев. А если назначенные не принцы, то они предлагают царю своих дочерей в качестве наложниц.

Знаки отличия и свита зависят от ранга. Высшие чиновники пользуются паланкином с золотыми носилками и четырьмя зонтами с золотыми ручками. Те, кто ниже рангом, имеют паланкин с золотыми носилками и один зонт с золотой ручкой. В конце стоит тот, кто имеет только зонт с серебряной ручкой. Есть и такие, кто получает паланкин с серебряными носилками. .. Эти зонты делают из красной китайской тафты. Их складки опускаются до земли. Другие зонты — из зеленой тафты с короткими складками.

В стране более 90 вассальных центров: Чжэньбу, Чанань, Бацзянь, Мулян, Баси, Пумай, Пасыли и др. Каждый город имеет своих чиновников. Оградой им служит деревянный частокол.

В каждой деревне есть храм или ступа. Как бы ни мала была деревня, в ней всегда есть полицейский офицер. На больших дорогах есть места для отдыха, подобные нашим почтовым станциям. В последней войне с Сиамом страна была совершенно разорена.

Войска маршируют голые и босые. В правой руке они держат копье, в левой — щит. Камбоджийцы не имеют ни луков, ни стрел, ни баллист, ни пушек, ни доспехов, ни шлемов. Говорят, что в последней войне с сиамцами весь народ должен был сражаться. У них нет ни тактики, ни стратегии.

[465, с.249]

Ордалии в Камбодже (1296)

Допустим, две семьи ведут тяжбу и неизвестно, кто прав, а кто виноват. Перед дворцом есть 12 каменных башенок. Каждый из двух тяжущихся садится на такую башенку. Внизу их семьи следят за ними. Проходит один, два, три или четыре часа, и вина проявляет себя каким-нибудь образом — язвой, карбункулом, простудой или злокачественной лихорадкой. А невинный не страдает ни в малейшей степени. Это называют небесным судом.

[465, с.249—250]

Праздники в Камбодже (1296)

(На Новый год) воздвигаются деревянные ступы высотой более 20 чангов, иногда по пять-шесть за одну ночь. На вершине их помещают ракеты, которые иногда можно видеть за 1000 ли, и хлопушки величиной с пушку, гром которых потрясает весь город. Царь присутствует на этом зрелище и приглашает иностранных послов. Этот праздник длится 15 дней.

Праздники у них бывают каждый месяц. В четвертом месяце (январь?) они *бросают мяч*. В девятом население всего царства проходит смотром перед дворцом.

В пятом Будд со всего царства собирают и моют в присутствии царя.

В седьмом месяце, когда созреет урожай риса, рис жгут у Южных ворот в честь Будды. Многие женщины отправляются на эту церемонию в колясках или на слонах, но царь ее не посещает.

В восьмом месяце — праздник танца. Отбирают талантливых музыкантов, чтобы они приходили во дворец каждый день. Тогда же устраивают бои свиней и слонов. Царь приглашает на этот праздник иностранных послов. Праздник длится десять дней.

[465, с.248—249]

Буддийские монахи в Камбодже (1296)

Чжугу бреют голову, носят желтую одежду и оставляют правое плечо открытым. Нижнюю часть тела они прикрывают юбкой из желтой ткани и ходят босиком. Их храмы разрешается крыть черепицей. Внутри храма только одна статуя, изображающая Шакьямуни Будду. Она одета в красное. Статуи эти делают из глины и раскрашивают киноварью и синей краской. Будды на башнях разные и отлиты из бронзы. Там нет ни колоколов, ни барабанов, ни кимвал, ни вотивных приношений шелковых лент, ни балдахина.

Все монахи едят рыбу и мясо, но не пьют вина. В их приношение Будде также входят рыба и мясо. Они едят один раз в день пищу, приготовленную в семье их гостеприимца. Ибо в храмах нет кухонь. Тексты, которые они декламируют, очень многочисленны. Их книги составлены из пальмовых листьев, очень аккуратно переплетенных. На этих листьях они пишут черными буквами. Они не пользуются ни карандашом, ни чернилами, и я не знаю, чем они пишут. Некоторые монахи имеют право на паланкин и зонт с золотой или серебряной ручкой. Царь советуется с ними в серьезных делах. Буддийских монахинь здесь нет.

[465, с.248]

IV. Тямпа

Царство Линьи

Жители этой страны строят дома из обожженных кирпичей, проложенных слоем извести. Все дома стоят на платформе или террасе, которую называют *чань-лань*. Дома обычно открываются на север, иногда же на восток или запад... Мужчины и женщины не носят никакой одежды, кроме большого куска ткани цзи-бэй, обернутого вокруг тела. Они протыкают себе уши, чтобы носить в них маленькие кольца. Люди значительные носят кожаную обувь, простой народ ходит босиком. Такие обычаи существуют также в Фунани и во всех странах, лежащих за Линьи.

Царь носит высокую шапку, украшенную золотыми цветами и обшитую шелковой тесьмой. Когда он выезжает [из дворца], он едет на слоне. Впереди него [идут музыканты] с раковинами и барабанами, сам он укрыт [от солнца] зонтиком из ткани цзибэй и окружен слугами, которые несут знамена из того же материала.

Браки у них всегда совершаются в восьмой месяц (месяц жатвы). У них девушки делают брачные предложения юношам... Браки между людьми, носящими одну и ту же фамилию, не запрещены.

У этого народа воинственный и жестокий характер. Их оружие — луки и стрелы, сабли, копья и арбалеты из бамбука. Их музыкальные инструменты очень похожи на наши — кифара, пятиструнная скрипка, флейта и т.д. Они также пользуются раковинами и барабанами, чтобы предупреждать людей. У них глубоко посаженные глаза, прямые и выступающие носы и черные, курчавые волосы. Женщины укладывают свои волосы на макушке в форме молотка.

Погребальные церемонии совершаются через семь дней после смерти царя, через три после смерти

больших вельмож, а для простого народа их устраивают на следующий день после смерти. Покойника тщательно завертывают и несут, сообразно его рангу, на берег моря и реки, причем танцуют и бьют в барабаны. Когда сжигают тело царя, прах помещают в золотую урну и бросают ее в море. Останки чиновников помещают в серебряную урну и бросают в воду в устье реки. Когда хоронят людей незначительных, их прах кладут в керамическую урну и кидают в реку [в любом месте]. Родные обоюго пола сопровождают погребальную процессию до реки и, прежде чем вернуться назад, отрезают свои волосы. Это единственный знак очень короткого траура. Некоторые женщины, однако, носят траур в иной форме всю жизнь. После того как их волосы отросли, они их распускают и ходят так. Так поступают вдовы, которые дали обет никогда больше не выходить замуж.

[521, с.49—50]

Надпись царя Пракашадхармы (657)

1. ...Был некогда царь по имени Гангараджа (413—415), который славился своими царскими качествами, мудростью и отвагой... И как ни трудно покинуть царскую власть... желание его увидеть [священные воды] Ганга было столь велико, что он [оставил царство] и отправился к Гангу.

2. Потомок царей, начиная с Дилипы и Мандаты, он (царь Шамбхуварман, около 565—629) в своем величии никогда не нарушал вечные правила [царского] поведения, как океан никогда не нарушает своих границ, установленных навечно.

3. Он, который был сыном выдающегося брахмана и сыном внучки по матери славного Маноратхавармана.

4. Сын этого доблестнейшего царя Рудравармана, он — в числе тех, кто блещет подобно солнцу.

5. Он и в наше время следовал чистым правилам морали, установленным в Критаюге (*Золотом веке*. — Э.Б.), когда Дхарма еще пребывала во всей полноте... Красота его лица превосходила сияющую луну, и луна во всем ее великолепии как бы отодвигалась в тень рядом с ним.

6. От Шамбхувармана, славного своими подвигами, который восстановил на земле этот [храм] Шамбхубхадреша,

7. родился сын Кандарпадхарма (629 — около 640), увенчанный славой, одаренный великой красотой, подобный воплощению Дхармы.

8. «Мне нечего ожидать от царя, который, свободный от страстей и верный долгу, опекает своих подданных, как родных сыновей!» — воскликнула Кали (богиня смерти. — Э.Б.) и печально удалилась, подобно тому как войско мрака отступает перед невыносимыми для него лучами солнца...

11. (Его сын)... Прабхасадхарма (около 640 — 645) имел юную сестру, которая была источником благоденствия и процветания для всего мира.

12. ...Ее мужем стал Сатьякаушикасвами (около 645 — 653) подобно тому, как отшельник Атри стал мужем Анасуи.

13. Их сын, прославившийся своей отвагой, мудростью и красотой, тот, кто всегда придавал блеск и кшатрийским и брахманским родам,

14. получил имя Бхадрешвараварман (653—654). Он, Анангапура и Вишварупа были тремя братьями, рожденными от одной матери.

15. Затем знаменитый Шри Джагаддхарма (654—655), великий герой, отправился в город Бхаву (т. е. в Камбоджу. — Э.Б.) в силу некоторых обстоятельств.

16. Это там Каундинья, первейший среди брахманов, вонзил копье, которое он получил от Ашваттхамана, сына Дроны, лучшего из брахманов.

17. Дочь царя змей по имени Сомы создала свою семью в этом (земном. — Э.Б.) мире. Перейдя благодаря любви в совершенно иную стихию, она стала жить в жилище человека.

18. Превосходнейший брахман Каундинья взял ее в жены, чтобы совершить некое деяние. Воистину, непостижимы пути Господа, когда он создает причины будущих событий.

19. [Царь Бхадраварман], рожденный в этой чистой, непрерывной линии царей, даже сегодня является предметом гордости своих подданных. Они гордятся его безупречным поведением.

20. Царь Бхававарман (около 550 — 600), который гордился своей тройной державой и сломил заносчивость своих врагов, гордых своими военными подвигами, имел брата, великого героя. Этот брат сокрушил надменных союзников тех врагов, и их сила увеличила его силу, и его величие засияло как солнце.

21. Этот знаменитый Махендраварман (около 600 — 616), своими подвигами равный Индре, царю богов, породил любимого сына с такой же легкостью, с какой политика мудрых людей дает счастливые результаты.

22. Этот сын Шри Ишанаварман (616—635), царь людей, сияние которого распространилось во все стороны, до самого конца света, породил дочь ради небывалого процветания, подобно тому как жертвенные обряды порождают и материальное процветание, и сверхъестественную силу,

23. Шри Джагаддхарма (654—655) вместе с этой Шри Шарвани, непорочной и происходящей из рода Сомы, породил любимого сына, замечательного своей доблестью.

24. Говорят, что все мыслимые добродетели не могут одновременно принадлежать одному живому существу. Но применимо ли это к тому, кого создал сам бог Брахма? Этот царь (Пракашадхарма-Викрантаварман,

около 655 — 690) был любовно наделен [богом] всеми добродетелями в превосходной степени. Он подобен бесценному бриллианту в глубине океана.

25. Постоянно преданный брахманам, богам среди людей, он сам был предметом поклонения своих врагов, подчиненных его доблестью. Богиня Лакшми гордилась им и следовала за ним, как если бы он был Рама, сын царя Дашаратхи, и он был достоин этого внимания!

26. Великая тройца — Падми (Процветание), Канти (Красота) и Сарасвати (Знание) — пышно возросла в нем. Сколь часто добрые семена, посеянные в добрую почву, дают вечные плоды.

Он, знаменитый царь Тямпы, махараджа Шри Пракашадхарма, который принял при коронации имя Шри Викрантаварман, эта полная луна с чистыми лучами, встающая на востоке, над великим и обширным молочным океаном [а этот океан — великий, благородный и вечно процветающий царский род], этот царь, чья несравненная доблесть хорошо знакома его бесчисленным злобным врагам, надменность которых он сломил, этот царь, возведенный на царство святыми людьми и приобретший, защитивший и расширивший это царство благодаря своим истинно царским качествам и героизму, царь, выделенный из прочих богиней Шри (Удача) за свое искусство, этот царь в 579 г. эры Шака (657 н.э.) построил [храм] Шри Прабхасешвары (Шивы. — Э.Б.), единственного владыки Вселенной, для того чтобы истребить семена [кармы], которая несет в себе новые рождения, быстро сменяющие одно другое.

27. Его (Шивы) формы, как сама Земля, соответствуют его энергии, и без них невозможна его работа, сохраняющая и развивающая Вселенную. Поэтому хозяин энергии и придерживается этих форм. Чего только не сделает Господь ради благоденствия других!

28. Ведь он (Шива), почитаемый Брахмой, Вишну, Индрой и другими богами, асурами (демонами. — Э.Б.), брахманами, царями и аскетами, он — танцевал на кладбище ради процветания всего мира, разве это не странно?

29. Откуда является этот постоянный и в то же время движущийся мир, [является] подобно тому, как лучи исходят от солнца и в ком все это снова сливается? Сколь удивительно это великое творение!

30. Кто, сам не имеющий желаний, в то же время — причина сотворения мира? Одна мысль о ком способна принести невыразимое блаженство, не говоря уже о материальных благах? Пусть же он, Шри Прабхасешвара, остается здесь навсегда, до тех пор, пока существует мир, ради благоденствия этого города Тямпы.

(Далее стихи сменяются прозой. — Э.Б.)

Склад Лонь (в округе Каум) и склады (населенных пунктов) Хаваун, Карннауй, Кау, Питау, Краун, Найок и Васауй (в округе Мидит) — все эти [склады] передаются царем Тямпы Шри Пракашадхармой [для обслуживания] культа богов Ишанешвары, Шри Шамбху-Бхадрешвары и Шри Прабхасешвары (разные ипостаси Шивы. — Э.Б.).

Те, кто разрушит [эту надпись], понесут кару, как за убийство брахмана, и будут мучиться без передышки многие миллионы лет. Те же, кто ее будет сохранять, получат вознаграждение, как при совершении ашвамедхи. Ибо сказано в Шастрах: «Нет более достойного деяния, чем ашвамедха, и нет более тяжкого преступления, чем убийство брахмана». Так заявляет [царь Пракашадхарма] в присутствии самого бога [Шивы].

[691, т.1, с.21—26]

Хариварман IV (около 1070—1081)

Он (Хариварман IV) рассеял вражеские войска на поле битвы двенадцать раз. Он рубил головы царей, генералов, вождей и других людей на поле битвы девять раз. Он разбил войска Камбоджи при Сомешваре и взял в плен принца Нандавармадеву, который командовал армией. А всю добычу пожертвовал храму Шришанабхадрешвары (Шивы. — Э.Б.).

Надпись Джайя Индравармана II (1088)

I

Удачи! Его Величество Шри Джайя Индравармадева, принц Вак, сын Его Величества Шри Харивармадевы, принца Тхань... царствовал около месяца. Но поскольку Шри Джайя Индравармадева был очень юн и не знал, что хорошо и что плохо в искусстве управления царством, он постоянно делал все наоборот. И тогда Шри Джайя Индравармадева вместе со всеми генералами, брахманами, астрологами, учеными, церемониймейстерами и женами [его отца] Шри Харивармадевы стали искать принца, который мог бы управлять царством.

И они обнаружили, что Шри Ювараджа Махасенапати, принц Пань, дядя Шри Джайя Индравармадевы и младший брат Шри Харивармадевы, обладает всеми признаками махараджи, перечисленными в трактате «Раджачакравартин», и он знает, что такое добро и что такое зло, и обладает чувством долга, щедростью, правдивостью и состраданием ко всем живым существам без какого-нибудь различия. И Шри Джайя Индравармадева, племянник Шри Ювараджи Махасенапати, вместе с брахманами, кшатриями, пандитами, астрологами, церемониймейстерами и всеми госпожами (царского гарема. — Э.Б.), взяв царские регалии, отправились к Шри Юварадже Махасенапати и сделали его царем. И он, приняв имя Парамабодисатва, правил достойным

образом... и постоянно упражнялся в дхарме вместе со всеми своими родственниками.

[691, т.3, с.169—170]

Тямпа и Китай (1116—1147)

При династии Сун в 12-ю луну 16 года Цзин-хэ (1116 н.э.) царь Ченлы прислал послов, двух больших вельмож своего царства.

...Их сопровождала свита из 14 человек. Им дали придворное платье, и тогда [один из послов] сказал императору: «Народы Юга и Запада издавна следят за переменами фортуны, которые оказывают на судьбы народов священные установления Империи. Едва мы прибыли сюда, чтобы подивиться вблизи Вашей славы, как мы тотчас были осыпаны Вашими благодеяниями. Хотя мы еще не имели возможности доказать нашу благодарность, мы просим разрешения явиться перед лицом императора в дарованном нам платье». Император дал им все, что они просили, и приказал, чтобы все детали этого приема были занесены в государственную летопись.

На следующий год (1117) в третьем месяце эти чужеземцы вернулись в Ченлу.

А во второй год Суань-хэ (1120) из той же страны прибыли новые послы. Их царю была дарована инвеститура с почестями, равными тем, которые были оказаны царю Тямпы.

В третий год Цзинь-юань (1128) император пожаловал царю Ченлы высокий титул *Великого вассала империи*. (В 1136—1147) были изучены и урегулированы некоторые трудности, связанные с торговыми делами.

[465, с.189]

История принца Видьянанданы (1182—1192)

В 1104 г. эры Шака (1182 н.э.) он прибыл в Камбуджадешу. Царь Камбуджадеша, увидев, что он

отмечен всеми 33 знаками достоинств, принял его благосклонно и обучал его, как подобает принцу, всем областям знания и наставлял его во всех областях военного искусства. Когда он (Видьянандана) жил в Камбуджадеше, подчиненный царю города Мальянг, населенный множеством плохих людей, восстал против него. Тогда царь, видя, что принц опытен в военном деле, приказал ему возглавить войска Камбуджадеша и взять город Мальянг. Он выполнил все, чего пожелал царь. Тот был очень доволен проявленной принцем доблестью, пожаловал ему титул ювараджи и предоставил ему все удовольствия и прекрасные вещи, которые только можно найти в царстве Камбуджадеша.

В 1112 г. Шака (1190 н.э.) царь Тямпы Шри Джайя Индраварман онг Ватув начал войну с царем Камбуджадеша. А тот послал принца [Видьянандану] во главе камбоджийских войск овладеть Виджайей и нанести поражение царю [Тямпы].

Принц захватил в плен царя [Тямпы] и отправил его в Камбуджадешу. А шурина царя Камбуджадеша — принца Ина провозгласил царем города Виджайя [под именем] Сурьяджайявармадева.

...В 1113 г. Шака (1191 н.э.) царь Камбоджи послал Джайя Индравармана IV [онг Ватув] помочь принцу Видьянандане вновь завоевать Тямпу. Они встретились у Раджапуры, взяли Виджайю, разбили и убили царя Джайя Индравармана V [Рашпуги] и овладели Виджайей.

Но потом Джайя Индраварман IV бежал от камбоджийцев в Амаравати, поднял там восстание и вторгся в Виджайю. Но принц разгромил его и предал смерти. С тех пор принц правил в Тямпе, не встречая сопротивления.

Страна Гоин (Цзяин) (III—VI вв.)

На Юге лежит страна Гоин. Она очень далека от столицы [Китая]. В течение ряда поколений не было связей [между Гоин и Китаем]. Даже в период двух династий Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) и династии Вэй (220—265 н.э.) они никогда не посылали посольств в Китай.

...Гоин имеет площадь 5 тыс. квадратных ли. Это самая могущественная страна южных варваров. Она имеет большое население. Она производит блестящий жемчуг, золото, нефрит, хрусталь и много арековых орехов.

...Эти южные страны также связаны с западными краями — с Да-цинью (Римской империей), Аньси (Парфией) и Шэньди (Северной Индией). Плывая по волнам, с попутным ветром можно за 100 дней достичь их на судне с тремя или четырьмя квадратными парусами. Все эти южные страны почитают Будду, любят все живые существа и ненавидят убийство.

[928, с.256—257]

Царь страны Цзяин любит лошадей. Купцы Юэчжи постоянно перевозят на больших джонках лошадей в царство Цзяин. Царь покупает их всех. Если в пути лошадь издохнет, кожу с ее головы показывают царю и царь дает за нее полцены.

[771, с.249—250]

Суматра (454—520)

Саньфоци, прежде называвшаяся Ганьтоли, первый раз прислала послов с данью в правление императора Сяо У первой династии Сун (454—464). В правление императора У (502—549) династии Лян (502—556) посольства оттуда прибывали неоднократно. При второй династии Сун (960—1279) они привозили дань без перерывов.

[561, с.24]

Страна Ганьтоли расположена на острове в Южном море. Ее обычаи и нравы примерно такие же, как в Фунани и Линьи. Она производит ткани различных цветов, хлопок и арековый орех. Этот орех здесь превосходного качества и лучше, чем в любой другой стране.

В правление императора Сяо У династии Сун (454—464) царь этой страны Чжеполоналянто (Шриваранарендра) послал важного чиновника по имени Чжу Люто (Рудра, индиец) поднести ценные изделия из золота и серебра.

В [502 г.] царь Цюдань Сеуботоло (Гаутама Субхадра) в восьмой день четвертого месяца увидел сон, в котором ему явился буддийский монах и сказал: «В Китае сейчас святой правитель и через десять лет религия Будды неслыханно расцветет. Если ты пошлешь (к императору Китая. — Э.Б.) послов с данью и окажешь ему должное почтение, твоя страна станет богатой и счастливой, а число иноземных купцов, прибывающих в нее, возрастет во сто крат. А если ты не поверишь тому, что я сказал, твоя страна не будет знать мира».

Царь сначала не поверил в этот сон, но спустя некоторое время ему во сне опять явился тот же монах и сказал: «Раз ты мне не веришь, я перенесу тебя туда (в Китай. — Э.Б.) и ты сам увидишь императора». И царь во сне очутился в Китае и был принят императором. Проснувшись в великом изумлении, он, будучи отличным живописцем, нарисовал портрет императора, как он его увидел во сне, расцветив его разными красками. Затем он направил [в Китай] посла в сопровождении художника, чтобы доставить императору письмо и дары из драгоценных камней и других диковин. Когда послы прибыли в Китай, художник нарисовал портрет императора, и они увезли его в свою страну. И когда этот портрет сравнили с

портретом, нарисованным царем, все увидели, что это одно и то же лицо. Царь оправил этот портрет в драгоценную раму и почитал его с каждым днем все больше и больше.

Некоторое время спустя этот царь умер, и его сын Пиебомо (Виджайяварман?) взошел на трон. В 519 г. он направил к императору важного чиновника Биюань омо (Ви...варман) с письмом. В 520 г. тот же царь снова направил [в Китай] посла преподнести в качестве дани продукты своей страны.

[747, с.33]

Шривиджайя (VI—XII вв.)

Камень Присяги. Надпись из Телага Бату
(Южная Суматра) (конец VII в.)

1—2. Ом! Удачи!

3. Все вы, сколько вас ни есть, дети царей... вожди, военачальники, наяки, пратьяя, доверенные люди царя, судьи, начальники... бригадиры, надзиратели за низшими кастами, изготовители ножей, кумараматья, чатабхата, адхикарана... писцы, скульпторы, корабельные капитаны, купцы, командиры и вы, прачечники царя и рабы царя, — все вы будете убиты этим заклятием, если вы не будете верны мне, вы будете убиты этим заклятием.

И еще, если вы предательски вступите в заговор с теми, кто связан с моими врагами, или если вы перейдете к тем из губернаторов, кто шпионит для наших врагов, вас убьет это заклятие.

И еще, если вы поступите на службу к моим врагам или тем губернаторам, которые шпионят для других, или на службу к своей родне или друзьям или слугам, или другим начальникам, которые шпионят для других, если вы имеете какие-то дела с предателями, которые строят козни против меня, даже прежде, чем они вступят в заговор с вами, с людьми, которые не

подчиняются мне и моему государству, если, наконец, вы перейдете на их сторону, вы будете убиты этим заклятием.

И еще, если вы измените заклятие на этом камне или украдете его ^[9], будь вы высокого, среднего или низкого происхождения, если с помощью трав вы наведете безумие на моих подданных или если вы... людей, которые нападут на мою резиденцию, вас убьет это заклятие.

И еще, если вы [каким-нибудь способом]... побудите женщин моего гарема передавать вам сведения о том, что происходит во дворце, или вступите в сношения с теми, кто перевозит золото и имущество [царя], или с теми, кто работает внутри дворца, прежде чем эти люди сбегут, и с теми, кто перевозит [государственное] имущество за пределами страны и хитрыми способами захватит его и передаст моим врагам или губернаторам, шпионящим для моих врагов, вы будете убиты этим заклятием.

И если вы будете убиты, пытаюсь разрушить мой дворец или во время бегства или помогая бежать другим, вас [все равно] поразит это заклятие.

И если вы станете расходовать золото и драгоценности, чтобы разрушить мой дворец, или прибегнете к хитрым средствам и помощи знахарей, которые умеют сделать человека больным, значит, вы не покорны мне и моей власти, и вас убьет это заклятие.

И если вы вовлечете членов своей семьи в заговор... и используете сосуд, наполненный кровью, вы будете убиты этим заклятием. Более того, если вы знаете, где находятся мои враги, и... с помощью магических фигурок... значит, вы не покорны мне и моей власти, и вас убьет это заклятие. И если вы устраиваете заговор

против меня в пограничных областях, значит, вы непокорны, и вас убьет это заклятие.

Те, кто лишает людей разума с помощью изображений, пепла, снадобий или мантр (заклинаний), не страшась моих указов, пользуются моими портретами, травами, напитками и другими средствами, чтобы подчинить людей своей власти, если вы... хитрыми способами... граница... так, чтобы подчинить людей своей власти, не сводя их при этом с ума, или, если вы знаете, что кто-то производит такие действия в вашей области, когда эти другие люди не будут... вас убьет это заклятие. Или если вы прикажете другим совершать эти злые дела... вас убьёт это заклятие. Но если вы, напротив, накажете людей, которые занимаются такими делами, я ничего вам не сделаю.

А если вы, получив от меня должность дату (губернатора)... предоставите [кому-нибудь] средства сводить людей с ума... вас убьет это заклятие. Или если люди, подчиненные вам, совершат против меня [какие-то] действия, вас убьет это заклятие. Но, с другой стороны, если [вы пресечете?] их (злые) дела, вас не убьет это заклятие. Но если вы будете пользоваться чарами... чтобы сделать все пограничные области независимыми, тогда вы не повинуетесь мне и моей стране, а работаете на них (врагов Шривиджайи. — Э.Б.), и вас убьет это заклятие.

И еще, если вы станете пить (воду присяги) для других, вы будете наказаны, и если вы мне... вас убьет это заклятие. Люди, которым я велел следить за вами, будут вознаграждены... [а вы] будете убиты... с женой и детьми ... и я покараю [также ваше потомство. И помимо... вас убьет это заклятие. Вместе с вами будут наказаны ваши дети, ваши жены, ваше потомство, ваш род и ваши друзья.

В дополнение... те, кому я доверил должность дату, чтобы управлять всеми провинциями моей империи, —

наследный принц, второй наследный принц (заместитель первого. — Э.Б.) и остальные принцы, которые исполняют должность дату, вас поразит заклятие, если вы не будете повиноваться мне, если вы не будете искренни со мной и если вы вступите в сговор с моими врагами, вас убьет это заклятие, которое вы сейчас пьете. Я прикажу наказать вас, но если до вашего возвращения... вы искупите свои грехи.

И еще, если кто-то будет подстрекать ваши семьи, роды, друзей или потомков против меня, и это не будет наследный принц, второй наследный принц или другой принц, которого я назначил дату (губернатором), и если вы будете виновны [в недонесении], то это заклятие, выпитое вами, не убьет вас, но будет отдан приказ наказать вас, и вы искупите свою вину вместе со своими родами и потомством. Но если эти мятежники привлекут на свою сторону наследного принца, второго наследного принца или других принцев, которым я доверил должность дату, и если вы станете выполнять их приказы, которые повредят моим подданным... значит, вы не покорны мне и моему государству, и вас убьет это заклятие.

И еще, все советники... прежде чем армия, которой я поручил... ваших царств или ваших вновь приобретенных областей, вас убьет это заклятие. А если кто устраивает что-нибудь по совету предателей, то исполнители этих планов будут убиты заклятием. А если вы поручите исполнение этих [злых] дел другим, вас тоже убьет заклятие, которое вы сейчас пьете. Но если вы покорны, верны и искренни со мной и не совершите эти преступления, я вознагражу вас безупречной мантрой. Вы не будете проглочены [натами] вместе с детьми и женами. Если вы выпьете воду присяги (заклятие)... [можете не бояться дня], когда армия будет послана во все пограничные провинции, вы пошлете плоды своей [верности]. Это

заклятие, выпитое вами, принесет вечный мир, оно принесет свои плоды в тот день, когда армия с отмеченными мной командирами предпримет карательную экспедицию и в дополнение, те, кто будут наказаны...

[747, с.36—45]

Саньфоци (Шривиджайя. — Э.Б.) лежит между Ченлой (Камбоджа) и Чжу бо (Ява). Ее власть простирается на 15 провинций. Из Гуанчжоу сюда плывут зимой, с муссоном немного больше месяца и, прежде чем достичь этой страны, прибывают в пролив Линъя (Линга), где высаживается треть купцов.

Многие жители этой страны (Шривиджайи. — Э.Б.) носят фамилию Пу (индонезийский почетный титул. — Э.Б.).

[486, с.60]

Эта страна лежит в океане и господствует над проливами, по которым идет иноземная торговля в обоих направлениях. Иногда здесь пользуются железной цепью как барьером, чтобы преградить путь пиратам из других стран. Эту цепь можно поднимать или опускать благодаря остроумному устройству. Если [в порт] прибывает торговое судно, ее опускают. После многих лет мира, когда ею не пользовались, ее вытащили на берег, и теперь она лежит на берегу, свернутая в бухту. Местные жители почитают ее как Будду, и моряки, которые прибывают сюда, приносят ей жертвы. Когда ее смазывают маслом, она блестит как новая. Кайманы не осмеливаются проходить над цепью, чтобы причинить ей вред.

Если торговый корабль проходит мимо [Шривиджайи], не причалив к берегу, суда этой страны атакуют его. Они готовы скорее умереть, [чем

отступить] при этом. И вот почему эта страна стала важным морским центром.

От Саньфоци (Шривиджайи) зависят Пенфон (Паханг), Теньянон (Тренгану), Линьясыцзя (Лангкасука), Цзиланьдань (Келантан), Фолоань, Елодин, Цяньмай, Бата (Батак), Дань-малин (Тамбралинга), Цзялохи (Грахи или Чайя), Балиньфон (Палембанг), Синьто (Сунда), Цзиньби (Кампе), Ланьули (Ла-мури), Силань (Цейлон).

Стены столицы [Шривиджайи] построены из кирпича и имеют в окружности несколько десятков ли (около 576 м). Когда царь является людям, он сидит на небольшом корабле. Он одет в кусок ткани, обернутый вокруг тела. Над ним держат шелковый зонтик, его охраняют воины с золотыми копьями.

Жители [Шривиджайи] живут либо рассеянные за городом, либо на реке в плавучих домах, крытых тростником. Они не платят налогов.

Жители страны опытны в сражениях на суше и на воде. Когда они собираются начать войну с каким-нибудь государством, они снаряжают войско такой величины, какой требуют обстоятельства. Они назначают командиров. Каждый выступает на войну с собственным военным снаряжением и с необходимым провиантом. Они не имеют себе равных в храбрости и презрении к смерти.

У них нет медных монет, нанизанных на шнур (как в Китае), они пользуются кусками серебра, нарезанными для торговых операций.

...У них есть вино из цветов, вино из кокосовых орехов, вино из арековых орехов и меда. Все эти вина изготавливаются без какой бы то ни было закваски...

Для составления официальных документов они пользуются странными знаками. Перстень царя служит печатью. Они также знают китайскую письменность и

пользуются ею, когда направляют послание ко двору [китайского императора].

Законы страны очень суровы. Мужчины и женщины, совершившие прелюбодеяние, подвергаются самому суровому наказанию.

[486, с.60—61]

Их царь имеет титул лон-цин. Он не должен есть овощи, но его кормят саго. Если он этого не сделает, год будет засушливым и овощи будут стоить дорого. Он купается в розовой воде. Если он будет купаться в обычной воде, произойдет большое наводнение. Царь носит высокую шапку, в которую вставлены сотни драгоценных камней. Она очень тяжелая. Во время больших придворных церемоний один царь может ее носить. Никто другой не может этого делать. Когда трон становится вакантным, собираются сыновья царя. Им предлагают этот головной убор, и тот, кто способен вынести его вес, наследует умершему монарху.

Когда умирает царь, жители в знак траура бреют голову. А придворные, приближенные к его персоне, добровольно идут на смерть, бросаясь в пламя погребального костра. Это называется «жить и умереть вместе»...

В этой стране есть древнее предание, согласно которому земля однажды разверзлась. Из трещины вышли бесчисленные стада быков, которые устремились в горы. Местные жители ловили их и ели. Затем трещина была заполнена бамбуком и деревьями, и от нее не осталось и следа.

Помимо продуктов страны, к числу которых относятся черепаховые панцири, камфора, четыре сорта алойного дерева, лаковое дерево, гвоздика, сандаловое дерево, кардамон, здесь имеются также жемчуг, благовония, розовая вода, цветы гардении, луковицы, мирр, алоэ, ассафетида, пучу к, душистые смолы, слоновые бивни,

кораллы, [минерал] кошачий глаз, амбра, чужеземные хлопчатые ткани и клинки сабель. Все эти товары — продукты иных стран.

Тачжи (арабы) и другие иностранные купцы собираются в этой стране, чтобы продавать или менять эти товары на золото, серебро, изделия из фарфора, шелк, шелковую пряжу, шелковые ткани, сахар, железо, вино из риса, ремень, камфору...

Здесь есть статуя Будды под названием «Гора золота и серебра», отлитая из золота. Каждый новый царь, прежде чем взойти на трон, приказывает отлить из золота статую, представляющую его персону. Жители страны приносят золотые вазы в жертву этим сосудам. На золотых статуях и золотых вазах всегда есть надпись, предупреждающая будущие поколения, чтобы они не расплавили их.

В этой стране, когда кто-нибудь серьезно заболевает, он раздает бедным сумму, равную своему весу в серебре. Это считается верным способом отсрочить смерть.

[486, с.61]

Царство Саньфоци — одно из царств южных варваров. Оно ... простирает свою власть на 15 стран.

Его продукты — ротанг, красный ципо, алойное дерево, арековый орех, кокосовый орех. Здесь не пользуются медной монетой, но во всех торговых делах употребляют серебро и золото.

Здесь весь год, как правило, стоит жара и редко когда — прохладная погода. Зимой здесь нет ни инея, ни снега. Люди натирают свое тело ароматным маслом. Страна не производит ячменя, но здесь есть рис, а также зеленый и желтый горох. Домашняя птица, гуси и утки, здесь примерно такая же, как и в Китае...

...Из музыкальных инструментов у них есть маленькая гитара и маленький барабан. Рабы из кунь-

лунь играют на музыкальных инструментах, подпрыгивая и припевая.

[561, с.16]

(В 905 г.) они прислали дань и посол, который был губернатором их столицы, получил от императора (Китая) титул *Генерал, который умиротворил отдаленные страны.*

В 9-й месяц (960 г.) их царь Сили Хута Халидань (малайск. Сери Куда Харидана) направил посла Личжэди с данью. И тот ее доставил летом следующего года.

А зимой (961 г.) прислал дань новый царь по имени Чжэли У-э (Шри Вуджа?).

Весной (962 г.) царь Чжэли У-э прислал посольство из трех человек с данью. Они увезли из Китая хвосты яков, белый фарфор, серебряную утварь, шелковую пряжу и два набора седел и узд.

(В 971 г.) один из прежних послов был вновь прислан [к китайскому двору], чтобы поднести хрусталь и нефть. Он вернулся ко двору (в 972 г.).

(В 974 г.) прислали дань, [состоящую из] слоновой кости, ладана, розовой воды, фиников, персиков, белого сахара, хрустальных колец, стеклянных бутылок и кораллов.

(В 975 г.) прибыли [ко двору] новые послы. Им были подарены шапки и пояса.

(В 980 г.) царь Саньфоци Хаче (Хаджи) прислал посла. В тот же год из Сватоу (в Фуцзяни) сообщили, что из Саньфоци прибыл иноземный купец с грузом благовоний, медикаментов, рогов носорога и слоновой кости. Из-за встречного ветра на дорогу от Саньфоци до Сватоу потребовалось 60 дней.

(В 983 г.) царь Хаче (Хаджи) прислал посла, который привез дань из хрусталя, хлопчатобумажных тканей, рогов носорога, благовоний и лекарств.

(В 985 г.) прибыл капитан корабля и предложил в дар продукты своей земли.

(В 988 г.) прибыл посол с данью. Зимой (992 г.) из Гуанчжоу сообщили, что это посольство, которое покинуло столицу Китая два года назад, узнало на юге, что в его страну вторглось Шэпо (Ява), и вследствие этого оно задержалось на год в Гуанчжоу. Весной (993 г.) посол отправился в Тямпу на судне, но так как он не получил там хороших известий, он вернулся в Китай и обратился (к императору) с просьбой, чтобы был издан указ, ставящий Саньфоци под протекторат Китая.

(В 1003 г.) царь Сыли Чжоулоунифомадяоуа (Шри Чуламанивармадева) прислал двух послов с данью. Они рассказали, что в их стране воздвигнут буддийский храм, чтобы молиться за продление жизни императора. Они просили, чтобы император дал ему имя и прислал колокола для этого храма. Император (Чжэнь-цзун) издал указ, по которому храм был наименован Чэнь-дянь-вань-чжоу. Были отлиты колокола, которые передали послам. Кроме того, один из послов получил титул *Генералу приверженный к добродетели*, а другой — *Генерал, который страстно любит влияние цивилизации*.

(В 1008 г.) царь Сыли Малопи (Шри Мара Виджайоттунгаварман) прислал трех послов с данью. Им разрешили посетить

Тайшань (одну из священных гор Китая) и находиться одновременно с императором в зале аудиенций. Затем их отправили назад [в свою страну] с богатыми дарами.

(В 1017 г.) царь Хаче Суучапуми (Хаджи Суматрабхуми) прислал послов с письмом, написанным золочеными буквами, и дань — жемчуг, санскритские книги в переплете из досок и рабов. Императорским указом им было разрешено видеть персону императора и посетить несколько зданий, принадлежащих императору. Когда они возвращались в свою страну, им

был вручен указ, направленный их царю, а также различные подарки, чтобы оказать благоволение этому царю.

(В 1028 г.) в 8-й месяц царь Шили Дяхуа (Шри Дева) прислал послов с данью. Обычно послам из дальних стран дарят пояс, украшенный золотом. Но на этот раз послам Саньфоци дали пояса целиком из золота.

(В 1067 г.) в Китай прибыл в качестве посла один из высших сановников Саньфоци по имени Дихуацило (Девакула). Ему был пожалован титул *Великий генерал, который соблюдает послушание и страстно любит обновление*. Ему был направлен императорский указ: «Наша репутация и наше учение отбрасывают тень на все страны, ближние и дальние. И если представители этих стран верны и покорны, мы им жалуем китайские титулы, давая им достойные имена, выказывая тем самым наше отношение к их стране. Вы с радостью подчинились нашему величественному влиянию и Вы пересекли море, чтобы принести в дань драгоценные предметы. Мы хвалим вас за это и возводим вас в высокое достоинство, чтобы поощрить вас, и в дальнейшем [желаем вам] соблюдать верность и покорность».

В период Юань-фэн (1078—1085) послы из Саньфоци принесли еще серебра, жемчуг, камфорное масло, благовония и другие продукты страны. Они ждали в Гуанчжоу, пока их письмо шло ко двору. Затем их самих доставили ко двору. Император (Шэнь-цзун) пожаловал им богатые подарки и разрешил вернуться.

На следующий год император подарил им 64 тыс. связок медных монет и 15 тыс. таэлей серебра, а двум послам дал почетные титулы. Один из послов попросил разрешения купить золотые пояса, различные предметы из серебра, пурпурные одежды для буддийских монахов и официальные таблички (знаки различия. — Э.Б.). Все это ему подарили.

(В 1080 г.) в Гуанчжоу с юга прибыл некий иностранец. Он сказал, что руководит делами в своей стране. Дочь царя [Шривиджайи] прислала с ним письмо суперинтенданту торговли (в Гуанчжоу) на китайском языке вместе с подарками — камфорой из Баруса (Северная Суматра) и хлопчатými тканями. Суперинтендант не осмелился принять это письмо и дары и доложил двору. Император (Шэнь-цзун) приказал оплатить эти товары.

Тогда он купил шелка на сумму, равную дару, и отдал иностранцу.

(В 1082 г.) три посла из Саньфоци получили аудиенцию у императора (Шэнь-цзуна). Они поднесли золотые цветы лотоса, украшенные жемчугом, камфору Баруса и выполнили церемонию са-дянь. Она состояла в том, что на ступенях трона они рассыпали камфору и жемчуг. Им пожаловали почетные титулы соответственно их рангу. Третий посол умер в Китае, уже покинув столицу. Китайское правительство выделило на его похороны 50 кусков шелка.

(В 1083 г.) прибыли еще три посла. Все они получили почетные титулы соответственно их рангу.

В период Чжао-чжэн (1094—1097) прибыло еще посольство.

(В 1156 г.) царь Сили Махалошэ (Шри Махараджа) прислал послов с данью. Император (Гао-цзун) сказал: «Когда дальние народы влекутся под сень нашей цивилизации, следует похвалить их рассудительность. Вот что меня радует, а вовсе не приток продуктов из их земель!» В этот раз царь Саньфоци прислал также жемчуг в дар одному из китайских министров, который к этому времени умер. Император приказал жемчуг принять и отдарить равной суммой.

(В 1172 г.) царь Саньфоци попросил разрешения купить медь и нагрузить ею корабль, а также нанять китайских ремесленников, умеющих делать черепицу из

меди. Император (Сяоцзун) разрешил, но с условием, что эта просьба больше не повторится.

(В 1178 г.) опять прибыли послы с данью [из Шривиджайи]. В этот раз император (Сяо-цзун) направил послам Саньфоци указ — больше не являться ко двору, а останавливаться в Цюань-чжоу (Фуцзянь).

[561, с.17—22]

С тех пор их принимал губернатор Цюань-чжоу и служил для них посредником... Царь Саньфоци сообщил (через посольство 1178 г.), что он наследовал своему отцу в четвертом году периода Цзяньдао (1169 г.). Тотчас ему была дана инвеститура со всеми титулами, которыми обладали его предки, и подарены церемониальная одежда, золотые пояса, лошади, седла, шелковые изделия, какие по традиции даются правителям его ранга при восшествии на престол.

[717, с.566]

Царство Поли (VI—VII вв.)

Родовое имя царя Чарияка (Кшатрия), а личное имя Хулуйабо. Раньше он никогда не имел сношений с Китаем. Когда его спросили о его предках или об их возрасте, он не смог ответить на эти вопросы, но сказал, что жена Шуддходаны была дочерью его страны.

Царь одевается в ткань из расшитого цветами шелка, обернутую вокруг тела. На голове у него золотой колпак высотой более пяди, напоминающий по форме китайский шлем и украшенный семью видами драгоценных камней. Он носит меч, инкрустированный золотом, и сидит на золотом троне, поставив ноги на серебряную скамеечку. Окружающие его женщины украшены золотыми цветами и всеми видами драгоценностей, а некоторые из них держат веера из белых перьев или из перьев павлина. Когда царь

выезжает, его карету, сделанную из разных сортов ароматного дерева, тянет слон. На вершине ее плоский балдахин из перьев с вышитыми занавесками по бокам. Впереди и позади [царя] идут люди, трубящие в раковины и бьющие в барабаны...

Жители этой страны искусны в метании диска-ножа величиной с китайское металлическое зеркало. Этот диск имеет в центре дыру, а края его зазубрены, как у пилы. Когда они метают его издали в человека, они никогда не промахиваются.

(В 616 н.э.) они прислали посла с данью, но потом перестали это делать.

[693, т. 1, с.134—136]

Царство Хэлин (VII—IX вв.)

Хэлин расположен на острове в Южном океане... Стены города — из частокола. Есть также большое двухэтажное здание, покрытое корой пальмы гомути. В нем живет царь, который сидит на троне из слоновой кости.

Когда они едят, они не пользуются ни ложками, ни палочками, но кладут пищу в рот пальцами.

У них есть письменность, и они немного знают астрономию.

Вино у них делают из цветов кокосовой пальмы. Цветы этого дерева длиной более трех футов, а шириной в человеческую руку. Эти цветы срезают и собирают их сок. А из сока делают сладкое и крепкое вино...

...Эта земля производит панцири черепах, золото и серебро, рога носорога и слоновую кость. Страна очень богата. Там есть пещера, в которой соленая вода внезапно начинает бурлить...

Царь живет в городе Ява. Его предок Цзиян перенес столицу на восток в Полуцзясы. С разных сторон к ней примыкают 28 малых стран. Все они признают

верховенство Явы. [У царя Явы] 32 министра и Дацзоганьсюн — первый из них.

В горах расположен район Ланбия. Царь часто отправляется туда, чтобы смотреть на море...

Надпись из Динайя (760)

Привет! В год эры Шака 682.

1. Был мудрый и могучий царь Девасимха, под опекой которого сияло все вокруг храма, очищенного Путикешварой.

2. Его сын, великий Лимха, известный под именем Гаджаяна, также опекал всех как собственных сыновей, когда его отец вознесся на небо.

3. Лимха имел дочь по имени Уттеджана, которая стала супругой мудрого царя Джанакии, сына Прады.

4. Сей монарх по имени Гаджаяна, почитавший дваждырожденных (брахманов) и благодетельствовавший им, для господина Агастья, рожденного из кувшина, с помощью своих министров и генералов построил очаровательное жилище (т. е. Храм).

5. Благородный и дальновидный царь, любящий добрую славу, увидев установленное там изображение [Агастья], созданное его предками из дерева девадару, повелел скульптору создать новый чудесный образ из черного мрамора.

6. В год Шака 682, в месяц Маргаширша, в пятницу, в первый день светлой половины месяца, мудрый царь с помощью жрецов, хорошо знающих Веды, вместе с лучшими аскетами, архитекторами, министрами и экспертами установил в этом храме изображение Агастья, происходящего из кувшина.

7. Царь пожертвовал земли, коров, увенчанных цветами, и стада буйволов, со слугами и служанками для поддержания [в этом храме] обрядов кару (жертвоприношение вареного риса), хавис

(жертвоприношение топленого масла), омовений и других обрядов, а кроме того, построил дом для дваждырожденных и еще сверх этого чудесное помещение для приема гостей, прекрасно снабженное кроватями (т. е. матрацами) из ячменной соломы вместе с покрывалами и прочими принадлежностями.

8. Если [в будущем] родственники и сыновья царей вместе со своими главными министрами станут оспаривать этот дар царя, пусть они, впавшие в грех неверия, попадут в ад и ни в этом мире, ни в ином не будут иметь лучшей доли.

9. Если же потомки царя пожелают увеличить этот дар, пусть они, очищенные верой, будут хранить все царство так же, как нынешний царь.

Ява (IX—X вв.)

Здесьнее население строит укрепления из дерева, и даже самые большие дома покрыты пальмовыми листьями. У них есть ложе из слоновой кости и коврики из кожуры бананов.

Эта земля производит черепаховые панцири, золото и серебро, рога носорога и слоновую кость... У них есть письменность, и они знакомы с астрономией...

В этой стране есть ядовитые женщины. Тот, кто имел с ними сношения, покрывается болезненными язвами и умирает, но тело его не разлагается.

Царь живет в городе Джава, но его предок Цзиянь жил дальше к востоку в городе Балюгаси. С разных сторон [его царство] окружают 28 малых стран, все они признают верховенство Джавы. Здесь 32 министра и Дацзоганьсюн — первый из них.

[521, с.126]

Мужчины и женщины этой страны очень заботятся о своих головах. Если кто-нибудь коснется их головы, или они поссорятся во время торговли, или если они

напились и оскорбляют друг друга, они выхватывают кинжалы и начинают резать, решая спор насилием. Если один из них убит, другой бежит и скрывается три дня. После этого он уже не отвечает за жизнь своего противника. Но если убийцу схватят на месте преступления, его также немедленно закалывают.

[693, т.2, с.49]

Царь Явы собирает в пучок волосы на голове, носит золотые колокольчики на шелковой одежде и кожаную обувь. Он сидит на квадратном возвышении. Чиновники, приходящие к нему ежедневно, уходя, приветствуют его трижды. Когда царь выезжает на слоне или в карете, за ним следуют 500—700 солдат. Увидев царя, люди присаживаются на корточки, пока он не проедет.

[693, т.2, с.48]

Остров Яба велик. Там есть бананы, кокосы, рис, великолепный сахарный тростник и алоэ...

Царь этого города (Ябы) также называется Яба. Он одет в золотые одежды, носит золотую корону, украшенную жемчугами, корундами и драгоценными камнями большой стоимости. На его дирхемах и динарах выбивают его изображение.

Этот царь почитает идолов. Культовые действия жителей этого острова заключаются в пении и в мелодиях, сопровождаемых ударами в ладони. Самые красивые девушки танцуют, меняя движения тела и балансируя корпусом перед идолом. В храме, где находится идол, прекрасные девушки танцуют, делая многочисленные наклоны корпуса.

Когда красивая девушка достигает зрелости, мать одевает ее в роскошные одежды, украшенные драгоценностями, и в сопровождении всей родни, мужской и женской, ведет свою дочь к идолу и посвящает ее этому идолу. Затем служители идола

передают девушку учителям, которые учат ее танцевать и делать гармонические движения телом.

...Город Забаг расположен лицом к Китаю. Между ними месяц пути по морю и даже меньше при попутном ветре.

Царь этого города носит титул Махараджа (*Великий царь*). Говорят, что площадь [его земли] составляет 900 (квадратных) парасангов. Этот царь в то же время является правителем великого множества островов, которые вытянулись в длину на 1 тыс. парасангов, а то и больше. Среди его владений есть остров Срибуза площадью в 400 (квадратных) парасангов и остров Рами (или Рамини) площадью в 800 (квадратных) парасангов. На этом острове есть плантации бразильского дерева, камфорные деревья и разные благовония.

Морская страна Калах (тоже часть владений Махараджи) находится на полпути между Китаем и Аравией. Поверхность страны Калах составляет 80 (квадратных) парасангов. Город Калах — рынок, где сосредоточена торговля алоэ, камфорой, сандалом, слоновой костью, оловом, эбеном, бразильским деревом, всеми пряностями и благовониями и другими товарами, перечислять которые было бы слишком долго. В этот порт в наше время (в начале X в. — Э.Б.) приходят корабли из Омана, и отсюда корабли направляются в Оман.

Власть Махараджи распространяется на все эти острова. А тот остров, на котором он проживает, плодороден настолько, насколько земля вообще может быть плодородной. И поселения на нем следуют одно за другим без перерыва. Некто, чье свидетельство заслуживает доверия, сообщает, что, когда петухи в этой стране начинают петть на рассвете, они откликаются друг другу на расстоянии 100 парасангов, а то и более. Ибо деревни там переходят одна в другую и следуют друг за другом. И там нет ни пустырей, ни

руин. Тот, кто путешествует по этой стране, пешком или на лошадях, может двигаться, куда ему заблагорассудится. Если он соскучится или его лошадь устанет, он может остановиться где хочет (и везде найдет приют).

Среди удивительных обычаев этого острова, называемого Забаг, есть такой. Древний царь этого острова построил свой дворец лицом к талагу (речной протоке), соединяющемуся с морем... Этот талаг образует небольшое озеро, примыкающее ко дворцу царя. Каждое утро казначей является к царю и приносит ему слиток золота в форме кирпича, вес которого мне неизвестен. Затем перед лицом царя казначей бросает этот слиток в озеро. Во время прилива вода полностью покрывает этот слиток и другие слитки, которые уже находятся в талаге. Во время отлива, когда море отступает, слитки появляются из-под воды и блестят на солнце. Царь наблюдает за ними, сидя в большом помещении, возвышающемся над озером. Этот обычай неизменен. Каждый день в озеро бросают слиток золота. Пока царь жив, к этим слиткам никто не прикасается. А после его смерти его наследник приказывает извлечь все эти слитки. Их пересчитывают и переплавляют. Затем их делят между членами царской семьи, мужчинами, женщинами и детьми, генералами, царскими рабами, каждому соответственно его рангу и должности. Остаток распределяют между бедняками и нищими. Затем составляют официальный протокол с указанием количества слитков и их веса. [В этом протоколе] указывается, что такой-то царь, правивший в такое-то время, оставил после своей смерти в царском озере столько-то слитков золота и эти слитки были распределены после его смерти между его родней и царскими чиновниками. У людей Забага в особой славе цари, которые долго правили и оставили после себя множество слитков...

Надпись Эрлангги (1037)

Привет!

1. Вечная слава Творцу, который, творя и сохраняя, обладает всеми тремя качествами (гуна) и не имеет ни одного качества (агуна), разрушая.

2. Слава тому, кто известен в мире, как Тривикрама (Вишну) и кого во все времена приветствует Господин дэвов (Индра), великий своей безмерной доблестью.

3. Слава Шиве, который щедростью превосходит дерево, исполняющее желания, тому, кто, хотя его и зовут Стхану (*Неподвижный*), движется с великой быстротой и утоляет желания живых существ.

4. Победа царю Эрлангге, который своим безупречным поведением, умом и милосердием подобен женщине. У которого образовалась мозоль на руке, натягивающей лук. И который, хотя и герой в битве, повинен в трусости, потому что он поворачивается спиной к бессмертию. И это единственное, что ограничивает его добродетели.

5. Был некогда царь, бриллиант среди покровителей земли (т. е. царей), который одолел великое множество царей и был славен в трех мирах, царь, подобный отважнейшему льву. Земля, о которой он заботился долгое время, приносила несметные плоды, и так, удерживая богиню богатства, которая по природе непостоянна, он правил Явой, одаренный блеском, славой и могуществом, и имя ему было знаменитый Ишанатунга.

6. Его дочь, прекрасная благодаря чистоте ее души и преданная Сугате (Будде), как лебедица с прекрасными крыльями, скользящая по чистому озеру Манаса, была царевна Шри Ишанатунгавиджайя. Она умножала радость царя, как лебедица радуется лебедя.

7. Затем царь Шри Локапала, превосходный монарх, своим видом радовавший глаза, в душе которого царили лишь чистые чувства, сделал ее, равную ему в своем блеске, своей возлюбленной царицей, подобно тому как Кширасамудра (Молочный океан) [сделал своей супругой] Мандакини, равную блеском своему возлюбленному.

8. У него (Шри Локапалы) родился сын, наделенный великим могуществом, которому суждено было стать украшением земли. Он, ради блага людей, наполнил землю богатством, силой своей души, направленной на созерцание Бхавы. Он был подобен Вишну в своем несравненном блеске, он был бесстрашен, и, вставая, как солнце, он всегда был готов разбить лбы слонам своих врагов, как если бы они были глиняные кувшины. Он был господином царей.

9. Имя этому несравненному повелителю, который был солнцем семьи Шри Ишана и сиял своими достоинствами, было Шри Макутавардхана.

10. Очаровательная дочь этого монарха, которая своим совершенством была подобна воплощенной судьбе правителя Явы, получила от своего знаменитого отца имя Гунаприядхармапатни (*Законная жена того, кому дорога добродетель*), и слава этого имени распространилась даже за пределами этого острова.

11. Был некий Удаяна, происходящий из исключительно чистого рода, рожденный в известной царской семье. И он сочетался законным браком с прославленной царевной Махендрадаттой.

12. От них родился, как Рама от Дасаратхи, прекрасный сын — Эрланггадева. Он был лучшим из людей, искушенный во всех искусствах. И как Рама превзошел Дасаратху, так и он был более велик, чем его отец, благодаря своим исключительным достоинствам. В его величии мудрецы прозревали блистательное будущее.

13. Его родственник Шри Дхармавамса, царь Восточной Явы, наслышанный о его добродетелях, почтительно пригласил его к себе и отдал ему в жены свою дочь. И после этого благородный Эрланггадева стал знаменит во всех отношениях.

14. Вскоре после этого столица Дхармавамсы, где так долго царил радость подобная той, что царит в царстве Индры, была сожжена до тла. И Эрлангга с небольшим отрядом всадников и самыми верными слугами скрылся в лесу.

15. А в великом 932 году эры господина Шаков, в месяц Магха, на 13-й день светлой половины месяца, в понедельник пришли к господину Эрлангге подданные и главные брахманы и, почтительно склонившись, обратились к нему с мольбой: «Стань правителем [нашей] земли вплоть до крайних ее пределов!»

16. Когда многочисленные соперники Эрлангги услышали, что он, помазанный как великий царь, одолел полчища врагов, они, устранившись хватки его змееподобных рук, смутились духом, чего прежде с ними не случалось.

17. Многочисленные монархи наслаждались земным благополучием, потому что они одолели своих соперников, а их сыновья наслаждались в силу своего рождения от царей. Но царь Эрлангга, рожденный в благородной семье и вождь среди могучих, в своем земном существовании имеет только двух лютых врагов, которых он несет в своем теле (это такие противоположности, как жар и холод, радость и печаль и т.п.).

18. Сидя на своем троне и попирая ногами своих вассалов, он каждый день совещается со своими министрами, преданными государственным делам. Часто он восседает в суде, окруженный женщинами и героями в сияющих доспехах. И даже те, кто проиграл

дело, считают его все равно что выигранным, столь велика его проницательность.

19. Вдова его врага рыдает: «Мой муж внезапно покинул меня и моих детей, хотя он горячо любил нас, чтобы посетить небесных нимф, подчиняясь твоему приказу. Ты славен во всем мире и твое сердце жалостливо, как же мог ты поступить так безжалостно? О царь! Где же твое милосердие?»

20. Один великий враг царя, желая независимости... чтобы получить презренные богатства... Другой, получив от этого наилучшего из царей талисман, который обеспечивает человеку счастье в раю, смирился и стал как бы его учеником.

21. ...Какая польза в страстных любовных желаниях? Его высокий дух славен, и его слава очищает, а то, что чисто, всегда в почете.

22. Он, как Индра среди богов, смел среди... Он наделяет богатством своих слуг и, подобно Кубере, милостив к толпам просящих. И он убивает врагов, как Яма. Воистину, он избранник творца и сочетает в себе качества всех хранителей четырех концов земли.

23. Был некогда царь... Его благородного сына звали Бхишмапрабхава...

24. А другой, по имени Адхамапануда, который, как Равана, имел множество ног...

25. Тогда царь (Эрлангга), желая одолеть этого монарха, внезапно сжег его столицу, так что от нее ничего не осталось. А потом, когда миновал 953 год Шака (1031 н.э.), этот превосходный царь снова сжег многие его города.

26. Была в этой стране также женщина великой силы, подобная дьяволице. Но он (Эрлангга), не смутившись, подступил к ее губительной стране. И в году Шака 954-м (1032 н.э.) прославленный царь пронзил эту цель.

27. Как огненный змей, быстро разящий своим огненным языком, он умело выжег совершенно чуждую

цивилизации южную область. И захватив великую добычу, он распределил ее среди своих слуг, оставив себе лишь славу в глазах лучших брахманов и аскетов.

28. Затем, насытив свое честолюбие, в 954-й год эры Шака, в месяц Бхадра, в 13-й день светлой половины месяца, в благоприятную среду этот монарх, прославленный во всем мире, двинулся на запад с огромной армией геройских воинов, готовых к битве, и одержал полную победу над царем Виджайей.

29. В год Шака 957-й (1035 н.э.), в 8-й день темной половины месяца Картика, в четверг царь Виджайя был схвачен своими войсками благодаря применению государственной мудрости, которой учил Вишнугупта (Чанакья). Вскоре после этого он (Виджайя) умер.

30. В год 959-й повелителя Шаков (1037 н.э.) в день новолуния месяца Картика, в четверг благородный и знаменитый царь острова Ява воссел на свой украшенный драгоценными камнями трон, попирая ногами головы своих врагов, и ныне он празднует свою победу.

31. И ныне царская Фортуна, не сумевшая найти никого, равного ему, обнимает Эрланггадеву, завоевавшего все стороны земли, восток и все прочие, царя, уничтожившего всех своих врагов и ставшего Верховным правителем всей земли.

32. Победив своих врагов, имевших немалые достоинства, благодаря своей отваге и государственной мудрости царь Эрлангга, великий правитель по праву рождения, с тем, чтобы насладиться почитанием богов, благочестиво приказал соорудить на склоне превосходной горы Пугават убежище для святых отшельников.

33. Услыхав об этом несравненном царском убежище, которое мало чем уступает саду Индры, люди, обгоняя друг друга, устремились туда, взирая на это чудо глазами, полными изумления. Они приносили гирлянды

цветов и другие дары как дружеские подарки, и их уста источали хвалу этому чуду. В их глазах царь стал первейшим из всех монархов, заслуживших почет, достойным такого же почета, как сам Ману.

34. Пусть же все общество (община граждан) вступит на путь добродетели. Пусть действия министров будут справедливыми. Пусть аскеты борются за благо всех живых существ. А что касается царя, вот молитва: «Поскольку все сказанное выше станет возможным, только если царь будет жить долго и править землей справедливо, пусть царь, знаменитый Эрланггадева, живет и здравствует долго».

[882, с.111—112]

Суматра (XII в.)

От острова Ал-Муджа до острова Суматра два дня пути. Это великий остров, очень великий, хорошо обработанный и плодородный. Здесь много кокосовых пальм и множество съедобных птиц, каких не найдешь в Индии. Рядом с этим островом много малых островов, которые тоже заселены. Их царь называется *Камрун*. В этой стране много дождей и ветров...

...В горах этого острова находят превосходную камфору, в гораздо больших количествах, чем в любой другой стране. На одном [или нескольких] из этих островов живет народ Ал-Фанган — курчавые и черные люди. Они нападают на торговые суда с пращами, дротиками и отравленными стрелами. Перед их отвагой нельзя устоять. Немногим из тех, кто встречался с ними или попал в их руки, удалось спастись. Каждый из них носит в носу кольцо — железное, медное или золотое.

Царю Камруну подчинены два острова — Фамуса и Ласма. Там живут люди почти белого цвета. Женщины там несравненной красоты. Мужчины полны отваги и энергии. Иногда на своих быстроходных судах они нападают на лвдей. Но они это делают только тогда,

когда в плохих отношениях с китайцами. И с ними у них нет перемирия.

[560, с.101—102]

Жители островов аз-Забадж и других разбросанных вокруг них островов приезжают к жителям Софалы (в Восточной Африке. — Э.Б.), вывозят от них железо в остальные страны Индии и на ее острова и продают его там за хорошую цену. Поэтому железо является самой главной статьей дохода и основным товаром, [идущим в] страны Индии. И хотя железо есть и на островах, и в рудниках Индии, в стране Софала его больше, оно лучше и мягче.

[149, с.314]

Восточный Калимантан (IV—V вв.)

Надписи в области Кутей

А

Пусть первейшие из брахманов и все прочие благочестивые люди услышат о достойном деянии знаменитого и преславного царя Мулавармана, о его многочисленных дарах — о даре животных и даре дерева, исполняющего желания, и даре земли. В память об этих многочисленных благочестивых делах брахманы воздвигли этот жертвенный столб.

Б

У знаменитого Кундунги, благородного властителя людей, был прославленный сын Ашваварман, подобный солнцу, который стал основателем рода. Он (Ашваварман) имел трех благородных сыновей, подобных трем [жертвенным] огням. Главный из них — знаменитый Мулаварман, повелитель принцев, наделенный великой силой аскетизма и самоотречения, совершил жертвоприношение Бахусувармана.

А этот жертвенный столб для этого
жертвоприношения воздвигли лучшие из
дваждырожденных.

В

Дар — 20 тыс. коров прославленного и первейшего из
правителей, царя Мулавармана, был вручен в
Священнейшем месте Вапракешвара
дваждырожденным, подобным огню. Ради этого
достойного дела этот столб был воздвигнут
брахманами, пришедшими сюда.

Г

Подобно тому как Бхагиратха был рожден от царя
Сагары, так и Мулаварман был рожден от царя
Ашвавармана.

[483, с.122—124]

VI. Малайя

Лангкасука (V—VI вв.)

Жители Лангкасуки, мужчины и женщины, ходят с распущенными волосами и носят одежду без рукавов из материала, который они называют *ганьмань*, сотканную из хлопка цзи-бэй. Царь и вельможи носят сверх этого кусок алой ткани, который накидывают поверх одежды на спину. Они подпоясываются золотым шнуром и вдевают в уши золотые серьги. Женщины украшают себя прекрасными шарфами, усеянными драгоценными камнями.

Стены в этой стране строят из кирпича. У домов двойные двери и павильоны на террасах. Царь выезжает из дворца на слоне, под белым балдахином с барабанами и знаменами впереди, окруженный солдатами свирепого вида.

[717, с.455—456]

VII. Бирма

Царство Бицзянь (VI—VII вв.)

О царстве Бицзянь впервые стало известно при династии Лян (502—557). Оно расположено за Дуньсунь, в 8 тыс. ли от Фунани, на острове в великом море. Говорят, что царь, правящий этой страной, ростом в 12 футов, а голова у него длиной в 2 фута и что он живет с глубокой древности и никто не знает, сколько ему лет. И этот божественный царь обладает даром видеть будущее. В Южных землях он известен под единственным именем Длинноголовый царь. Жители его царства живут в доах и носят одежду. Они жадно едят сорт риса, именуемый *ган-ми*. Их язык мало отличается от языка Фунани. Они не только не оказывают радушного приема путешественникам, но убивают и съедают всех, кого судьба занесет на их берега. Поэтому купцы избегают там высаживаться.

Царь обычно находится на террасе своего жилища. Он не употребляет пищи с кровью и не отправляет культ духов. Потомки его живут и умирают, как все остальные люди. Только он один бессмертен... Говорят, что царь Бицзяня написал индийскими письменами книгу, в которой около трех тысяч слов. Там говорится о влиянии прошлой жизни на нынешнюю. Это трактат о морали согласно буддийской религии. В нем исследуются все способы делать добро.

[717, с.465]

**Хронология бирманских царей от возникновения
государственности до основания Пагана согласно
«Хронике Зеркального дворца»**

I блок

Династия Абхираджи (850—600 до н.э.)

1. Абхираджа
2. Канразанге
3. Джамбудипараджа
4. Сангасараджа
5. Випаннараджа
6. Деватараджа
7. Муникараджа
8. Нагараджа
9. Индараджа
10. Самутираджа
11. Девараджа
12. Махиндараджа
13. Вималараджа
14. Сиханураджа
15. Мантанараджа
16. Камсараджа
17. Калингараджа
18. Тхинтавераджа
19. Сихалараджа
20. Хамраджа
21. Варараджа
22. Алаунраджа
23. Коланараджа
24. Сурьяраджа
25. Тхинджираджа
26. Таинждираджа
27. Мадураджа

28. Миньлаунджираджа
29. Самсусихараджа
30. Дханангараджа
31. Хиндараджа
32. Морьяраджа
33. Бхиннакараджа

СМУТНОЕ ВРЕМЯ (600 ДО Н.Э. — ?)

II блок (время не указано)

Династия Дхаджараджи

1. Тхадо Джамбудипа Дхаджараджа
2. Тхадо Тайнджараджа
3. Тхадо Яхтайя
4. Тхадо Тагунья
5. Тхадо Хланпьянья
6. Тхадо Шве
7. Тхадо Галонья
8. Тхадо Нагайя
9. Тхадо Наганайнг
10. Тхадо Рахавла
11. Тхадо Паунипве
12. Тхадо Джаусше
13. Тхадо Хсинлаук
14. Тхадо Хсинхтейн
15. Тхадо Таингчит
16. Тхадо Минджи
17. Тхадо Махараджа

СМУТНОЕ ВРЕМЯ (ДО 484 ДО Н.Э.)

III блок

Цари Тарекитары

I династия Тарекитары

1. 484—478 до н.э. Махатхамбава (род. 504 до н.э.)

2. 478—443 до н.э. Сулатхамбава (род. 504 до н.э.), брат 1-го
3. 443—373 до н.э. Дваттабаун (род. 478 до н.э.)
443 до н.э. — основание Тарекитары
4. 373—351 до н.э. Дваттаран (род. 432 до н.э.), сын 3-го
5. 351—301 до н.э. Ранпаун (род. 391 до н.э.), сын 4-го
6. 301—251 до н.э. Ранман (род. 331 до н.э.), сын 5-го
7. 251—220 до н.э. Ракхкан (род. 291 до н.э.), сын 6-го
8. 220—182 до н.э. Хканлаун (род. 257 до н.э.), сын 7-го
9. 182—148 до н.э. Леккаин (род. 221 до н.э.), сын 8-го
10. 148—120 до н.э. Тирикхан (род. 188 до н.э.), сын 9-го
11. 120—111 до н.э. Тиририт (род. 171 до н.э.), сын 10-го

II династия Тарекитары

12. 111—60 до н.э. Нгатаба (род. 126 до н.э.)
13. 60 до н.э. — 6 н.э. Папиран (род. 87 до н.э.), сын 12-го
14. 6—21 н.э. Ранмокхка (род. 61 до н.э.), сын 13-го
15. 21—24 н.э. Рантейнхка (род. 44 до н.э.), сын 14-го
16. 24—39 Ранмонсалеинда (род. 26 до н.э.), сын 15-го
17. 39—51 Берейнда (род. 24 до н.э.), брат 16-го
18. 51—56 Монсала (род. 7 до н.э.), сын 17-го
19. 56—59 Понна (род. 13), сын 18-го
20. 59—62 Тахка (род. 15), брат 19-го
21. 62—65 Тати (род. 33), сын 20-го
22. 65—66 Канну (род. 35), младший брат 21-го
23. 66—69 Кантек (род. 34), старший брат 22-го
24. 69—73 Бейзза (род. 32), старший брат 23-го

III династия Тарекитары

25. 73—80 Тумондари (род. 49)

- 78 — эра Шака (введена 80)
26. 80—83 Атитра (род. 65), сын 25-го
27. 83—94 Супанья (род. 66), брат 26-го
94 — падение Тарекитары

СМУТНОЕ ВРЕМЯ (94—107)

[586, с.2, 3, 6]

Царство Голо

О царстве Голо писали в эпоху Хань. Оно расположено к юго-востоку от страны Паньпань. Его называют также Голофушало. Царь этой страны имеет родовое имя Шилоболо и личное имя Мишиболо. Его столица окружена стеной из тесаного камня. По бокам ворот дворца стоят башни. За ними апартаменты женщин царя. Дома крыты соломой. Царство делится на 24 провинции, но не имеет уездов. Залы для аудиенций украшены драгоценным оружием, расположенным симметричными рядами, и знаменами, украшенными перьями павлина. Жители этой страны имеют в качестве вооружения луки, стрелы, сабли и копья. Они носят кожаные доспехи. Они никогда не воюют без слонов. Корпус у них состоит из 100 слонов, а каждый слон окружен сотней солдат. На седле каждого слона укреплена прочная площадка с перилами. На ней находятся четыре воина. Первый держит копье. Второй — лук. Третий — дубину. Четвертый — саблю.

Налог у них подушный. С каждого берут 2 чу (1 чу — почти полтора грамма) серебра.

В царстве Голо не разводят шелковичных червей и не выращивают конопли. Там изготавливают только ткани из сорта хлопка, называемого ки-бэй. Там есть быки, но очень мало лошадей. Только чиновники имеют право выделять своих лошадей, надевая на них нечто вроде тюрбана.

Когда, юноша сватается к девушке, он подносит ей арековые орехи иногда в столь большом количестве, что они заполняют двести блюд и тазов. А когда наступает день свадьбы, он, смотря по своему состоянию, подносит ей до 200 унций золота. После заключения брака женщина берет имя мужа. Из музыкальных инструментов у них есть скрипки,

довольно похожие на те, что в Китае называют *би-ба*, флейты, медные кимвалы, раковины и различные барабаны (иные из них — железные). Мертвых кремируют и их прах в металлической вазе бросают в море.

[717, с.414—416]

VIII. Таиланд

Царство Читу (VI—VII вв.)

Фамилия царя Читу — Цюйтан (Гаутама), а имя Лифудоси. С какого времени начинается история предков этого монарха, мы не знаем. Нам рассказывали, что его отец покинул трон и ушел в монахи, передав ему свою власть, а он царствует уже 16 лет (593—609). У этого царя Лифудоси — три жены, и все они дочери соседних царей.

Он живет в Сенчи, городе, окруженном тремя стенами, а между их воротами расстояние около 100 шагов. На каждом воротах — рельефные золотые колокольчики, а также нарисованы бодхисаттвы и бессмертные, которые летят по воздуху. Все строения царского дворца — одноэтажные, дверями на север. Трон на трехступенчатой платформе тоже обращен к северу. Царь появляется там и садится на трехслойное сиденье, лицом к северу, в платье алого цвета. Его высокая шапка украшена золотыми цветами и подвесками из драгоценных камней. Рядом с ним стоят четыре женщины. В его страже — более ста воинов. Позади трона — нечто вроде большой ниши, отделанной пятью сортами ароматного дерева, инкрустированного золотом и серебром, а на ее задней стенке диск с золотыми пламеобразными лучами. По бокам царской платформы — два больших металлических зеркала. Перед каждым зеркалом — золотая ваза, перед каждой вазой — золотая курильница. Перед всем этим находится золотое изваяние лежащего быка, служащее опорой для балдахина с драгоценными веерами по бокам. Несколько сот брахманов сидят рядами, лицом друг к другу, к востоку и западу от трона.

Высшие чиновники, которые коллегиально ведут дела государства, — это первый министр с титулом

сатоцзяло, два чиновника с титулом *тоната* и еще три помощника с титулом *цзялимицзя*. Борьбой с преступностью специально занимается великий магистрат с титулом *цзюломоди*. И наконец, во главе каждого города стоят два чиновника с титулами *найка* и *боди* ^[10].

Для браков прежде всего выбирается благоприятный день. Пять дней до назначенной даты проводят веселясь и пируя. На шестой день отец вкладывает руку своей дочери в руку зятя, и на седьмой день совершается брак. Когда свадьба заканчивается, все расходятся, а новобрачные начинают самостоятельную жизнь. Но если отец мужа еще жив, они живут с ним.

Те, кто потерял отца, мать или братьев, бреют голову и носят белые одежды. Они строят бамбуковый домик над водой, заполняют его мелкими дровами и кладут туда покойника. Затем поднимают вымпелы, жгут благовония, трубят в трубы и бьют в барабаны, в то время как зажигают костер и пламя пожирает тело. Под конец все исчезает в воде. В этой церемонии никогда не бывает изменений. Похороны высокого чиновника ничем не отличаются от похорон простого человека. Только когда кремируют царя, то пепел собирают в золотую урну и помещают в погребальный монумент.

[717, с.467—470]

Надпись Рамы Камхенга (1292)

I

Мой отец носил имя Шри Индрадитья, мою мать звали Нан Сян, моего старшего брата звали Пан Мыанг. Нас было пятеро детей от одной матери — трое сыновей и две дочери. Самый старший из братьев умер еще в детстве. Когда я вырос и достиг 19 лет, Кун Сам Чан, вождь Мыанг Чота, напал на Мыанг Так. Мой отец вышел на битву с Кун Сам Чаном. Кун Сам Чан атаковал

его всем войском. Люди моего отца побежали и рассеялись в полном беспорядке. Я же не обратился в бегство. Я взошел на слона Анекабала ^[11] и заслонил моего отца. Я сразился с Кун Сам Чаном и поразил слона Кун Сам Чана, которого звали Мас Мыанг ^[12], и вывел его из строя. Кун Сам Чан бежал. Тогда мой отец пожаловал мне титул Пра Рамы Камхенга за то, что я сразил слона Кун Сам Чана. При жизни моего отца я служил своему отцу и своей матери. Если я имел какой-нибудь плод, кислый или сладкий, вкусный и приятный, я приносил его моему отцу. Если я охотился на слонов и захватывал там слонов, мальчиков, девочек, серебро и золото — я отдавал их моему отцу. Когда мой отец умер, у меня остался мой старший брат. Я продолжал служить моему брату. Когда умер мой старший брат, все королевство перешло ко мне целиком.

При жизни короля Рамы Камхенга Мыанг (государство. — Э.Б.) Сукхотай процветает. В водах есть рыба, на полях — рис. Господа земель не повышают налогов на своих подданных, которые движутся по дорогам группами, ведя быков для торговли, и едут на лошадях, чтобы продать свои товары. Кто желает торговать слонами — свободно торгует. Кто желает торговать лошадьми — делает это беспрепятственно. Кто желает торговать серебром или золотом — торгует им. Если человек из народа, или знатный, или вождь заболевает и умрет, дом его предков, его слоны, его домашние, его амбары с рисом, его рабы, его насаждения ареки и насаждения бетеля, принадлежащие ему и его предкам, переходят целиком и полностью к его детям. Если между людьми из народа, знатными или вождями возникают разногласия, король расследует дело и решает его по справедливости. Он не попустительствует вора и

укрывателям. Если он видит чужой рис, он не зарится на него. Если он видит чужое богатство, он не возмущается. Тем, кто приезжает к нему на слонах, чтобы отдать свою землю под его покровительство, он оказывает помощь и поддержку. Тем, кто приходит к нему, не имея ни слонов, ни лошадей, ни слуг, ни жен, ни серебра, ни золота, тем он дает все это и делает так, чтобы они чувствовали себя как в своей родной стране. Если он захватывает пленных, он не убивает и не истязает их. В нише у двери дворца подвешен колокол. Если с жителем королевства случится какое-нибудь горе или иное дело, которое раздирает его внутренности и мучит его душу, и если он желает рассказать об этом королю — это нетрудно, стоит лишь только позвонить в колокол, который там висит. Каждый раз как Рама Камхенг слышит этот призыв, он спрашивает [жалобщика] и решает дело по справедливости.

II

Жители Мыанг Сукхотай насаждают плантации арековой пальмы и плантации бетеля повсюду в стране. Эта страна изобильна кокосовыми пальмами, манговыми деревьями и тамариндами. Когда кто-нибудь насаждает новую плантацию, король не запрещает это. В центре столицы Мыанг Сукхотай находится чудесный пруд с прозрачной и вкусной водой, подобной воде Меконга в сухой период. Мыанг Сукхотай окружает тройная стена протяжением в 3400 локтей. Жители Мыанг Сукхотай подают милостыню [буддийским монахам] и соблюдают [буддийские] заповеди и завет милосердия. Король Рама Камхенг, господин Мыанг Сукхотай, принцы и принцессы, мужчины и женщины, знатные и вожди, все без исключения, без различия ранга и пола благочестиво

исповедуют религию Будды и соблюдают предписания во время [уединения] дождливого периода. По окончании дождливого периода происходит праздник катхин (дарение одежд монахам), который продолжается целый месяц. Во время праздника катхин делают приношения грудями раковин каури, грудями ареки, грудями цветов, подушками. На [празднике] катхин ежегодно делается до 2 млн. подарков. Для выполнения церемоний [на празднике] катхин направляются вниз к монастырю Аранника [\[13\]](#). На обратном пути в город образуется праздничный кортеж, который следует от монастыря Аранника к лесной опушке, на краю равнины. Кто хочет играть — играет, кто хочет смеяться — смеется, кто хочет петь — поет. [Город] Мыанг Сукхотай обладает четырьмя воротами — бесчисленные толпы спешат сюда, толкаясь, чтобы войти в город и увидеть, как король зажигает свечи и манипулирует с огнем, и весь [город] Мыанг Сукхотай полон народом, который приветствует короля кликами.

В центре Мыанг Сукхотай находятся святилища, золотые статуи Будды, есть статуя Будды высотой в 18 локтей, есть большие и средние статуи Будды, большие и средние святилища. Есть монахи, тхера и махатхера.

К западу от Мыанг Сукхотай находится монастырь Аранника. Король Рама Камхенг основал его и предложил патриарху, мудрецу, который полностью изучил Три корзины, ученейшему из монахов страны, который пришел из Након Сритаммарата (совр. Накхонситхаммарат). В центре монастыря Аранника расположено обширное святилище, высокое и чудно прекрасное, в котором помещается статуя стоящего Будды высотой в 18 локтей.

К востоку от Мыанг Сукхотай есть святилища, [где обитают] монахи, земли, засаженные арековой пальмой и бетелем, рисовые поля, деревушки, большие и малые

селения, земли, засаженные манговыми и тамариндовыми деревьями, и все это так прекрасно, как будто создано нарочно (по плану).

III

К северу от Мыанг Сукхотай находится базар, Пра Ачана, прасад [\[14\]](#), земли, засаженные арековой пальмой, рисовые поля, деревушки, большие и малые селения.

К югу от Мыанг Сукхотай находятся монастыри и святилища, где обитают монахи, плотина, земли, засаженные кокосовыми пальмами, манговыми деревьями и арековыми пальмами.

Здесь находится источник, вытекающий из холма. Ирана Кхабун, дух-покровитель и божество этого холма, выше всех духов страны. Пока монархи Мыанг Сукхотай достойно отправляют его культ и делают ему ритуальные жертвоприношения — страна спокойна и процветает. Но если ему не будут оказывать предписанных почестей и приносить ритуальных жертв, дух-покровитель этого холма не станет больше защищать и почитать страну, и она придет в упадок.

В 1214 г. (1292 н.э.), в год дракона, король Рама Камхенг, монарх Мыанг Сукхотай, который приказал 14 лет назад насадить на этом месте пальмовую рощу, повелел рабочим высечь эту каменную плиту и поставить ее в центре рощи. В новолуние, в 8-й день растущей луны, в полнолуние и в 8-й день убывающей Луны глава монахов тхера и махатхера пусть восходит и садится на эту плиту и учит Закону мирян и общину верных, соблюдающих заповеди. В остальные дни король Рама Камхенг, монарх Мыанг Шри Сачаналай и Сукхотай, восходит и садится на этот камень и, возглавляя собрание знати и сановников, обсуждает с ними дела государства. В дни новолуния и полнолуния

король приказывает покрыть попоной белого слона по имени Ручашри, надеть на него седло, украшенное золотом и слоновой костью, и отправляется на нем воздать почести достойному главе Аранников.

[Другие] надписи воздвигнуты в Мыанг Чальян, близ святыни Шри Ратанадхара; в гроте, называемом грот Пра Рамы, расположенном на берегу реки Самбай; в гроте Ратанадхара. На полянке посреди этой пальмовой рощи воздвигнуты два павильона. Один называется *Павильон Золотого Будды*, другой — *Павильон Будды*. Эта каменная плита называется *Манансилапатра*. Она помещена сюда, чтобы все могли (ее) созерцать.

IV

Королю Рама Камхенгу, сыну короля Шри Индрадитья, повелителю Мыанг Шри Сачаналая и Сукхотай и [племен] Ма, Кау, Лау и Таи, живущих под небесным сводом, подчиняются речные таи с реки У и жители [берегов] Конга (Меконга).

В 1207 году (1285 н.э.), в год свиньи, он приказал извлечь святыне останки, чтобы весь народ мог их видеть. Он почитал и поклонялся этим святыням в течение месяца и шести дней, после чего приказал захоронить их в центре Мыанг Шри Сачаналая. Он воздвиг над ними чайтью, которая была построена в течение шести лет. Он воздвиг вокруг Великой Святыни каменную стену, которая была закончена за три года.

Прежде не существовало тайской письменности. В 1205 году, году козерога (1283 н.э.), Рама Камхенг приложил всю свою страсть и рвение и изобрел эти буквы тайского письма, и эти письмена существуют потому, что король их изобрел.

Этот король Рама Камхенг глава и повелитель всех таи. Он учитель, который наставляет всех таи, чтобы они знали истинные заслуги и Закон. Среди всех людей,

живущих в стране Таи, тщетно было бы искать равных ему по учености и уму, смелости и отваге, силе и энергии.

Он победил бесчисленные толпы врагов, владевших обширными городами и множеством слонов.

На востоке он покорил земли до Саралыанга (Пичит), [а также] Сонг Кве (Питсанулок), Лум (Ломсак), Бачай, Сакху вплоть до берегов Меконга, до самого Вьенчана, и граница проходит в Вьен Кхаме. На юге он покорил земли до Кхонтхи (на р. Меконг между Кампенгпетом и Наконсаваном), [а также] Прек (Пакнам По), Супаннапхум, Ратбури, Петчабури, Си Таммарат (Лигор) вплоть до моря, которое служит границей. К западу он покорил земли до Мыанг Чот (Ме Сот), Хонгсавати (Пегу) вплоть до моря, которое служит границей. К северу он завоевал земли до Мыанг Пле (Пре), [а также] Мыанг Ман, Мыанг Плыа (на р. Нан) и земли на том берегу Меконга до Мыанг Чава (Лыанг Прабанг), где проходит граница. Он опекает и поддерживает всех жителей страны без исключения, соблюдая закон.

[500, т.1, с.3—8]

Литература

---

1. *Алаев Л.Б.* Южная Индия: социально-экономическая история XIV—XVIII вв. М., 1964.
2. *Алаев Л.Б.* Южная Индия в VI—X веках. — История Индии в средние века. М., 1968.
3. *Алаев Л.Б.* Сельская община как элемент общественного строя Древней Индии. — ВДИ. 1976, № 1.
4. *Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М., 1990.
5. *Антонова К.А., Бонгард-Левин Г.М., Котовский Г.Г.* История Индии. М., 1979.
6. *Арья Шура.* Гирлянда джатак, или сказания о подвигах Бодхисатвы. М., 1962.
7. *Аун Пэрл.* Волшебные сказки. М., 1965.
8. *Ашрафян К.З.* Аграрный строй Северной Индии (XIII—середина XVIII в.). М., 1965.
9. *Ашрафян К.З.* Феодализм в Индии. М., 1977.
10. *Бандиленко Г.Г.* «Книга царей» — культурно-исторический памятник средневековой Индонезии. — ВМУ. 1973, № 1.
11. *Бандиленко Г.Г.* Культовая скульптура средневековой Явы VIII—XV вв. — Проблемы этногеографии Востока. М., 1973.
12. *Бандиленко Г.Г.* Опыт количественного анализа памятников культуры средневековых индонезийских государств (VIII—XV вв.). — Количественные методы в гуманитарных науках. М., 1981.
13. *Бандиленко Г.Г.* Власть и титул монарха в Сингасари и раннем Маджапахите (к анализу санскритских и яванских детерминативов). — Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.
14. *Бандиленко Г.Г.* Культура и идеология средневековых государств Явы. М., 1984.

15. *Бартон р. Ф.* Использование мифов как магии у горных племен Филиппин. — СЭ. 1935, № 3.
16. *Барышникова О.Г.* К вопросу об уровне социально-экономического развития доколониальных Филиппин. — НАЛ. 1968, № 4.
17. Беллвуд П. Покорение человеком Тихого океана: Юго-Восточная Азия и Океания в доисторическую эпоху. М., 1986.
18. *Берзин Э.О.* К вопросу о формировании культуры Таиланда. — Вестник истории мировой культуры. М., 1958, № 5.
19. *Берзин Э.О.* Тайские росписи. — Декоративное искусство. М., 1959, № 6.
20. *Берзин Э.О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
21. *Берзин Э.О.* История Таиланда (краткий очерк). М., 1973.
22. *Берзин Э.О.* «Железная» революция. — Знание — сила. М., 1978, № 7—8.
23. *Берзин Э.О.* Два лица эпического героя. — Знание — сила. 1979, № 7.
24. *Берзин Э.О.* Государство Чиангмай (Ланнатаи) в XIII—XVI вв. — Юго-Восточная Азия. История, современность. М., 1983.
25. *Берзин Э.О.* Вслед за железной революцией. — Знание — сила. 1984, № 8.
26. *Берзин Э.О.* О взаимоотношениях между горными и равнинными районами в Юго-Восточной Азии. — Первая научная конференция по проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами. Тб., 1984.
27. *Берзин Э.О.* Древняя Европа в зеркале легенд и сказок. — Знание — сила. 1986, № 11.
28. *Берзин Э.О.* Конфуций, Шан Ян и другие. — Атеистические чтения. Вып. 16. М., 1987.

29. Берзин Э.О. О социальной структуре индоевропейской и кавказской общностей в раннем бронзовом веке. — Кавказско-ближневосточный сборник. Т.VIII. Тб., 1988.
30. Берзин Э.О. Связи Юго-Восточной Азии с античным миром и Средней Азией. — III Всесоюзная конференция востоковедов (Душанбе). Тезисы докладов. Душанбе, 1988.
31. Берзин Э.О. Почему враждовали боги? — Атеистические чтения. Вып. 18. М., 1989.
32. Берзин Э.О. Социально-культурные изменения в Передней Азии и Юго-Восточной Европе в IV—III тыс. до н.э. — Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока (Международная конференция. Тезисы докладов). М., 1989.
33. Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия в древности и в средние века (процессы интеграции и дезинтеграции). — Становление региона: интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии (Научная конференция. Тезисы докладов). М., 1989.
34. Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М., 1972.
35. Бернова А.А. Население Малых Зондских островов (историко-этнографическое исследование). М., 1972.
36. Бокщанин А.А. Краткая история связей Китая со странами Южных морей (с древности до XVI в.). — Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.
37. Бонгард-Левин Г.М. Паришад в системе государственного управления империи Маурьев. — Древний мир. М.—Л., 1962.
38. Бонгард-Левин Г.М. Республики в Древней Индии. — ВДИ. 1966, № 3.
39. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1983.
40. Бонгард-Левин Г.М., Ильин Г.Р. Индия в древности. М., 1985.

41. *Борисковский П.И.* Исследования памятников каменного века в провинции Тхань-хоа (Демократическая Республика Вьетнам). — Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961.
42. *Борисковский П.И.* Археологические открытия во Вьетнаме. — Вестник АН СССР. 1962, № 4.
43. *Борисковский П.И.* Исследования памятников каменного века в Демократической Республике Вьетнам в 1960—1961. — СА. 1962, № 2.
44. *Борисковский П.И.* Археология во вьетнамском историческом журнале. — СА. 1963, № 1.
45. *Борисковский П.И.* Гора До — древнепалеолитическое местонахождение во Вьетнаме. — Археология Старого и Нового Света. М., 1966.
46. *Борисковский П.И.* На раскопках во Вьетнаме. Из дневника археолога. — Доклады по этнографии (Географическое общество СССР. Отделение этнографии). Л., 1966.
47. *Борисковский П.И.* Первобытное прошлое Вьетнама. М.—Л., 1966.
48. *Борисковский П.И.* Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л., 1971.
49. *Брагинский В.И.* К дискуссии о проблеме заселения Полинезии. — КСИА. 1963, № 61.
50. *Брагинский В.И.* Эволюция малайского классического стиха (повествовательные формы фольклорной и письменной поэзии). М., 1975.
51. *Брагинский В.И.* История малайской литературы VII—XIX вв. М., 1983.
52. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1980.
53. *Брук С.И.* Этнический состав и размещение населения в странах Индокитая. — СЭ. 1956, № 1.
54. Буддизм. Проблемы истории культуры современности. М., 1990.

55. *Бурман А. Д.* Некоторые представления бирманцев о характере королевской власти. — Письменные памятники истории культуры народов Востока. М., 1972.
56. *Бутинов Н.А.* Социальная организация полинезийцев. М., 1985.
57. *Вавилов Н.И.* Проблема происхождения земледелия в свете современных исследований. — Избранные труды. Т.5. М.—Л., 1965.
58. *Васильев К.В.* Религиозно-магическая интерпретация власти вана в западночжоуских эпиграфических текстах. — Китай. Общество и государство. М., 1973.
59. *Васильев Л.С.* Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI—VII вв. до н.э.). М., 1961.
60. *Васильев Л.С.* О роли внешних влияний в возникновении китайской цивилизации. — НАА. 1964, № 2.
61. *Васильев Л.С.* Некоторые проблемы генезиса в мировой цивилизации. — НАА. 1966, № 2.
62. *Васильев Л.С.* Рабовладение и феодализм в Древнем Китае (о социально-экономическом строе докапиталистических обществ). — Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966.
63. *Васильев Л.С.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ (к проблеме азиатского способа производства). — ВИ. 1966, № 6.
64. *Васильев Л.С.* Эксплуатация земледельцев и формы присвоения в Древнем Китае. — НАА. 1968, № 6.
65. *Васильев Л.С.* Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
66. *Васильев Л.С.* Происхождение древнекитайской цивилизации. — ВИ. 1974, № 12.
67. *Васильев Л.С.* Культурно-религиозные традиции стран Востока. М., 1976.
68. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайской цивилизации. — Формирование основ материальной

- культуры и этноса. М., 1976.
69. *Васильев Л.С.* Возникновение и формирование китайского государства. — Китай: история, культура и историография. М., 1977.
  70. *Васильев Л.С.* Протогосударство-чифдом как политическая структура. — НАА. 1981, № 1.
  71. *Васильев Л.С.* Феномен власти-собственности. — Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
  72. *Васильев Л.С.* Проблемы генезиса китайского государства. М., 1983.
  73. *Васильев Л.С.* Курс лекций по Древнему Востоку. 4.1 —2. М., 1984—1985.
  74. *Васильев Л.С.* Курс лекций по средневековому Востоку. М., 1988.
  75. *Васильев Л.С.* Что такое «азиатский» способ производства? ЯДА. 1988, № 3.
  76. *Васильев Л.С.* Изучение Востока и проблемы перестройки. — НАД. 1989, № 3.
  77. *Васильев Л.С., Стучевский И.А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ. — ВИ. 1966, № 6.
  78. *Вельгус В.* Исследование некоторых спорных вопросов истории мореходства в Индийском океане. — ТИЭ. Т.ХСIII. Л., 1969.
  79. *Вельгус В.* Маршрут плавания из Восточной Африки в Персидский залив в VII в. — ТИЭ. Т.ХСIII. Л., 1969.
  80. *Вигасин А.А.* О государственности в древней Индии. — ВДИ. 1990, № 1.
  81. *Винстедт Р.О.* Путешествие через полмиллиона страниц. История малайской классической литературы. М., 1966.
  82. Волшебный жезл. Сказки народов Индонезии и Малайзии. М., 1972.
  83. Вопросы истории феодализма. М., 1974.

84. *Всеволодов И.В.* Развитие бирманской культуры в эпоху феодализма. — Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М., 1978.
85. *Всеволодов И.В.* Бирма: религия и политика. М., 1978.
86. *Ву Минь Жанг.* Эволюция форм землевладения и землепользования в феодальном Вьетнаме. М., 1986 (докт. дис.; рукопись).
87. Вьетнамские народные сказки. М., 1958.
88. Вьетнамские сказки. М., 1965.
89. *Гафуров Б.Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
90. Геродот История. М., 1970.
91. Глаза Дракона. Легенды и сказки народов Китая. М., 1958.
92. *Глузданов С.И.* География культурных растений. М., 1960.
93. *Гринцер П. А.* Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М., 1974.
94. *Губер А.А.* Индонезия (социально-экономические очерки). М., 1933.
95. *Гуревич А.Я.* О генезисе феодального государства. — ВДИ. 1990, № 1.
96. *Дайо М.Р.* Индонезийские сказки и легенды. М., 1958.
97. *Дандамаев М.А.* Рабство в Вавилонии. М., 1974.
98. *Демин Л.М.* Бوروبудур — Прамбанан. — Наука и религия. М., 1964, № 8.
99. *Демин Л.М.* Остров Бали. М., 1964.
100. *Демин Л.М.* О проблемах индийского культурного влияния в раннесредневековой Индонезии. — История географических знаний и историческая география. Этнография (материалы Московского филиала Географического общества СССР). Вып.2. М., 1967.
101. *Демин Л.М.* О некоторых пережитках раннесредневековых общественных отношений на Бали. — Вопросы истории феодализма. М., 1974.

102. *Демин Л.М.* Яванская империя Маджапахит и суматранское княжество Малаю (из истории Индонезии XIII—XIV вв.). — Страны и народы Востока. Вып. XVII. М., 1975.
103. *Деопик Д.В.* Некоторые вопросы древней истории Вьетнама в современной вьетнамской исторической науке. — ВДИ. 1956, № 2.
104. *Деопик Д.В.* Возникновение государства во Вьетнаме. — СВ. 1959, № 4.
105. *Деопик Д.В.* Крестьянские восстания во Вьетнаме I—II вв. н.э. — Вопросы истории и литературы стран зарубежного Востока. М., 1960.
106. *Деопик Д.В.* Ранние вьетские государства (канд. дис.). М., 1961.
107. *Деопик Д.В.* Выонг мук. — СИЭ. Т.8. М., 1965.
108. *Деопик Д.В.* Войны Ханьской империи с Намвьетом. — ВМУ. Серия XIV. Востоковедение. 1970, № 1.
109. *Деопик Д.В.* Ленинская теория статистического анализа общественных явлений и ее применение к изучению истории предбуржуазных формаций. — Проблемы гуманитарных наук. М., 1970.
110. *Деопик Д.В.* Организация управления на окраинах Китайской империи на примере вьетнамских земель крайнего юга. — Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып.2. М., 1970.
111. *Деопик Д.В.* Имена зависимого населения доангкорской Камбоджи. — Эпиграфика Южной и Восточной Азии. М., 1972.
112. *Деопик Д.В.* Народная хронологическая традиция как исторический источник (по материалам средневековой Бирмы). — Математические методы в исторических исследованиях. М., 1972.
113. *Деопик Д.В.* Эпиграфика и карта. — Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.

114. *Деопик Д.В.* Феодалное общество Вьетнама. — Историография стран Востока (проблемы феодализма). М., 1977.
115. *Деопик Д.В.* Центральная и южная часть Восточной Азии как культурные очаги во II—I тысячелетиях до н.э. — Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977.
116. *Деопик Д.В.* Типологическая характеристика бронзового века Индокитая и соседних районов. — XIV Тихоокеанский научный конгресс (тезисы докладов). М., 1979.
117. *Деопик Д.В.* Типы социальной терминологии кхмеров (VI—XIII вв.).— Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
118. *Деопик Д.В., Кулланда С.В.* Средневековая социальная терминология как свидетельство межэтнических контактов в Юго-Восточной Азии. — XIV Тихоокеанский научный конгресс (тезисы докладов). М., 1979.
119. *Деопик Д.В., Кулланда С.В.* Простейшие признаки яванского эпиграфического массива как источник по истории раннесредневековой Явы. — Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М., 1980.
120. *Деопик Д.В., Поляков А.Б.* Феодалный дом Чан и его лидеры во внутривосточном кризисе в Дайвьете в начале XIII в. — ВМУ. Серия XIV. Востоковедение. 1975, № 2.
121. *Деопик Д.В., Постников А.В.* Из опыта составления карт по древней и средневековой истории стран Юго-Восточной Азии. — ВМУ. Серия XIV. Востоковедение. 1973, № 2.
122. *Деопик Д.В., Членов М.А.* Топонимические детерминативы куала и муара как источник по этнической истории малайцев. — Этнография имен. М., 1972.

123. *Дешнадзе О.П.* О переосмыслении литературных сюжетов в балийской традиционной живописи. — Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.
124. *Довгяло Г.И.* Возникновение царской власти у хеттов. Минск, 1965.
125. *Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. М.—Л., 1956.
126. *Дьяконов И.М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959.
127. *Дьяконов И.М.* Общественные отношения в шумерском и вавилонском фольклоре. — ВДИ. 1966, № 1.
128. *Дьяконов И.М.* Основные черты экономики в монархиях древней Западной Азии. — НАА. 1966, № 1.
129. *Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. М., 1967.
130. *Дьяконов И.М.* Проблемы собственности. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э. — ВДИ. 1967, № 4.
131. *Дьяконов И.М.* Основные черты древнего общества. — Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
132. *Дьяконов М.М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961.
133. *Евсюков В.В.* Мифология китайского неолита. Новосибирск, 1988.
134. *Ефименко П.П.* Первобытное общество. Киев, 1953.
135. *Жирмунский В.М.* Тюркский героический эпос. Л., 1974.
136. Законы Ману. М., 1960.
137. *Золотарев Л.М.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
138. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие системы (древний период). М., 1964.

139. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
140. *Иванова Е.В.* К истории формирования современного этнического состава Таиланда. — Страны и народы Востока. Вып.IV. М., 1965.
141. *Иванова Е.В.* Добуддийские верования тай Таиланда. — Доклады по этнографии (Географическое общество СССР. Отделение этнографии). Вып.4, Л., 1966.
142. *Иванова Е.В.* Изучение древнейших культур на территории Таиланда.— Доклады Географического общества СССР. Вып.9. Л., 1968.
143. *Иванова Е.В.* Роль сямского общества в изучении Таиланда.—Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.2, Л., 1968.
144. *Иванова Е.В.* Тайские народы Таиланда. М., 1970.
145. *Иванова Е.В.* Мрабри — охотники и собиратели Таиланда. — Охотники, собиратели, рыболовы. Л., 1972.
146. *Иванова Е.В.* Новые данные о каменном веке Таиланда (по материалам тайско-датской археологической экспедиции 1960—1962 гг.). — Страны и народы Востока. Вып.XIII, кн.2. М., 1972.
147. Индонезийские сказки. М., 1956.
148. *Исаева М.В.* «Зеркальность» представлений друг о друге средневековых империй Востока и Запада. — Дальний Восток и Центральная Азия. М., 1985.
149. История Африки в древних и средневековых источниках (хрестоматия). М., 1990.
150. История Вьетнама. М., 1983.
151. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. 4.1—II. М., 1983—1988.
152. История Индии в средние века. М., 1968.
153. История Кампучии (краткий очерк). М., 1981.

154. История Китая с древнейших времен до наших дней. М., 1974.
155. История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968.
156. История стран Азии и Африки в средние века. 4.1—2. М., 1987.
157. История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970.
158. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
159. История первобытного общества. Эпоха классовообразования. М., 1988.
160. История политических и правовых учений (Древний мир). М., 1985.
161. Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1971.
162. *Итс р. Ф.* Северные юэ и их роль в этногенезе малайо-полинезийцев. — Страны и народы Востока. Вып. XIII, кн. 2. М., 1972.
163. *Итс р. Ф.* Этническая история Юга Восточной Азии. Л., 1972.
164. *Итс р. Ф.* Золотые мечи и колодки невольников. М., 1976.
165. *Каруновская Л.Э.* Доисламские верования в Индонезии. — Труды Института этнографии. Т. I. М., 1959.
166. *Кейпер Ф.Б.Я.* Труды по ведийской мифологии. М., 1986.
167. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
168. Книга правителя области Шан. М., 1968.
169. Книга тысячи и одной ночи. Т. 5. М., 1959.
170. *Козлова М.Г.* Бирма накануне английского завоевания. М., 1967.
171. *Козлова М.Г., Седов Л.А., Тюрин В.А.* Типы раннеклассовых государств в Юго-Восточной Азии. —

- Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн.1. М., 1968.
172. Корейские предания и легенды. М., 1980.
173. *Корнев В.И.* К истории изучения фольклора народов Таи. — КСИНА. 1963, № 61.
174. *Корнев В.И.* Древнеиндийская легенда о киннаре у народов таи. — Индия в древности. М., 1964.
175. *Корнев В.И.* Литература Таиланда. М., 1971.
176. *Корнев В.И.* Тайский буддизм. М., 1973.
177. *Корнев В.И.* Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. М., 1983.
178. *Косамби Д.* Культура и цивилизация древней Индии. М., 1968.
179. *Косвен М.О.* Амазонки. — СЭ. 1947, № 3.
180. *Косвен М.О.* Очерки истории первобытной культуры. М., 1957.
181. *Косвен М.О.* Семейная община и патронимия. М., 1963.
182. *Костюхин Е.А.* Александр Македонский в литературной и фольклорной традиции. М., 1972.
183. *Кочетов А.Н.* Буддизм. М., 1983.
184. Краткая история Вьета (Вьет Шы Льюк). М., 1980.
185. *Крюков М.В.* У истоков древних культур Восточной Азии. — НАА. 1964, № 6.
186. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
187. *Куббель Л.Е.* Из истории Мали. — АЭС. Т.5. 1963.
188. *Куббель Л.Е.* Потестарная и политическая этнография. — Исследования по общей этнографии. М., 1979.
189. *Кулланда С.В.* Взаимодействие географических и экономических факторов в развитии традиционного малайского общества. — Карта, схема и число в этнической географии. М., 1975.
190. *Кулланда С.В.* Принадлежность к общине как социальный знак (на материале древней Явы). —

- Обычаи и культурно-дифференцирующие традиции у народов мира. М., 1979.
191. *Кулланда С.В.* Санскритская эпиграфика Явы (опыт количественного анализа). — Санскрит и древнеиндийская культура. Т.2. М., 1979.
  192. *Кулланда С.В.* Некоторые аспекты отношений общины и государства на Яве (I тыс. н.э.). — Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.
  193. *Кулланда С.В.* Некоторые проблемы социального строя раннеяванских государств (по данным эпиграфики VIII — начала X в.). — НАА. 1982, № 5.
  194. *Кулланда С.В.* Материальная культура и экономика народов Западной Индонезии в дописьменный период (по лингвистическим материалам). — НАА. 1983, № 5.
  195. *Кулланда С.В.* Душистое дерево и черепаший камень (древнеяванские княжества. Лингво-историко-этнографический анализ). — Яванская культура: к характеристике крупнейшего этноса Юго-Восточной Азии. М., 1989.
  196. Культура и быт стран Тихого и Индийского океана. М.—Л., 1966.
  197. *Кучера С.* Китайская археология. М., 1977.
  198. Кхмерские мифы и легенды. М., 1981.
  199. *Ларионова Л.В., Ребрикова Н.В.* Зарождение в Таиланде национальной историографии. — Национальная историография Юго-Восточной Азии. М., 1974
  200. *Лебедев Ю.Д.* Фунан и начало истории Камбоджи. М., 1956.
  201. *Лебедев Ю.Д.* Монументальное искусство древней Камбоджи. — Искусство, 1956, № 7.
  202. *Лебедев Ю.Д.* Монументальное искусство средневековой Камбоджи. — СВ, 1957, № 6.
  203. *Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Древнее расселение человечества в Восточной и Юго-Восточной Азии. —

- ТИЭ. Т.XVI. М., 1951.
204. *Левтонова Ю.О.* История Филиппин (краткий очерк). М., 1979.
205. *Лисевич И.С.* Моделирование мира в китайской мифологии и учение о пяти первоэлементах. — Теоретические проблемы восточных литератур. М., 1969.
206. *Литвинский Б. А.* Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.
207. Малайзия. М., 1987.
208. Малайско-индонезийские исследования. М., 1977.
209. Малые народы Индонезии, Малайзии и Филиппин. М., 1982.
210. *Мамулия Г.С.* Формирование классового общества и государства в Древней Картли (Иберии). Тб., 1979.
211. *Маретин Ю.В.* Самобытность индонезийской культуры и индийское влияние. — Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1964.
212. *Маретин Ю.В.* Общественные отношения у батаков (Северная Суматра). — Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
213. *Маретин Ю.В.* Батаки — народность Северной Суматры (этнографический очерк). — Страны и народы Востока. Вып.VI. М., 1968.
214. *Маретин Ю.В.* Искусство Индонезии: основные вехи трехтысячелетнего развития. Архитектура, скульптура, живопись. — Страны и народы Востока. Вып.XIII, кн.2. М., 1972.
215. *Маретин Ю.В.* Община соседско-большесемейного типа у минангкабау. — Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975.
216. *Маретин Ю.В.* Индийские влияния и проблема самобытности индонезийской культуры (основные аспекты методологического подхода). — Малайско-

- индонезийские исследования (сборник статей памяти академика А.А.Губера). М., 1977.
217. *Маретин Ю.В., Трисман В.Г.* Пережитки ранних форм религии у индонезийских рыболовов. — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
218. *Маретина С.А.* К вопросу об общности происхождения Нага (Ассам) и даяков с острова Калимантан. — Тезисы конференции по истории, языкам и культуре Юго-Восточной Азии. Л., 1964.
219. *Маретина С.А.* О культе камней у нага. — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
220. *Маретина С.А., Мухлинов А.И., Решетов А.М.* Взаимосвязи природной среды, хозяйства и социальной организации у народов Юго-Восточной Азии. — XIV Тихоокеанский научный конгресс (тезисы докладов). М., 1979.
221. *Марков Г.Е.* Кочевники Азии. М., 1976.
222. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Издание 2-е.
223. *Маршаль А.* Ангкор. М., 1963.
224. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
225. *Маунг Хтин Аунг.* Бирманские народные сказки. М., 1967.
226. *Машкина И.Н.* Китайские источники о взаимоотношениях Китая и Вьетнама в III—VI вв. — Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (история и экономика). М., 1967.
227. *Машкина И.Н.* Влияние китайской государственности на формирование вьетнамских институтов в X—XII вв. (по материалам китайского источника «Описание Юэской окраины»). — Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып.2. М., 1970.
228. *Машкина И.Н.* К истории китайско-вьетнамских связей в III—X вв. (по китайским источникам). — Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970.

229. *Машкина И.Н.* Китай и Вьетнам (III—XIII вв.). М., 1977.
230. *Медведев Е.М.* К вопросу о социально-экономическом строе древней Индии. — НАА. 1966, № 6.
231. *Медведев Е.М.* Феодалные отношения в древней и средневековой Индии. — НАА. 1970, № 3.
232. *Медведев Е.М.* Очерки истории Индии до XIII века. М., 1990.
233. *Мелетинский Е.М.* Герой волшебной сказки. М., 1958.
234. *Мелетинский Е.М.* Происхождение героического эпоса, ранние формы и архаические памятники. М., 1963.
235. *Мелетинский Е.М.* Миф и сказка. — Фольклор и этнография. М., 1970.
236. *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976.
237. *Мелетинский Е.М.* Миф и историческая поэтика фольклора. — Фольклор. Поэтическая система. М., 1977.
238. *Мечников Л.И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1924.
239. *Мешков К.Ю.* К проблемам этнической истории Филиппин начального и испанского периода. — Этническая история и современное национальное развитие народов мира. М., 1967.
240. *Мешков К.Ю.* Основные этапы этнической истории Филиппин (до конца XIX в.). — Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
241. *Миго А.* Кхмеры. М., 1973.
242. *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собрание сочинений. Т.2. М., 1950.
243. *Минь Чань.* Книги по истории Вьетнама, изданные в ДРВ. — ВИ. 1960, № 6.
244. Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.

245. Мифы, культы, обряды народов зарубежной Азии. М., 1986.
246. Мифы народов мира. Т. I—II. М., 1980—1982.
247. *Можейко И.В.* Зарождение и истоки бирманской культуры. — ВИМК. 1961, № 1.
248. *Можейко И.В.* О некоторых чертах феодализма в Бирме. — Очерки из истории Юго-Восточной Азии. М., 1965.
249. *Можейко И.В.* Паганское государство (канд. дис.). М., 1965.
250. *Можейко И.В.* 5000 храмов на берегу Иравади. М., 1967.
251. *Можейко И.В.,* Узянов А.Н. История Бирмы (краткий очерк). М., 1974.
252. *Морган Л.* Древнее общество. Л., 1934.
253. *Мурашева Г.* К вопросу о характере вьетнамско-китайских отношений в эпоху феодализма (X—XIV вв.). — Конференция молодых научных работников и аспирантов ИНА АН СССР, июнь 1966. Тезисы докладов. М., 1966.
254. *Муриан И.Ф.* Лара Джонгтранг — архитектурный памятник Центральной Явы. — Сокровища искусства стран Азии и Африки. М., 1976
255. *Муриан И.Ф.* Канон и иконография в художественной системе Боробудура. — НАА. 1977, № 3.
256. *Муриан И.Ф.* Искусство Индонезии с древнейших времен до конца XV века. М., 1981.
257. *Мухлинов А.И.* Древние оу-ло (ау-лак) в Южном Китае и Северном Вьетнаме (к проблеме этногенеза вьетнамцев). — КСИЭ. Т.35. М., 1960.
258. *Мухлинов А.И.* Вьетнамская сельская община (X — первая половина XIX в.). — Восточноазиатский этнографический сборник. М., 1961.
259. *Мухлинов А.И.* Социальная организация тайских народов Вьетнама. — Община и социальная

- организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1967.
260. *Мухлинов А.И.* Этнографическая характеристика бронзовой культуры Донгшона (Вьетнам). — Этническая история народов Азии. М., 1972.
261. *Мухлинов А.И.* Происхождение и ранние этапы этнической истории вьетнамского народа. М., 1977.
262. Народы Юго-Восточной Азии. М., 1966.
263. Национальная историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1974.
264. *Нгуен Ван Ши.* Культура шонви и ее место в каменном веке Юго-Восточной Азии. Л., 1982.
265. *Нгуен Ван Риен (Хоанг Винь).* Бронзовые барабаны как исторический источник по культуре древнего Вьетнама. Автореф. канд. дис. М., 1972.
266. *Никулин Н.И.* К типологии средневековой исторической прозы. — Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
267. *Никулин Н.И.* Вьетнамская литература X—XIX вв. М., 1977.
268. Новое в археологии Китая. Исследования и проблемы. Новосибирск, 1984.
269. Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. Л., 1967.
270. Обычаи и фольклор Мадагаскара. М., 1977.
271. *Ожегов С.С., Проскуракова Т.С., Хоанг Дао Кинь.* Архитектура Индокитая. М., 1988.
272. *Ольдерогге Д.А.* Западный Судан в XV—XIX вв. М.—Л., 1960.
273. *Осипов Ю.М.* Буддийские джатаки в литературах Бирмы, Камбоджи, Сиам (Таиланда). М., 1966.
274. *Осипов Ю.М.* Яванское сказание на литературной почве Юго-Восточной Азии. — Фольклор и этнография. Л., 1970.
275. *Осипов Ю.М.* Литература Индокитая. Л., 1980.

276. Остров красавицы Си Мелю. Мифы, легенды и сказки острова Сималур. М., 1964.
277. *Островская Е.П.* Нормативная концепция царской власти, миф и происхождение сословий (варн) и социальной аномии в «Буддийской космологии» Васубандху. — Буддизм. Проблемы истории и современности. М., 1990.
278. От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987.
279. *Оттен М., Банса А.* Чародеи с Явы. М., 1973.
280. Очерки истории Вьетнама. Ханой, 1977.
281. Параратон (индонезийская средневековая хроника). Перевод под ред. Д.В.Деопика (рукопись).
282. *Парникель Б.Б.* Некоторые вопросы балийской истории и культуры. — НАА. 1967, № 1.
283. *Парникель Б.Б.* Трансформация и переосмысление заимствованного литературного материала (индийские эпические герои в Нусантаре). — Типология и взаимосвязи литератур Востока и Запада. М., 1974.
284. *Парникель Б.Б.* Относительно полисемантической малайскоязычной «Повести о Санг Боме» — типологические исследования по фольклору. — Сборник памяти В.Я.Проппа. М., 1975.
285. *Парникель Б.Б.* Введение в литературную историю Нусантары IX—XIX вв. М., 1980.
286. *Парникель Б.Б.* О фольклорном сродстве народов Юго-Восточной Азии. — Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. М., 1982.
287. *Пендлтон р. Л.* География Таиланда. М., 1966.
288. Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий (проблемы исторических контактов). М., 1978.
289. Первобытное общество. М., 1975.
290. *Переломов Л.С.* Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221—202 до

- н.э.). М., 1962.
291. *Переломов Л.С.* О роли идеологии в становлении деспотического государства в древнем Китае. — НАА. 1967, № 3.
292. *Переломов Л.С.* Китай и Вьетнам в III в. до н.э. — III в. н.э. — Китай и соседи. М., 1970.
293. Персидские сказки. М., 1956.
294. *Перская И.Ю.* Источники по истории Индонезии с древнейших времен по 1917 г. 4.1. М., 1974.
295. *Першиц А.И., Монгайт А.Л., Алексеев В.И.* История первобытного общества. М., 1982.
296. Повелитель демонов ночи (вьетнамские легенды). М., 1969.
297. *Познер П.В.* Освещение древней истории Вьета в средневековых вьетских хрониках — летописных сводах. — НАА. 1976, № 1.
298. *Познер П.В.* Древний Вьетнам. Проблемы летописания. М., 1980.
299. [Поло М.] Книга Марко Поло. М., 1956.
300. *Потехин И.И.* Родовые отношения в системе современной африканской деревни. М., 1956.
301. *Початина О.В.* Похоронная обрядность и связанные с ней верования горных народов Северного Лусона. — Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М., 1986.
302. Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971.
303. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.
304. Проблемы социальных отношений и форм зависимости на Древнем Востоке. М., 1984.
305. Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1968.
306. *Прокофьев О.С.* Искусство Юго-Восточной Азии (III в. до н.э. — XVIII в. н.э.). М., 1967.

307. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1976.
308. *Пропп В.Я.* Морфология сказки. М., 1969.
309. *Псевдоарриан.* Плавание вокруг Эритрейского моря. — ВДИ. 1940, № 2.
310. Рабство в странах Востока в средние века. М., 1986.
311. Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968.
312. *Ребрикова Н.В.* Уровень социально-экономического развития тайских мыангов в период средневековья (XIII — первая половина XIV в.). — Из истории стран Юго-Восточной Азии. М., 1968.
313. *Ребрикова Н.В.* Источники по истории сиамского общества в средние века. — Источниковедение и историография стран Юго-Восточной Азии. М., 1971.
314. *Ребрикова Н.В.* Советская историография Таиланда. — Советская историография Юго-Восточной Азии. М., 1977.
315. *Ребрикова Н.В.* Таиланд. Социально-экономическая история (XIII—XVIII вв.). М., 1977.
316. *Ревуненкова Е.В.* Книги батакских жрецов в собраниях МАЭ. — Культура народов Зарубежной Азии и Океании. Л., 1969.
317. *Ревуненкова Е.В.* «Седжарах Мелаю» (малайская история) — историко-культурный памятник малайского средневековья. (Автореф. канд. дис.). Л., 1970.
318. *Ревуненкова Е.В.* Мифологические источники средневекового малайского памятника «Седжарах Мелаю». — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
319. *Ревуненкова Е.В.* Фольклорный компонент в «Малайской истории» (Седжарах Мелаю). — Фольклор и этнография. Л., 1970.
320. *Ревуненкова Е.В.* Историко-географические и этнографические сюжеты в малайском средневековом

- произведении «Седжарах Мелаю». — Страны и народы Востока. Вып. XIII, кн. 2. М., 1972.
321. *Ревуненкова Е.В.* «Корабль мертвых» у батаков Суматры. — Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XXX (Культура народов Австралии и Океании). Л., 1974.
322. *Ревуненкова Е.В.* Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980.
323. Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. М., 1982.
324. Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
325. *Решетов А.М.* К вопросу об этнолингвистической классификации тайских народов. — Тезисы конференции по истории языков и культуре Юго-Восточной Азии (ЛГУ). Л., 1964.
326. Решетов А.М. Основные вопросы древнейшей истории Юго-Восточной Азии. — Проблемы этнографии и этнической истории народов Юго-Восточной Азии. М., 1968.
327. *Решетов А.М.* Дракон в культурной традиции китайцев. — Материальная культура и мифология. СМАЭ. Вып. XXXVII. Л., 1981.
328. *Румянцев А.М.* Возникновение и развитие первобытного способа производства. М., 1981.
329. *Рыбаков Б.А.* Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА. 1965, №1—2.
330. *Савельева Т.Н.* Аграрный строй Египта в период Древнего царства. М., 1962.
331. Сад золотого павлина. Старинная малайская проза. М., 1975.
332. *Сафронова И.П.* Государство и право Индонезии (I—II—VIII вв.). — История государства и права стран Азии и Африки. Очерки. М., 1964.

333. *Седов Л.А.* К вопросу об экономическом строе Ангорской Камбоджи IX—XII вв. (по данным кхмерской эпиграфики). — НАА. 1963, № 6.
334. *Седов Л.А.* Собственность храмов Ангорской Камбоджи как форма собственности феодальных родов. — КСИНА. 1964, № 85.
335. *Седов Л.А.* К вопросу о варнах в Ангорской Камбодже (IX—XII вв.). — Касты в Индии. М., 1965.
336. *Седов Л.А.* О высшем духовенстве Ангорской империи (по материалам кхмерской эпиграфики). — Эпиграфика Востока. Т.17. М., 1966; т.19, М., 1969.
337. *Седов Л.А.* Ангорская империя (социально-экономический и государственный строй Камбоджи в IX—XIV вв.). М., 1967.
338. *Семенов С.А.* Ранние археологические памятники Вьетнама. — ВДИ. 1950, № 4.
339. *Семенов Ю.И.* Как возникло человечество. М., 1966.
340. *Семенов Ю.И.* Теоретические проблемы «экономической антропологии». — Этнологические исследования за рубежом. М., 1973.
341. *Семенов Ю.И.* Первобытная коммуна и соседская крепостная община. — Становление классов и государства. М., 1976.
342. Серебряный ключ (тайские сказки). М., 1963.
343. *Сикорский В.В.* Индонезийская литература. М., 1965.
344. Символика культов и ритуалов зарубежной Азии. М., 1980.
345. Сказания о доблестных, влюбленных и мудрых. М., 1987.
346. Сказание о Санг Боме. М., 1973.
347. Сказание о Сери Раме. Индонезийская Рамаяна. М.; 1961.
348. Сказания вьетнамских гор. М., 1970.
350. Сказки и легенды Вьетнама. М., 1958.
351. Сказки и легенды Южного Сулавеси. М., 1958.
352. Сказки и мифы народов Океании. М., 1970.

353. Сказки и мифы народов Филиппин. М., 1975.
354. Сказки Камбоджи. М., 1973.
355. Сказки народов Азии. Л., 1966.
356. Сказки народов Бирмы. М., 1976.
357. Сказки народов Востока. М., 1967.
358. Сказки народов Вьетнама. М., 1970.
359. Сказки острова Бали. М., 1983.
360. *Сорокина О.С.* О проникновении буддизма в Бирму (постановка проблемы). — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л., 1969.
361. Социальная история народов Азии. М., 1975.
362. Социальная организация у народов Азии и Африки. М., 1975.
363. Социально-экономические проблемы стран Южной и Юго-Восточной Азии. М., 1977.
364. Социальные структуры доколониальной Африки. М., 1970.
365. *Спекторов Л.Д.* Феодальные отношения в Камбодже накануне установления французского протектората. М., 1979.
366. *Стависский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
367. Становление классов и государств. М., 1978.
368. *Стратанович Г.Г.* Новейшие данные о «трехродовом» союзе у батаков. — СЭ. 1959, № 6.
369. *Стратанович Г.Г.* Добуддийские верования народов западного и центрального Индокитая. М., 1960.
370. *Стратанович Г.Г.* Ритуальное убиение быка. — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
371. *Стратанович Г.Г.* Формы верховной власти в теократических государствах Азии. — Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.
372. *Стратанович Г.Г.* Этногенетические мифы об исходе из яйца или тыквы у народов Юго-Восточной Азии. — Этническая история и фольклор. М., 1977.

373. *Стратанович Г.Г.* Народные верования населения Индокитая. М., 1978.
374. *Стучевский И.А.* Храмовая форма царского хозяйства Древнего Египта. М., 1962.
375. *Стучевский И.А.* Зависимое население Древнего Египта. М., 1966.
376. *Стучевский И.А.* Коллективность зернового производства в Древнем Египте эпохи Нового Царства. — Древний Восток и античный мир. М., 1972.
377. *Сюрэ-Каналь Ж.* Африка западная и центральная. М., 1961.
378. Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970.
379. *Те Ранги Хироа (П. Бак).* Мореплаватели солнечного восхода. М., 1959.
380. *Текеи Ф.* К теории общественных формаций. М., 1975.
381. *Темкин Э.Н., Эрман В.Г.* Мифы древней Индии. М., 1982.
382. *Тер-Акопян Н.Б.* Развитие взглядов Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину. — НАА. 1965, № 2—3.
383. *Терентьев-Кашанский А.П.* Китайская легенда о драконе. — СИНВ. Вып. XI. М., 1971.
384. Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982.
385. *Ткаченко Г.А.* [Рец. на:] *Яншина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984. — ВДИ. 1986, № 1.
386. *Токарев С.А.* Ранние формы религий. М., 1990.
387. *Томсон Дж.О.* История древней географии. М., 1953.
388. *Топоров В.Н.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «Мирового дерева». — Ученые записки Тартуского университета. Вып. 284. Труды по знаковым системам. Вып. V. Тарту, 1971.

389. Традиционное и новое в литературах Юго-Восточной Азии. М., 1982.
390. *Тэйлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.
391. *Тюменев А.И.* Государственное хозяйство древнего Шумера. М., 1956.
392. *Тюрин В.А.* К вопросу о истоках малайской культуры. — ВИМК. М., 1959, № 3.
393. *Тюрин В.А.* Проблемы истории Индонезии в современной буржуазной историографии. — ВИ. 1967, № 1.
394. *Тюрин В.А.* История Малайзии (краткий очерк). М., 1980.
395. *Тюрин В.А.* Социально-политическая структура средневековых обществ Юго-Восточной Азии. — НАА. 1982, № 1.
396. *Файнберг Л.А.* Возникновение и развитие родового строя. — Первобытное общество. М., 1975.
397. *Фань Вэнь-лань.* Древняя история Китая. М., 1958.
398. Филиппинские сказки и легенды. М., 1962.
399. Фиолетовый змей. Индонезийские сказки. Л., 1960.
400. Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.
401. Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. Киев, 1984.
402. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. М., 1980.
403. *Фрэзер Д.* Фольклор в Ветхом Завете. М., 1981.
404. *Хазанов А.М.* Разложение первобытнообщинного строя и возникновение классового общества. — Первобытное общество. М., 1975.
405. *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. М., 1975.
406. *Хазанов А.М.* Классообразование: факторы и механизмы. — Исследования по общей этнографии. М., 1979.
407. *Хоа Май.* Вьетнамские легенды. М., 1958.
408. *Холл Д.Дж.* История Юго-Восточной Азии. М., 1958.

409. Хрестоматия по истории Древнего Востока. 4.1—2. М., 1980.
410. *Чан Хюи Льву*. Из истории вьетнамо-китайских отношений.—ВИ. 1959, № 10.
411. *Чарнолуцкий В.В.* «Ящер» пермского звериного стиля. — Сибирский этнографический сборник. Вып.4. М., 1962.
412. *Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В.* Некоторые проблемы агроэтнографии Юго-Восточной Азии. — СЭ. 1967, № 3.
413. *Чеснов Я.В.* Миф о мече и начало государственности в Восточном Индокитае. — Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии. М., 1970.
414. *Чеснов Я.В.* О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина). — СЭ. 1970, № 6.
415. *Чеснов Я.В.* Социально-экономические уклады и этническая традиция в агроэтнографии. — СЭ. 1972, № 3.
416. *Чеснов Я.В.* Личность царя-жреца и обряд первой борозды в связи с историей рисоводческой культуры. — Общество и государство в Китае. IV научная конференция. Тезисы и доклады. Вып.III. М., 1973.
417. *Чеснов Я.В.* Распространение риса в Южной Азии и некоторые вопросы этногенеза. — Очерки экономической и социальной истории Индии. М., 1973.
418. *Чеснов Я.В.* Историческая этнография стран Индокитая. М., 1976.
419. *Чешков М.А.* Очерки истории феодального Вьетнама. М., 1967.
420. *Членов М.А.* Числовая символика и тайные союзы на Молуккских островах. — Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. М., 1973.
421. Чудесная жемчужина. Вьетнамские народные сказки. М., 1980.

422. *Шевеленко А.Я.* Некоторые вопросы буржуазной историографии древнего Индокитая. — ВДИ. 1954, № 1.
423. *Шевеленко А.Я.* Сопоставление путей генезиса феодальных отношений во франкском государстве и в Индонезии. — ВИ. 1965, № 12.
424. *Шено Ж.* Очерк истории вьетнамского народа. М., 1957.
425. *Штейн В.М.* Экономические и культурные связи между Китаем и Индией в древности (до III в. н.э.). М., 1960.
426. Эволюция восточных обществ, синтез традиционного и современного. М., 1984.
427. Эпические сказания народов Южного Китая. М.—Л., 1956.
428. Этническая история и фольклор. М., 1977.
429. Этническая история народов Азии. М., 1972.
430. Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и в средние века. М., 1981.
431. Этнография как источник реконструкции истории первобытного общества. М., 1979.
432. *Юань Кэ.* Мифы древнего Китая. М., 1987.
433. Юго-Восточная Азия в мировой истории. М., 1977.
434. Юго-Восточная Азия. История, современность. М., 1983.
435. *Юрьев К.И.* О вьетнамской древней народной сказке. — Вопросы языка и литературы. Вып.3. М., 1962.
436. Яванская культура: к характеристике крупнейшего этноса Юго-Восточной Азии. М., 1989.
437. *Яншина Э.М.* Формирование и развитие древнекитайской мифологии. М., 1984.
438. *Яхонтов С.Е.* Распространение языков Юго-Восточной Азии в IV—I тысячелетиях до н.э. —

- Филология и история стран зарубежной Азии и Африки. Л., 1967.
439. *Adams R.M.* The Evolution of Urban Society: Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. L., 1966.
440. *Agarwala P.N.* The History of Indian Business: a Complete Account of Trade Exchanges from 3000 B.C. to the Present Day. New Delhi, 1985.
441. *Agoncillo Th.A.* and *Guerrero M.C.* History of the Filipino People. Quezon City, 1978.
442. *Ahbar As-sin Wa L-Hind.* Relation de la Chine et de l'Inde, redigee en 851. P., 1948.
443. *Alip E.* Political and Cultural History of the Philippines. Vol. 1—2. Manila, 1949—1950.
444. Archaeological Excavations in Thailand, Surface Finds and Minor Excavations. L., 1988.
445. *Arcilla L.S.* An Introduction to Philippine History. Manila, 1971.
446. *Andric L.* Angkor i Imperium Khmerskie. Warszawa, 1979.
447. *Aunghwin M.* On a Review of «Centres, Symbols and Hierarchies: Essays on the Classical States of Southeast Asia»— JAOS. 1987, vol. 46.
448. *Aurousseau L.* La premiere conquête chinoise des pays Annamites. — BEFEO. 1923, vol. XXIII.
449. *Aymonier E.* Le Cambodge. T.I—II. P., 1900—1901.
450. *Aymonier M.E.* Le Siam Ancien. — JA. 1903 (mars-avr.).
451. *Barrows D.P.* History of the Philippines. N.Y., 1925.
452. *Barth A.* et *Bergaigne A.* Inscriptions sanscrites du Cambodge et de Champa. P., 1885.
453. *Bayard D.T.* An Early Indigenous Bronze Technology in North-East Thailand. L., 1970.
454. *Benitez C.* History of the Philippines. Boston, 1929.
455. *Berthelot A.* L'Asie ancienne centrale et sud-orientale d'apres Ptolemée. P., 1930.
456. *Beyer H.O.* and *Veyra T.C. de.* Philippines Saga. A Pictorial History of the Archipelago Since Time Began.

- Manila, 1952.
457. *Bhattacharya K.* Les Religions brahmaniques dans l'ancien Cambodge. P., 1961.
458. *Biardeau M.* Etudes de Mythologie hindoue. T.I. P., 1981.
459. *Boisselier J.* La Statuaire Khmère et son evolution. T.I—2. Saigon, 1955.
460. *Boisselier J.* Recherches archéologiques en Thailand. — Arts asiatiques. P., 1969, t.20.
461. *Bosch F.D.K.* De Laatste der Pandawa's. — BKI. 1948, t.106.
462. *Briggs L.P.* Dvaravati, the Most Ancient Kingdom of Siam. — JAOS. 1945, vol.65, № 2.
463. *Briggs L.P.* The Appearance and Historical Usage of the Terms Tai, Thai, Siamese and Lao. — JAOS. 1949, vol.69, № 2.
464. *Briggs L.P.* The Khmer Empire and the Malay Peninsula. — Far Eastern Quarterly. 1950, vol.IX.
465. *Briggs L.P.* The Ancient Khmer Empire. Philadelphia, 1951.
466. *Bruhat J.* Histoire de l'Indonésie. P., 1958.
467. *Cadière L.* Tableau chronologique des dynasties Annamites. — BEFEO. 1905, t.V.
468. *Cadière L.* Croyances et pratiques religieuses des Annamites. Vol.1—2. Hanoi, Saigon, Paris, 1944—1957.
469. *Cadière L., Pelliot P.* Premières études sur les sources annamites de l'histoire d'Annam. — BEFEO. 1904, t.IV.
470. *Cady I.F.* Southeast Asia, its Historical Development. N.Y., 1964.
471. *Campbell J.* The Mascs of God: Primitive Mythology. N.Y., 1959.
472. *Carthew M.D.* The History of the Thai in Yunnan (2250 B.C. — 1253 A.D.). — The Siam Society. Selected Articles. Vol.III. Bangkok, 1959.
473. *Casparis J.G. de.* Inscripties uit de Cailendra tijd. Bandung, 1950.

474. *Casparis J.G. de* (éd.). Selected Inscriptions from the Seventh to the Ninth Century A.D. Bandung, 1956.
475. *Casparis J.G. de*. Short Inscriptions from Tjandi Plaosantor. Djakarta, 1958.
476. *Casparis J.G. de*. Indonesian Chronology. Leiden, 1978.
477. Cathay and the Way Thither, Being a Collection of Medieval Notices of China. Vol. I—IV. L., 1915—1916.
478. *Chakrabongse, prince Chula*. The Twain Have Met. L., 1957.
479. *Chakravarti K.Ch.* Ancient Indian Culture and Civilization. L., 1952.
480. *Charlesworth M.P.* Trade Routes and Commerce of the Roman Empire. Cambridge, 1926.
481. *Chatterjee Bijan Raj*. Indian Cultural Influence in Cambodia. Calcutta, 1928.
482. *Chatterjee B.R.* India and Java. Calcutta, 1933.
483. *Chatterjee B.R.* History of Indonesia Early and Medieval. Delhi, 1967.
484. *Chattopadhyaya S.* The Sakas in India. Calcutta, 1955.
485. *Chattopadhyaya S.* The Age of Kushanas: A Numismatic Study. New Delhi, 1979.
486. *Chau Yu-qua*. His work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries, Entitled Chufan-chi. St. Petersburg, 1911.
487. *Chavannes Ed.* Une inscription du royaume de Nantchao. P., 1901.
488. *Chesneaux J.* Contribution à l'histoire de la nation Vietnamienne. P., 1955.
489. *Chhabra B.C.* Three More Yupa Inscriptions of King Mulavarman from Kotei (E.Borneo). — Journal of the Greater India Society. Calcutta, 1945, vol.XII.
490. The Civilizations of Moonsoon Asia. L., 1974.
491. *Clayes J.Y.* L'archéologie du Siam. — BEFEO. 1931, t.31.
492. *Coedès G.* L'inscription de Baksei Chamkrong. — JA. 1909, Mai-juin.

493. *Coedès G.* Textes grecs et latins relatifs a l'Extrême Orient depuis le IV siècle av. J.—C. jusqu'au XIV siècle. P., 1910.
494. *Coedès G.* La legende de la Nagi. — BEFEO. 1911, t.II.
495. *Coedès G.* Le serment des fonctionnaires de Suryavarman I. — BEFEO, 1913, t.13.
496. *Coedès G.* La stèle de Palhal. — BEFEO. 1913, 1.13.
497. *Coedès G.* Le royaume de Chrivijaya. — BEFEO. 1918, 1.18.
498. *Coedès G.* Les origines de dynastie de Sukhodaya. — JA. 1920, t.XV.
499. *Coedès G.* L'extension du Cambodge vers le sud-ouest au VII siècle. — BEFEO, 1924, t.24.
500. *Coedès G.* Recueil des inscriptions du Siam. Vol. 1—2, Bangkok, 1924.
501. *Coedès G.* Documents sur l'histoire politique et religieuse du Laos Occidental. — BEFEO. 1925, t.25.
502. *Coedès G.* The Excavations at P'ong Tuk and Their Importance for the Ancient History of Siam. — JSS. 1928, vol.21.
503. *Coedès G.* Les traditions généalogiques des premiers rois d'Angkor. — BEFEO. 1928, t.28.
504. *Coedès G.* Nouvelles données chronologiques et généalogiques sur la dynastie de MahTdharapura. — BEFEO. 1929, t.29.
505. *Coedès G.* Les inscriptions malaises de Chrivijaya. — BEFEO. 1930, t.30.
506. *Coedès G.* Deux inscriptions sanscrites du Fou-nan. — BEFEO. 1941, vt.31.
507. *Coedès G.* Etudes cambodgiennes. — BEFEO. 1932, t.32.
508. *Coedès G.* Origin of the Sailendras of Indonesia. — JGIS. 1934, vol.I.
509. *Coedès G.* A New Inscription from Fu-nan. — JGIS. 1937, vol.IV.

510. *Coedès G.* Inscriptions du Cambodge. Vol. 1—7. Hanoi—Paris, 1937—1964.
511. *Coedès G.* La destination funéraire des grands monuments Khmers. — BEFEO. 1940, t. 40.
512. *Coedès G.* Fouilles en Cochinchine. Le site de Oc Eo, ancien port du royaume de Founan. — AA. 1947, vol.X, № 3.
513. *Coedès G.* Pour mieux comprendre Angkor. P., 1947.
514. *Coedès G.* The Excavations of Pongtuk. — The Siam Society 50th Anniversary Commemorative Publication. Vol.I. Bangkok, 1954.
515. *Coedès G.* Introduction a l'histoire du Laos. — France-Asie. Saigon, 1956, t.XII.
516. *Coedès G.* Nouvelles données sur les origines du royaume Khmer. — BEFEO. 1956, t.48.
517. *Coedès G.* Une roue de la Loi avec inscription en Pali provenant du site de P'ra Pathom. — AA. 1956, t.XIX, № 3—4.
518. *Coedès G.* Une période critique dans l'Asie du sud-ouest: le XIII siècle. — Bulletin de la Société des Études Indochinoises. 1958, t.XXIII, № 4.
519. *Coedès G.* A la recherche du royaume de Dvaravati. — Arche'ologie. 1964, № 1.
520. *Coedès G.* Some problems in the Ancient History of the Hinduized States of Southeast Asia. — Papers on Early Southeast Asian History. Singapore, 1964.
521. *Coedès G.* The Indianized States of Indochine and Indonesia. L., 1968.
522. *Coedès G.* The Making of Southeast Asia. L., 1970.
523. *Coedès G.* et Archambault C. Les Trois mondes. P., 1973.
524. *Coedès G.* et Dupont P. L'Inscription de Sdok Kak Thom. — BEFEO. 1943, t. 43.
525. *Colani M.* Recherches sur le préhistorique indochinois. — BEFEO. 1930, t.30.

526. *Condominas G.* Le Lithophone préhistorique de Ndut Lieng Krak. P., 1952.
527. The Confucian Scholars in Vietnamese History. Hanoi, 1979.
528. *Constantino R.* A History of the Philippines. N.Y., 1975.
529. *Coral-Remusat G.* Animaux fantastiques de l'Indochine, de l'Insulinde et de la Chine. — BEFEO. 1936, t.36.
530. *Costa H. de la.* Readings in Philippine History. Manila, 1865.
531. *Cox George W.* The Mythology of the Aryan Nations. Vol. 1—2. N.Y., 1969.
532. *Craufurd J.* History of the Indian Archipelago. Vol. 1—3. Edinburgh, 1820.
533. *Dauphin-Meunier A.* Histoire du Cambodge. P., 1968.
534. *Desai S.N.* Hinduism in Thai Life. Bombay, 1980.
535. *Desai W.S.* A Pageant of Burmese History. Bombay, 1961.
536. The Development of Museums and Archaeological Activities in Thailand. Bangkok, 1965.
537. *Devic L.M.* Legendes et traditions historiques de l'Archipel Indien. P., 1878.
538. *Deydier H.* Introduction à la connaissance du Laos. Saigon, 1952.
539. *Dhani Nivat, prince.* Phra Pathom in Medieval Tradition. — AA. 1956, vol. XIX, № 3—4.
540. Données archéologiques. T.I. Hanoi, 1946.
541. *Dumarçay J.* Le Bayon: Histoire architecturale du temple. P., 1973.
542. *Dumoutier G.* Etude historique sur Trieu Vo-de et sa dynastie (206—109 av. J.C.); Fondation du royaume de Nam-Viet après la destruction de Vanlang. — TP. 1908, vol.7.
543. *Dupont P.* La dislocation du Tchen-la et la formation du Cambodge angkorien (VII—IX siècles). — BEFEO. 1943, t.43.
544. *Dupont P.* La statuaire preangkorienne. Ascona, 1955.

545. *Dupont P.* L'Archéologie mone de Dvaravati. T.I—2. P., 1959.
546. *Durand M.* La dynastie des Ly antérieures d'après le Viet Dien U Linn Tap. — BEFEO. 1954, t.44.
547. *Durand M.* Textes et commentaire de miroir complet de l'Histoire du Vietnam (1950). — BEFEO. 1955, t.47.
548. Early South East Asia (Essays in Archaeology, History and Historical Geography). New York — Kuala-Lumpur, 1979.
549. *Eliot Ch.* Hinduism and Buddhism. A Historical Sketch. Vol. III. L., 1957.
550. Essays on Vietnamese Civilization. Hanoi, 1985.
551. Etudes asiatiques. T.I—2. P., 1925.
552. *Evans-Pritchard E.E.* The Political System of the Anuak of the Anglo-Egyptian Sudan. L., 1940.
553. *Evans-Pritchard E.E.* The Nuer. Oxf., 1946.
554. Explorations in Early Southeast History. Ann Arbor, 1976.
555. *Fatimi S.Q.* In quest of Kalah. — JSEAH. 1960, vol.I, № 2.
556. *Ferrand G.* Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extreme Orient du VIII au XVIII siècles. T.I—II. P., 1913—1914.
557. *Ferrand G.* Ye-tiao, Sseu-tiao et Java. — JA. 1916 (Nov.—Dec.).
558. *Ferrand G.* Malaka, le Malaya et Malayur. — JA. 1918 (Jul.—Aug.).
559. *Ferrand G.* Le Kan-t'o-li. — JA. 1919 (Sept.—Oct.).
560. *Ferrand G.* Le K'ouen-louen et les anciennes navigations interocéaniques. P., 1919.
561. *Ferrand G.* L'Empire Sumatranais de Chrivijaya. P., 1922.
562. *Ferrand G.* Quatre textes épigraphiques malayo-sanskrits de Sumatra et de Bangka. — JA. 1932 (Nov.—Dec.).
563. *Finot L.* Deux nouvelles inscriptions de Bhadravarman I, roi de Champa. — BEFEO. 1902, t.2.

564. *Finot L.* Stèle du Çambhuvarman à Mi-son. — BEFEO. 1903, t.3.
565. *Finot L.* Les inscriptions de Mi-sôn. — BEFEO. 1904, t.4.
566. *Finot L.* Les origines de la colonisation indienne en Indochine. — BEFEO. 1912, 1.12.
567. *Finot L.* L'Inscription de Skok Kak Thom. — BEFEO. 1915, t.15.
568. *Finot L.* Inscriptions d'Angkor. — BEFEO. 1925, t.25.
569. *Finot L.* Nouvelles inscriptions du Cambodge. — BEFEO. 1928, t.28.
570. *Finot L.* Une inscription Visnouite d'Angkor. — BEFEO. 1932, t.32.
571. *Foreman T.F.A.* The Philippine Islands, a Political, Ethnographical, Social and Commercial History. N.Y., 1906.
572. *Francisco J.K.* Indian Influence in the Philippines. Quezon City, 1964.
573. *Francisco J.K.* The Philippines and India: Essays in Ancient Cultural Relations. Manila, 1968.
574. *Frazer J.G.* The Magical Origin of Kings. L., 1968.
575. *Furnivall J.S.* The Foundation of Pagan. — JBRs. 1911, vol.1, pt.2.
576. *Furnivall J.S.* Matriarchal Vestiges in Burma. — JBRs. 1912, vol.2.
577. *Fytche A.* Burma. Past and Present. Vol. I—II. L., 1878.
578. *Gaspardone E.* La plus ancienne inscription d'Indo-Chine. — JA, 1953, t.241, № 2.
579. *Geertz C.* The Religion of Java. Chicago, 1976.
580. *Gerini G.E.* Researches on Ptolemy's Geography of Eastern Asia. L., 1909.
581. *Gervaise N.* Histoire naturelle et politique du royaume de Siam. P., 1688.
582. *Ghosh M.* History of Cambodia. P., 1960.
583. *Ghosh N.N.* Early History of India. Allahabad, 1948.
584. *Giteau M.* Histoire du Cambodge. 1957.
585. *Giteau M.* Histoire d'Angkor. P., 1974.

586. *The Glass Palace Chronicle of the Kings of Burma.* Rangoon, 1960.
587. *Glover I.G.* Early Trade between India and South-East Asia: A Link in the Development of a World Trading System. Hull, 1989.
588. *Goloubew V.* Melanges sur le Cambodge Ancien. — BEFEO. 1924, t.24.
589. *Goloubew V.* L'Age du bronze au Tonkin et dans le Nord-Annam. — BEFEO. 1929, t.29.
590. *Goloubew V.* Les Images de Sūrya au Cambodge. — CEFEO. P., 1940, № 22.
591. *Graaf H.J. de.* Geschiedenis van Indonésie. 'S-Gravenhage — Bandung, 1949.
592. *Groeneveldt W.P.* Historical Notes on Indonesia and Malaya. Djakarta, 1960.
593. *Groslier B.P.* Angkor, Hommes et pierres. P., 1956.
594. *Groslier B.P.* Our Knowledge of Khmer Civilisation. A Re-appraisal. — JSS. 1960, vol.48, pt.1.
595. *Ha Van Tan.* Nouvelles recherches préhistoriques et protohistoriques au Vietnam. — BEFEO. 1980, t.58.
596. *Habibullah A.B.H.* An Armenian Account of Indian and Malaysian Trading Centres in the 12th Century. Dacca, 1967.
597. *Hall D.G.E.* Europe and Burma. A Study of European Relations with Burma from the Earliest Times to the Annexation of Thibaw's Kingdom. L., 1945.
598. *Hall D.G.E.* Burma. L., 1956.
599. *Hall D.G.E.* Looking at Southeast Asian History. — JAS. 1960, vol. 19.
600. *Hall K.* Khmer Commercial Development and Foreign Contacts under Suryavarman I. — Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1975, vol. 18, № 3.
601. *Hallade M.* Arts de l'Asie ancienne. I. L'Inde. P., 1954.
602. *Hallade M.* Arts de l'Asie ancienne. II. L'Asie du Sud-Est. P., 1954.

603. *Halliday R.* Les inscriptions mones du Siam. — BEFEO. 1930, t.30.
604. *Harrison B.* Southeast Asia. A Short History. L., 1955.
605. *Harrison T.* 100 000 Years of Stone Age Culture in Borneo. — Journal of the Royal Society of Arts. L., 1963—1964, vol. 112.
606. *Harrison T.* and *O'Connor S.J.* Excavations of the Prehistoric Iron Industry in West Borneo. Vol. 1—2. Ithaca, 1969.
607. *Harrison T.* and *O'Connor S.J.* Gold and Megalithic Activity in Prehistoric and Recent West Borneo. Ithaca, 1970.
608. *Harvey G.E.* History of Burma, from the Earliest Times to 10 March 1824. L., 1967.
609. *Heekeren H.R. van.* The Stone Age of Indonesia. 'S-Gravenhage, 1957.
610. *Heekeren H.R. van.* The Bronze-Iron Age of Indonesia. 'S-Gravenhage, 1958.
611. *Heekeren H.R. van.* Thai-Danish Prehistoric Expedition 1960—1962.—JSS. 1963, vol.51, pt.I.
612. *Heine-Geldern R.* Die Megalithen Siidostasiens.—Anthrôpos. Wien, 1928, B.XXIII.
613. *Heine-Geldern R.* Prehistoric Research in the Netherlands Indies. — Science and Scientists in the Netherlands Indies. N.Y., 1945.
614. *Heine-Geldern R. von.* The Drum Named Makalamau. — India Antiqua. Leyden, 1947.
615. *Heine-Geldern R.* Das Tocharerproblem und die Pontische Wanderung. — Saeculum. Wien, 1951.
616. *Heine-Geldern R.* Some Problems of Migrations in the Pacific. — Wiener Beitr'âge zur Kulturgeschichte und Linguistik. Wien, 1952, № 9.
617. *Heine-Geldern R.* Die Asiatische Herkunft der Siidamerikanischen metall-technik. — Paideuma. Wiesbaden, 1954. Bd.V.

618. *Heine-Geldern R.* Conception of State and Kingship in Southeast Asia. Ithaca, 1963.
619. *Herr M.F.* A Short History of Cambodia. N.Y., 1958.
620. *Higham Ch.* The Archaeology of Mainland Southeast Asia: from 10 000 B.C. to the Fall of Angkor. Cambridge, 1988.
621. *Hinton H.C.* China's Relations with Burma and Vietnam. N.Y., 1958.
622. [*Hiouen-thsang*]. Mémoires sur les contrées occidentales. T.I—II. P., 1857—1858.
623. *Hiranyagarbha.* A Series of Articles on the Archaeological Work and Studies of Prof. Dr. F.D.Bosch. The Hague, 1964.
624. *Hirth F.* China and the Roman Orient. Shanghai, 1885.
625. *Historians of South East Asia.* L., 1962.
626. *Hsu Yun-tsiao.* Notes on Tan Tan. — JRASMB. 1947, vol.20, pt.I.
627. *Htin Aung.* The Lord of the Great Mountain. — JBRS. 1955, vol.38.
628. *Htin Aung.* A History of Burma. N.Y., 1967.
629. *Htin Aung Maung.* Burmese History Before 1287. Oxf., 1970.
630. *Huard P., Durand M.* Connaissance du Viêt-nam. P., 1960.
631. *Hourani G. F.* Arab Seafaring in the Indian Ocean in Ancient and Early Medieval Times. Princeton, 1951.
632. *Huber E.* Le jardinier régicide qui devint roi. — BEFEO. 1905, t.5.
633. *Huber E.* L'inscription de Tra-Kieu. — BEFEO. 1911, t.II.
634. *Hutchinson C. W.* Megaliths in Bayab. — JSS. 1937, vol.31, pt.I.
635. *Inscriptions du Cambodge.* T.2—8. P., 1942—1966.
636. *Janse O.R.* Archaeological Research in Indo-China. Vol.1—3. Cambridge (Mass.), 1947—1951.
637. *Kao W.T.* A Primary Chinese Record Relating to Ho-lo-tan and Miscellaneous Notes on Srivijaya and Foche. —

- JRASMB. 1956, vol.29, pt.I.
638. *Kennedy J.* A History of Malaya. L., 1962.
639. *Klerk E.S. de.* History of the Netherlands East Indies. Vol.I. Rotterdam, 1938.
640. *Krom N.J.* Hindoe-Javanische geschiedenis. s'-Gravenhage, 1926.
641. *Krom N.J.* Barabudur. Vol. 1—2. The Hague, 1927.
642. *Kulke H.* The Devaraja Cult. Ithaca, 1978.
643. *Kunst J.* Kulturhistorische Beziehungen zwischen dem Balkan und Indonesien. Amsterdam, 1953.
644. *La Costa H. de.* Readings in Philippine History. Manila, 1965.
645. *Lacouperie T. de.* Western Origin of the Early Chinese Civilization from 2300 B.C. L., 1894.
646. *Lafont P.-B.* Introduction au Bouddhisme au Laos. P., 1959.
647. *La Loubere, Monseigneur de.* Description du royaume de Siam. T.I—2. Amsterdam, 1700.
648. Larousse Encyclopedia of Mythology. L., 1965.
649. *Leach E.R.* Political Systems of Highland Burma. A Study of Kachin Social Structure. L., 1954.
650. *Le Boulanger P.* Histoire du Laos Français. P., 1931.
651. *Lefevre-Pontalis P.* L'invasion Thai en Indochine. — TP. Ser.I. 1897, vol. VIII; ser. 2, 1909, vol. X; 1910, vol. XI; 1911, vol. XII.
652. *Legge J.* A Record of Buddhist Kingdoms Being an Account by the Chinese Monk Fa-Hien of His Travels in India and Ceylon (A.D. 399—414). Oxf., 1886.
653. *Le May R.* The Culture of South-East Asia. L., 1954.
654. *Lê Thanh Khôi.* Le Viêt-Nam. Histoire et civilisations. P., 1955.
655. *Lê Thanh Khôi.* Histoire de l'Asie du Sud-Est. P., 1959.
656. *Lê Thanh Khôi.* Histoire de Viêt-Nam des origines à 1858. P., 1981.
657. *Leur van J.C.* Indonesian Trade and Society (Essays in Asian Social and Economic History). The Hague-Bandung,

- 1955.
658. *Lévi P.* Recherches préhistoriques dans la region de Mlu-Prei. Hanoi, 1943.
659. *Lévi S.* Pour l'histoire du Ramayana. — JA. 1918 (Jan.—Febr.).
660. *Lévi S.* Pré-aryen et pré-dravidien dans l'Inde. — JA. 1923 (Jul.—Sept.).
661. *Lévi S.* Ptolémée, le Niddesa et la Bṛihatkhathâ. — Études Asiatiques. T.II. P., 1925.
662. *Lévi S.* Les «marchands de mer» et leur role dans le bouddhisme primitif. — Bulletin de l'Association Française des Amis de l'Orient. 1929, № 3.
663. *Lévi S.* K'ouen-louen et Dvipāntara. — BKI. 1931, t.88.
664. *Levi S.* Kaniska et S'âtavâhana. Deux figures symboliques de l'Inde au premier siècle. — JA. 1936, t.228. (Jan.—Mar.).
665. *Lingat R.* L'Esclavage privé dans le vieux droit siamois. P., 1931.
666. *Lingat R.* Les régimes matrimoniaux du Sud-Est de l'Asie. T.1—2. P., 1952.
667. *L'isle.* Relation historique du royaume de Siam. P., 1684.
668. *Liu X.* Ancient India and Ancient China: Trade and Religious Exchanges AD 1—600. Oxf., 1988.
669. *Loeb E.M.* Sumatra: Its History and People. Wien, 1935.
670. *Lombard D.* Sultanat d'Atjeh au temps d'Isclander Muda. P., 1967.
671. *Luce G.H.* Names of the Pyu. — JBRS. 1932, vol.22.
672. *Luce G.H.* The Ancient Pyu. — JBRS. 1937, vol.27.
673. *Luce G.H.* Burma down to the Fall of Pagan. — JBRS. 1939, vol. 29.
674. *Luce G.H.* Economic Life of the Early Burman. — JBRS. 1940, vol.30.
675. *Luce G.H.* Old Kyaukse and the Coming of the Burmans. — JBRS. 1959, vol.42.
676. *Luce G.H.* The Early Siam in Burma's History. — JSS. 1959, vol.47, pt.I.

677. *Luce G.H.* Fu-kan-tu-lu. — Burma Research Society Fiftieth Anniversary Publications. Vol.2. Rangoon, 1960.
678. *Luce G.H.* The Tan (98—132) and Ngai-lao. — Burma Research Society Fiftieth Anniversary Publications. Vol.2. Rangoon, 1960.
679. *Luce G.H.* Countries, Neighbouring Burma. — Burma Research Society Fiftieth Anniversary Publications. Vol.2. Rangoon, 1960.
680. *Luce G.H.* Rice and Religion. — JSS. 1965, vol.53, pt.2.
681. *Luce G.H.* Old Burma — Early Pagan. Vol. 1—3. N.Y., 1969—1970.
682. *Luce G.H.* Phases of Pre-Pagan Burma. Vol. 1—2. Oxf., 1985.
683. *Mabbett I.W.* Devaraja. — Journal of Southeast History. 1969, vol. 10, № 2.
684. *Mabbett I.W.* The «Indianization» of Southeast Asia: Reflections on Prehistoric Sources. — JSEAH. 1977, vol.8, № 1.
685. *Mabbett I.W.* Vamas in Angkor and the Indian Caste System. — Journal of Asian Studies. 1977, vol.36, № 3.
686. *Mabbett I.W.* Kingship in Angkor. — JSS. 1978, vol.66, № 2.
687. *McGrindle J.W.* The Commerce and Navigation of the Erythraen Sea. Calcutta, 1879.
688. *McGrindle J.W.* (Ed.). Ancient India, as Described in Classical Literature. Westminster, 1901.
689. *McGrindle J.W.* Ancient India as Described by Ptolemy. Calcutta, 1927.
690. *McDonald M.* Angkor. L., 1961.
691. *Majumdar R.Ch.* Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol.I. Champa. Lahore, 1927.
692. *Majumdar R.Ch.* La Paléographie des inscriptions du Champa. — BEFEO. 1932, t.32.
693. *Majumdar R.Ch.* Ancient Indian Colonies in the Far East. Vol.II, pt.1—2. Suvarnadvipa. Dacca, 1937—1938.

694. *Majumdar R.Ch.* Hindu Colonies in the Far East. Calcutta, 1944.
695. *Majumdar R.Ch.* Kambuja-desa or Ancient Hindu Colony in Cambodia. Madras, 1944.
696. *Majumdar R.Ch.* Inscriptions of Kambuja. Calcutta, 1953.
697. *Majumdar R.Ch.* Ancient Indian Colonisation in South-East Asia. Baroda, 1955.
698. *Majumdar R.Ch.* Classical Accounts of India. Calcutta, 1960.
699. *Majumdar R.Ch.* The Overseas Expeditions of King Rajendra Cola. — AA. 1962, vol.24, № 1.
700. *Majumdar R.Ch.* India and South-East Asia. Delhi, 1979.
701. Malayan and Indonesian Studies. Essays Presented to R.Winstedt on his 85 Birthday. Oxf., 1964.
702. Malaysia Selected Historical Readings. Kuala Lumpur — London, 1966.
703. *Mallat de Bassilan J.B.* Les Philippines. Histoire. P., 1846.
704. *Malleret L.* La trace de Rome en Indochine: Actes du XXIIe Congrès International des Orientalistes. Istanbul, 1951.
705. *Malleret L.* L'Archéologie du delta du Mékong. T.I—IV. P., 1959—1963.
706. Man Shu (Book of the Southern Barbarians). N.Y., 1961.
707. *Manich J.M.L.* History of Laos. Bangkok, 1967.
708. *Manich J.M.L.* History of Thailand and Cambodia. Bangkok, 1970.
709. *Maring E.G., Maring G.M.* Historical and Cultural Dictionary of the Philippines. Metuchen, 1973.
710. *Marsden W.* The History of Sumatra. L., 1783.
711. *Maspero G.* L'Empire Khmer, histoire et documents. Phnom Penh, 1904.
712. *Maspero G.* La géographie politique de l'Indochine aux environs de 960 A.D. — Études Asiatiques. T.II. P., 1925.
713. *Maspero G.* Le Royaume de Champa. P., 1928.
714. *Maspero H.* Le protectorat général d'Annam sous les T'ang. — BEFEO. 1910, t 10.

715. *Maspero H.* Etudes d'histoire d'Annam 1. La dynastie des Li Antérieures (541—601). — BEFEO. 1916, 1.16.
716. *Masson A.* Histoire du Vietnam. P., 1960.
717. [*Ma-Touan-Lin*]. Etnographie des peuples étrangères à la Chine, ouvrage composé au XIIIe siècle de notre ère. Transi. Marquis d'Hervey de Saint-Denys. T.П. Méridiounaux. Geneva, 1883.
718. *Maung Hla.* The Chronological Tables of Kings of Burma. Who Reigned in Thayekhittuya (Ancient Prome) and at Pagan. — JBRS. 1923, vol. 13.
719. *May Oung.* The Chronology of Burma. — JBRS. 1912, vol.2.
720. Mémoire compose à Pepoque de la grande dynastie T'ang sur les religieux eminents, qui allèrent chercher la loi dans les pays d'Occident. P., 1894.
721. *Miller H.* A Short History of Malaysia. N.Y., 1965.
722. *Miller J.* Innés, The Spice Trade of the Roman Empire. 29 B.C. — A.D. 641. Oxf., 1969.
723. *Moens J.L.* Srîvijaya, Yâva en Katâha. — TBG. 1937, vol. LXXVIII.
724. *Moertono S.* State and Statecraft in Old Java. N.Y., 1968.
725. *Mookerji R.* Hindu Civilization. Bombay, 1950.
726. *Mookerji R.* Indian Shipping: A History of the Seaborn Trade and Maritime Activity of the Indians from Earliest Times. Bombay, 1957.
727. *Moore R.* Moated Sites in Early North East Thailand. — JAOS. 1989, vol.48, № 2.
728. *Moorhead F.Y.* A History of Malaya and Her Neighbours. Vol.I. L., 1957.
729. *Morga A. de.* History of the Philippine Islands. Vol.1—2. N.Y., 1970.
730. *Morley J.A.E.* The Arabs and the Eastern Trade. — JRASMB. 1949, vol. 12.
731. *Morris T.O.* The Prehistoric Stone Implements of Burma. — JBRS. 1935, vol. 25, pt.I.

732. *Morris T.O.* The Konbyin Terrace of Irrawady at Thayetmyo. — JBRs. 1936, vol.26, pt.3.
733. *Morris T.O.* Prehistoric Stone Implements from the Konbyinmyint of the Irrawady and Paunglaung Rivers. — JBRs. 1937, vol.27, pt.1.
734. *Morris T.O.* Copper and Bronze Antiquities from Burma. — JBRs. 1938, vol.27, pt.2.
735. *Moura J.* Le Royaume de Cambodge. T.I. P., 1883.
736. *Mus P.* Barabudur. Les origines de stupa et la transmigration. Essai d'archéologie religieuse comparée. — BEFEO. 1932, t.32.
737. *Mus P.* L'Inde vue de l'Est: Cultes indiens et indigènes au Champa. — BEFEO. 1933, t.33.
738. *Naerssen F.H. van.* and *Jongh R.C. de.* The Economic and Administrative History of Early Indonesia. Leiden — Kôln, 1977.
739. The Nan Chronicle. Ithaca, 1966.
740. The New Larousse Encyclopedia of Mythology. P., 1968.
741. *Nguyen Khac Vien.* Histoire du Vietnam. P., 1974.
742. *Nguyen Phuc Long.* Les nouvelles recherches archéologiques au Vietnam. — Arts Asiatiques. 1975, Numéro Special, 31.
743. *Nguyen Van Huyen.* La civilisation annamite. Hanoi, 1944.
744. *Niel R. van.* A Survey of Historical Source Materials in Java and Manila. Honolulu, 1970.
745. *Nielsen E.* The Thai-Danish Prehistoric Expedition 1960—1962. Preliminary Expedition 1960—1961. — JSS. 1961, vol.49, pt.1.
746. *Nilakanta Sastri K.A.* A Tamil Merchant-Guild in Sumatra. — TBG. 1932, vol. LXXII.
747. *Nilakanta Sastri K.A.* History of Sri Vijaya. Madras, 1949.
748. *Nilakanta Sastri K.A.* Takuapa and its Tamil Inscriptions. — JRASMB. 1949, vol. XXII, pt.1.
749. *Nilakanta Sastri K.A.* The Colas. Madras, 1955.

750. *Nilakanta Sastri K.A.* A History of South India from Prehistoric Times to the Fall of Vijayanagar. L., 1955.
751. *Nilakanta Sastri K.A.* South India and Southeast India. Mysor, 1978.
752. *Notton C.* Annales du Siam. T.I—II. P., 1926.
753. *O'Connor S.J.* Si Chon: An Early Settlement in Peninsular Thailand. — JSS. vol.56, pt.I.
754. Original Inscriptions, Collected by king Bodawpaya in Upper Burma. Rangoon, 1913.
755. *Osborn M.* Southeast Asia: An Introductory History. Sydney, 1979.
756. *Pallegoix.* Description du Royaume Thai on Siam. P., 1854.
757. Papers on Early South-East Asian History. Singapore, 1964.
758. *Paranavitana S.* Ceylon and Sri Vijaya. — Essays Offered to G.H.Luce. Ancona, 1966.
759. *Parker R.H.* Continuity and Change in Two Areas of North Eastern Thailand. L., 1969.
760. *Parmentier H.* Ancients tambours de bronze. — BEFEO. 1918, t.18.
761. *Parmentier H.* Nouveaux tambours de bronze. — BEFEO. 1932, t.32.
762. *Parmentier H.* L'art khmer classique. P., 1939.
763. *Pasquier P.* L'Annam d'autrefois. P., 1930.
764. *Patte E.* Quelques points de comparaison fournis par la Chine protohistorique. — BEFEO. 1940, t.40.
765. *Pavie A.* Recherches sur l'histoire du Cambodge, du Laos et du Siam. P., 1898.
766. *Peacock B.A.V.* Recent Archaeological Discoveries in Malaysia 1964.— JRASMB. 1965, vol.28, pt.I.
767. *Peacock B.A.V.* Recent Archaeological Discoveries in Malaysia 1965.— JRASMB. 1966, vol.29, pt.I.
768. *Peacock B.A. V.* Early Cultural Development in South-East Asia with Special Reference to the Malay Peninsula. L., 1970.

769. *Pelliot P.* Le Fou-nan. — BEFEO. 1903, t.3.
770. *Pelliot P.* Deux itinéraires de Chine en Inde a la fin du
Ville siècle. — BEFEO. 1904, t.4.
771. *Pelliot P.* Quelques textes chinois concernant Plndo-
chine hindouisee. — Etudes Asiatiques. P., 1925, t.2.
772. *Pelliot P.* Posthumous Works of Paul Pelliot. P., 1951.
773. *Perry W.J.* Megalithic Culture of Indonesia. Manchester,
1918.
774. *Perry W.* The Children of the Sun. L., 1927.
775. *Phayre A.P.* History of Burma from the Earliest Time to
the End of the First War with British India. L., 1967.
776. *Picard Ch.* La Lampe alexandrine de P'ong Tuk (Siam). —
AA. 1955, vol. XVIII, pt.2.
777. *Picard Ch.* A Figurine of Lysippian Type from the Far
East: The Tra Vinh Bronze «Dancer». — AA. 1956, vol. XIX,
№ 3—4.
778. Pictorial History of the Philippines. Manila, 1953.
779. *Porée G., Maspero E.* Nouvelle étude aux la Nagi Soma.
— JA. 1950, t.238.
780. *Porée G., Maspero E.* Moeurs et coutumes des Khmers.
P., 1938.
781. *Porée G., Maspero E.* Etude sur les rites agraires des
Cambodgiens. T. 1—3. P., 1962—1969.
782. Praehistorica Asiae Orientalis. T.I. Hanoi, 1932.
783. *Przyluski J.* La princesse à l'odeur de poisson et la nagī
dans les traditions de l'Asie orientale. — Etudes Asiatiques.
P., 1925, t.2.
784. *Przyluski J.* Indian Colonization in Sumatra before the
Seventh Century. — JGIS. 1934, vol.I.
785. *Purcell V.* The Chinese in South East Asia. L., 1951.
786. *Puri B.N.* India under the Kushanas. Bombay, 1965.
787. *Raffles T.S.* The History of Java. Vol.1—2. L., 1817.
788. *Rajadhon Phya Anuman.* A Brief Survey of Cultural
Thailand. Bangkok, 1953.
789. *Rajadhon Phya Anuman.* The Cultures of Thailand.
Bangkok, 1953.

790. *Rajadhon Phya Anuman*. Phra Cedi. Bangkok, 1953.
791. *Rajadhon Phya Anuman*. Fertility Rites in Thailand. — JSS. 1960, vol.48, pt.2.
792. *Rajadhon Phya Anuman*. Life and Ritual in Old Siam. New Haven, 1961.
793. *Rajadhon Phya Anuman*. Some Siamese Superstitions About Trees and Plants. — JSS. 1960. vol.49, pt.1.
794. *Rajanubhab Damrong, prince*. Histoire de Bouddhisme au Siam. — Extrême Asie. 1927, № 4.
795. *Pawlinson H.G.* Intercourse between India and the Western World. Cambridge, 1916.
796. *Reinaud J.* (Ed.). Relations de voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et la Chine dans le XII-e siècle de Père chrétienne. T.I—II. P., 1845.
797. *Reinaud J.T.* Relations politiques et commerciales de l'Empire Romain avec l'Asie orientale. P., 1863.
798. *Renou L.* La Géographie de Ptolemée. L'Inde. VII, 1—4. P., 1925.
799. *Resink G.J.* Indonesian History between the Myths. The Hague, 1968.
800. *Rhodes A.* Histoire du royaume de Tunquin. P., 1646.
801. *Ribadeneira M. de.* Historia del Archipelago y otros reynos. Vol.I. Manila, 1970.
802. *Richard.* Histoire naturelle, civile et politique du Tonkin. T.I—2. P., 1778.
803. *Rispaud J.* Les noms à elements numériques des principautés Tai. — JSS. 1937, vol.29, pt.2.
804. *Sahai S.* Les Institutions politiques et l'organisation administrative du Cambodge ancien. P., 1970.
805. *Sam-Nhean.* The History of Buddhism in Cambodia. [Б.м.], 1957.
806. *Sandhu K.S.* Early Malaysia: Some Observations on the nature of Indian Contacts with Pre-British Malaya. Singapore, 1973.
807. *Sarasin F.* Prehistorical Researches in Siam. — JSS. 1933, vol.26.

808. *Sarkar H.Bh* (Ed.). *Corpus of the Inscriptions of Java (Up to 928 A.D.)*. Vol.I—II. Calcutta, 1971—1972.
809. *Sarkar Kalyan*. *Mahayana Buddhism in Fu-nan*. — *Sino-Indian Studies*. 1955, vol.V, № 1.
810. *Sarkar Kalyan*. *The Earliest Inscription of Indo-China*. — *Sino-Indian Studies*. 1956, vol.V, № 2.
811. *Saurin E*. *Outillage hoabinhien à Giap Khau Port-Coubert (Nord Viêt-Nam)*. — *BEFEO*. 1957, t.48.
812. *Sauvaget J*. «*Ahbar as-Sin wal-Hind*», *relation de la Chine et de l'Inde, redigée en 851*. P., 1948.
813. *Schnitger F.M*. *The Archaeology of Hindoo Sumatra*. Leiden, 1937.
814. *Schnitger F.M*. *Forgotten Kingdoms in Sumatra*. Leiden, 1964.
815. *Schrieke B*. *Indonesian Sociological Studies. Selected Writtings*. Vol.I—II. Bandung, 1957—1960.
816. *Schuster C*. *Head-Hunting Symbolism on the Bronze Drums of the Ancient Dongson Culture and in the Modern Balkans*. — *Actes du IV Congr. Intern, de Sciences Anthropologiques et Etnologiques*. Vol.II. P., 1952.
817. *Scott J.G*. *Burma from the Earliest Times to the Present Day*. N.Y., 1924.
818. *Seidenfaden E*. *The Thai People. Book I. The Origins and Habitats of the Thai Peoples with a Sketch of Their Material and Spiritual Culture*. Bangkok, 1960.
819. *Sejarah Malayu or Malay Annals*. — *JRASMB*. 1952, vol.25, pt.2—3.
820. *Sharan M.K*. *Studies in Sanskrit Inscriptions of Ancient Cambodia*. New Delhi, 1974.
821. *Shorto H.L*. *A Dictionary of the Mon Inscriptions from the Sixth to the Sixteenth Centuries*. L., 1971.
822. *Siam Society*. *Fiftieth Anniversary Commemorative Publication*. Vol.1—2. Bangkok, 1954.
823. *Siam Society*. *Felicitation Volumes of Southeast Asian Studies*. Vol.1—2. Bangkok, 1965.
824. *Siamananda R*. *A History of Thailand*. P., 1981.

825. *Sidhanta N.K.* The Heroic Age of India. L., 1929.
826. *Skeat W.W.* Malay Magic Being An Introduction to the Folklore and Popular Religion of the Malay Peninsula. L., 1900.
827. *Slametmuljana.* A Story of Majapahit. Singapore, 1976.
828. *Slavery, Bondage and Dependency in Southeast Asia.* N.Y., 1983.
829. *Smith H.E.* Historical and Cultural Dictionary of Thailand. Metuchen (N.Y.), 1976.
830. *Soekmono R.* Early Civilisations of Southeast Asia. — JSS. 1958, vol.46, pt.1.
831. *Soekmono R.* Archaeology and Indonesian History. — Indonesian Historiography. Ithaca, 1965.
832. *Solheim W.G. II.* The Kalanay Pottery Complex in the Philippines. — AA. 1958, vol. 20, № 1.
832. *Solheim W.G. II.* Archaeology of the Central Philippines. Manila, 1964.
833. *Solheim W.G. II.* Pottery Manufacture in Sting Mar and Bang Nong Sua Kin Ma. Thailand. — JSS. 1964, vol.52, pt.2.
834. *Solheim W.G. II.* Prehistoric Archaeology in Thailand. — Antiquity. 1966, vol. 40.
835. *Solheim W.G. II.* Moulds for Bronze Casting Found in N.E. Thailand. — JSS. 1967, vol.55, pt.1.
836. *Solheim W.G. II.* Notes on Pottery Manufacture Near Luang Prabang, Laos. — JSS. 1967, vol.55, pt.1.
837. *Solheim W.G. II.* Southeast Asia and the West. — Science. 1967, vol.157.
838. *Solheim W.G. II.* Early Bronze in Northeastern Thailand. — Current Anthropology. 1968, № 9.
839. *Solheim W.G. II.* Reworking Southeast Asian Prehistory. — Paideuma. Bd.XV. Wiesbaden, 1969.
840. *Solheim W.G. II.* An Earlier Agricultural Revolution. — Scientific American. N.Y., 1972, vol.206, № 4.
841. *Solheim W.G. II.* Prehistoric Pottery of Southeast Asia. — Early Chinese Art and its Possible Influence in the Pacific Basin. N.Y., 1972.

842. Some Problems of the Cultural History of Southeast Asia. Hanoi, 1979.
843. *Soni R.L.* A Cultural Study of the Burmese Era. Mandalay, 1955.
844. *Sørensen P.* The Thai-Danish Prehistoric Expedition 1960—1962. — Folk. Kobenhavn, 1962, vol.4.
845. *Sørensen P.* North-South Indications of a Prehistoric Migration into Thailand. — East and West (New Series). Rome, 1963, vol. 14, № 3—4.
846. *Sørensen P.* Ban Kao. — JSS. 1964, vol.52, pt.1.
847. *Sørensen P.* The Neolithic Cultures of Thailand (and North Malaysia) and their Lungshanoid Relationship. — Early Chinese Art and its Possible Influence in the Pacific Basin. N.Y., 1972.
848. *Sørensen P.* Prehistoric Iron Implements from Thailand. Copenhagen, 1974.
849. Southeast Asian History and Historiography (Essays Presented to D.G.E.Hall). Ithaca, 1976.
850. Southeast Asian Tribes, Minorities and Nations. Vol. I—II. Princeton, 1967.
851. *Srikasibhanda S.* Le Pouvoir royal a la Thailand. Caen, 1940.
852. *Stapel F.W.* (ed.) Geschiedenis van Nederlandsch-Indie. Vol.1. Amsterdam, 1938.
853. *Stein R.A.* Le Lin-yi. — Han-Riue. Peking, 1947, vol.2, pt.1—3.
854. *Stern P.* Le Bayon d'Angkor et l'évolution de l'art Khmer. P., 1927.
855. *Stewart J.A.* Kyakse Irrigation, Side-Light on Burmese History. — JBRS. 1921, vol.1 2.
856. *Stohr W., Zoetmulder P.* Die Religionen Indonésiens. Stuttgart, 1965.
857. *Stot W.* The Expansion of the Nan-Chao Kingdom between the Years A.D. 750—860. — TP. 1963, vol. 50.
858. Studies in the Social History of China and South-East Asia. Cambridge, 1970.

859. *Stutterheim W.F.* Note on Cultural Relations between South India and Java. — TBG. 1939, vol.LXXIX.
860. *Stutterheim W.F.* Studies in Indonesian Archaeology. The Hague, 1956.
861. *Subhadradis D.* Muang Fa Daed. An Ancient Town in North East Thailand. — AA. 1956, vol. 19.
862. *Suggs R.C.* The Island Civilizations of Polynesia. N.Y., 1960.
863. *Takakasu J.* A Record of the Buddhist Religion as Practised in India and the Malaya Archipelago (671—695 A.D.) by I-Tsing. Oxf., 1896.
864. *Tcheo Ta-kuan.* Mémoire sur les coutumes du Cambodge. — BEFEO. 1902, t.II.
865. *Terwiel B.J.* Monks and Magic. An Analysis of Religious Ceremonies in Central Thailand. L., 1965.
866. *Than Tun.* Religion in Burma A.D. 1000—1300. — JBRS. 1959, vol. 52, pt.2.
867. *Than Tun.* Religious Buildings of Burma A.D. 1000—1300. — JBRS. 1959, vol. 52, pt.2.
868. *Thanh-Lu'ong.* Histoire resumée du Viet Nam. Hanoi, 1955.
869. *Tibbets G.R.* Pre-Islamic Arabia and South-East Asia. — JRASMB. 1956, vol.29, pt.3.
870. *Tichelman F.* The Social Evolution of the Indonesia: The Asiatic Mode of Production and its Legacy. The Hague, 1980.
871. *Tin Maung.* Derivation of Ari. — JBRS. 1919, vol. 9.
872. Traditional Cultures in South-East Asia. Bombay, 1968.
873. Traditional Viet-Nam. Hanoi, 1969.
874. *Tran van Giap.* Le bouddhisme en Annam des origines au XIIIe siècle. — BEFEO. 1932, t.32.
875. *Truong Vinh Ky P.* Cours d'histoire annamite. Vol.1—2. Saigon, 1875.
876. *Tweedie M.W.F.* The Stone Age in Malaya. — JRASMB. 1953, vol.26, pt.2.
877. *Tweedie M.W.F.* Prehistoric Malaya. Singapore, 1965.

878. *Viêt-Nam: A Historical Sketch*. Hanoi, 1974.
879. *Viravong Maha Sila*. History of Laos. N.Y., 1964.
880. *Vlekke B.H.M.* The Story of the Dutch East Indies. Cambridge (Mass.), 1946.
881. *Vlekke B.H.M.* Nusantara. A History of Indonesia. The Hague and Bandung, 1959.
882. *Vliet J. van*. Description of Kingdom of Siam. — JSS. 1910, vol.7, pt.I.
883. *Vogel J.P.* The Yupa Inscriptions of King Mulavarman from Kotei (East Borneo). — BKI, 1918, t.74.
884. *Vogel J.P.* Het Koninkrijk Crivyaya. — BKI. 1919, t.75.
885. *Voyages des pèlerins bouddhistes: des religieux éminents qui allèrent chercher la loi dans les pays de L'Occident, mémoire composé à l'époque de la grande dynastie T'ang par I-tsing*. P., 1894.
886. *Wales H.G. Quaritch*. Siamese State Ceremonies. Their History and Function. L., 1931.
887. *Wales H.G. Quaritch*. A Newly Explored Route of Ancient Indian Cultural Expansion. — Indian Art and Letters. 1935, vol.9.
888. *Wales H.G. Quaritch*. The Exploration of Sri Deva, An Ancient City in Indochina. — Indian Art and Letters. 1936, vol. 10.
889. *Wales H.G. Quaritch*. Towards Angkor. L., 1937.
890. *Wales H.G. Quaritch*. Some Notes on the Kingdom of Dvaravati. — JGIS. 1938, vol.5.
891. *Wales H.G. Quaritch*. Archaeological Researches on Ancient Indian Colonization in Malaya. — JRASMB. 1940, vol. 18, pt.I.
892. *Wales H.G. Quaritch*. Aniruddha and the Thaton Tradition. — JRAS. 1947, pt.I.
893. *Wales H.G. Quaritch*. Further Work on Indian Cities in Malaya. — JRASMB. 1947. vol.20, pt.I.
894. *Wales H.G. Quaritch*. The Making of Greater India (A Study in South-East Asian Culture Change). L., 1951.

895. *Wales H.G.* Quaritch. Ancient South-East Asian Warfare. L., 1952.
896. *Wales H.G.* Quaritch. The Mountain of God. L., 1953.
897. *Wales H.G.* Quaritch. Prehistory and Religion in South-East Asia. L., 1957.
898. *Wales H.G.* Quaritch. An Early Buddhist Civilization in Eastern Siam. — JSS. 1957, vol.44, pt.1.
899. *Wales H.G.* Quaritch. Angkor and Rome. A Historical Comparison. L., 1965.
900. *Wales H.G.* Quaritch. Ancient Siamese Governement and Administration. N.Y., 1965.
901. *Wales H.G.* Quaritch. Dvaravati in South-East Asia Culture History. — JRAS. pt.1—2.
902. *Wales H.G.* Quaritch. The Indianization of China and of South-East Asia. L., 1967.
903. *Wales H.G.* Quaritch. Dvaravati. The Earliest Kingdom of Siam (6th to 11th cent. A.D.). L., 1969.
904. *Wales H.G.* Quaritch. Early Burma-Old Siam. L., 1973.
905. *Walker G.B.* Angkor Empire. Calcutta, 1960.
906. *Wang Gungwu.* The Nanhai Trade, A Study of the Early History of Chinese Trade in the South China Sea. — JRASMB. 1958, vol. 31, pt.2.
907. *Warmington E.H.* The Commerce between the Roman Empire and India. Delhi, 1974.
908. Warnenska M. Gdy Budda Siegnal po bron. Warszawa, 1977.
909. *Wheatly P.* The Malay Peninsula as Known to the Chinese of the Third Century A.D. — JRASMB. 1955, vol.28, pt.1.
910. *Wheatly P.* Geographical Notes on Some Commodities Involved in Sung Maritime Trade. — JRASMB. 1959, vol.32, pt.2.
911. *Wheatly P.* The Golden Khersonese. Kuala Lumpur, 1961.
912. *Wheatly P.* Impressions of the Malay Peninsula in Ancient Times. Singapore, 1964.

913. *Wheatly P.* Desultory Remarks on the Ancient History of the Malay Peninsula. Berkeley, 1965.
914. *Wheeler I.T.* A Short History of India and of the Frontier States of Afganistan, Nepal and Burma. L., 1880.
915. *Wheeler R.E.* Rome Beyond the Imperial Frontiers. L., 1955.
916. *Williams-Hunt D.R.* Recent Archaeological Discoveries in Malaya (1951). — JRASMB. 1952, vol.25, pt.I.
917. *Willoguet G.* Histoire de Philippines. P., 1961.
918. *Winstedt R.O.* Slab-Graves and Iron Implements. — JRASMB. 1941, vol.19, pt.I.
919. *Winstedt R.O.* The Malays. A Cultural History. L., 1950.
920. *Winstedt R.O.* Malay Magician Being Shaman, Saiva and Sufi. L., 1951.
921. *Winstedt R.O.* Malaya and its History. L., 1966.
922. *Winstedt R.O.* A History of Malaya. Kuala Lumpur, 1968.
923. *Wolbers J.* Geschiedenis van Java. T.I—2. S'Gravenhage, 1868—1869.
924. *Wolters O.W.*, Chen-li-fu. A State on the Gulf of Siam at the Beginning of the 13th Century. — JSS, 1960, vol.48, pt.2.
925. *Wolters O.W.* Srivijayan Expansion in the Seventh Century. — AA. 1961, vol.24, № 1.
926. *Wolters O.W.* A Note on the Capital of Srivijaya During the Eleventh Century. — Essays Offered to G.H.Luce. Ancona, 1966.
927. *Wolters O.W.* Early Indonesian Commerce. Ithaca, 1967.
928. *Wolters O.W.* The Fall of Srivijaya in Malay History. Ithaca, 1970.
929. *Wolters O. W.* Northwestern Cambodia in the Seventh Century. — Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1974, vol.37, № 2.
930. *Wolters O. W.* Khmer «Hinduism» in the Seventh Century. — Early Southeast Asia. N.Y. — Kuala Lumpur, 1979.

931. *Wolters O.W.* Studying Srivijaya. — JRASMB. 1979, vol.52, № 2.
932. *Wolters O.W.* History, Culture and Religion in Southeast Asian Perspectives. Singapore, 1982.
933. *Wood W.A.R.* A History of Siam from the Earliest Times to the Year 1781. Bangkok, 1933.
934. *Woraster D.C.* The Philippine. Past and Present. N.Y., 1930.
935. *Zafra N.* Readings in the Philippines History. Manila, 1956.
936. *Zaide G.F.* Philippine Political and Cultural History. Vol. I. Manila, 1950.
937. *Zaide G.F.* History of the Philippine People. Manila, 1959.
938. *Zaide G.F.* The Pageant of Philippine History. Vol. I. Manila, 1979.
939. *Zainuddin A. A.* Short History of Indonesia. Clayton, 1968.

Список сокращений

- АЭС — Африканский этнографический сборник. Л.
ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Вопросы истории. М.
ВИМК — Вопросы истории мировой культуры. М.
ВМУ — Вестник Московского университета. М.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИНА — Краткие сообщения института народов Азии АН СССР. М.
КСИЭ — Краткие сообщения института этнографии АН СССР. М.
НАА — Народы Азии и Африки. М.
СА — Советская археология. М.
СВ — Советское востоковедение. М.
СИНВ — Страны и народы Востока. М.
СИЭ — Советская историческая энциклопедия. М.
СМАЭ — Сообщения музея антропологии и этнографии. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии. М.
АА — *Artibus Asiae. Ancona.*
BEFEO — *Bulletin d'Ecole Française d'Extrême-Orient. Saigon.*
BKI — *Bijdragen tot de Taal-, Landen Volkenkunde van Nederlandsch-Indië, uitgegeven door het Koninklijk Instituut van Nederlandsch Indië. S'Gravenhage.*
CEFEO — *Cahiers d'Ecole Française d'Extrême-Orient. Saigon.*
JA — *Journal Asiatique. P.*
JAS — *Journal of Asian Studies. N.Y.*
JAOS — *Journal of the American Oriental Society. N.Y.*
JBRS — *Journal of the Burma Research Society. Rangoon.*
JGIS — *Journal of the Greater India Society. Calcutta.*

JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society. L.
JRASMB — Journal of the Royal Asiatic Society. Malayan
Branch. Singapore.
JSEAH — Journal of Southeast Asia History. N.Y.
JSS — Journal of the Siam Society. Bangkok.
TBG — Tijdschrift voor Indische Taal-, Land-en
Volkenkunde uitgegeven door het Bataviaasch Genootschap
van Kunsten en Wetenschappen. Batavia.
TP — T'oung Pao. Leiden.

Summary

E.O.Berzin's monography, Southeastern Asia from the Earliest Epochs till the 13th Century ^[15], describes the initial period of history of Southeastern Asia: since the time when a human society first emerged there till the Mongolian invasion of the 13th century. The whole period can be divided into the following stages:

1. Before the 2nd—1st millenia B.C. — the epoch of tribal society.

2. The 1st millenium B.C. — class societies and states emerge in the region.

3. The 1st—6th centuries A.D. — the period of the highest cultural integration of Southeastern Asia on the basis of various cultural elements of Indian Origin shared by a great number of small independent states. During this period different forms of religion (Buddhism of Theravada and Mahayana, Shivaism, Vishnuism) were spreading over the entire region more or less evenly. There were no apparent rivalry between them as yet. Cultural image of all the countries of Southeastern Asia (except for Northern Vietnam belonging to the Far Eastern cultural sphere) could be estimated as uniform. Integration of the entire region was at that moment maximal.

4. In the 7th—10th centuries the process of integration of Southeast Asian countries is replaced by the process of accelerating disintegration. Empires emerge throughout the region, each of which seeks to unify its subject territories, implanting there the only state religion, whose rites substantiate claim of the monarch of this or that empire to the «world leadership». Thus the Srivijaya empire, holding sway over Western Indonesia and Malaysia, strived to spread Buddhism of the Mahayana school and opposed the East Javanese empire where Hinduism had become official religion. The Cambodian empire, controlling most of Eastern

and Central Indochina, pitted its Hinduism (mostly in the guise of Shiva's cult) against Buddhism of the Theravada school which had become the principal religion of Burma and in the Mon countries controlled by it. There was also a confrontation between Cambodia and Srivijaya. In the long run, none of the four main empires of Southeastern Asia succeeded in becoming a dominant power of the region. Therefore cultural disintegration and political confrontation associated with it became the chief phenomena of the epoch.

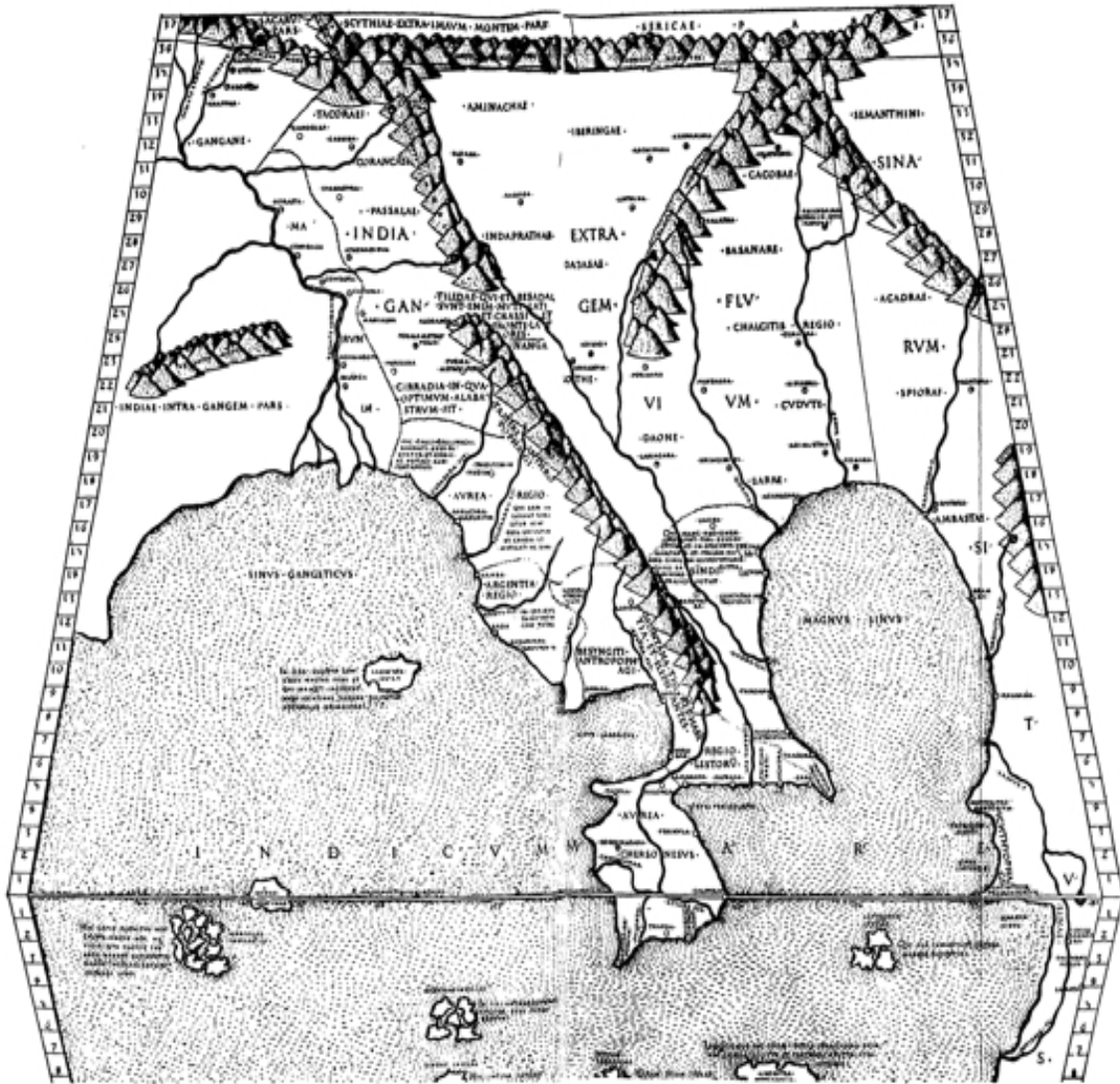
5. The 11th—13th centuries were the heyday of the early class states of Southeastern Asia, after which decline and fall were not long in coming. The fruitless struggle of the four powers for hegemony brought about general catastrophe — though military exhaustion of the rivals had not been the only cause thereof. General conditions in the world had undergone significant changes by the 13th century, and the role of Southeastern Asia in international trade became much more prominent. Development of market-based relations compelled the local feudals to try gaining more surplus products, therefore exploitation of the immediate producers of material goods grew more severe. At the same time, social structure of most Southeast Asian countries was best suited for natural economy (with the single exception of Srivijaya — but that country fell into decay as a result of unsuccessful wars). A considerable part of surplus products was spent on temple construction and sustenance of the numerous clergy. When new «weight» was added to the already heavy burden of exploitation, nothing could prevent social explosion that swept away the old-type states. The Mongolian invasion of the Southeast Asian countries merely aggravated the crisis that had already begun.

The total crisis of the states of Southeastern Asia in the 13th century led to the fall of virtually all large state formations in the region. They were supplanted by the new-

type states of a less complicated structure. But that was the initial simplicity of a new turn of history — the simpler and stronger structures were in all probability going to become more and more complicated in the course of time, to accumulate inner defects and perish. Different sides of this complex many-century process are considered in the monograph, different countries of the region being used as illustrations.

Карта 2. Азия согласно Птолемию. Около 140 г. н.э.

О бумажном издании

Содержание

Вместо введения — 3

Глава I. От первобытного общества к первым государствам — 4

Доклассовое общество — 4

Возникновение классового общества — 7

Античные и византийские свидетельства о Юго-Восточной Азии — 10

Индийские свидетельства о древней Юго-Восточной Азии — 28

Китайские свидетельства о древней Юго-Восточной Азии — 30

Глава II. Вьетнам — 35

Первые государства во Вьетнаме — 35

Вьетнам с конца II в. до н.э. до начала X в. н.э. — 38

Вьетнам в X в. — 49

Вьетнам в XI в. — 60

Внешняя политика Вьетнама в XI—XII — 68

Упадок вьетнамского государства во второй половине XII — начале XIII в. — 76

Агония династии Ли — 91

Глава III. Камбоджа — 98

Возникновение государства Фунань (Бапном) — 98

Подъем и падение империи Бапном — 103

Государство Ченла (середина VI — начало VIII в.) — 115

Ангкорская Камбоджа в IX—X вв. — 134

Ангкорская Камбоджа в XI—XIII вв. — 147

Глава IV. Таиланд — 161

Первые государства на территории Таиланда — 161

Царства Дваравати и Харипунчайя — 165

Глава V. Нусантара — 178

Ранние государства — 178

Империя Шривиджайя — 186

Царство Шайлендров на Яве и ранний Матарам — 191

Нусантара в XI—XIII вв. — 195

Глава VI. Бирма — 199

Легендарная история Бирмы и вопросы хронологии — 199

События в Бирме в VIII—IX вв. сообразно исправленной датировке — 214

Бирма III—VII вв. по «Хронике Зеркального дворца» — 230

Примечания — 238

Приложение. Источники по истории Юго-Восточной Азии до XIII в. — 244

Литература — 314

Список сокращений — 343

Summary - 345

Берзин Э.О.

Б48

Юго-Восточная Азия с древнейших времен до XIII в. —
М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН,
1995. — 349 с.

ISBN 5-02-017713-X

Автор заново открывает многие страницы истории Юго-Восточной Азии, используя большой, часто впервые привлекаемый корпус источников — местных летописей, надписей, сведений античных, византийских, арабских, индийских и китайских авторов.

0503010000-
Б 035 _____ Без объявления
013(02)-95

ББК 63.3(0)3

Научное издание

Берзин Эдуард Оскарович
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ
с древнейших времен до XIII века

Утверждено к печати

Институтом востоковедения РАН

Редактор М.Н.Брусиловская

Младший редактор Л.В.Исаева

Художник Н.П.Ларский

Художественный редактор Б.Л.Резников

Технический редактор М.Г.Гущина

Корректор А. А. Артамонова

ЛР № 020910 от 02.09.94
ИБ № 17280

Сдано в набор 25.07.94
Подписано к печати 27.07.95
Формат 60x90 ¹/₁₆. Бумага офсетная
Печать офсетная. Усл. п. л. 22,0
Усл. кр.—отт. 22,0. Уч.—изд. л. 23,4
Тираж 1000 экз. Изд. № 7606
Зак. № 183. С—1

Издательская фирма
«Восточная литература» РАН
103051, Москва К—51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН 107143,
Москва Б—143, Открытое шоссе, 28

---

* Санскр. — Таккола.

** На пали — Супанна, совр. Супан.

[1] Ху — северные иноземцы, в данном случае — жители Центральной Азии.

[2] Между 41—54 н.э.

[3] До III в. н.э. Римская империя формально была республикой.

[4] 46—50 м.

[5] От 4,6—5 до 6,9—7,5 м.

[6] Около 1 тыс. т.

[7] 2,3—2,5 м.

[8] В других источниках говорится, что это делают, опасаясь, что корабль притянет магнитная гора.

[9] В качестве контрмеры против заклятия формулу его можно было стереть с камня, на котором она была написана, заменить на формулу благословения или, наконец, изъять весь камень со всей надписью.

[10] На санскрите: *садхукара* (сатоцзяло) — податель благ или, более вероятно, *сардхакара* — соратник; *дханада* (тоната) — распределитель хороших вещей; *кармика* (цзялимицзя) — агент; *кулапати* (цзюломоди) — глава семьи; *наяка* — вожатый, вожак; *пати* (боди) — глава.

[11] Анекабала — *Великая сила*.

[12] Мае Мыанг — *Золото страны*.

[13] Ныне руины Ват Табан Хин.

[14] Очевидно, Ват Пра Бай Мыанг — здание в кхмерском стиле.

[15] This book opens the series (consisting of four volumes) of works by this author which embraces the precapitalist history of Southeastern Asia.

The works written and published by E.O.Berzin include: Southeastern Asia in the 13th—16th Centuries. Moscow, 1982; Southeastern Asia and the Expansion of the West in the 17th—Early 18th Centuries. Moscow, 1987.

In 1994 the author has completed the fourth volume treating the history of Southeastern Asia during the 18th—19th centuries.